

С.И. Валянский, Д.В. Калюжный

**Армагеддон завтра:
учебник для
желающих выжить**

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
В15

Серийное оформление и компьютерный дизайн Б.Б. Протопопова

Подписано в печать 12.01.06. Формат 84×108
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 130.

Валянский, С.

В15 Армагеддон завтра: учебник для желающих выжить / Сергей Валянский, Дмитрий Калюжный. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 475, [5] с.

ISBN 5-17-033264-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-1830-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-2831-9 (ООО «Транзиткнига»)

Армагеддон как ожидаемый конец света считается религиозным мифом.

Но вот и наука подтверждает: Армагеддон УЖЕ НАЧАЛСЯ.

Но подготовлен он не Богом, а человеком.

Что мы сделали с ПЛАНЕТОЙ?

Что мы сделали с собственным ОБЩЕСТВОМ?!

Что ждет нас ЗАВТРА?!

Авторы этой книги — известные специалисты по истории, политологии и социологии — отвечают на многие «проклятые вопросы» наших дней и показывают, какие варианты ближайшего будущего остались у человечества.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

© С. Валянский, 2006

© Д. Калюжный, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

*Не слепое противодействие прогрессу, но
противодействие слепому прогрессу.*

Предисловие

Будущее! Для большинства людей слово «будущее» — просто синоним слова «лучшее». Дети мечтают повзрослеть, потому что быть взрослым хорошо. Юноши и девушки грезят о времени, когда они, закончив обучение, станут высокооплачиваемыми специалистами, переженятся, нарожают детей и будут счастливы. Даже старики пребывают в мыслях о пенсии как о времени, когда они поживут наконец для себя.

Мировая лирика переполнена «светлым будущим». Любой учёный готов заявить, что как только внедрят его изобретение, так до изобилия и безопасности будет рукой подать. Точно так же никто из политиков не пообещает вам «тёмного будущего». Если и есть в их речах что-то «тёмное», то это непременно прошлое.

Посмотрим хотя бы на Россию. В.И. Ленин видел в «будущем» мировую революцию, которая принесёт братство и счастье всем трудящимся. И.В. Сталин строил могучий Советский Союз. М.С. Горбачёв полагал, что будущее — это когда «больше социализма». Б.Н. Ельцин звал в новый мир без социализма. В.В. Путин говорит, что Россия очень богатая страна, прежде всего минеральными ресурсами и прочими полезными ископаемыми, но её будущее — «безусловно, в высоких технологиях».

Каждый из них много сделал для реализации своих планов и хоть чего-то, но добился. И всё же приглядимся повнимательнее: мировой революции не произошло, братства нет, могучего Советского Союза тоже; нет социализма, но нет и «светлого настоящего» без него. На втором сроке правления Пути-

на не видно никаких предпосылок развития в России высоких технологий: сырьевые отрасли страны, включая металлургию, дают 70 % ВВП, поглощая при этом 74 % инвестиций; сырьевая направленность очевидна. А люди продолжают верить в светлое будущее... И не только в России: по всему миру! Почему?

Представьте, что вы живёте в глухой деревушке на берегу реки. Как хорошо на том берегу! Там лес и там зверьё, грибы растут, и вообще хорошо. Эх, построить бы мост, и тогда наступит изобильное время!

И вот вы с огромными усилиями строите мост и начинаете осваивать богатства «того берега». Но вокруг вас целый мир! Прослышав, что появился новый путь к богатому лесу, в вашу деревушку набежали жители окрестных сёл. Древесина, мясо, шкуры, грибы и ягоды — всё пошло в торг, и довольно скоро вместо вашей патриархальной деревушки возник богатый город, но лес превратился в пустырь! А дальние жители «того берега», узнав о появлении богатого города, к которому с их стороны к тому же ведёт мост, пришли и захватили ваш город. И куда оно только подевалось, грезившееся в мечтах и, казалось, уже осуществившееся «изобильное время»!

Учёные веками продвигались всё дальше и дальше в познании тайн природы, и, скажем честно, наука и техника в самом деле улучшили жизнь человека по сравнению с первобытными временами. Люди научились собирать громадные урожаи, но теперь борются с опустыниванием земель. Наука вручила человеку новые источники энергии, но «приложением» к ним стала проблема уничтожения радиоактивных отходов и вполне реальная угроза ядерного терроризма. Наука подарила миру антибиотики, спасшие миллионы жизней, но тем самым был ускорен естественный отбор в мире микроорганизмов, что привело к появлению штаммов, устойчивых ко всем созданным препаратам, а значит, к новому витку опасности. Этот список легко продолжить.

Люди творчества от поколения к поколению создавали новые направления и стили, зарабатывали мастерство. Созданы выдающиеся произведения искусства и литературы! Они се-

годня в музеях, библиотеках и хранилищах «лучших фильмов всех времён и народов». А наработанное мастерство применяется при создании книг и фильмов, живописующих убийства и насилие. Культура этносов разрушена или исчезла навсегда; люди невежественны и озлоблены...

Философы и политики от века к веку предлагали всё более прогрессивные общественные идеи. Сколь гармонично были устроены каганаты, власть в которых принадлежала царям-священникам. Цепь каганатов протянулась во время оно вдоль всей Евразии — от Иберийского на западе до Уйгурского на востоке! Но затем возобладала идея разделения властей. И в самом деле, как это хорошо, когда Богу Богово, а кесарю кесарево! И что же? Плебс начал рубить головы королям, и в своё победное шествие по планете двинулась идея демократии. Кончается эта история, как все мы видим, быстрым делением на «чистых» и на «изгоев» и войной с «мировым терроризмом».

Во всех случаях улучшение, *упорядочивание* жизни людей в чём-то одном несёт хаос и разрушения в чём-то другом! Пришли времена, когда недовольство разливается повсюду, по всем классам и сообществам. До многих уже дошло, что «светлое будущее» неосуществимо.

Мы пишем о том, что происходит сегодня и что будет завтра.

Часть I
СИТУАЦИЯ НА ПЛАНЕТЕ

Истина рождается как ересь и умирает
как предрассудок.

Гегель

Планетарный кризис и грядущая катастрофа

Предупреждаем сразу: эту книгу читать *очень* трудно. И не столько потому, что излагаемая тема эмоционально тяжела для восприятия (поверьте, писать нам было тоже нелегко), сколько из-за того, что наша книга — научная, пусть и написана максимально популярно. То, что вы здесь прочтёте, НЕ результат оккультных озарений, или гадания на кофейной гуще, или толкования «божественных текстов», или досужего фантазирования. Перед вами результат анализа, выполненного на основе науки *хронотроники**. То есть здесь излагаются научные выводы. Отсюда и подзаголовок: «Учебник для желающих выжить». Да, это учебник. Читать любой учебник трудно, и всё же люди делают это. Человек берётся за учёбу, когда ему надо освоить какую-либо профессию или просто хочется получить диплом;

* *Хронотроника* — междисциплинарная наука, изучающая эволюцию общества во времени и пространстве, как систему взаимовлияния человека и природы, с целью нахождения оптимальных путей развития в условиях ограниченных ресурсов, на основе выявления объективных закономерностей в природе и обществе. Название науки — хронотроника — есть искусственное слово, которое можно перевести как «воссоздание, генерация времени»; этим названием мы хотели подчеркнуть, что при реконструкции процессов эволюции всегда присутствует определённая неоднозначность. Интересующихся отсылаем к книге С.И. Вальянского, Д.В. Калужного и И.С. Недосекиной «Введение в хронотронику». М.: АИРО-XX, 2001.

в общем, у него есть цель. А для чего читать *эту* книгу — трудную и тяжёлую?

Ответ на обложке: чтобы выжить.

Как во всяком учебнике, здесь тоже содержится материал, которого читатель заведомо не знает. То есть что-то знает, что-то нет. У разных людей разная подготовка; винить тут некого и не за что. Однако *тема настолько важна*, что освоить этот материал необходимо всем. Пусть понимая не всё; пропуская страницы или целые главы; оставляя многое «на потом»; но всем, кто желает выжить, освоить его надо. Кто не желает, может не напрягаться. А кто возьмёт на себя труд разобраться, что происходит с человечеством и что ожидает его в конце, тот из некоторых следующих глав узнает грядущую судьбу ленивых и нелюбопытных.

Обратите внимание: мы написали «*что* происходит с человечеством и *что* ожидает его в конце». Не *когда*, а *что*. В одной из глав будет сказано о возможностях научного прогнозирования, о том, что такое «горизонт прогноза», и о том, как можно делать общественные кризисы «вручную». Мы расскажем, как устроено общество; обещаем, иногда вы будете чувствовать «просветление в мозгах». Мы поведаем, что такое деньги и как *на деле* работает финансовая система; ничего подобного вы точно никогда не слышали и ни о чём подобном даже не подозревали.

Но начнём мы — причём прямо сейчас — с самого важного: с нашей живой природы. За три абзаца расскажем, как она устроена, и сразу возьмём быка за рога. И затем вы будете читать уже не отрываясь.

Ни живая природа, ни человечество, ни отдельные народы (которые являются объектами общественных наук) не представляют собой цельного монолита, и потому, изучая природу и общество, мы имеем дело с *дискретными системами*, то есть самостоятельными системами, разделёнными в пространстве. Помимо этого, природа и упомянутые объекты общественных наук существуют в *ограниченных временных интервалах*. Кроме того, для устойчивого их развития требуется *постоянный поток вещества и энергии*. Если этого не будет (если, например,

человека не кормить), то существование самого объекта станет невозможным, в отличие от объектов неживой природы.

Ну и, наконец, природа и человеческие сообщества не только всегда находятся в неравновесном состоянии, но и эволюционируют в условиях *ограниченных ресурсов*, а процессы их эволюции принципиально нелинейны. Из этого следует, что попытки прогноза будущего развития, как и попытки восстановления эволюции в прошлом (исторического развития), приводят к неоднозначности в силу свойственной нелинейным системам неустойчивости. А если процесс неустойчив, он может стать *необратимым во времени*. Простейший пример: невозможно наблюдать конус, долго стоящий на острие, хотя решение, соответствующее такому его «стоянию», существует. А когда он упадёт, то уж сам опять на остриё не встанет.

В процессе эволюции сложных систем есть этапы, когда эволюция более или менее предсказуема; их сменяют этапы хаотизации, когда возможности прогноза ограничены. Именно на этих этапах любое мелкое на первый взгляд событие может сбросить целые классы или народы в пропасть. То, что происходит сегодня, и есть глобальный этап хаотизации.

Планета Земля переживает глубокий кризис: биосфера не способна поддерживать существование шести миллиардов людей без угрозы для себя самой. И этот кризис обязательно разрешится глобальной трансформацией природы.

Возможностей или средств, чтобы избежать такого развития событий, у человечества нет. Давление людей на окружающую среду уже достигло пределов своего безопасного роста, и даже пределов возможностей биосферы, и превзошло их. Трансформация может наступить в любой момент, внезапно и неожиданно для большинства населения.

Этот кризис не есть что-то необычное, небывалое и, возможно, даже не конец истории. Он — просто отражение в условиях нашей жизни эволюционно жёсткого перехода развития человечества на другую ступень. Особенность его по сравнению со всеми предыдущими в том, что он подготовлен именно человеческой деятельностью: к нему привёл тот неоспоримый факт, что человек превосходит все живые существа и уме-

нием забирать из среды её ресурсы, и объёмом сброса своих отходов. А как реагируют экосистемы на сверхмерное потребление каким-либо видом живых существ своих ресурсов, уже давно хорошо изучено.

Начинается обычно с того, что популяции любых видов: бактерий, растений, животных, — попав в благоприятные условия, увеличивают свою численность по экспоненте взрывным образом. Рост численности с разгона переходит значение, соответствующее биологической ёмкости среды обитания вида, и продолжается ещё некоторое время.

Обедняя и разрушая среду обитания, избыточная по своей численности популяция в ходе экологического кризиса стремительно снижается в численности до уровня более низкого, чем деградировавшая ёмкость среды. Это называется *коллапсом*. После него среда постепенно восстанавливается, а вслед за этим обычно опять начинается рост популяции. После ряда переколебаний кризисов-коллапсов с уменьшающейся амплитудой наступает *стабилизация* — численность популяции и ёмкость среды приходят в соответствие между собой.

Иные варианты (кроме резкого колебания вида-потребителя в численности): миграция части особей в поисках свободных угодий либо приобретение видом способности использовать другие, ещё не истощённые ресурсы еды. Или исчезновение. Наша беда в том, что мигрировать нам некуда, а есть человек и так может всё, что угодно. Остаётся нам только резко «колебнуться» в численности. Или исчезнуть.

Поясним некоторые термины. *Ёмкость среды* — это когда учитывается не только, сколько особей может прокормить среда сейчас, но и сможет ли после этого она воспроизвести то же количество продукта. *Ресурс* — это сколько вообще особей может прокормить среда без расчёта на своё будущее восстановление. Пусть позже вся популяция этих обожравшихся особей даже вовсе исчезнет. Понятно, что численность любой популяции может превысить ёмкость среды (что вызовет кризис), но даже *попытка* превысить ресурс приведёт к катастрофе.

Кризис — это метастабильная ситуация, состояние неустойчивости: что-то назревает, но что?.. Кризис тянется иногда очень долго, изменения (из-за инерционности природных образований) накапливаются постепенно. А если они происходят медленно, то сообщества людей успевают к ним приспособиться. Такой эффект имеет математическое описание и называется достижением локальной устойчивости в условиях глобальной неустойчивости. Это подобно тому, как человек, скатывающийся по крутому склону оврага, цепляется за кусты и неровности почвы. Прицепившись к какому-то кусту, он приобретает иллюзию, что дела идут не так уж и плохо! Но в результате всё равно окажется на дне оврага в катастрофически неприглядном виде.

Катастрофа — это внезапное, почти мгновенное уничтожение существующих структур — любых структур: природных (виды растений и животных), технических, культурных или властных.

Никакая структура быть устойчивой вечно не может. Нет таких примеров во Вселенной. Действуя в соответствии с законами эволюции, люди, при всём своём разуме, совершенно бессознательно САМИ нарушают устойчивость, буквально подпиливая сук, на котором сидят. Разумеется, ни отдельный человек, ни всё человечество в массе своей не желает себе плохого, даже наоборот — все желают только хорошего, но эта «река» несёт нас туда, куда несёт.

Посмотрим на флору и фауну. Люди, кстати, тоже часть фауны. Так вот: многие тысячи видов растений и животных уже вымерли, и около 12,2 тысячи — на пути к вымиранию. Исследования показывают, что в случае исчезновения этих видов вымрут ещё примерно 6,3 тысячи видов, считающихся пока вполне благополучными. А их вымирание продолжит накручивать витки вымираний следующих видов, в том числе и человека, тем более что человек даже не вид, а популяция. Почему? Потому, что всё живое на нашей планете взаимосвязано через питание. Каждый вид животных питается только другим определённым видом животных или растений и ничего другого есть не может.

В 2001 году на Каспии произошёл массовый замор кильки, рыбёшки отравились отходами нефтедобычи. Погибло до половины всей кильки, а она принципиально важный компонент пищевой цепи организмов Каспийского моря; замор нарушил все взаимосвязи в здешней экосистеме. Пропала килька вовсе — исчезнут осетровые рыбы Каспия, и не только они. А годом раньше там же погибло более 30 тысяч тюленей; точных причин столь массовой гибели названо не было, все и так понимали, что «виновато» загрязнение моря в результате нефтедобычи. Ещё двумя годами раньше на берегах Каспия погибло около 10 миллионов птиц. Столь массовый мор за три года, и только на Каспии! Для кильки, тюленей и птиц это катастрофа, или как?..

Птицы, подобно людям, встречаются по всему земному шару, за исключением внутренних частей Антарктиды, в самых разных местностях и в самых различных климатических условиях. Их пример и нам наука: воробьёв ещё, может, и насчитываются десятки миллиардов особей, но некоторые виды птиц остались в природе в количестве от трёх до тридцати пар, как буревестник кахоу на Бермудских островах, белый американский журавль, белоспинный альбатрос в Японии, белоклювый американский дятел, калифорнийский кондор, японский ибис... А сотни видов исчезли навсегда.

Мы далеки от бесполезных сетований. Мы понимаем, что кризисы и катастрофы — необходимые элементы развития мира, постоянные спутники разрушающегося старого и возникающего нового, составные части единого процесса самоорганизации материи. Мы пишем об этом, потому что дело науки — понять, какими возмущениями в системе вызваны нарушения баланса, и если изменения не на пользу человеку, определить, к чему и как нам готовиться.

Вплоть до XIX столетия абсолютно все были уверены: человечество оказывает на природу лишь незначительное влияние. И понятно почему: скорость видообразования (формирования новых биологических видов) превышала скорость их исчезновения. Однако за два последних столетия всё стало иначе. К 1800 году количество исчезающих видов превысило

число появляющихся; далее процесс нарастал и достиг сейчас беспрецедентных пропорций. В 1996 году были опубликованы результаты подробного обследования состояния жизни животных на Земле: 25 % видов млекопитающих и земноводных, 11 % видов птиц, 20 % видов рептилий и 34 % видов рыб находятся на грани исчезновения. В 1998 году обследование состояния растительной жизни на Земле показало, что 6000 видов деревьев — а это 10 % от всех существующих видов — тоже практически исчезли с лица планеты.

Ускорение вымирания живых видов есть весьма важный сигнал. Дело в том, что при достижении динамической системой* состояния катастрофической неустойчивости большое значение приобретают внешние воздействия, так как абсолютно изолированных систем в природе не бывает. Если система сильно неустойчива (что и показывает ускорение вымирания), отклик её на сколь угодно малое воздействие с течением времени становится значительным. При этом реальная траектория изменений будет радикально отличаться от той, которую ожидали аналитики, потому что ни величину, ни направление исчезающе малых возмущений нельзя ни предсказать, ни измерить.

Это как маленький камень, вызывающий сход страшной лавины.

Неустойчивость системы даёт иное представление о *причине* явления. Обычно причина и следствие считаются явлениями одного порядка. Но в неустойчивых системах причина не в каких-то начальных возмущениях, а в самой неустойчивости системы. То есть не падение откуда-то маленького камушка стало *причиной* схода лавины; этой причиной изначально была неустойчивость снежной массы.

Нынешняя неустойчивость цивилизации и порождённый ею эколого-социальный кризис приобрели катастрофический

* *Динамическая система* — математический объект, соответствующий реальным системам (физ., хим., биол. и др.), эволюция которых однозначно определяется начальным состоянием и описывается системой Уравнений (дифференциальных, разностных, интегральных), допускающих существование на бесконечном интервале времени единственного решения для каждого начального условия.

характер от столкновения человечества с «внешними границами» природы.

Некоторые люди, из числа «уцепившихся за кустик», с трудом в это верят — но что поделаешь! Реальность такова, что если раньше человечество занимало лишь некоторую часть системы «природа», было одной из её «структур» и имело много места для своей экспансии, то теперь границы человечества и природы сошлись. Эра «пустого» мира закончилась; наступила эра «заполненного» мира — многие ресурсные пределы достигнуты.

В прошлом, когда присутствие человека в биосфере было незначительным, ограничителем роста был созданный им капитал. Теперь, после беспрецедентного увеличения этого капитала, ограничителем стал природный «капитал». Так, сегодня при лесоразработках добыча древесины определяется не числом и мощностью технических средств, применяемых для вырубки и вывозки леса и его переработки, а оставшейся территорией лесов. В нефтяной промышленности результат зависит не от мощности предприятий по добыче, транспортировке и переработке, а доступными запасами. Вылов рыбы определяется не количеством рыболовных судов и их мощностью, а репродуктивными возможностями популяций рыб.

Пример из газеты четырёхлетней давности:

*«Госкомрыболовства РФ недавно предложил ввести на какой-то период мораторий на лов рыбы в Охотском море. Связано это с тем, что там снижаются запасы рыбы, особенно минтая. Причины тому разные, прежде всего **переизбыток крупнотоннажных судов**, имеющих возможности вылавливать рыбу в больших объёмах. Видимо, промысел в этом районе на какое-то время целесообразно ограничить. Не потому ли этот самый минтай, который раньше за копейки покупали кошкам, стал стоить почти как кета или горбуша?»*

Цены на морепродукты действительно имеют устойчивую тенденцию к росту. Связано это и с тем, что в определённой степени сокращаются рыбные ресурсы. Рыба как ресурс становится и для рыбаков... дефицитом. Идёт настоящая борьба за то, чтобы получить квоты, выйти в море, поймать, обеспечить

производство, получить прибыль и т.д. Такова и общемировая тенденция. Рыба, являющаяся воспроизводящимся ресурсом, тем не менее из-за мощного добывающего пресса всё же сокращается в запасах»*.

Многие экспортёры сырья становятся их импортёрами. Коста-Рика и Малайзия импортируют древесину для своих деревообрабатывающих предприятий вместо экспорта, как было раньше, когда они вырубали свои тропические леса. В России лесоперерабатывающие предприятия севера европейской части (Коми, Мордовия, Кировская область) покупают лес в Красноярском крае; скоро, наверное, будут покупать в Финляндии, если там останется лес.

Есть ещё один ограничительный для экспансии человека фактор: рост затрат на очистку, восстановление и сохранение природных объектов. От этих затрат уже невозможно избавиться, и близится время, когда они будут составлять существенную часть себестоимости любой продукции. Отходы уже некуда девать, само их наличие начинает влиять на здоровье людей, а ведь от состояния здоровья зависит производительность труда, затраты на медицину, социальные выплаты и т.д.

Заметим, что накопление в среде отходов жизнедеятельности каких-либо организмов, отравляющих среду и исключающих возможность дальнейшего существования этих самых организмов, тоже не есть что-то необычное. Как и кризисы, и катастрофы, это нормальный механизм смены сообществ, называемой *сукцессией*. Слово происходит от латинского *successio* — преемственность и обозначает последовательную смену одних биоценозов другими на определённом участке среды. Этот процесс привёл когда-то к образованию первичных почв, благодаря ему же поныне происходит заселение растительными и животными организмами заброшенных сельхозугодий. Сукцессия вообще идёт постоянно и везде, в том числе из-за изменения среды: климата, водного режима и т.п. Ей помогает и деятельность человека, вырубаящего леса, ведущего распашку земель, выпас скота, осушение, орошение, строительство городов.

* Новая жизнь. 2001. № 7.

Например, замкнутые водоёмы превращаются в болота при зарастании вследствие недоразложения биомассы, произведённой водной растительностью. А болота, в которых часть биомассы накапливается в форме торфа, превращаются в лесные сообщества. И каждый раз формируется новая среда, непригодная для жизни тех, чьи отходы недоразложились: так, озёрные водоросли не живут в болотах, и рыбы тоже в них не живут. Кто не может уйти — гибнет, кто может — уходит. В любом случае это для них катастрофа. Их место занимают другие, кого устраивает «новая среда».

Всё это: вымирание нужных человеку животных и растений, падение продуктивности самых ценных для нас экосистем, нарушение биосферных круговоротов в силу производимых нами загрязнений — всё это может быть понято как действие «обратной связи» биосферного механизма, стремящегося ограничить численный рост человечества.

Профессор Олег Киселёв так и говорит: *«Матушка-природа неустанно заботится о появлении вирусов, которые нас убивают и тем самым не допускают, чтобы человечество «перегрузило» Землю...»**

Теория информации объясняет загадку. На протяжении всей своей истории люди пытались свести сложные явления к более простым, найти те «первокирпичики», из которых можно было бы построить всё остальное. А вот оказалось, что единство мира не в том, что он построен из одних и тех же первоэлементов, а в том, что весь он, от микромира до духовной сферы, развивается на основе единых принципов, по одному и тому же сценарию. И это показывает нам, что закономерности, согласно которым сменяются разнообразные природные объекты, действительны и для человека, который звучит гордо. Человек, насыщая окружающую его среду отходами своей жизнедеятельности — от углекислого газа и до радионуклидов, формирует «новую среду». Но с биосферой ничего плохого от этого не случится, а для нас места может не остаться.

Итак, причина возрастающей неустойчивости в том, что расширяющееся по степенному закону воздействие цивили-

* АиФ. 2005. № 14. С. 45.

зации на биосферу достигло пределов возможного роста. А неустойчивость, в свою очередь, станет причиной непредсказуемых перемен: среда обязательно изменится таким образом, что человечество как биологический вид существовать в ней не сможет. То есть биосфера будет деградировать до тех пор, пока не исчезнет цивилизация, не сумевшая согласовать свой рост и своё поведение с возможностями природы. Причём биосферная катастрофа может произойти и раньше достижения «края» какого-нибудь вида ресурсов, важных для выживания человека. Хотя по некоторым (например, по пресной воде) пределы уже достигнуты.

Сочетание основных кризисов (экологического, производственного, социального), вместе с пучком выходящих из них и параллельных с ними кризисов как бы «второго порядка», которым несть числа, есть системный кризис глобальной цивилизации, тупиковая ситуация в отношениях людей с природой и между собой. Человечество поставлено перед выбором: или фундаментально изменить эти отношения, или сгинуть, а как минимум — вернуться в доисторическую эпоху. Иначе говоря, либо мы перейдём к новым отношениям с природой, либо природа будет дальше жить без нас. Третьего не дано: Армагеддон завтра.

СУТЬ СЕГОДНЯШНЕГО КРИЗИСА

Мы заполнили всю сцену!
Остаётся влезть на стену!
Взвиться соколом под купол!
Сократиться в аскарида!
Либо всем, включая кукол, языком взбивая пену,
хором вдруг совокупиться, чтобы вывести гибрида.
Бо, пространство экономя, как отлиться
в форму массу,
кроме кладбища и кроме чёрной очереди к кассе?

Иосиф Бродский. «Представление»

Как устроено человечество

Начиная разбираться с ожидающей нас катастрофой, отложим ненадолго вопрос о природе в сторону. Поговорим об обществе. Любая катастрофа, как уже сказано, есть внезапное, почти мгновенное уничтожение существующих структур, в том числе общественных. Так вот, что такое эти «общественные структуры»? Подозреваем, что читатель в недоумении. Что ж, объясняем.

Общественные структуры — это формальные и неформальные объединения людей, образующие социальную систему. Как целостные части всей системы, они обладают устойчивыми связями и интересами, обеспечивающими сохранение основных свойств каждой из них во времени. Общественные структуры взаимопереплетаются, они дружат или враждуют между собой ради ресурса, но могут быть и нейтральными друг к другу.

Приведём примеры общественных структур, появившихся в ходе эволюции человечества. Это элементы культуры, в том числе язык, письменность и религии (следует различать *верования* и *церкви*; первые относятся к духовной сфере, вторые — к общественной). Это науки и системы образования, ремёсла и производство, рынок и финансы. Государство, в той или иной степени синхронизирующее всё перечисленное, имеет свои структуры: чиновничьи, армейские, полицейские. Причём интересы всех структур не тождественны интересу системы (сообщества в целом или отдельных его частей, стран и народов), но могут совпадать с ним в некоторых деталях.

Здесь мы опять обнаруживаем единство законов эволюции! Как и в живой природе, основная цель любой возникшей общественной структуры — её собственное выживание, для чего она использует все средства. Обычно отношения между разными структурами становятся антагонистичными, поскольку у них у всех один основной ресурс — люди, общество. Например, наука и армия конкурируют за студентов; они нужны им обоим. Если удобнее автономное развитие, без столкновения с «коллегами», структура будет существовать сама по себе; посмотрите на филателистов, им никто не нужен. Если для выживания выгодно сотрудничество, будут сотрудничать. Поразительно, но факт: в странах, создавших специальные подразделения по борьбе с наркоманией (например, в США), наркобизнес не только не пропал, а даже укрепился. И понятно почему: структуры наркоторговли и борьбы с ней сотрудничают, ведь если наркоманию удастся победить, структура борьбы с ней погибнет как ненужная, а её единственная цель — выживание!.. А в тех странах, где борьба с наркоторговлей возложена на полицию (например, в Италии), ситуация мягче.

Известно, что *популяции животных* эволюционируют через размножение особей; жизнь и смерть каждой из них определяются параметрами окружающей среды. Эта же среда привносит, опять же через отдельных особей, генетические изменения, нужные для выживания всей популяции. Эволюция *общественных структур* абсолютно аналогична этим процессам, только «окружающая среда» для них — сообщества

людей. Точно так же, кстати, эволюционируют *духовные*, в том числе *религиозные, воззрения*; для них «среда» — мысли людей.

Итак, деятельность структур проявляется через деятельность людей, но каждый человек, как самостоятельная целостная система, может быть объектом или субъектом множества из них. Для пояснения скажем, что человек может одновременно быть начальником на работе, рядовым жильцом дома, вкладчиком банка, потребителем информации или объектом манипуляций. Так он оказывается вовлечённым во множество пронизывающих друг друга структур единой системы.

Не мысли, знания, работа и мечты отдельного человека определяют эволюцию. Наоборот! Человек-то смертен, он рождается и воспитывается при определённом наборе структур, он их раб — процессы эволюции структур повелевают его мыслями, решениями и поведением.

В социальных системах действуют *процессы развития* как систем в целом, так и их отдельных структур*. Общественные структуры (как и всякие вообще структуры сложных систем — биологических и других) возникают на базе предыдущих и, в свою очередь, служат основой для последующих. Имеются и математические модели, описывающие эти процессы, но чтобы не усложнять изложения, мы не даём здесь математических выкладок.

Эволюция началась! Как же она идёт? Идёт она «пошагово», через два меняющих друг друга этапа. На первом увеличивается разнообразие возможных режимов существования и свойств структур. Это дивергентный этап, когда происходит «ветвление» (например, появляется множество религиозных сект или идейных течений внутри ортодоксальной церкви). На втором — конвергентном этапе разнообразие уменьшается, — из многих однотипных структур по всему функциональному спектру общества выделяется по одной, но система в целом совершенствуется, приспособляясь к данным условиям. Эти два типа самоорганизации чередуются, каждый из них подготавливает условия для другого.

* Теория об этих процессах разрабатывается наукой хронотроникой.

Случайное возникновение в процессе развития новых социальных систем — событие крайне маловероятное. Поэтому главная проблема теории — это вычисление пути развития без привлечения к объяснению событий всяких маловероятных случайностей. И вот оказывается, что если процесс происходит как череда двушаговых этапов, каждый из которых даёт некоторые эволюционные преимущества то одной, то другой структуре, то возникновение новых структур и изменение системы вполне объяснимы.

Подобную «двушаговку» вы можете увидеть всюду; внутри любой системы различные её структуры проходят эти самые этапы развития. Так возникла жизнь на Земле: сначала информация носилась над пустым океаном, и никакой кит не смог бы не только зародиться, а даже выжить, привези его хоть кто на космическом корабле; потом появились микроорганизмы и планктон — в этих условиях уже могли появиться те, кто питается планктоном... И так далее. Так развивались письменные языки. Религии. Искусства: скульптура, живопись, литература. Государства. Для человека это правило выражается в чередовании бодрствования и сна.

На первый взгляд все эти соображения выглядят излишне сложными. Разве могут они иметь отношение к заявленной теме: эколого-социальный кризис? Могут, причём самое прямое, и мы дальше будем говорить об этом ещё не раз, поскольку с такой точки зрения эволюция никогда не рассматривалась, терминология не отработана и воспринимать подобные тексты читателю трудно.

Попробуем применить теорию эволюции к религиозной историографии. Основная идея теории — это идея *отбора*, когда из нескольких равновероятных систем выживают лишь те, которые имеют какое-либо преимущество по сравнению с остальными. А если преимуществ нет? Что будет развиваться дальше, а что нет? Это уже случай *выбора*.

Итак, на дивергентной фазе развития возникло несколько первичных религиозных структур (или *подструктур*, если называть *полной структурой* целостную конфессию), и надо объяснить, что с ними произойдёт на конвергентной фазе эволю-

ции. В этот период историю определяет взаимодействие структур одного порядка, не имеющих преимуществ друг перед другом, но ведущих конкурентную борьбу, например, за влияние на власть или паству. Одновременно может идти борьба и внутри каждой структуры за какой-либо «ресурс»: должности, оклады, — но мы не будем её учитывать.

Стабильный результат получается только в том случае, если в борьбе победила одна структура. Второй вариант, когда они *все* погибают, создаёт неустойчивую ситуацию, так как после освобождения «жизненного пространства» оно снова может стать ареной битвы для новых церквей, пришедших, например, из-за границы, и в итоге победит одна из них. Возможен и третий вариант: борьба ни к чему не привела, и большинство сект выжило, — но это опять то же самое неустойчивое состояние; любая случайность может нарушить равновесие, борьба начнётся опять, и в результате всё равно останется только кто-то один. Кстати, пока одна *подструктура* борется с другой, она сама из-за внутренних противоречий может разделиться на две, а то и три, что и будет определять эволюцию в будущем.

Наша условная модель показывает, что вначале система смешанная, в ней присутствуют различные варианты *равных* структур, скажем, родовой моно- и политеизм, ведизм, шаманизм. Или язычество с обожествлением разных объектов: одна племя поклоняется дубу, другое — берёзе, третье — вообще камню. В результате взаимодействия между племенами в конце конвергентного этапа образуется одна «чистая» структура. Это непредсказуемый процесс *выбора*. При нём реализуется не обязательно наилучший с точки зрения достижения некоей цели вариант. Цели-то ведь никакой нет, просто идёт эволюция общества, а его структуры желают выживать.

Первоначальный *выбор* фиксирует условия для дальнейшего развития, а там приходит время и для *отбора*, который можно рассматривать как процесс усиления выбора, доведения его до конца. *Отбор* происходит, когда структуры перестают быть равнозначными по своим свойствам. Наивысшие шансы получают те, которые более приспособлены к данным условиям существования, то есть выживание одной из них предопреде-

лено лучшими начальными условиями, — такая ситуация аналогична тому, что в длительный период засухи выживут люди, популяция которых привычна к засухам, а в периоды длительных морозов — к морозам.

Мы здесь не учитываем ограничения в ресурсах! А в более реалистичном случае их следует учитывать, ведь, кроме идейных споров, все части общественного организма, в том числе религиозные, ведут ещё и конкурентную борьбу за ресурсы. Качественно это не прибавляет к нашим выводам ничего нового, однако наличие материального ресурса у богатых иноземцев, проходивших со своим товаром, например, через языческий Киев, давало изрядное преимущество их системе верований в глазах князя. А многочисленные религии «простого народа» естественно начинали рассматриваться властью как «отсталые». И так, за христианством стоял ресурс, интересный для власти; за язычеством — человеческий «ресурс», имевший колоссальное культурное прошлое.

Историки любят искать причины тех или иных событий. Но в случае *выбора* причина всегда только одна, а именно — нестабильность ситуации. Вот почему история ничему не учит; в период кризиса для следствий нет причин, кроме самого кризиса. Отпущенный в небо воздушный шарик полетит влево, если ветер подует справа, и наоборот. Он вообще может полететь в любую сторону. Ведь погода всегда нестабильна, а шарик не привязан. Полетев влево, он запутается в кустах. Полетев вправо, сгорит над костром. Или его ударит ветром о стену с гвоздем, и он лопнет. В чем ПРИЧИНА, что он, например, лопнул? В том, что неправильно был прибит гвоздь? Или виновен тот, кто не вовремя пустил его в небо? Нет, причина в нестабильности.

Стабилизация неравновесного состояния какой-то одной (любой) структуры возможна только за счёт роста энтропии (неупорядоченности) в окружающем пространстве, то есть в иных структурах. Социальные конфликты представляются наблюдателю движущей силой развития сообществ именно потому, что так сильные структуры обеспечивают своё выживание, свою стабильность за счёт слабых.

Все известные мировые религии, включая христианство, были подготовлены языческими мудрецами, волхвами. Откуда ещё-то взяться идеям, кроме как из развития предыдущих идей? Бесплезно рассуждать, какая религия хуже, а какая лучше. Каждая хороша на своем месте. Ведь системы верований развивались применительно к конкретному месту и культуре, причём **ОЧЕНЬ** долго. И за каждой стоит определённая идеология (как и за атеизмом, кстати). Протестанство — идеология личного успеха и конкуренции, и там, где оно возникло, результаты хорошие. Православие — идеология общины и совместного выживания, индивидуализм ему чужд. И результаты тоже хорошие, если судить по тому, что жили, страну держали и врагов бивали.

Проблема только в том, что за каждой религией (мировоззрением) стоит церковная структура со своими интересами, а за ней — чужое государство, и тоже со своими интересами. Со своими, не нашими. За красивыми богослужениями не видно очень многого! Согласимся: католики и протестанты Италии, Англии, Германии и Америки совершенно искренне желали и желают России добра. Точно так же искренне желали спасти от ада души индейцев христианские миссионеры во время колонизации той же Америки. Может, они и спасли их души, но целые племена американских индейцев исчезли с лица земли!

Теория эволюции показывает, что наличие нескольких равноправных религий делает ситуацию в стране неустойчивой, и непременно будет борьба, в которой *внешние возмущения* могут стать полезными для какой-то одной из них, не самой подходящей для данной страны. Иоанн Грозный теории эволюции не знал, но велел «церкви разных вер не ставить». Он эти «внешние возмущения» — постоянные войны с Польшей — хорошо понимал и без теорий. Позже польскому королю Сигизмунду и его сыну Владиславу, званному в Москву на царство, сказали: у нас костёлов не строить. Даже Димитрий I — польский ставленник, превратившись в русского царя, ни одного костёла не построил! Веками не пускали русские государи в Москву латинскую веру и с лютеранами боролись, понимая интуитивно, к чему это может привести: когда граница

между религиями размыта, общее духовное Состояние «не чистое»; страна и народ готовы подчиниться чужой воле.

Культура — вот синхронизирующий параметр в борьбе общественных структур. Как ни крути, а в любой стране должности в армейских, чиновничьих, промышленных и прочих кругах занимают люди одной культуры. А вот замена местных верований и языка тянет за собой её ликвидацию и зачастую уничтожает возможность существования национального государства. Например, в нашем сегодняшнем случае стабильное состояние России подорвано, и с какой идеологией страна придет к *новой* стабильности, сказать трудно. В теории такое промежуточное состояние называется мутацией. Развитие мутации в неустойчивой к помехам системе может привести к качественному изменению поведения людей, и процесс *отбора* вообще не будет иметь места, поскольку он сам в этой ситуации не помехоустойчив.

Подобные рассуждения можно привести для любых общественных процессов. Мало того, таким же образом жизнь социумов сопряжена с неизбежными разрушениями среды и с антропогенными кризисами. Борьба и компромиссы ради выживания имеются вообще в любой устойчивой неравновесной системе; она характерна даже для биологических организмов! Например, человек для своего биологического существования изымает из природы разные её элементы высокого качества, чтобы их съесть, а возвращает низкокачественные отходы, увеличивая энтропию окружающей среды. С другой стороны, противоречия между обществом и природой надстраиваются над столь же присущими миру противоречиями между живым и неживым веществом.

И во всех случаях, когда та или иная структура для своего поддержания создаёт вокруг себя слишком много «беспорядка», её развитие закономерно тормозится. Те же самые механизмы, которые обеспечивали ей относительно устойчивое состояние на прежнем этапе, оборачиваются своей противоположностью — опасностью катастрофического роста энтропии, и подобная структура либо гибнет, либо начинает функционировать менее разрушительно для окружения.

Вот мы и добрались до момента, когда кризис завершается катастрофой. В такой момент всякая структура при малом изменении внешних параметров приобретает некое отсутствовавшее раньше качество. Скажем, ещё вчера в Бостоне властвовала английская колониальная администрация, а вот уже и нет её, хотя, казалось бы, всего-то и сделали, что скинули в море мешки с чаем. Или: только что был социализм и власть ЦК КПСС, а уже сегодня нет ни социализма, ни КПСС. Чудеса! Один день прошёл, а мы, как любят писать журналисты, «уже живём в другом мире». В ходе развития структур такие события происходят постоянно; для всей системы они более редки.

Момент перехода от непредсказуемости к неизбежности, наступающей при приобретении системой нового качества, можно назвать *бифуркацией**. Здесь уместен пример с развилкой дорог: можно пойти по правой, можно по левой. Бифуркация становится определённой, когда человек окончательно выбрал одну из них и пошёл по ней. Так, подписание несколькими лицами соглашений в Беловежской Пуше в декабре 1991 года обозначило «развилку» (бифуркацию), но выбор конкретного пути — развала СССР — произошёл, когда Президент СССР М.С. Горбачёв согласился с этим решением. Лишь после этого во всех структурах системы начались соответствующие изменения, кончившиеся для СССР и КПСС катастрофой.

До подписания Беловежских соглашений развал СССР был непредсказуемым. Кто виноват? Горбачёв? Ельцин? Да за месяц до этого дня ни тому, ни другому развал Союза в кошмарном сне не приснился бы! Но после согласия Горбачёва не осталось возможности возврата, и развал стал неизбежным. Если бы Горбачёв сделал то, что был обязан сделать как глава государства, то есть арестовал заговорщиков и объявил все их решения незаконными, ликвидации Союза не произошло бы и

* *Бифуркация* (от французского *la bifurcation* — раздвоение) употребляется в широком смысле для обозначения всевозможных качественных перестроек или метаморфоз различных объектов при изменении параметров, от которых они зависят.

политическая эволюция нашей страны пошла бы иначе. Кстати, в этом и заключается роль личности в истории: в принятии решений в моменты бифуркации. Кризис всё равно разрешился бы катастрофой, но она могла быть не столь разрушительной для жизни людей и многих структур: образования, здравоохранения, социальной помощи...

Но давайте не будем забывать главного: эти наши «локальные» катастрофы (развал социалистического лагеря и СССР, войны в Европе, Азии и Африке, цепь валютно-финансовых крахов) лишь этапы в ходе глобального эколого-социального кризиса, вызванного истощением ресурсов и столкновением человечества с границами природы.

Нестабильные финансы

Финансы — та общественная структура, состояние которой наиболее ярко показывает, в сколь нестабильном и опасном мире мы живём.

Казалось бы, деньги, первоначально возникшие для сравнения результатов труда, — по чеканному определению Бернара Лиетара*, «соглашение в пределах сообщества об использовании чего-то, практически чего угодно, в качестве средства обмена» — и поныне должны сопровождать людей в их трудовой деятельности, облегчая учёт. Но эволюция финансовой системы привела к иному результату. Многочисленные фабрики день и ночь печатают деньги на станках, их явно стано-

* Д-р Бернар Лиетар (Bernard Lietaer), финансист и учёный. Разработал для транснациональных корпораций модель Global Carrence Menegement, или, иначе, алгоритм плавающего курса доллара. Консультировал правительства многих стран по вопросам устойчивости валют. Преподавал в США. Профессор Бельгийского университета по международным финансам. Возглавлял Департамент организации и планирования Центрального банка Бельгии. Участвовал в разработке программы введения евро. Один из руководителей международного семинара Interesting Free Money, региональных денег, «свободных от интереса (процента)». Автор книг «Душа денег» и «Будущее денег». В этой главе приводятся статистические данные и цитаты из книги Б. Лиетара «Будущее денег» (готовится к изданию КРПА «Олимп»), редактором перевода которой был один из авторов.

вится всё больше, но людей, которым денег не хватает, тоже становится больше!

Отчего деньги так нужны? Куда они деваются? Почему их вечно не хватает? Ведь было же время, когда они были вещью «естественной», как бы природной. Раковины и хвосты белок, бусинки, связки мидий, просто камушки или кружочки из металла — действительно, что угодно. Таких денег было столько, сколько надо. Но потом это «что угодно» как средство обмена объединилось с золотом как предметом накопления и превратилось в монстра, одинаково желанного и ужасного. В чём дело? Дело в том, что возникла *общественная структура*, добивающаяся только собственного роста и могущества и никак не желающая служить людям в стабилизации их отношений между собой.

Эта структура особенно быстро полезла в гору с появлением бумажных денег и воспарила в немыслимые прежде высоты после того, как одна специфическая национальная валюта, доллар США, стала глобальной валютой. Но причиной перемены «характера» денег и развития целой общественной структуры на их основе стал не материал, из которого их делали, и не цвет рисунка на банкнотах. Причина — в принципиальной неустойчивости одного из их параметров!

Те старинные «естественные» деньги *не содержали в себе процентной составляющей* и были саморегулируемыми. Когда золото стало всемирной валютой, процент был, в общем, уже хорошо известен, но во многих общинах, помимо золотых монет, применялись беспроцентные деньги, а то и деньги с *отрицательным процентом**. Эти тоненькие серебряные пластинки (брактеатные деньги) имели хождение ограниченное время (один год, например), а потом князь или король обменивал их из расчёта три новые пластинки за четыре старые, с выпуском дополнительных, за которые люди и отработывали на князя, то есть на государство. Кредит был беспроцентным, а деньги были всегда. Они не исчезали в сундуках банкиров!

Ближе к концу книги мы посвятим этой теме несколько глав, а пока посмотрим, что произошло с деньгами дальше. С начала XIV века такие деньги были отменены в пользу «обыч-

ных» денег. Потом в Англии в конце XVII — начале XVIII века, а затем и повсюду возобладали валюты, основанные на новых принципах. Сегодня их особенности воспринимаются как самоочевидные, но *тогда* это была сногсшибательная новинка. Вот они, эти особенности:

- 1) деньги в массе своей географически привязаны к национальному государству;
- 2) деньги «пустые», то есть созданы из ничего и не имеют никакого обеспечения драгметаллами или иными реальными ценностями;
- 3) деньги характеризуют долг банку;
- 4) деньги предусматривают выплату процентов.

Не станем уделять внимания первым трём особенностям. Было бы, конечно, интересно рассмотреть, как и почему вместо саморегулирующегося инструмента, служащего большинству, мы получили деньги, требующие активной регулировки центральными банками. Но нам представляется более важным показать роль *процента*.

Теперь уже забыто, что все основные религии мира запрещали ростовщичество, то есть любое получение процентов на деньги. Единственно, в иудаизме запрещалось обирать только своих единоверцев. Ислам стоит на запрете процентного роста до сих пор, хоть и приходится мусульманам как-то обходить этот вопрос во взаимоотношениях с неисламским миром. Есть об этом и у античных классиков. То есть о том, что процентная финансовая система разрушает социальный организм, люди знали издревле!

Ветхий Завет: *«...Если даёшь займы деньги своему брату, бедняку, никогда не поступай с ним, как ростовщик. Тебе не позволено облагать его процентами...»*

Евангелие от Луки: *«...И займы давайте, не ожидая ничего».*

Коран: *«...Аллах разрешил торговлю и запретил рост», «Уничтожает Аллах рост и выращивает милостыню».*

Второй Латеранский собор (1139): *«Кто берёт проценты, должен быть отлучён от церкви и принимается обратно после строжайшего покаяния и с величайшей осторожностью».*

Аристотель: «...Ростовщика ненавидят совершенно справедливо, ибо деньги у него сами стали источником дохода, а не используются для того, для чего были изобретены. Ибо возникли они для обмена товаров, а проценты делают из денег ещё больше денег...»

Мартин Лютер (1483—1546): «...Ростовщик и скряга — это и правда не человек; он и грешит не по-человечески... Отвратительнее он, чем любой враг и убийца-поджигатель. Потому если колесуют и обезглавливают уличных грабителей, убийц и преступников, то сколь же больше нужно сначала колесовать и пытаться всех ростовщиков».

Католическая церковь находилась в состоянии войны против «греха ростовщичества» вплоть до XIX столетия (а потом этот вопрос просто «замылила»). Из светских владык Генрих VIII первым в западном мире легализовал проценты в 1545 году, просто по факту.

Чтобы понять, в чём корни такого неприятия ростовщичества, рассмотрим последствия, наносимые начислением процентов.

1. Проценты косвенно стимулируют постоянную конкуренцию.

2. Они разгоняют потребность в бесконечном экономическом росте, даже когда фактический уровень жизни остаётся застойным.

3. Проценты концентрируют богатство, заставляя огромное большинство платить в пользу меньшинства.

Объясним по порядку с некоторыми неизбежными упрощениями:

1. *Стимулирование конкуренции.* Когда банк предоставляет вам ссуду в 100 тысяч долларов под заклад вашего дома, он создаёт деньги только в этой же сумме. Однако он ожидает, что вы в течение последующих двадцати лет выплатите ему 200 тысяч долларов. Если вы этого не сделаете, то потеряете свой дом. Ваш банк не создаёт процент; он посылает вас в мир бороться против всех и каждого, чтобы получить вторые 100 тысяч долларов. Так как все остальные банки делают то же самое, система требует, чтобы некоторые участники обанкроти-

лись, и тогда вы получите эти 100 тысяч долларов. То есть когда вы выплачиваете процент по своей ссуде, вы опустошаете чей-то счёт. Иначе говоря, фокус в том, что для функционирования системы банковского долга следует создавать деньги с дефицитом, а людей вовлекать в конкуренцию за новые деньги — которые никогда не были созданы! — и штрафовать их банкротством, если они не преуспеют.

2. *Потребность в бесконечном росте.* В динамическом представлении экономика, основанная на подобной денежной системе, подобна бешено крутящемуся мельничному колесу, которое между тем стоит на одном месте; она требует непрерывного движения (роста ВВП), даже если реальный уровень жизни людей остаётся застойным. Удивительно, что нужда в бесконечном росте экономики и денег никому не кажется неестественной, как и то, что наряду с этим «ростом» сохраняется безработица и нищета. При чём здесь процент? А при том, что процентная ставка определяет средний уровень роста, который необходим, чтобы, потратив ресурсы, остаться на том же самом месте!

Процент и парадигма* возрастания потребления благ заставляют людей сжирать планету с огромным ускорением; ныне **годовой прирост** мировой экономики всего 2 %, а по объёму он соответствует **всему** произведенному в мире продукту с 1600 по 1700 год. Услуг и товаров производится тысячекратно больше по сравнению с XVII веком. А на «душу населения»? В 1650 году (условное начало промышленной революции), как полагают, на всей планете жило 500 млн. человек. Теперь — около 6 млрд. Итого рост населения — в 12 раз, рост производимых благ — в тысячи раз. Куда же подевалось «намолотое» этим «мельничным колесом»? Это мы сейчас увидим.

3: *Концентрация богатства.* Происходит непрерывное перемещение богатства от огромного большинства к незначительному меньшинству. Богатейшие люди и организации владеют капиталами, приносящими проценты, и постоянно получают доход от всех остальных. Лучшее исследование перемещения богатства через проценты от одной социальной

* Здесь — исходная концептуальная схема развития чего-либо.

группы к другой было выполнено в Германии в 1982 году, когда процентные ставки были на уровне 5,5 %. Исследователи сгруппировали всех немцев по десяти категориям дохода, приблизительно по 2,5 млн. домохозяйств в каждой. Самое большое перемещение процентов (отток) произошло в среднем классе, но даже домохозяйства с минимальными доходами, от которых вряд ли можно ожидать свободного доступа к кредитам, за год потеряли около двух миллиардов марок. Они были перемещены в виде выплаченных высшей группе процентов. В результате 10 % домохозяйств с самыми высокими доходами получили около 34,2 млрд. марок в виде процентов от остальной части общества в течение одного года.

В США с 1975 по 1995 год объединённый доход всех американских домохозяйств вырос от 2,7 трлн. до 4,5 трлн. долларов, но выгоды не были одинаковы для всех: 5 % домохозяйств увеличили свой средний доход на 54,1 %, поглотив большую часть прироста — главным образом за счёт средних 60 % населения.

В России, после прихода сюда капитализма, перераспределение богатства носит наиболее ненормальный и парадоксальный характер.

Процент на деньги, возникший в результате эволюции, стал тем параметром, который определял направление развития общества от XVII века до наших дней! И продолжает определять...

Мы погрешим против истины, если скажем, что такая гнусная денежная система была придумана какими-то заговорщиками-человеконенавистниками. Ничего подобного. Она возникла на заре Промышленной революции, отвечая потребностям эпохи, и именно эти три особенности, порождённые взиманием процента, — конкуренция, потребность в бесконечном росте и концентрация богатства — обеспечили успех. И что же? Промышленная революция давно в прошлом. Закончился Индустриальный век; на закате даже «век» Постиндустриальный! А мы всё ещё миримся с этой отжившей своё, устаревшей, *вредной* денежной системой! Но... Помните, о чём мы говорили совсем недавно? О том, что *любая общественная*

структура, однажды возникнув, продолжает существовать с единственной целью — выжить, и ради этой цели использует все средства. Современная валютно-кредитная система сама создаёт средства и выживает, находя всё новые способы к своему росту.

Сегодня она, как общественная структура, группируется в мощнейшие финансовые транснациональные компании, а все её силы брошены на валютно-финансовый рынок.

Тридцать лет назад средний *ежедневный* объём обменных сделок с иностранными валютами во всём мире колебался между 10 и 20 млрд. долларов. К 1983 году он повысился до 60 млрд. К 1995 году достиг уровня 1,3 трлн. долларов, а «нормальный» день в 1998—1999 годах оценивался более чем в 2 трлн. долларов*.

Спекулятивные операции, торговля столь нужным людям «средством обмена», используются для получения прибыли от изменений стоимости самих валют. Значит, чем больше колебания валют, *чем выше их нестабильность* (!), тем лучше для спекулянтов.

Эти операции захватили практически весь рынок. А реальная экономика (операции, связанные с покупкой и продажей реальных товаров и услуг за границу, включая портфельные инвестиции) брошена своим «инструментом» — финансами — на произвол судьбы. На стыке тысячелетий 98 % всех международных обменных сделок были спекулятивными. Рынок обмена валют превратился в игорный дом для обогащения немногих, обескровив ту реальную экономику, где проходит жизнь большинства землян, оставив ей только 2 %!

Наверное, нужны и спекулятивные операции: теория и практика показывают, что они способны улучшать рыночную эффективность. Но вспомним, что писал семьдесят лет тому назад (когда размах спекуляций по сравнению с нынешними временами был мизерным) Джон Мейнард Кейнс: «Спекулянты могут и не причинить никакого вреда, как пузыри на устойчивом потоке предпринимательства. Но положение осложняется, когда предпринимательство само становится пузырьём

* Из официального отчёта Банка международных расчетов.

в водовороте спекуляций. Когда экономическое развитие страны становится побочным продуктом деятельности казино, работа, вероятно, была плохо выполнена»*.

Нестабильность валюты — это величина изменений стоимости одной валюты относительно всех других. Хотя и уверяют «постороннюю» публику банкиры центральных банков, что они озабочены прыжками валют, они ничего не делают для сокращения спекулятивных действий. В 1960-х, когда принципы обмена валют, установленные Бреттон-Вудским соглашением, были всё же достаточно жёсткими, сторонники свободно плавающих обменных курсов доказывали, что для снижения изменчивости валют нужен свободный рынок. Они добились своего; теперь валютные рынки свободны. И вот статистические исследования показали, что за 25 лет применения плавающих обменных курсов непостоянство валют было в среднем вчетверо выше, чем при «плохой» обменной системе Бреттон-Вудса!

Даже Джордж Сорос, один из самых крупных игроков на финансовом рынке, увидел проблему: «Свободно плавающие обменные курсы неизбежно нестабильны; совокупная неустойчивость такова, что можно быть фактически уверенным в возможных сбоях системы свободно плавающих обменных курсов»**.

Но этот маховик продолжает раскручиваться. Бывший управляющий Федеральной резервной системой США Пол Уолкер отметил рост «выбора в пользу неустойчивости», по сути, признав усиление власти тех финансистов, чья прибыль зависит от роста нестабильности. Чем она выше, тем большие объёмы «в обороте». А в результате происходят внезапные оттоки капитала из страны, на чьей валюте наживаются спекулянты! Именно они порождают финансовые кризисы. Переход потоков валюты «в минус» вызвал три колоссальных кризиса между 1983 и 1998 годами: кризис «тринадцати раз-

* Keynes John Maynard. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. P. 159.

** Soros George. The Alchemy of Finance: Reading the Mind of the Market. London: Weidenfeld and Nicolson, 1988. P. 69.

вивающихся стран»*, кризис в Мексике и кризис в Юго-Восточной Азии.

От раза к разу сила колебаний между отрицательными и положительными пиками денежных потоков увеличивается. В 1983 году потребовалось тринадцать стран для колебания в 30 млрд. долларов. Между 1996 и 1997 годами азиатский кризис дал колебание уже более чем на 100 млрд. долларов. Следующий удар может оказаться смертельным для экономики какой угодно страны, в том числе для США.

Business Week замечает: «На этом рынке... миллиарды могут притекать или утекать из экономики за секунды. Такую мощь приобрела эта сила денег, что некоторые обозреватели теперь видят, что «горячие деньги» (капиталы, которые быстро прокручиваются из одной страны в другую) становятся своего рода теневым мировым правительством, которое порождает невосстановимое разрушение концепции суверенных полномочных национальных государств»**.

Современные государства — и так-то структуры не вполне стабильные. И произошло — да, уже произошло! — их полное подчинение интересам мировых финансов — ещё более ненадёжной, неустойчивой, опасной структуры, не заинтересованной ни в развитии экономик, ни в выживании людей, ни в мирном будущем. «Любое правительство в мире, включая самые мощные типа США, фактически полностью зависит от глобальных валютных рынков», — пишет Бернар Лиетар. Ни одно правительство не посмеет противиться финансовому диктату; отток капитала из страны мгновенно вынудит его вернуться «в реальность». Французский президент Миттеран в 1980-х и английский премьер-министр Джон Мэйджор в 1990-х; Скандинавия в 1992-м и Мексика в 1994-м; Таиланд, Малайзия, Индонезия и южнокорейское правительство в 1997-м; Россия в 1998-м — все убедились в этом. Национальные экономики и политическая воля национальных правительств подавлены ради выживания мировой финансовой элиты!

* Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Кот-д'Ивуар, Нигерия, Мексика, Марокко, Парагвай, Перу и Венесуэла.

** Hot Money // Business Week, March 20, 1995, p. 46.

В США 1 % (один процент) населения страны имеет больше личного богатства, чем 92 % остальных, вместе взятых*. Суммарные финансовые активы четырёхсот сорока семи крупнейших миллиардеров больше, чем объединённый ежегодный доход более чем половины всемирного населения**.

Богатства трёх «верхних» миллиардеров превышают внутренний национальный продукт сорока восьми беднейших стран мира***.

Работают все, а богатство растёт у финансистов. Полное впечатление, что человечество проделало свой исторический путь только для того, чтобы накануне окончательного ресурсного коллапса могли благоденствовать и властвовать три миллиардера, наверняка абсолютно обычные личности.

Хуже всего, что финансовые воротилы подкупают национальные правительства. Имея в своих руках практически все мировые финансы, малочисленная группа «избранных» позволяет верным им «правителям», скажем так, подворовывать, а то и напрямую, не стесняясь, платит им зарплату и требует лояльности. Именно из-за продажности высших государственных правителей обычное и нестрашное взяточничество сформировалось в мощную коррупционную структуру, и она теперь, как и любые структуры в мире, будет выживать вопреки чему угодно. А когда власть совершает непонятные поступки по причинам, которые невозможно объяснить народу, начинаются времена неустойчивости, обмана и страха, а если короче — времена кризиса.

...Финансы, конечно, нужны. Они важны даже более, чем принято думать. Но совершенно очевидно, что сегодня истинные, естественные, традиционные интересы всех людей Земли и практически всех общественных структур подавлены ради интересов крайне ограниченной (в умственном и количественном значении) финансовой структуры, безумствующей накануне всеобщего обвала. Крах валюты может сбить теперь не только рынок акций и недвижимости, как это было во время

* Project Responsible Wealth 37 Temple Place, Boston MA 02111.

** Korten D. «Money versus Wealth», YES! // Journal of Positive Futures. 1997, № 2, p. 14.

*** Gates J. The Ownership Solution. Boulder: Perseus Books, 1998.

чудовищного кризиса 1929 года, но и разрушить последнее убежище, правительственные обязательства. Это станет окончательным крахом капитализма, а поскольку ныне весь мир отдался капитализму, то, значит, всего мира. И на этом мы закончим свой обзор; немало специалистов, сведущих в финансах больше нас, уже всё сказали:

«...Деньги... ищут кого-то для уничтожения, и здесь есть «избыток»; они находят его, и есть «спекуляция»; они уничтожают его, и здесь есть «паника» (Вальтер Багехот, 1873 год).*

*«Я могу чувствовать приближение нового раунда разрушительных спекуляций со всеми знакомыми стадиями по порядку — бум, потом фантазии для второстепенных вопросов, потом закулисная игра, потом рынок, отправляющийся в мусор, и в заключение неизбежный крах. Я не знаю, когда это случится, но я чувствую этот приход, и, чёрт возьми, я не знаю, что делать» (Бернард Ласкер, председатель нью-йоркской биржи в 1970 году)**.*

*«Крах денег — единственный способ, в котором могла бы проявиться истинная депрессия в наши дни» (Роберт Гуттман)***.*

«Финансовые рынки теперь управляются абсурдным богатством» (Алан Гринспен, председатель Федеральной резервной системы США, 1996 год).

Заведомо неравновесная система, потеряв устойчивость для поддержания хоть какого-то своего существования, идёт вразнос. Численность населения растёт. Растущему населению нужно больше продовольствия; для увеличения производства продовольствия нужен рост капитала. Денежный капитал отвлечён на спекуляции, а производственному нужны ресурсы; отработка ресурсов увеличивает загрязнение среды, что снижает производство продовольствия. Начинается второй круг. А объём доступных ресурсов, как и эффективность экологических мероприятий, с каждым циклом становится всё меньше и меньше.

В рамках действующей парадигмы изменить ничего нельзя.

Изменение парадигмы возможно только в результате катастрофы.

* Bagehot, Walter. Essay on Edward Gibbon.

** Цитируется по Brooks, John. The Go-Go Years (1972).

*** Guttman Robert. How Credit-Money shapes the Economy: the United States in a Global System. Armonk, NY and London, UK: M.E. Sharpe, 1994.

Мир потребительства

Человек, подобно всем животным, проявляет биологическое стремление возрастать в численности при достатке еды. Но имеется принципиальное отличие: другие живые организмы придерживаются в общем-то фиксированного уровня потребностей, а человек постоянно увеличивает запросы. И он не добывает еду, выросшую естественным образом, а тратит прочие ресурсы на её производство! Значит, *не обязательно увеличивать количество людей, чтобы достичь кризиса*. Достаточно при той же численности увеличить потребление. Что и происходит.

Читатель может предположить, что мы намерены в очередной раз критиковать пресловутое потребительство. Нет, мы не станем этого делать. «Яндекс» по запросу «общество потребления» даёт полторы тысячи ссылок; зачем же нам повторяться? Мы просто предложим читателю самому подумать о симпатиях и антипатиях между разными общественными структурами. Например, как чувствуют себя в условиях развивающегося кризиса финансы и рынок, средства массовой информации (СМИ) и реклама; какова ситуация с культурой, семьёй и образованием?.. На наш взгляд, первые четыре очевидно на взлёте. Вторые три очевидно деградируют. А самое поразительное, что их взаимодействие постоянно порождает «лишних» людей!

Для рынка — структуры, продающей товары, — *люди и семьи, да и вообще всё общество представляют собой ресурс*, «потребляющую деталь» (челюсти) глобального механизма, превращающего все вообще ресурсы в отходы. Те, кто потреблять не может, глобальному рынку не нужны и вольны хоть сдохнуть. До чего точен Кейнс: «Занять себя — пугающая проблема для обычного человека... если у него больше нет корней на земле, или в культуре, или в любимых занятиях традиционного общества»*. Но вернуть «традиционное общество» никто никакому «лишнему» человеку не позволит (чтобы не было соблазна для других и чтобы они там зря не тратили ресурс,

* Keynes J. Maynard. Essay on Persuasion, 1930.

помимо глобального рынка), а сдыхать этот брошенный на произвол судьбы человек не желает. Что же ему делать? Или вредить «правильным» потребителям, болтаясь по их чистым городам пьяным и обкуренным — и его будет бить полиция, или устраивать «международный терроризм» — и его будет бить армия. Уж на что, на что, а на битё «лишних» представителей рода *homo sapiens* деньги найдутся!

Для рекламы люди — рынок сбыта. Все, кто не потребитель их «продукта» — рекламы, лишние. Не случайно в феврале 2002 года тогдашний российский министр Лесин заявил с трибуны Госдумы, что «сейчас... рынок информации становится таким, каким и должен быть: экономическим!» Кто платит? Рекламодатель. Между тем рынок — он и есть рынок: за что платят, то и делает. А, скажем, телеканал «Культура» приходится содержать правительству; рекламе и рынку любители Шекспира, Моцарта и народных инструментов не интересны: аудитория мала. Зачем же им поддерживать канал «Культура»? Они и не поддерживают. «Лишние» люди эти театралы и музыковеды!

В таких условиях *для СМИ люди — товар.* С одной стороны, денежные вклады рекламодателей — основа бюджета СМИ. С другой стороны, современная реклама стала тем «игроком», которому распространители информации продают свою аудиторию. Значит, что требуется от СМИ? Правильно: производить товар, то есть, заманив к экрану или журнальной странице возможно большее количество людей, воспитать их в нужном духе: чтобы они стали падки на рекламу. Этим и занимаются СМИ, разрушая культуру, семью и образование.

Для производственной структуры люди — трудовой ресурс. Им приходится платить зарплату. Если платить много, потеряешь преимущество в цене — значит, надо платить мало. Но если платить мало, то обедневшие людишки свернут потребление и упадёт сбыт. Эта двусторонняя проблема решена через тот же глобальный рынок: кое-где (в Юго-Восточной Азии и некоторых других местах) много производят за маленькую зарплату, кое-где от пуза потребляют.

Итак, живые люди, сообщества с их культурой, да и всё человечество в целом используются процветающими структурами в качестве ресурса, рынка сбыта или товара. Все эти качества требуют унификации и, скажем так, «предпродажной подготовки» человечества. Соответственно идёт нивелировка культуры и опошление отношений.

Конечно, есть региональные различия. Потребление благ в США, странах Западной Европы и некоторых других местах, в которых дислоцируются штаб-квартиры финансовых транснациональных корпораций (ТНК), выше, чем в других регионах. Вызвано это тем, что здешнее население будет использоваться (уже используется) в ещё одном качестве: ударной силы против возможного недовольства.

Мировой лидер в области потребления — Северная Америка. В США и Канаде проживает 5,2 % населения планеты, но на эти страны приходится примерно 31,5 % мировых потребительских затрат*. Немного отстала от Америки Западная Европа; проживающие здесь 6,4 % населения Земли потребляют 28,7 % мировых продуктов. В Австралии и Новой Зеландии также доля населения (0,4 %) ниже, чем доля потребляемых ими продуктов в мировом раскладе.

Страны Восточной Европы и бывшего СССР (7,9 % мирового населения) позволяют себе 3,3 % общемировых потребительских расходов. Их, как и Латинскую Америку, можно считать «средняками». Азия и Африка — бедные регионы, а к наиболее бедным относятся Южная Азия (население 22,4 % мирового, доля потребления 2 %) и Африка южнее Сахары (население 10,9 %, доля потребления 1,2 %).

Итак, первая группа стран — 12 % человечества — потребляет более 60 % всех производимых товаров, а значит, и природных ресурсов, в число которых входит человеческий труд. «Среднякам», бедным и самым бедным — 88 % населения — достаётся 40 % товаров. По сути, они добровольно делятся с богачами. В Штатах «душа населения» потребляет благ в среднем примерно в 14 раз больше, чем в России, и в 65 раз боль-

* Эти и некоторые приведённые ниже данные позаимствованы на сайте «Глобальная альтернатива»: <http://www.aglob.ru/events/index.php?id=684>.

ше, чем в Южной Азии. Будем ли даже предполагать, что средний американец *трудится* в 14 раз больше русского или в 65 раз больше индийца?.. Но так уж устроена система: если, например, Южная Азия не будет отдавать избыток развитым странам, не получит она и своих двух процентов! Рухнет весь «карточный домик».

В странах ЮВА, Китае и некоторых других крайне низкая зарплата. Казалось бы, имея финансовые резервы, любая страна может легко повысить зарплату своим рабочим и выплаты своим бюджетникам. Но нет! Все валюты привязаны к доллару, все правительства держат свои резервы в США — и никто их не трогает. У китайцев в американских банках лежит денег на многие миллиарды, но они их там и оставляют, не спешат забрать, а целенаправленно сдерживают зарплату китайских трудящихся, поддерживая экономику США. То же делает и Япония, балансируя между человеком-производителем (своим, японским) и человеком-потребителем (американским), вынужденно поддерживая американскую экономику.

И происходит вся эта тонкая балансировка в чрезвычайно нестабильных условиях, требующих непрерывного роста ВВП! Вся ситуация в целом напоминает езду на велосипеде с ведром воды на голове: стоять на месте нельзя — упадёшь, надо всё время двигаться, и чем быстрее, тем выше устойчивость. Но всякие привходящие факторы (порыв ветра из-за кустов, выбоина, камень на дороге) грозят ездоку падением, причём чем выше скорость, тем будет больнее.

В такой «потребительской» гонке пропасть между бедными и богатыми странами (и между бедными и богатыми людьми в каждой стране) со временем только увеличивается, а «средняки» скорее скатываются к бедным, чем приближаются к лидерам потребления. Поэтому, если рассуждать детерминистски и экстраполировать картину в будущее, можно сделать вывод, что богатые страны, несмотря на «временные трудности», будут всегда повышать уровень своего потребления, а бедные однажды обнищают окончательно и с тоски повесятся. Но потребление отнюдь не самое главное занятие на свете! Свои-

ми действиями общественные структуры сами изменяют «колею» дальнейшего движения, и совсем не исключён вариант, что при катаклизме, который выбьет из седла «американского велосипедиста», отставшие от него, казалось бы, навсегда «ездоки» — страны так называемого Юга — легко обгонят валяющегося на земле вчерашнего гиганта.

Ведь уже сейчас, при растущем неравенстве в потреблении благ, по некоторым другим важным позициям разница между Севером и Югом быстро стирается! Нынешняя разновидность мирового капитализма — глобализм — такова, что рассматривать приходится всю систему сразу. Изучать её по частям, а тем более по регионам (как это сделал Маркс, анализировавший европейскую разновидность капитализма) теперь уже не только не полезно, но и вредно.

Посмотрим повнимательнее.

На протяжении последних десятилетий в США заводы закрывались; высокотехнологическое и вообще всякое производство было перенесено в страны Юга, где рабочая сила дешевле. Но развитие здесь производства год от года повышает *цену* рабочей силы, ведь для обслуживания современного производства вчерашняя «провинция мира» готовит технические и научные кадры, а для этого создаётся и быстро развивается местное образование. А Соединённые Штаты постепенно теряют своё техническое и технологическое преимущество, и образование тут, как всем известно, в глубоком кризисе, специалисты — сплошь эмигранты из того же Китая, Индии и России. А эмигранты, приехавшие сюда в погоне за «длинным долларом», скажем прямо, люди маломоральные: случись Штатам «вылететь из седла», они мигом бросят их и вернуться домой, на Родину. Штаты останутся голыми.

Близкий аналог — тепло и холод: если поместить что-то горячее в холодную воду, то холодное нагреется, горячее остынет. Потоки энергии и вещества, благодаря которым функционирует динамическая система (в нашем случае человечество), ограничены, происходит диффузия, благосостояние уходит наружу, и ситуация выравнивается. Мир перевернётся: русские, китайцы и индусы получат свой шанс.

Но, как уже было отмечено, в неравновесной системе всё взаимосвязано. Если рухнет экономика США и доллар, неизбежно рухнет экономика всех стран, и как будет реализован полученный шанс — невозможно предсказать никаким образом. Прошлый опыт показывает, что начнётся отчаянная битва за власть и ресурсы, и это есть вопрос организации и самоорганизации в динамических структурах.

В предисловии к книге мы отметили, что действия по достижению «светлого будущего» всегда приводят к последствиям, которых не ожидали. Яркий пример последнего времени — повсеместная компьютеризация. Сколько было восторгов, когда она только начиналась! Мало кто обратил внимание на предупреждение, сделанное создателем кибернетики Норбертом Винером: «...Автоматическая машина... точный экономический эквивалент рабского труда. Любая рабочая сила, которая конкурирует с рабочей силой раба, должна принять экономические условия рабского труда. Совершенно ясно, что это произведёт ситуацию безработицы, по сравнению с которой существующий спад и даже депрессия тридцатых покажутся приятной шуткой»*.

Однако он оказался прав. Снижение себестоимости продукции в силу упрощения учётных операций и себестоимости продаж за счёт электронного маркетинга и менеджмента сопровождалось массовыми увольнениями. Внедрение новых технологий привело к столь громадному сокращению занятости в основных отраслях промышленности и сельском хозяйстве, в сфере услуг и торговле, в банковском деле и даже искусстве, что мы в книге «Понять Россию умом» назвали одну из глав «НТР = безработица + нищета». Создаваемое техническим прогрессом некоторое число новых рабочих мест неизмеримо меньше того количества, которое ликвидируется им же.

В США уровень безработицы составлял в среднем: в 1950-е годы — 4,5 %, в 1960-е — 4,8 %, в 1970-е — 6,2 %, в 1980-е — 7,3 %.

* Wiener N. The Human Use of Human Beings. New York: Houghton Mifflin, 1950. P. 162. Цит. по книге Б. Лиетара «Будущее денег».

Затем официальная статистика показала тенденцию к улучшению; внимательный анализ открывает тайну этого «улучшения»: пал Советский Союз. При всех своих уродствах СССР, официально стоявший на идеологии защиты прав трудящихся, давал мощный пример для всего мира. С его исчезновением условия труда в Штатах существенно ухудшились, размеры зарплат снизились, но показатели безработицы улучшились. Но с 2001 года они опять начали ухудшаться.

В Западной Европе накануне XXI века уровень безработицы завис на очень неприятном уровне в 10 % работоспособного населения. В 2003 году в России безработных было 10 %, в мае 2004 года — 7,2 %; тогда же в Германии — 11,5 %, в Японии — 4,6 %. Да, даже в Японии, где пожизненная работа в одной компании фактически рассматривается как неотъемлемое право человека, безработица есть и растёт.

В разных странах и процессы идут разные, и причины безработицы разные. В США люди теряют работу потому, что производство уходит в другие страны, где зарплата иногда на порядок ниже. В Японии — потому, что здесь производят товар на экспорт, а США не могут потреблять все японские товары, ведь в Америке (невозможно поверить!) дефицит денег, люди живут в кредит. В Европе промежуточная ситуация: тут есть своя дешёвая рабочая сила, но потребительский рынок маловат, евро дорогой...

Но это ещё не всё! Надо учитывать, что со старой, хорошо изученной ситуацией сезонных колебаний безработицы покончено. Люди меняют не места работы, а профессии; они не попадают в статистику безработицы, но несут ничуть не меньшие психологические нагрузки. Затем: повсюду, по всему миру идёт снижение числа *постоянно занятых*. Обзор, выполненный Крэнфилдской школой управления по поручению Европейской комиссии, сообщил об увеличении частичной или срочной (на срок до трёх месяцев) занятости в четырнадцати европейских странах. Самый большой рост был в Нидерландах, где 70 % корпораций увеличили использование частично занятых работников. Более половины немецких, итальянских, финских и шведских корпораций делают то же самое. Остальная часть

Европы зарегистрировала увеличение частичной занятости в 30—50 % корпораций.

Ну и, наконец, рост зарплаты не только отстаёт от роста цен, но зачастую и просто падает. В Штатах тридцатилетний мужчина в 1970 году зарабатывал на 15 % *больше*, чем его отец, когда был в таком же возрасте; через поколение тридцатилетний мужчина приносит домой на четверть *меньше*, чем когда-то его собственный отец. Насколько упали доходы в России, говорить нечего.

Пока есть источники энергии, можно мечтать об улучшении и даже принимать какие-то меры, проплачивать социальные программы. А что делать, когда кончится нефть? Когда окажутся «в минусе» вообще все необходимые ресурсы? Ведь мы уже говорили, что превысить ресурсный предел *в принципе нельзя*, неизбежны коллапс и катастрофа.

К этому надо готовиться! Сигналов, показывающих, в какую пропасть мчится наш неустойчивый «велосипед», теряя на ходу «лишних» людей, вполне достаточно, чтобы если не притормозить, то хотя бы задуматься. Готовить кадры, перенастраивать систему образования, переводить людей на землю, расселяя города... Но финансовая структура мира, которая, как мы уже показали, выживает сама по себе, пока (пока всё не грохнулось) наращивает гонку потребительства.

С точки зрения предлагаемой теории эволюции человеческие сообщества (как и все динамические системы) стремятся к устойчивости, и в качестве синхронизирующей структуры всегда выступает самая долгопериодная. Однако другие, короткопериодные внутренние структуры могут сорвать всю систему с устойчивого режима.

Самая «длинная» категория — культура. Самая «короткая» — политика. Хороший интриган, сев на трон или рядом с ним, может менять политику каждый месяц, тасуя людей и идеи, как колоду карт, разрушая экономику и финансы, а вслед за тем и культуру. И в своём развитии от «начала» и до «конца» быстрые обгоняют медленных и меняют их путь! Например, развитие общества требует определённого уровня образованности граждан. Образование — структура средней долготы. И

вот однажды наступает момент, когда «короткой» структуре производства хватает лишь небольшого количества образованных кадров, а ещё более «короткой» структуре продаж требуется как раз побольше необразованных дураков-потребителей. И структура образования, из которой, собственно, выросли руководители и государства, и экономики, впадает в кризис и деформируется! Повторяем ещё раз: меняя один параметр системы (улучшая его для интересов одной из структур), ухудшаешь другой. Это закон эволюции, и его не обойти.

Культура — синхронизирующий параметр для всех нижестоящих структур. Культура — это не просто пляски, матрёшки и сказки, а целый комплекс приёмов выживаемости, сложившийся за многие века, обусловленный существующими именно в этой местности климатом, природными условиями, внешним окружением, численностью и другими параметрами. Если под влиянием рынка меняется она, то вслед за ней последовательно деформируются и все прочие: образование, язык*, — и требуется уже значительное время, чтобы система стабилизировалась на новом уровне. Можно привести пример и из нашей современности: ряд реформаторов во главе сначала с Б.Н. Ельциным, а теперь В.В. Путиным тщатся внедрить в России чуждые нам либеральные идеи с Запада, и что-то плоховато идут дела! А это сопротивляются наши «долгие» структуры: пока они не перемелют либеральные идеи под русскую действительность, успеха не будет.

На всей планете происходит глобальное подавление долгопериодных структур всех стран одной «короткой» — финансами, что ведёт к переходу системы в иное качество. Польза от этого только финансам, всё остальное разрушается. В силу дискретности человеческого существования (ибо человек смертен) быстро «стирается» культура, носителем которой является каждый человек, а нового параметра, который мог бы стабилизировать систему на более высоком уровне, нет. От эко-

* Вспомним коверканье русского языка, навязываемое рекламой для денежной выгоды торговых компаний: «хрустики», «сникерсни» и т.п.; явное опoшление языка литературы и театра; откровенный мат на улицах.

номики требуется непрерывный рост, но увеличение выдачи продукции *с одной стороны* означает ускоренное выгрызание остатков ресурсов *с другой стороны*. Из-за этого нас и ожидает конец света.

Приведём пример, как потребительство лишает будущего наших детей. Автомобили, телевизоры, холодильники и множество других полезных вещей способны надёжно служить человеку годами. Добротность и долговечность — неоспоримые достоинства вещей, с точки зрения потребителя, но эти же качества, с точки зрения производителя и продавца, превратились в их вопиющий недостаток. И вот *новизна* провозглашена главным достоинством, жизненной целью. Вся ударная сила рекламы направлена на то, чтобы заставить потребителя чувствовать себя глубоко несчастным, если у него нет той или иной новинки.

Британские экономисты подсчитали, сколько бытовой техники регулярно выбрасывают на свалки англичане. Оказывается, стоимость гор электроники, отправленной в утиль, достигает семи миллиардов долларов. Это вполне исправная техника, не прослужившая и двух лет — но реклама заставила людей покупать более новые модели компьютеров и мобильных телефонов. А старые не принимают даже в комиссионных магазинах. Сейчас одних только брошенных, но вполне годных мобильных телефонов в Британии более восьмидесяти миллионов.

А ведь на изготовление новинок тратятся невосполнимые ресурсы! А выброшенные приборы загрязняют среду! А вовлечённые в оборот «купи-выбрось-купи» люди оставят своим детям пустыню!

Но такое поведение людей *необходимо в рамках нынешней денежной парадигмы*. Если этого не делать, люди потеряют работу: чтобы кто-то получил зарплату, кто-то должен купить. Остановиться нельзя — повторим для ясности — *в рамках нынешней парадигмы*.

Нам могут возразить: при чём тут денежная система? Люди просто желают повысить своё благосостояние. Что в этом плохого? Как говорил один из героев фильма «Берегись автомобиля»: «Человек просто умеет жить!» Но дело — в процентной

составляющей наших денег. Давайте посмотрим, как взаимосвязаны денежная система и будущая нестабильность, каким образом процентные ставки порождают всеобщую тенденцию «неуважения будущего».

Допустим, какой-то частный проект — например, покупка энергосберегающей техники — требует вложения 1000 долларов, но позволит экономить ресурсы на 100 долларов каждый год в течение следующих пятнадцати лет. Движение финансов в этом проекте должно выглядеть так: начиная, казалось бы, с убытка, с потраченных прямо сейчас 1000 долларов, в каждый год из следующих пятнадцати лет мы экономим по 100 долларов, а всего, стало быть, сэкономим 1500 долларов.

Правда, просто? И выгодно.

Однако финансовый аналитик тот же проект видит иначе.

Для него совсем не очевидно, что в первый год мы сэкономим 100 долларов. Из предположения, что ставка процента одинакова на протяжении всего срока — 10 % годовых, он делает вывод, что экономия за первый год будет составлять только 91 доллар. Ведь можно положить в банк 91 доллар сегодня с 10-процентной нормой доходности и автоматически получить те же самые 100 долларов через год!

Из этих же соображений 100 долларов через два года будут стоить только 83 доллара, через три — 75 долларов и т.д. К десятому году проекта 100 долларов представляются аналитику только как 39 долларов, а к пятнадцатому году — как жалкие 24 доллара*.

Итак, то, что выглядит резонной инвестицией с экономией энергоресурсов в полторы тысячи долларов на вложенную тысячу, оборачивается глупостью, с точки зрения финансового аналитика. На те же деньги *сегодня* можно сжечь сколько угодно углеводородов, а что будущие поколения останутся без нефти, так это их трудности.

Если мы запланируем проект не на пятнадцать, а на сто лет, то последняя сотня долларов обернётся семью центами.

* На основании примера, предложенного Бернардом Лиетаром. Все значения округлены, ибо приведение десятых долей не изменит сути.

Через два века от неё останется несколько сотых долей цента. Неудивительно, что, хотя кое-где силами энтузиастов и внедряются энергосберегающие новинки, в целом экономика сжигает оставшиеся пока ресурсы с ускорением. Будущее не принимается в расчёт! Экономическая парадигма, основанная на процентном росте денег, **ТРЕБУЕТ** принести в жертву и культуру нынешнего поколения, и возможности выживания будущих поколений. Люди, занятые в этой структуре: хозяйева, менеджеры, инженеры, бухгалтеры, простые рабочие, — вынуждены закрывать глаза на то, что будущее всегда у дверей, а не через тысячу лет.

Это беда психологическая: никто не будет ничего менять, пока не доедем до края. Никто, прочитав нашу книгу, не ринется прямо сейчас что-то менять. Мы пишем о том, что *надо будет делать*, когда наш вихляющийся, неуравновешенный, перекошенный, наш странный «лисапед» — цивилизация — доедет туда, куда едет. Наша книга — про возможность введения *других денег* и про *другой стиль жизни* — не «для сегодня». Она для тех, кто выживет.

Деградация общества

Всем нам приходилось видеть американские фильмы, и, возможно, многие обратили внимание: как только речь заходит о семейных обстоятельствах жизни героев, так в большинстве случаев оказывается, что супруги разведены. Многие фильмы прямо с этого и начинаются: мамаша с папашей спорят, «чей день» вести ребёнка в зоопарк.

Это точное отражение действительности: институт семьи в США рухнул. Забыты прoderжавшиеся тысячелетия представления о святости уз брака. Отошла в прошлое даже практика свинг-семей, когда пары встречались для совместного секса; в моде так называемый стыковой секс, когда никто никому ничего не должен: удовлетворил потребность — и иди гуляй. То есть регресс семьи, перешагнув через пары, перешёл на следующий уровень. Понятно, что дальше произойдёт окончательный отказ от семьи как ячейки общества, а затем и вос-

питание детей уйдёт из жизни людей. Механизм переработки природных ресурсов в отходы дополнится механизмом создания некоего среднего человека, биомассы рабочего-потребителя.

Эти выводы мы делаем отнюдь не на основе просмотренных фильмов, а на основе статистики. В США количество родов от незамужних матерей менее чем за тридцать лет выросло в пять раз, и уже в 1990-х больше половины американских детей жили в неполных семьях. Количество подростков, живущих самостоятельно, утроилось, и это одна из главных причин подростковой смертности; на каждое удавшееся самоубийство подростка приходится от пятидесяти до ста неудачных попыток. За считанные годы количество подростков 13—18 лет, нуждающихся в антидепрессантах, выросло в Америке со 148 до 217 тысяч. У детей в возрасте от 6 до 12 лет этот показатель выглядит ещё более ужасающим: он вырос с 51 тысячи до 203 тысяч.

Америка в деградации семьи и воспитания детей всем пример, поскольку первой катится по этой дорожке. Но по количеству внебрачных детей Исландия, Швеция, Дания, Франция и Великобритания обгоняют Штаты. Только Японии удалось сохранить такой же низкий уровень, какой наблюдался там тридцать лет назад*. Вообще по всему миру, если рассмотреть разнообразие социумов: племя — расширенная семья (состоящая из родственников разных поколений) — атомарная семья (в рамках одного поколения) — неполная семья — отдельный индивидуум — депрессивно настроенный человек, — идёт деградация. И чем более страна «развита», тем страшнее эта тенденция.

В США и Северной Европе в первой половине XX века расширенная семья ещё считалась нормой. К середине века стали предпочитать атомарную семью. Сегодня же «средняя ячейка общества» в этих регионах уже передвинулась от атомарной семьи к более простому варианту (неполная семья, депрессия и суицид). То же самое началось в южной части Европы. В Италии, например, совсем недавно правильной la fa-

* The Family: Home Sweet Home // The Economist, 1995, September 9, p. 26.

miglia считалась расширенная семья из шестидесяти, а то и восьмидесяти человек, которая включала, конечно, несколько поколений: дедушек, родителей, детей, дядьёв и тёток, двоюродных братьёв и сестёр, племянниц и других родственников и свояков. Теперь эта норма сдвинулась по направлению к атомарной семье. В ту же сторону двинулись латиноамериканские культуры.

В племенах *коги* в Колумбии, и *чипибо* в перуанской сельве, и у индейцев *хони*, что живут в Аризоне, — повсюду можно услышать одни и те же сетования стариков: молодёжь теряет связь с племенем. Молодые живут в маленьких группах или даже только в среде ближайших родственников. Они поступают «как белые»! Об этом пишет Бернар Лиетар, а ему можно верить: учёный поработал и в США, и в Перу, и в других странах американского континента, воочию наблюдая, как племена, принявшие в качестве средства обмена *процентную валюту* белых, разваливались.

Короче, во всём мире структура семейной жизни претерпевает фундаментальные изменения, и они происходят очень быстро. Хаотизация этой общественной структуры происходит на фоне увеличивающегося всевластия финансовой структуры мира и политической глобализации и отражает действие правила, характерного для неравновесных динамических систем: наведение излишнего порядка в чём-то одном обязательно вызывает излишний беспорядок в чём-то другом.

А как было раньше? В каких условиях в разных сообществах развивалась структура семьи?

Антропологи обнаружили, что возникновение общества зависит отнюдь не из-за близости проживания людей — иначе бы любая высотка в большом городе уже бы создавала сообщество. Даже общий язык, религия, культура автоматически сообществ не образуют, а играют вторичную роль — и они, и сообщества возникают и выживают ТОЛЬКО там, где люди безвозмездно заботятся друг о друге в рамках своеобразной «экономики подарков». Суть достаточно проста. Предположим, вам нужна соль. Пошли вы в магазин, заплатили деньги и купили пачку соли. Всё! Вы получили соль, продавец — день-

ги, и вы с ним расстались, ничем друг другу не обязанные. Совсем другая ситуация, когда вы идёте к своему соседу и он *дарит* вам кулёк соли. Вы получили желаемое, но ситуация другая. Нельзя сказать, что вы теперь ничем друг другу не обязаны. У вас возникает потребность ответно быть полезным соседу! Вы с ним создали сообщество.

Доказательств тому, что через акты заботы и дарения, при отсутствии денег в современном понимании, возникали сообщества, масса. До сих пор свою приязнь люди фиксируют подарками: на дни рождения, в праздники; особенно ярко это проявляется при создании нового сообщества — семьи: тут без подарков никак не обходится.

...Наверное, это трудно понять. Попробуем ещё раз.

Нормально, когда в сообществе каждый заботится о каждом, ставя общее выше личного. *Аненормально*, когда каждый заботится только о себе, переводя на своё проживание интересы общества и будущего. Эволюция привела к появлению денег, чтобы фиксировать акты дарения. Затем инструмент обмена дарами превратился во владыку мира; сообщества и вообще культура начали разрушаться в угоду «золотому тельцу»... Неестественные средства обмена заменили традиционные способы отношений и разрушают сообщества. В России этот процесс идёт полным ходом; мы «наконец-то» начинаем «догонять и перегонять США», и это неудивительно, поскольку именно из Америки российские шарлатаны-реформаторы завозят свои бубны.

...Однажды папа римский Иоанн Павел II обратился к верующим, собравшимся на площади Святого Петра в Риме, с предостережением: нельзя заменять прекрасную традицию рождественских подарков «оголтелым скупанием всего и вся, лишь бы только это было перед Рождеством». Как заявил папа, та картина Рождества, которую несёт в массы реклама, противоречит тому, к чему призывает христианское учение в этот святой праздник. Добавим: «оголтелое скупание» противоречит природе человека вообще; битва за деньги и личные блага между светлыми праздниками лишает будущего нас всех.

Из доклада И. Малькова*: «...Почему либеральному обществу не нужны дети? Для человека они всего лишь нагрузка, не имеющая положительного экономического и социального эффекта. Рождение детей уменьшает доход семьи, забирает ресурсы взрослых, понижая её доход и размеры пенсии. А ребёнок уходит из семьи, не обеспечивая родителей ни деньгами, ни заботой, ни вниманием. Кто-нибудь понимает у нас, что пенсионная система сегодня делает детей ненужными для родителей и ведёт к моральной деградации и вымиранию общества? Почему в России сегодня при живых родителях больше беспризорных детей, чем после войны? Потому что они никому не нужны...»

Не так давно в Москве прошла Международная конференция «Семья и демография». Приведём выдержки из выступлений участников**.

Ева Ковалевска, директор Европейского отделения Human Life International (Польша, Гданьск): *«Людям внушают: «Бери от жизни всё». И вот следствие — дети из благословения Божия превратились в проклятие...»*

В.Г. Остроглазов, доктор медицинских наук, заведующий отделением острых психосоматических расстройств НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского: *«...За 10 лет число детей, умерших от наркотиков, увеличилось в 40 раз. Поистине чудовищный рост самоубийств затрагивает всё более ранние возрастные группы. Введена графа: дети 5—9 лет. В среднем в год кончают с собой 60 тысяч человек. А ведь до 1917 года Россия по этим показателям стояла на одном из последних мест в мире. Тогда было 2,7 случая на 100 тысяч населения, а сейчас же — от 40 до 200. Появились двойные, тройные, множественные самоубийства... Уже десятилетние дети обнаруживают чувства отчаяния, одиночества, утраты смысла жизни...»*

В. Ансимов на ярославском сайте «Традиция» (аналитическое обозрение православных СМИ) пишет: *«Иначе как осатанелостью подобное явление, сбрасывающее человека с пьедестала образа и подобия Божьего, на уровень развития — ниже*

* Статья опубликована на сайте GlobalMatrix.ru.

** <http://pms.orthodoxy.ru/news/view.php?n=1606>.

скотского, не назовёшь... Человек спивается или уходит с головой в наркотический дурман только тогда, когда теряет смысл жизни... Как говорят плачущие цифры статистики, ежегодно в России лишаются родительских прав 20 тысяч семей, сейчас в детских домах томятся 200 тысяч несовершеннолетних, по той же статистике 30 процентов из них попадут в преступные группировки и тюрьмы, а 14 процентов покончат с собой. Участь детей с улицы ещё более ужасная...»

Это ненормально, но те же процессы идут в других странах бывшего СССР, принявших либеральную концепцию. Украинский депутат Георгий Крючков в 2003 году отметил, что за прошедшие десять лет население страны уменьшилось более чем на 4,2 миллиона человек, на 38,5 % снизился уровень рождаемости, на 26,5 % выросла смертность. И констатировал, что общество постепенно привыкает к такому страшному явлению, как бездомные и беспризорные дети...

Те же процессы идут и вне СНГ. Продолжая обзор мнений, скажем о прошедшей в Москве 18—21 июня 1997 года 5-й Конференции мэров крупнейших городов мира. Много там было похвалы (куда без этого), но интересно, что проблемы сходны в разных регионах планеты. Вдумаемся, о чём говорили участники.

Мэр г. Абиджана г-н Эрнест Н'кумо Мобио: «...насилие, в том числе и вооружённые нападения, раньше было практически не известно в наших городах. Такие случаи происходили очень редко, но постепенно с начала 1980-х годов это явление стало проявляться, развиваясь всё больше и больше. И в последние годы оно достигло значительного уровня, **сравнимого с уровнем развитых стран**».

Мэр г. Найроби г-н Дик Ваверу Мбууга: «Найроби — столица Кении, одна из наиболее быстро развивающихся столиц мира. Но этот город занимает и одно из первых мест в Африке по количеству беспризорных детей. Такие дети встречаются повсюду. Они попрошайничают и воруют... Более 50 % жителей Найроби живут в трущобных районах. Большинство — в однокомнатных лачугах без каких-либо элементарных удобств, без водопровода и канализации... Отвергнутые обществом бес-

призорные дети живут невероятно трудной жизнью... Беспризорные дети на улицах зачастую объединяются в банды... В большинстве случаев внутри этих банд более младшие дети подвергаются различным издевательствам со стороны старших. Многие занимаются сбором макулатуры. Надо собрать ее более 20 кг, чтобы получить оплату меньше доллара. Беспризорным детям зимой приходится иногда платить за элементарное убежище в трущобах. Они часто нюхают клей или резину, чтобы хоть как-то отгородиться психологически от той суровой жизни, которой они живут... Они также курят марихуану, которую называют банги...

Существуют банды мальчиков и банды девочек. Однако ночью они объединяются, и девочки оказывают сексуальные услуги мальчикам, чтобы получить взамен какую-то защиту. Девочки составляют около 35 % всех непризорных детей в Найроби. В большинстве случаев они попадают на улицу из-за насилия, которое существует в семьях... Они заражаются СПИДом и умирают молодыми. Очень часто у них рождаются дети прямо на улице...

Да, у нас очень много бездомных, но у нас есть ещё и бизнес, центр города, есть большой потенциал для всех бизнесменов, которые хотели бы вести торговлю с Найроби. У нас очень дешёвая рабочая сила в результате высокого уровня безработицы. Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, будучи здесь, и пригласить всех вас, членов ваших делегаций в мой замечательный город Найроби, который можно сравнить с золотом, покрытым грязью. Но если отмыть этот слиток золота, он засверкает по-новому».

Вице-губернатор г. Буэнос-Айреса г-н Энрике Оливейра: «Центральная проблема Буэнос-Айреса, с которой сталкиваются многие города мира, в том, как достойно разрешить проблемы, которые встают перед нами в ходе развития наших городов в процессе глобализации».

Мэр г. Афины г-н Димитрис Аврамопулос: «Безработица создаёт большие трудности для микроэкономики. Социальные проблемы в нашем городе до сих пор ещё не решены, поскольку мы недостаточно работаем с различными социальными ин-

ститутами. Окружающая среда и ухудшение экологической обстановки приводят к негативным социальным изменениям. Иногда эти изменения даже трудно прогнозировать. В подобных случаях города могут просто пойти по воле истории и не смогут решить эти проблемы».

Губернатор г. Куала-Лумпур г-н Камаруззаман бин Шариф: «Быстрое экономическое развитие породило социальные проблемы, сходные с теми, которые были упомянуты мэрами других городов, такие как наркомания, преступность и вандализм. Эти же задачи должен преодолеть Куала-Лумпур».

Мэр г. Мадрида г-н Мансано: «Будущее нашей цивилизации будет сугубо городским. В настоящее время уже 80 % жителей Европейского союза живут в городах. И к 2020 г. предвидится, что на такой же территории эта доля превысит 90 %. А каковы будут ценности и взаимоотношения, которые дадут форму городскому обществу?.. Это факт, что Интернет и числовые телевизионные системы покончили с расстояниями и всеми барьерами для распространения передачи информации и для распространения передачи изображения. Однако также является фактом то, что по мере увеличения этой глобальности, этого общения в коммуникациях, к нашей озабоченности, также растут осложнения во взаимном общении и понимании между людьми... Эти проблемы обостряются из-за наличия других явлений, которые, к несчастью, являются общими для большинства наших городов. Старение населения... потеря экономической деятельности центральных районов, иммиграция молодых пар из главной городской части на периферию в связи со сложностью найти жилище за доступную цену в центральных зонах. Эмиграция людей других стран и другой этнической принадлежности, приезжающих в поисках определённых возможностей, которых не могут найти в своих странах. Обездоленность тех, кому не повезло или кто не смог наладить нормальный образ жизни.

Эти явления, совпадающие с напряжённостью того, что мы называем современной жизнью, увеличивают пространственное разделение с риском довести его до предела. Этот предел может быть достигнут, когда соседи не станут общаться между

собой, когда не будут разговаривать, не знать имён друг друга и сколько у кого детей, когда не будут учитывать их интересов. Ничто не сравнимо с тоской быть одиноким среди миллионов людей, и в больших городах нельзя допускать этого. Если такое явление станет общим, распространённым, — а мы знаем, что в некоторых районах и новых поселениях уже как-то проявились признаки этого процесса, — то мы станем свидетелями исчезновения городов как коллективной общественной ценности, мы окажемся перед чем-то отличным от обычного нам понятия «город». Города превратятся в некие глобальные рынки, или в оптимизированные пространства, или в нечто другое, но они перестанут быть городами. Очевидно, что такой риск существует и признаки такого «не-города» уже появились в нашей повседневной действительности».

Мэр г. Москвы Ю.М. Лужков: «Все эти проблемы затрудняют деятельность людей и ухудшают условия их жизни, но они же и порождаются именно повседневной деятельностью и решениями людей, стереотипами их личной и семейной жизни. Подчёркиваю: тех же самых людей, которые хотели бы, чтобы этих проблем не было. Люди как бы осложняют жизнь сами себе. Причина этого неестественного мазохизма в том, что они не всегда могут или не всегда желают смотреть далеко вперёд и не умеют оценивать долгосрочные последствия своих действий».

Заместитель мэра г. Рима г-н Раньяро Ла Валле: «Нам в борьбе с преступностью необходимо выявлять причины. Просто подавление неэффективно. Мне представляется достаточно опасным создание групп самозащиты. Это не соответствует принципам правового государства. Каждое лицо, каждый индивид, больные, эмигранты, даже они, должны стоять в центре внимания общества, иначе общество погибнет. В Риме мы успешно проводили политику интеграции оставших детей на уровне начальных классов. И теперь в Риме удалось закрыть одну крупную детскую психиатрическую клинику, где ранее было 3000 умственно больных детей».

Муниципальный советник по культуре г. Сан-Пауло г-н Родолфо Освальдо Кондер: «В настоящее время в Сан-Пауло про-

живает 10 млн. человек и насчитывается 4 млн. транспортных средств. Поэтому в городе не хватает мест для застройки. На каждого жителя приходится меньше 4 кв. м зелёных насаждений, городская экономика страдает от длительных спадов. Это ведёт к появлению трущоб, порождает безработицу и насилие. И всё же сокращение числа рабочих мест в промышленном производстве можно быстро компенсировать за счёт их создания в торговле и сфере услуг. Как видите, мы стремимся решать новые проблемы непосредственно в процессе их возникновения. Иными словами, вместе с растущей болью растёт и наша надежда».

Мэр г. Парижа: «Вопрос плотности населения неизбежно сопровождается вопросом совместного солидарного проживания. Эта совместность, человеческое общежитие нарушаются происходящими процессами. Всё меньше и меньше такой совместности и соседства в домах и тем более в микрорайонах и кварталах. Техническая и экономическая специализации подрывают эти принципы совместного проживания и социального сближения. Это большой вызов для руководителей нынешних городов...»

Правящий бургомистр г. Берлина г-н Эберхард Динген: «Основная проблема в Берлине, как, вероятно, и во многих крупных городах, состоит в общем экономическом развитии на фоне международных и глобальных аспектов этого развития. Международные предприятия и международные фирмы всё больше и больше сплываются и работают на фоне этого сплочения. Этому способствует система международной телекоммуникации. Всё это ведет к значительной потере рабочих мест в производительных сферах деятельности, а также в сфере бытовых услуг. Здесь необходимо следить за тем, чтобы создать все условия, которые помешали бы оттоку сил из этой сферы. Необходимо создать соответствующие условия, чтобы и на будущее сохранить рабочие места в этих сферах. Об этом только что очень убедительно говорил мой коллега из Пекина...»

Как видим, одна из бед, о которых говорили мэры, — снижение использования людского труда «благодаря» техническому прогрессу. Скоро люди не будут нужны производству. А

друг о друге они уже заботиться перестали, хотя это тоже труд. В рамках современной денежной парадигмы никто не станет им платить, хотя люди в силу фундаментальных законов товарно-денежных отношений нужны для потребления произведённого! Ситуация всё быстрее теряет стабильность, в этом причина перерастания семейных неурядиц в «молекулярную войну» всех против всех, а мелких локальных кризисов — в глобальный эколого-социальный и далее в политический и военный.

Если вдуматься, это всего лишь потому, что структуры финансов и экономики заняты исключительно собой, а государства, вместо того чтобы синхронизировать интересы разных внутренних структур и поддерживать культуру своих народов, обслуживают интересы глобальных финансов и глобальной экономики! КАЗАЛОСЬ БЫ, высвобождение людей из экономики позволяет наконец-то заняться назревшими, важными для каждого социальными делами, среди которых:

- * Охрана детства
- * Воспитание молодежи
- * Обучение и переобучение
- * Забота о пожилых
- * Улучшение инфраструктуры
- * Восстановление жилья
- * Очистка окружающей городской среды и озеленение городов
- * Восстановление лесов и очистка рек
- * Фундаментальная наука
- * Искусства, развлечение, музыка, театр
- * Общественный транспорт
- * Предупреждение преступности
- * Здравоохранение

И на это всё НЕТ ДЕНЕГ, хотя есть и свободные руки, и понимание, что надо делать. Бернар Лиетар пишет по этому поводу:

«Вообразите марсианина, приземлившегося в бедном квартале и наблюдающего нищету, людей, спящих на улицах, беспризорных детей, деревья и реки, умирающие от недостатка заботы,

экологические бедствия и все остальные проблемы, стоящие перед нами. Поближе познакомившись с нами, он обнаруживает, что мы точно знаем, что нужно делать со всем этим. Наконец, он видит, что многие люди, желающие трудиться, или остаются безработными, или используют только часть своих навыков. Он видит, что не все, у кого есть работа, занимаются тем, к чему лежит душа, но все ждут денег. Вообразите марсианина, которому надо объяснить, что это за странная вещь — «деньги». Вы — лично вы — смогли бы объяснить ему, что мы ждём «соглашения в пределах сообщества, чтобы использовать нечто — фактически что угодно — как средство обмена»? И продолжаем ждать.

Наш марсианин засомневался бы, есть ли разумная жизнь на этой планете...»

Кончится эта ненормальная жизнь военной катастрофой. Впрочем, военные действия уже идут: «международный терроризм» вызвал создание «антитеррористической коалиции». Ну а что такое этот «терроризм»? Чем вызван он сам?.. В статье доктора наук Костина «Математик высчитал, как победить терроризм»^{*} читаем:

«При сохранении стратегии и тактики борьбы с терроризмом никакими количественными мерами (международное сотрудничество, увеличение бюджетного финансирования, наращивание личного состава сил противодействия, административные и организационные меры) достичь перелома ситуации невозможно. Необходимы меры, разрушающие экономический и социальный фундамент терроризма. В первую очередь это отказ от рыночной модели экономики, в принципе разрушающей социальную стабильность общества и толкающей на деятельность, приносящую максимальную прибыль (а это наркоторговля, торговля живым товаром, коррупция, бандитизм и т.д.)».

«Международный терроризм», равно как и «силы противодействия» ему — просто новые антагонистические общественные структуры. Верные слова могут звучать в лозунгах как тех, так и этих! Но суть в том, что эти структуры, однажды воз-

^{*} Родная газета. 2004. 22 октября.

никнув, не имеют никакой другой цели, кроме собственного выживания. И в этот раз — в силу описанных нами в предыдущих главах обстоятельств — война будет идти действительно «до последнего», с использованием всего накопленного арсенала средств массового уничтожения. Сколько людей эту войну переживёт — сказать трудно, но вряд ли много, и почти наверняка про большинство культурных достижений человечества придётся забыть.

Победить-то в принципе можно; вспомним: ведь исчезли в пелене времён такие мощные некогда структуры, как инквизиция, военно-рыцарские ордена, НСДАП Гитлера... Но чтобы развеять нынешний кризис и остановить накатывающееся на всех нас ужасное будущее, надо сменить стиль мышления, финансово-экономическую парадигму и образ жизни. Можно ли это сделать?.. И как?.. Об этом мы поговорим в соответствующих главах.

Если же не сменить их — что ж, природа прекрасно решит свои проблемы *без* человека, которого ждёт Армагеддон.

А кстати, что такое Армагеддон?

Это предсказанная апокалиптическая битва всех царей земных с силами Сатаны, в которой погибнет всё человечество, и на Земле установится Царство Божие. Пока есть ещё немного времени, каждому следовало бы подумать: за какими лозунгами скрывается Сатана?..

ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Никогда ещё человечество не сочетало такое могущество с таким жутким бардаком, столько опасностей с таким обилием игрушек, столько знаний с такой потерянностью.

Поль Валери

Трудности восприятия кризиса

Мир движется к точке своей качественной трансформации (с человеческой точки зрения — катастрофе) с нарастающей скоростью. Как и любой качественный переход, и этот тоже произойдёт неожиданно и достаточно быстро, как цунами. А человечество совершенно не готово встретить грядущее. Большинство — в растерянности. Люди понимают: что-то происходит, но не понимают что. Стали особенно слышны голоса мистиков и астрологов — ведь люди ищут индивидуального спасения! — но жизненная стратегия «Спасайся, кто как может» сыграет злую шутку с большим числом людей во многих странах.

Нет понимания, что при перестройке окружающей среды почти никто не выживет. Или вообще никто.

Стандартный, с доисторических времён и до сих пор применяемый стиль мышления — детерминистский — предусматривает, что всякому следствию обязательно предшествует некая причина. С такими представлениями учёным, изучающим общество, особенно историкам, живётся легко. Упрощённо говоря, «властолюбивый тиран Сталин был коварным, а добрый Бухарин доверчивым» — вот и все причины общественных потрясений 1930-х годов в СССР.

В середине XIX века естествознание овладело статистическими закономерностями, и детерминистский метод дополнился идеей *вероятности*. Но общественные науки так и не освоили вероятностных закономерностей, применяя лишь некоторые методы теории вероятности в рамках детерминизма.

В 1940-х годах появилась *кибернетика*. Её можно понимать как науку об управлении, в том числе в технике, в человеческом обществе и в живых организмах. Её создатель Норберт Винер считал, что управление через связь есть не что иное, как передача информации. Так рождение кибернетики привело к созданию *теории информации*, а если смотреть шире — подтолкнуло развитие *теории эволюции*.

Первоначально исследовались в основном технические системы, и никто даже не задавался вопросом о том, *как информация возникает*. Считалось, что она уже существует и задача состоит лишь в её передаче и адекватном приёме, чтобы при этом каналы связи были бы способны передать её в необходимом объёме. Решая эту последнюю задачу, придумали, как измерить *количество информации*, и обнаружили, что аналитические выражения, определяющие её количество, удивительно похожи на соответствующие соотношения для *энтропии**. Позже, когда взялись изучать роль информации в биологических системах, на первый план вышла проблема возникновения информации. И неожиданно оказалось, что она *возникает лишь в процессах, результат которых не известен заранее*; в ином случае это будет не новой информацией, а лишь модификацией уже известного. И кроме того, этот *случайный результат должен быть запомнен* — иначе люди не смогут использовать эту информацию в дальнейшем. И не будут понимать сути события, стоявшего за этой информацией.

Аккуратный анализ этих выводов показал, что информация и энтропия — разнопорядковые величины. Более того, появление новой информации (в ходе каких-то эволюционных событий) сопровождается генерацией дополнительной неустойчивости, а не её уменьшением!

* Энтропия — мера неупорядоченности, неравновесности систем.

Между тем развитие естествознания привело к возникновению нового стиля мышления, более адекватного описанию действительности. Обнаружились самоорганизующиеся системы, в процессе эволюции которых есть этапы как организации, так и дезорганизации. Такой стиль сегодня называют *нелинейным* или синергетическим.

Но многие ли об этом хотя бы слышали?!

Большинство социологов, историков и политиков, рассчитывая траектории в «светлое будущее», продолжают использовать старый, затёртый детерминизм, не удосуживаясь обратиться хотя бы к статистическим, вероятностным закономерностям! Так, экономики нескольких стран рухнули после вмешательства «экспертов» Мирового валютного фонда; самый яркий пример — это некогда богатая Аргентина, и что же? Уже *после этого* российские, с позволения сказать, руководители позвали тех же экспертов и довели Россию до дефолта 1998 года.

Мы сами даже от наших друзей — серьёзных учёных, между прочим, — слышали рассказы о некоем тайном «всемирном правительстве», которое руководит всеми общественными процессами, которое отдавало приказы ещё Сталину, Гитлеру и Черчиллю...

Синергетика же даёт единый принцип описания процессов самоорганизации и разрушения динамических систем — а ведь к таким системам относится и вся живая природа на планете Земля, и человечество в целом, и отдельные страны и народы, и экономика этих стран, короче, все объекты общественных наук! По законам самоорганизации развивалась бы — будь она в самом деле создана — и такая общественная структура, как «всемирное правительстве», не минуя никаких свойственных всем структурам этапов!.. Теперь мы разрабатываем основы хронотроники, продляющей методы синергетики в общественную сферу.

В силу того что стиль мышления большинства не соответствует эпохе, стремительность глобальных катастрофических изменений до сих пор не осознана даже очень просвещёнными людьми. Политики и учёные продолжают полагать, что

ожидаемые катаклизмы будут (неизвестно почему) развиваться постепенно, предоставляя виновному в них человечеству время подготовиться или принять меры. Мало того, перед лицом грозящих опасностей человечество ощутимо раздробляется, разъединяется, и это притом, что средства коммуникации сегодня позволяют мгновенно соединиться, где бы кто ни был.

Такое «несерьёзное» отношение к переменам, подготовленным эволюцией динамических систем, — вещь столь же обычная, как и сами эти перемены. Точно так же в феврале 1917 года «никто никаких революций не ждал, а уж меньше всех крестьяне, составлявшие большинство народа», — пишет Иван Солоневич.

Перемены стали неожиданностью даже для революционеров. А.Ф. Керенский пишет: *«Вечером 26 февраля у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции»*. Эсер В.М. Зензинов (1880—1953): *«Революция ударила как гром с ясного неба и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров»*.

Как и сегодня, причиной этих и дальнейших событий были не слова и дела отдельных, пусть даже влиятельных, персон, не «Апрельские тезисы» и не корниловский мятеж, не красноречие Троцкого и не выстрел «Авроры», а нестабильность самой ситуации. Любое флуктуационное воздействие могло развернуть страну в каком угодно направлении. Развернуло — в сторону большевизма.

Ныне на планете нестабильность ничуть не меньшая, а даже большая. Никакие слова и дела отдельных персон не изменят этого: катастрофа неизбежна. Биосфера — не субъект, по крайней мере не тот субъект, с которым можно договориться. Биосферу нельзя уговорить подождать или пожалеть. Однако не только множество «простых людей», но и большинство экологов не замечают или не понимают сути основных антропо-

генных глобальных изменений, то есть изменений, происходящих в природе из-за деятельности человека. А самое главное из таких изменений — это всё большее замыкание на свои, человеческие нужды потока энергии, протекающего в биосфере.

В чём тут дело? В том, что человек вовсе не «царь природы».

Фундаментальной гипотезой, объясняющей процессы саморегуляции глобальной окружающей среды, является идея *биологической стабилизации*, которая основана на действии естественных механизмов ликвидации тех условий и организмов, которые ведут к нарушению устойчивости. Это означает, что биосфера обеспечивает энергией само существование жизни на Земле, а потребности человека и его хозяйственных систем — вещь попутная.

Энергия запасается в органическом веществе, синтезированном растениями, а биотическая регуляция на планете обеспечивается работой многочисленных мелких организмов — бактерий и грибов, потребляющих около 90 % этой энергии. Мелкие беспозвоночные животные потребляют чуть больше 9 %, то есть практически всю оставшуюся часть потоков энергии, и, таким образом, на долю крупных позвоночных (к числу которых относится человек) остаётся менее 1 % всего потока энергии. А значит, самому человеку можно потратить на себя существенно меньше 1 % энергии биосферы, поскольку надо же что-то оставить и прочим позвоночным.

Самое интересное, что энергопотребление естественной биоты* составляет всего лишь одну тысячную часть «бюджета» солнечной энергии, поступающей на Землю, а основная часть обеспечивает регуляцию и устойчивость климата. Изменение этого соотношения может привести к полной разбалансировке климата Земли и принципиальной невозможности поддержания его любыми управляющими механизмами в ус-

* *Биоценоз* — единство растений, животных и микроорганизмов, населяющих определённый участок земной поверхности с его ландшафтными, климатическими, почвенными и гидрологическими условиями. *Биота* — греческое слово, означающее «жизнь»; отличается от биоценоза тем, что в биоте могут отсутствовать экологические связи между видами.

тойчивом, пригодном для жизни состоянии. Очень похоже, что многие современные климатические чудеса подготовлены всё же нами, людьми. И, несмотря на это, довольно часто звучат успокаивающие речи: дескать, кризисы на Земле обычное дело. Динозавры вон вымерли без помощи человека. Может, он и теперь ни при чём.

Возможно, это мнение не лишено оснований. Да вот только мамонтов, бизонов, селёдок и многих прочих съел именно человек.

Непонимание происходит оттого, что следствия не идут сразу за причинами, а потребности и возможности каждого отдельного человека столь мелки перед лицом глобальных событий, что он не отдаёт себе отчёта о своём участии в них. Делая нечто такое, что в будущем лишит человечество возможности выжить, люди не замечают этого. Они зарабатывают *сегодня*, разрушая окружающую среду и делая её несовместимой с жизнью *завтра*. Но *завтра*, можно сказать, уже пришло, и смысл зарабатывания окончательно потерян. Продолжение нашей привычной социально-хозяйственной практики равнозначно получению денег за то, что повесишься.

Наука давно предупреждает о возможных последствиях, так давно, что эти предупреждения потеряли остроту. Так юноша отмахивается от наставника, говорящего ему о вреде курения. Ну, предупреждает наука, думают люди. Теперь будем знать, что природа гибнет. Побежали дальше. Авось пронесёт. Да, нам известен такой психологический феномен: люди даже в несчастье любят утешаться надеждами. Если же речь идёт о будущих несчастьях, так тем более.

Нельзя сказать, что от предупреждений экологов совсем отмахнулись. Нет. Была создана внушительная природоохранная инфраструктура, затрачены огромные средства (триллионы долларов), разработаны и даже внедрены ресурсосберегающие технологии. **Однако глобальные показатели состояния окружающей среды продолжают непрерывно ухудшаться, появляются новые и новые экологические угрозы, ресурсная база сокращается.** Есть, конечно, технологические решения, которые могут продлить период демографического и промышленного

роста. Но только продлить, а не отодвинуть его конечные пределы.

Если бы наука могла вполне достоверно указать, какие конкретно дела приближают катастрофу! Но... Хотя учёные убеждают себя и общественность, что они абсолютно автономны и самостоятельны, на самом деле они чрезвычайно зависимы от экономики и от военных структур, которые дают им заказы на всё, что им нужно, и оплачивают их. При этом экономические и военные структуры очень жёстко сортируют всю научную продукцию, чем бы ни определялось появление инноваций. Кроме того, обыденное сознание не может понять истинную роль экологического фактора в жизни человечества и адекватно выделить этот фактор из массы всевозможных обстоятельств бытия. Трагизм в том, что нам становятся ясны последствия наших действий, лишь когда они уже наступили и принимать меры поздно. Это как болезнь с большим инкубационным периодом, например проказа. Когда она проявляется, уже поздно принимать какие-либо меры. Или как в той знаменитой шутке: поздно пить боржоми, если печень отвалилась.

Человек на себя и небольшую группу организмов, его окружающих (домашних животных и «домашних» паразитов), перевёл около 40 % чистой первичной продукции биоты (хотя «выделено» ему природой менее 1 %), обрекая на голод и вымирание огромное количество биологических видов. Эгоцентризм проявляется даже в мелочах. Присмотритесь к защитникам «прав» бродячих собак. «Бедные, несчастные собачки! — говорят они. — Разве можно их истреблять? Выйдем все, как один, на демонстрацию за их спасение!..» А то, что добрые собачки сожрали всех зайцев и ёжиков вокруг Москвы, что в центральной части России одичавшие собаки замещают собой волков в лесах, так это не важно. Кому нужны те зайцы и волки...

Так человек разрушает и деформирует естественные экологические ниши организмов и собственную экологическую нишу.

А ведь «сигналы» биосферы достигли уже каждого.

Число больных людей непрерывно возрастает. Уже невозможно найти абсолютно здорового человека! Увеличение за-

грязней ведёт к ускоренному нарушению генома человека. Из-за всего этого системы медицинского обслуживания стали непомерно дороги даже для развитых стран; в последние десятилетия в США и Великобритании постепенно отказываются от государственных систем медицинской помощи и перестраивают их так, чтобы основные расходы несли сами больные. Исключительно быстро возрастает потребление лекарств, подавляющее большинство которых требует индивидуального дозирования и обладает побочными эффектами, о значительной части которых нет точных сведений. Растущее использование в животноводстве и растениеводстве продуктов биоинженерии создаёт ещё одну, на этот раз генетическую «чёрную дыру», куда здоровье человека может однажды провалиться окончательно.

Помимо подобных жёстких обратных связей, которые уже начинают регулировать численность человечества и скоро приведут к глобальному катастрофическому снижению его численности, есть и не столь очевидные связи. Производство постоянно дорожает, хроническим стало сокращение инвестиций в оборудование и новые технологии даже в развитых странах. Снижается площадь пахотных земель и объём продовольствия на душу населения, зреет продовольственный кризис. Очевиден демографический кризис. На арену жизни выходит огромная масса молодых людей, требующих своего места и своей доли благ, но запасов невозобновляемых ресурсов всё меньше, их не хватит на жизнь этих молодых людей. Отсюда — социальный кризис со всеми вытекающими последствиями.

Обо всём этом пора говорить в школах детям! Но пока даже среди взрослых особого понимания, что катастрофа у порога, нет. В 1960-х — середине 1970-х годов пресса стала будоражить население, пугая его кислотными дождями и прочим подобным. Возникло Международное общество экологов (ИНТЭКОЛ). На следующем этапе всё громче зазвучал вопрос: «Что же делать?» Ключевым моментом стала конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Появились документы, часто весьма объёмные и пунктуально разработанные, но... невыполнимые.

Отметим одну особенность современной экологической мысли. Не нужно сильно напрягать разум, чтобы перечислить негативные экологические процессы, идущие прямо сегодня. И можно запросто подсчитать, каких денег и энергии будет стоить остановка этих процессов и последующее восстановление природных систем, если делать это известными способами в рамках существующей экономической и политической парадигмы. Так вот, оказывается, придётся затратить такое количество ресурсов, которого вообще у человечества нет.

Похоже, экологические мыслители пытаются решать задачу, выведя фактор ограничения в ресурсах за скобки. Но суть-то кризиса как раз и состоит в том, что человечество подошло к границам своих ресурсных возможностей! И что особенно важно — ограничен такой ресурс, как время.

Тупик. Возвращаемся к вопросу: «Что же делать?»

Значительная часть экологического ущерба наносится ради создания определённого жизненного комфорта. Мыслители обличают промышленников, загрязняющих природу. А ведь промышленность загрязняет её не для своего удовольствия, а чтобы создать всем, в том числе протестующим против загрязнений, жизненный комфорт!

Между прочим, проблемы, с которыми мы столкнулись сегодня лицом к лицу, были понятны уже в XVIII веке. В ходе Великих географических открытий человечество выяснило размеры Земли и очертания континентов с высокой точностью. Люди стали задумываться о пределах: земной шар хоть и большой, но всё же его размеры и возможности ограничены. Наиболее чётко сформулировал эти проблемы английский учёный Томас Мальтус (1766—1834). В своей книге «Опыт о законе народонаселения...», вышедшей в 1798 году, он предсказал, что поскольку число людей на Земле постоянно растёт, то способность планеты обеспечивать их всех рано или поздно будет исчерпана.

В России многим из ныне живущих не нужно напоминать, как пинали имя великого учёного Мальтуса официальные советские философы. О нём можно было говорить только в негативном смысле. Вот что пишет «Философский энциклопе-

дический словарь» 1983 года: *«Мальтузианство — социологическая доктрина, основанная на антинаучной системе взглядов на закономерности воспроизводства народонаселения... Классики марксизма-ленинизма раскрыли полную несостоятельность мальтузианства, показав, что развитие народонаселения осуществляется под решающим воздействием не природы, а социальной организации общества, способа производства прежде всего».*

Но что бы там ни доказывали классики марксизма-ленинизма, а численность человечества растёт по степенному закону в отличие от природных ресурсов планеты, которые только сокращаются. При таком «раскладе сил» они действительно однажды будут исчерпаны!

В последнее время появилось несколько экологических теорий. Некоторые — их называют «теориями глобальных кризисов» — стали современной редакцией мальтузианства. В них утверждается неизбежность наступления серии глобальных кризисов по мере роста населения и научно-технического прогресса. Западный банковский капитал через научные фонды вкладывает значительные средства в пропаганду таких теорий, о них всё чаще говорят в СМИ; общественное мнение взбудоражено, но ведь они просто констатируют факт. Да, учёные верно обрисовывают суть происходящего; их теории полезны, они привлекают внимание к необходимости беречь природу. Но на вопрос «Что делать?» ответа нет.

Другие учёные — сторонники теории «рог изобилия» — утверждают, что ресурсы Земли и ближнего космоса (например, солнечная энергия) превышают сколь угодно растущие потребности человечества. Они обращают внимание на то, что численность населения многих стран мира уже практически не возрастает, а в других странах есть тенденция к снижению темпов его прироста и демографический кризис невозможен. Опасность вымирания от неизлечимых болезней, например СПИДа, человечеству тоже не грозит. Оно пережило и более опасные эпидемии. Пандемия чумы в конце Средневековья за считанные месяцы уничтожила в Западной Европе до 75 % жителей, однако некоторые люди имели иммунитет к чуме, и за несколько лет их интенсивного размножения численность на-

селения восстановилась. Происходило это в соответствии с законами глобальной экологии: любая экологическая ниша должна заполниться.

Сторонники этой теории указывают, что вопреки пророчествам Мальтуса ни один из ресурсов на планете к началу XXI века не оказался исчерпанным. Влияние человечества на живую оболочку Земли дало как негативные, так и позитивные последствия, а в целом состояние *homo sapiens* как биологического вида удовлетворительно. Они признают, что да, некоторые из форм воздействия человека на природу — например, связанные с добычей нефти, использованием ядерной энергии — порой приобретают вид катастроф. Но это только кажется людям с упрощёнными представлениями о законах экологии.

Вот, например, произошел выброс нефти в океан в результате аварии танкера. Все говорят: «Катастрофа!» Нет. Незначительные выбросы увеличивают биопродуктивность и биологическое разнообразие в океане и на загрязнённых участках суши. Дело в том, что нефть — органическое соединение, при её избытке увеличивается количество организмов, усваивающих её, и уменьшается количество организмов, неспособных к этому. Так что избыток нефти в природной среде может быть и полезным, и вредным.

Или, например, рванула Чернобыльская атомная станция. В окружающую среду попало большое количество долгоживущих радиоактивных элементов. И что же? Оказывается, биоразнообразие и объём биомассы в зоне Чернобыля стали даже выше, чем до катастрофы! Кроме того, по данным экспертов, продолжительность жизни чернобыльцев превысила среднюю продолжительность жизни других категорий населения. Правда, последнее произошло от лучшего материального обеспечения и большего внимания врачей к их здоровью...

Как видим, эта группа исследователей вполне довольна жизнью. Вопрос «Что делать?» вообще не стоит. Экологические катастрофы? Да они полезны! Надо просто грамотнее применять научные знания. Конечно, опасности есть: глобальные и локальные военные конфликты. А в остальном всё хорошо.

Самое парадоксальное, что в их утверждениях есть некоторое рациональное зерно. В самом деле, человек так или иначе влияет на природу, но запретить всю хозяйственную деятельность невозможно и не нужно. Абстрактная охрана природы и впрямь должна сменяться конкретно разработанной стратегией рационального природопользования! Действительно, для прогнозов последствий экологических катастроф надо привлекать весь арсенал современной науки. Но если сделать именно это, то есть рассмотреть проблемы с научной точки зрения, то, возможно, у них поубавилось бы энтузиазма.

Вот некоторые объективные данные.

Прежде всего в природе нет свободных экологических ниш.

Масса живого вещества на Земле составляет 2400 млрд. т (в сухом весе, без связанной с живой материей водой). На протяжении сотен миллионов лет это значение остаётся относительно постоянным: если в одном месте биомасса убывает, то в другом она возрастает. При этом рост численности любого вида ограничен, и он проходит несколько стадий. После первичного роста наступает фаза стабилизации, определяемая наличными ресурсами. Если сама ёмкость среды испытывает изменение, то исходная численность будет меняться вместе с ней. Поэтому все восторги, что в результате экологических катастроф растёт разнообразие видов, наивны, ибо изменения могут однажды стать такими, что места для человека не останется.

Аргумент последователей теории «рог изобилия» о полезности катастроф тоже выглядит не вполне адекватно. Да, динамические системы проходят через катастрофы, и даже развитие биосферы — это цепь катастроф с непредсказуемыми исходами. Так, полная перестройка биосферы произошла, когда живое вещество вышло из океана. Гибель динозавров относится к числу подобных катастроф. Появление человека — тоже катастрофа, внёсшая в число механизмов развития биосферы разум, с непредсказуемым исходом. Очевидно, что развитие биосферы характеризуется крайней неустойчивостью, отсюда и катастрофы; мы сами не устаём это повторять.

В начале антропогенеза тоже лежала катастрофа. Цепочка катастроф каждый раз качественно меняла образ жизни наших предков и характер их развития; и все эти катастрофы носили глобальный характер.

Общепланетарным кризисом была «неолитическая революция»: уничтожение крупных копытных с помощью метательного оружия поставило наших предков на грань вымирания от голода, и борьба за ресурс сократила население планеты, вероятно, во много раз. Именно в это время исчезли другие претенденты на право называться предками человека, например, создатели мустьерской культуры; остались только кромањонцы. Выжили, как писал академик Н.Н. Моисеев, *«может быть, даже не самые сильные, не самые умные, но обладавшие более совершенной нравственностью, т.е. системой нравов, а значит — и более дисциплинированные, более приспособленные для создания более совершенной общественной организации»*.

Пройдя через страшный кризис, наши предки полностью перестроили свой образ жизни. Возникли земледелие, скотоводство. «Неолитическая революция» породила собственность и дала начало всем современным цивилизациям; развитие человечества пошло по совершенно новому пути. Обретя невиданное могущество, оно, однако, сохранило представление о биосфере, которое имело в доцивилизационный период, как о неограниченном резервуаре присвоения. И все современные цивилизации мы вправе называть присваивающими.

После той катастрофы человечество научилось брать ресурсы, не лежащие на поверхности. Началось промышленное их использование, быстрый рост населения, потребительское счастье. Теперь и эти ресурсы кончаются. Они кончатся, но, без сомнений, после опустошительных войн и пандемий наука — в соответствии с мнением сторонников теории «рог избытия» — предложит выжившим способ выкачивать из планеты магму и добывать сырье из неё. А что будет потом?

Н.Н. Моисеев писал: *«...Выход из этого состояния неоднозначен. Он может дать и новые стимулы развития, как это случилось с кромањонцами в результате неолитической катастрофы, а может привести и к полному исчезновению, как это случи-*

лось с людьми мустьерской культуры. Риск столь высок, что человечество допустить его не может...»

Если бы эволюция человечества определялась разумом, то да. Но поскольку разум сам по себе, а эволюция сама по себе, то деваться некуда. Человечество будет рисковать.

Доклад «Пределы роста»

Казалось бы, когда появились первые же сообщения об угрожающих явлениях и тенденциях, то эти проблемы, от решения которых, в конце концов, зависит будущее мира, немедленно должны были стать главной заботой всех политических деятелей, всех правительств. Ничуть не бывало! По сей день политиков интересует лишь то, что может повлиять на итоги очередных выборов. Надо что-то делать нам, учёным и общественникам, — примерно так рассуждали те, кто основал Римский клуб, международную неправительственную общественную неформальную организацию.

Свою работу Клуб начал в 1968 году со встречи в Академии Деи Линчеи в Риме; отсюда и название. Инициатором и организатором встречи был глава компании «Оливетти», член административного совета компании «Фиат» Аурелио Печчеи. *«Мыслить глобально — действовать локально»* — таким стал девиз новой организации. Активные члены Клуба — сто признанных в мире предпринимателей, общественных и политических деятелей и учёных. У Клуба нет штата и формального бюджета. Координирует его деятельность Исполнительный комитет в составе восьми человек.

Клуб, объявив своей задачей выявление проблем, стоящих перед человечеством, и разработку стратегии их решения на глобальном, региональном и местном уровнях, занялся анализом отчётов правительств и стал центром новых идей. Он не формулирует политических доктрин, но способствует диалогу и обмену мнениями по вопросам, имеющим значение для настоящего и будущего человечества.

В 1969 году Аурелио Печчеи, президент Римского клуба, выпустил в свет книгу «Перед бездной». Вместе с единомыш-

ленниками он выступал с лекциями в разных странах мира, но позже признавался:

«...наши упорные скитания по свету не привели, по сути дела, ни к каким осязательным результатам — как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то иной, далёкой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба — при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнёт на их интересы. В общем, ...никто не только не выразил готовности уделить благу будущего всего человечества хоть какую-то долю своего времени, денег или общественного престижа и влияния, но даже, по-видимому, и не верил, что подобные жертвы с их стороны могут привести хоть к каким-нибудь положительным результатам...»

Члены Клуба прекрасно понимали, что трудно выделить какие-то частные проблемы и предложить отдельные, независимые решения для каждой из них. Ведь любая проблема соотносится со всеми остальными, и очевидное на первый взгляд решение одной может усложнить решение других. Ни одна из этих проблем или их сочетаний не может быть решена за счёт последовательного применения основанных на линейном подходе методов, применявшихся в прошлом!

Клуб заинтересовался математическими моделями, получившими название «Мир-1», «Мир-2» и «Мир-3». Первые две были разработаны в 1970 году профессором Массачусетского технологического института Джеймсом Форрестером. Он учёл в них данные по населению, производству сельскохозяйственной и промышленной продукции, природным ресурсам и загрязнению окружающей среды и продемонстрировал членам Римского клуба первые машинные прогоны этих моделей. Эксперимент произвёл сильное впечатление, и Форрестер продолжил работу.

Математическая модель «Мир-3» была построена для исследования пяти основных глобальных процессов: быстрой индустриализации, роста численности населения, увеличива-

ющейся нехватки продуктов питания, истощения запасов невозобновляемых ресурсов и деградации природной среды. Конечно же, как и любая модель, она содержала большое количество упрощений. Но полученные результаты оказались столь интересными, что авторы решили сделать их достоянием общественности и в 1972 году опубликовали доклад под названием «Пределы роста». Смысл был в следующем:

1. Если современные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и истощения ресурсов будут продолжаться, в течение следующего столетия мир подойдёт к пределам роста. В результате произойдёт неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объём производства.

2. Но эту тенденцию роста можно изменить и прийти к экономической и экологической стабильности. Состояние глобального равновесия можно установить на уровне, который позволяет удовлетворить основные материальные нужды каждого человека и дать каждому человеку равные возможности реализации личного потенциала.

Авторы, конечно, понимали, что не могут претендовать на точный прогноз. Однако модель дала возможность понять причины роста, его пределы и вероятное поведение модели при подходе к пределам.

Все оценки в модели отсчитывались от значений 1900 года, и до 1970 года (когда создавалась модель) все переменные, в общем, соответствовали действительным значениям. Численность населения, составлявшая в 1900 году до 1,6 млрд. человек, выросла к 1970 году до 3,5 млрд. Хотя рождаемость медленно падает, уровень смертности снижается быстрее (особенно после 1940-го) и темпы роста численности населения увеличиваются. Объём производства промышленной продукции, продуктов питания и услуг на душу населения растёт по экспоненте. Запасы ресурсов в 1970-м составляли почти 95 % от значения 1900 года, но уже начинали угрожающе сокращаться из-за роста численности населения и объёма промышленного производства.

Из поведения модели видно, что приближение к предельным значениям и коллапс неизбежны. Объём промышленного капитала в модели достигал уровня, где требовался огромный приток ресурсов, и сам процесс этого роста истощал запасы доступного сырья. С ростом цен на сырьё и истощением месторождений требовалось всё больше средств, а значит, всё меньше оставалось для вложения в будущий рост. Наконец, наступил момент, когда капиталовложения уже не могли компенсировать истощения ресурсов. Началось разрушение индустрии, а вместе с ней системы услуг и сельхозпроизводства, зависящих от промышленности (производство удобрений, пестицидов, работа исследовательских лабораторий и особенно производство энергии, необходимой для механизации).

По приблизительным расчётам, рост прекращается около 2100 года. Однако в каждом сомнительном случае авторы старались выводить оценки с максимальным оптимизмом, пренебрегая случайными временными событиями, которые могли бы положить конец росту раньше. Другими словами, рост в модели продолжается дольше, чем он может оказаться в реальном мире.

Чтобы проверить результаты, авторы работы удвоили оценку запасов ресурсов для 1900 года, сохранив все другие допущения такими, какими они были при обычном прогоне. Тогда уровень индустриализации оказался более высоким, потому что запасы ресурсов истощались не столь быстро. Оказалось, в этом случае разрастающаяся промышленность загрязняет среду с такой скоростью, что нагрузка на природный поглощающий механизм оказывается предельной. Уровень загрязнения растёт быстрее, чем в первом случае, вызывая повышение смертности и сокращение производства продовольствия. И к концу прогона запасы ресурсов опять истощаются полностью, несмотря на удвоенное значение их первоначальной величины.

Обязательно ли в будущем мировая система будет расти, а потом придёт к катастрофе, к мрачному полунищему существованию? Да, если предположить, что наш теперешний образ жизни не изменится. Но члены Римского клуба верят в чело-

веческий разум*, ссылаясь на опыт «зелёной революции», которая повысила продуктивность сельского хозяйства в аграрных странах. Они полны оптимизма и говорят, что в истории человечества есть примеры успешного преодоления трудностей, связанных с пределами роста. За последние триста лет накоплен впечатляющий запас грандиозных технических достижений, а последний этап истории многих стран был настолько успешным, что можно надеяться и впредь прорываться через природные пределы с помощью технологии...

«Человек предполагает, а биосфера располагает», — скажем на это мы. Можно ли, даже имея новейшие технологии, остановить стремление системы к росту и сдержать последующий коллапс. И как бы отвечая на наш вопрос, авторы модели сделали новые допущения.

Предположим, пишут они, что с помощью ядерной энергии ресурсная проблема будет решена. Предположим, что начиная с 1975 года уровень загрязнения от всех источников снизится в 4 раза, а все страны примут надёжные меры по ограничению рождаемости и, наконец, что средняя урожайность с 1 га увеличится во всём мире вдвое.

И они предположили всё это и ввели в каждый параметр модели фактор «технологические меры». Вот эти меры: моделируемая мировая система использует ядерную энергию, регенерирует ресурс и разрабатывает самые глубокие залежи сырья, улавливает все загрязняющие вещества, собирает с полей немислимые урожаи, в ней рождаются только дети, появления которых страстно желают их родители.

И модель показала, что конец всё равно наступит около 2100 года!

Оказывается, технологические решения могут лишь продлить период демографического и промышленного роста, но не отодвинуть его конечные пределы. То есть, сохранив прежние правила потребительства, мы даже с помощью самых современных технологий решения эколого-социального кризиса не найдём и катастрофы не отодвинем.

Модель совсем не показывает побочные социальные эффекты, которые часто оказываются самыми важными, когда речь

* В отличие от нас, авторов этой книги.

идёт о влиянии технологии на жизнь людей. А ведь прежде чем браться за глобальное внедрение новых технологий, нужно научиться предвидеть и предупреждать социальные последствия! Технологию (короткопериодная структура) можно сменить быстро, а социальные институты (долгопериодная) изменяются медленно. Никогда не было такого, чтобы революционные изменения проводились для предупреждения требований общества. Обычно они происходят только в ответ на них.

Авторы модели «Мир-3» спрашивают, что лучше: жить, учитывая пределы и добровольно ограничивая рост, или расти, пока не приблизятся естественные границы, в надежде, что технологический скачок позволит преодолеть их? И сами же отвечают, что в течение последних столетий человечество так упорно и успешно следовало вторым курсом, что первая возможность была прочно забыта.

«А осуществима ли она в принципе?» — спросим мы. Сегодня, через три десятилетия после появления этой модели и доклада «Пределы роста», видно, что нет, не осуществима. Между тем время сближения границ пришло — раньше, чем ждали.

Римский клуб заявил (в 1970 году), что есть только два способа исправить возникший дисбаланс численности и ресурсов: либо снизить темпы прироста численности населения, приведя их в соответствие с низким уровнем смертности, либо позволить уровню смертности снова возрасти. И вот мы видим, что все естественные, природные меры по ограничению численности населения следуют по второму пути, ведут к повышению смертности. Но и этого недостаточно, чтобы предотвратить перенаселение и коллапс. А эксперименты с моделью, при которых объём капитала оставался постоянным при растущем населении, показали, что и стабилизации капитала недостаточно.

Учёные Римского клуба предложили рассмотреть гипотетический случай: что будет, если в 1975 году удастся остановить рост населения, а в 1985-м — рост объёма промышленного капитала, оставив все другие показатели неизменными? И по их расчётам, так удалось бы добиться некоторой стабилизации! Но расчёты и призывы пропали втуне. А впрочем, и

в этом случае результат был бы печален: *«В конце концов истощение ресурсов приведёт к снижению объёма промышленного производства и временное равновесие нарушится».*

Наконец, они предложили очень серьёзные меры, в том числе по пересмотру технологических и ценностных установок человечества. Через внедрение этих мер, уверяли они правительства всех стран, можно добиться более благоприятного поведения модели, уменьшив стремление системы к росту. Может быть. Может быть! Но начинать это делать надо было в 1970—1975 годах, но ничего не было сделано ни в 1975-м, ни в 1985-м. Впрочем, и в 1972 году разработчики модели «Мир-3» оптимизма не питали:

«Авторы не думают, что к 1975 году в мире вдруг будет принят хоть один комплекс мер, необходимый для стабильности системы. Общество, избравшее своей целью добиться устойчивости, должно приближаться к ней постепенно. Однако важно понять, что чем дольше будет продолжаться экспоненциальный рост, тем меньше будет оставаться шансов прийти в конце концов к равновесию. В одном из прогонов модели они проверили, что может произойти, если ввести описанные выше меры не в 1975 году, а в 2000-м. Тогда и численность населения, и объём промышленного производства на душу населения оказываются намного выше. В результате — очень высокий уровень загрязнения, резкое истощение ресурсов, несмотря на ресурсосберегающие стратегии. Задержка стабилизирующих мер на 25 лет приводит к тому, что потребление ресурсов за этот период оказывается почти равным их расходу за 125 лет, с 1875 по 2000 год».

Что и произошло на самом деле.

В 1972 году все доказательства, имевшиеся в распоряжении Римского клуба, говорили о том, что из трёх альтернатив — неограниченного роста, добровольного ограничения и выхода к естественным пределам роста — на самом деле реальны только две последние: 1) «Великий Отказ» от потребительства и 2) Закат человеческой цивилизации. Разумеется, как достойные сыны этой самой цивилизации, члены Клуба изучали всерьёз только возможность добровольной остановки роста. В самом деле, зачем говорить о Закате? Мы же разумные люди!

И предложили ряд мер для достижения глобального равновесия, дав такое его определение: глобальное равновесие — это состояние, когда численность населения и фонд капитала остаются неизменными, а между силами, заставляющими их расти или уменьшаться, поддерживается тщательно контролируемый баланс. Численность населения и объём капитала — единственные величины, которые должны оставаться неизменными в условиях равновесия. Любой же вид человеческой деятельности, не требующий большого притока невозобновляемых ресурсов и не причиняющий вреда окружающей среде, может и дальше развиваться до бесконечности. Многие занятия, которые люди считают самыми привлекательными и приносящими подлинное удовлетворение, — обучение, искусство, музыка, религия, фундаментальные научные исследования, спорт, общественная деятельность — вполне могут процветать.

Конечно, авторы труда «Пределы роста» нарисовали идеализированную картину глобального равновесия. Конечно, никто не может предсказать, какие общественные структуры создаст человечество в новых условиях, и нет никакой гарантии, что новое общество окажется лучше нынешнего или что оно, наоборот, будет сильно отличаться от него. Конечно, они совсем не учли влияния, которое оказывает на мировые процессы валюта, имеющая разрушительную процентную составляющую. А без этого прийти к описанному ими состоянию невозможно. И конечно, — в чём признаются сами — они хотели только выразить уверенность, что глобальное равновесие не помешает человечеству двигаться по пути прогрессивного развития. Тут мы почтительно умолкаем: «прогрессивное развитие», что вы! Куда без него!

Правда, авторы доклада полагают, что при достижении равновесия не исчезнут трудности (это верно: от них не может избавиться ни одно общество). И что придётся отказаться от каких-то свобод: от рождения большого числа детей, например, и от бесконтрольного потребления ресурсов. Но всё же оно принесёт новые свободы: от загрязнения среды и перенаселения, от угрозы катастрофы мировой системы. Главное,

свобода от голода и нищеты, которой в нашем мире наслаждаются слишком мало людей.

Немного огорчает, что авторы доклада Римского клуба почти ничего не сказали о практических ежедневных шагах, опять объехав вопрос «Что делать?», дабы обеспечить это прекрасное, надёжное, устойчивое глобальное равновесие. Их модель и рассуждения не содержат деталей, одни только добрые пожелания. *«Прежде чем какая-то страна решится на такой переход, понадобится ещё много обсуждений и споров, тщательный анализ, новые идеи...»* — пишут они. После чего неожиданно заявляют: *«Равновесное общество должно взвесить альтернативы, учитывая конечность и ограниченность ресурсов Земли, и при этом не только опираться на нынешнюю систему ценностей, но и думать о будущих поколениях».*

Можно ли это понять? Опираясь на нынешнюю систему ценностей, мы на счёт «два» долетаем к пределам роста, а на счёт «три» оказываемся прямо в центре катастрофы.

Зато завершается доклад весьма оптимистически:

«Всё это порождает тревогу, но и даёт повод надеяться. Сознательно остановить рост трудно, но не невозможно. Путь ясен, человечество вполне способно совершить необходимые, хотя и совершенно новые, необычные для него шаги. В наш краткий исторический миг человек располагает уникальным запасом знаний, навыков, орудий труда и ресурсов. Он имеет всё, что физически необходимо для создания совершенно новых форм человеческого сообщества, которое, будучи стабильным, послужило бы многим поколениям. Восстановить два недостающих звена — вот реальная долгосрочная цель, которая приведёт человеческое общество к равновесию, и люди могут достичь этой цели. Если же эту цель не поставит и не попытается её достичь, краткосрочные интересы и дальше будут питать экспоненциальный рост, ведущий систему к пределам и катастрофе. А поставив такую Цель, взяв на себя такие обязательства, человечество уже сегодня будет готово начать сознательный, продуманный переход от Роста к глобальному равновесию».

Прошло тридцать лет... Человечество не поставило себе «цели» и не начало переход к равновесию. И здесь тупик.

«Золотой миллиард»

Теоретики «глобальных кризисов» делают вывод, что население Земли необходимо сокращать до одного миллиарда человек. Эта концепция, получившая название «золотого миллиарда», тоже возникла в недрах Римского клуба. Но в ней уже не моделируется возможность сносного существования всех людей. Поскольку, согласно концепции, ресурсы и запасы прочности Земли могут обеспечить высокий уровень жизни только для одного миллиарда, постольку до такого предела и надо, по мнению разработчиков, сократить население Земли.

Эта концепция совершенно и откровенно антигуманна. Она фактически оправдывает войны и другие подобные методы сокращения населения. К тому же, хоть и называется величина в один миллиард, известно, что это завышенная цифра. Просто на момент создания концепции население стран, зачисленных в элитную группу на благоденствие, как раз таким и было. И что интересно, в стратегиях «устойчивого развития» многих из них (США, Германии, Швеции и других) без всяких концепций в неявном виде проводится та же идея: успешное будущее — только для избранных.

Сценарий выхода на нужную численность достаточно простой. На первом этапе «золотой миллиард» живёт трудом нескольких миллиардов людей, составляющих «остальное человечество», удовлетворяя свои потребности за счёт материальных ресурсов всей планеты. А сокращение численности этого «остального человечества» легко достигается «скидыванием» туда грязных производств и вредных технологий. Тем же целям служит поддержка коррумпированных режимов, разворовывающих деньги страны, навязывание программ сокращения различных социальных мероприятий. Кстати, Россия и страны — её бывшие друзья — среди первых кандидатов на вымирание.

Очень большой вопрос: как же сам «миллиард» собирается выживать, если основная часть ресурсов, в том числе трудовых, погибнет? Цивилизованные разработчики этой концепции похожи на биотехнологов, которые вырастили смертель-

ный вирус для запугивания соседей и считают, что коль скоро сами они моют руки, то он до них не доберётся. Доберётся, будьте уверены. Уже добрался.

Нелишне напомнить, что экологическая защищённость отдельной страны или группы стран на самом деле иллюзорна, поскольку в экологической угрозе доминирует глобальный фактор. Локальные улучшения, достигаемые разрушением экосистем и бесконтрольным использованием природных ресурсов и сил других регионов, всё равно рушат глобальную экосистему и общую выживаемость. В ответ на это имеющиеся ныне социальные структуры будут сопротивляться, либо ценности и идеалы целых народов будут сломлены и форма эксплуатации станет принципиально иной, вопреки надеждам разработчиков сценария «золотого миллиарда». Не может их план быть устойчивым ни при какой погоде, а тем более при кризисе. К тому же в нём совсем не учитываются *обратные связи*, что тоже неминуемо ведёт к ошибке в оценке результатов. Скажем такую странную вещь: «международный терроризм» — пример возникновения «обратной связи» в ответ на реализацию глобальной программы «золотого миллиарда».

Так что и концепция «золотого миллиарда», разработанная сторонниками теории «глобальных кризисов», совершенно тупиковая. Ничуть не лучше и придуманная последователями теории «рог изобилия» версия, что ресурсы Земли достаточны для обеспечения потребностей всего человечества в настоящем и будущем на том уровне, который уже достигнут в наиболее богатых странах. Основная ошибка этой версии в том, что численность человечества в обозримом будущем не превысит десяти миллиардов. Эти расчёты не согласовываются с расчётом ёмкости среды, которая может без ущерба для себя выдержать всего полмиллиарда человек.

Чтобы объяснить, в чём здесь дело, приведём такой пример. Вы решили провести зиму на даче и в соответствии с этим привезли туда продуктов, например, в два раза больше, чем вам потребуется. На всякий случай. А в начале зимы к вам нагрянули гости — человек двадцать — и прогостили с полмесяца. Ясно, что вы их прокормите. Но осуществите ли вы свой

план — провести зиму на даче? Конечно же, нет. Так и с нынешним населением. Прокормить его какое-то время можно. А вот выжить оно не сможет.

Но эта версия содержит и ещё одну ошибку. Её создатели считают, что невозобновляемые ресурсы использованы в своей ничтожной части. Что, например, даже в исчерпанных месторождениях нефти более 50 % ресурсов остались в земле и могут быть выкачаны оттуда и что добыча полезных ископаемых обычно идёт с глубин в 200—300 м, тогда как существует технология бурения до 10 км. Ошибка в следующем: для добычи ресурсов нужно потратить ресурсы. А когда добываемое требует такого же расхода, процедура становится бессмысленной. Всё равно что жечь сторублёвку, чтобы найти сторублёвку.

Остаётся нам констатировать, что ни теория «золотого миллиарда», ни теория «10 миллиардов» не являются верными. Это пример заблуждений в экологических теориях. Опять тупик.

Но за последние десять—пятнадцать лет были предприняты и некоторые практические шаги к решению проблем! Прежде всего надо сказать о Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро. Она предложила так называемую Концепцию устойчивого развития. В ней говорится следующее:

1. Все люди имеют основное право на окружающую среду, благоприятную для их здоровья и благополучия.

2. Государства сохраняют и используют окружающую среду и природные ресурсы в интересах нынешнего и будущих поколений.

Какой правильный подход! Спорить ни с этими, ни с другими выводами участников конференции ну просто невозможно. Экологические требования обязаны сами собой органически увязываться с требованиями экономического развития. Общество добровольно отбрасывает прочь стихийное развитие и переходит к коллективному социальному управлению в международном масштабе на основе разумного согласия! Безопасность окружающей среды становится общечеловеческой ценностью!!! Кто против? Все за.

Конференцию эту ООН начала готовить в 1989 году. В течение 1990—1991 годов эксперты со всего мира вырабатывали трудные соглашения, готовя встречу в Рио. Изучались варианты предотвращения ухудшения состояния почвы, воздуха и воды, сохранения лесов и разнообразия форм жизни. Рассматривались вопросы бедности и чрезмерного потребления, здравоохранения и образования, городов и сельских районов. Определялась роль правительств, деловых людей, профсоюзов, учёных и т.д.

Исходя из того что «устойчивое развитие» — это способ борьбы и с бедностью, и с разрушением окружающей среды, разработали документ под названием «Повестка дня на XXI век». Участники полагали, что, приняв эту «Повестку...», промышленно развитые страны признают, что должны играть более важную роль в улучшении окружающей среды, чем бедные страны, которые загрязняют её относительно меньше, и увеличат финансовую помощь другим странам для такого развития, которое имеет меньшие экологические последствия. Было решено, что *оценивать успех экономического развития главным образом по количеству денег, которое оно приносит, неправильно*. Системы учёта национальных богатств должны также принимать в расчёт полную стоимость природных ресурсов и полную стоимость ухудшения состояния окружающей среды.

Было заявлено, что тот, кто загрязняет среду, должен в принципе нести расходы по ликвидации загрязнения. Оценка состояния окружающей среды должна производиться до начала осуществления проектов. Правительствам следует уменьшить или отменить субсидии, не соответствующие целям устойчивого развития.

Короче говоря, идеи и задачи, вынесенные на форум, были очень, очень хорошими, а сама встреча на высшем уровне по проблемам планеты Земля в 1992 году в Рио-де-Жанейро оказалась более чем представительной. Высокопоставленные должностные лица из 179 правительств; сотни официальных лиц из организаций системы ООН; представители местных властей, деловых, научных, неправительственных и других кругов. Во

встречах, лекциях, семинарах и выставках для общественности приняло участие 18 000 представителей из 166 стран, а также 400 000 посетителей. События в Рио освещали 8000 журналистов, а за работой Конференции следил почти весь мир. Это был воистину грандиозный форум, и он принял очень хорошие решения!..

Однако президент Соединенных Штатов Джордж Буш заявил ещё до этой встречи, что не подпишет ни одного договора, ущемляющего экономические интересы США. В ноябре 2001 года Штаты опять заявили, что не подпишут никаких международных документов по результатам конференции в Марокко, предусматривающих ответственность крупнейших загрязнителей атмосферы. Вот вам и благие пожелания, и вера в «разум человека», и надёжное будущее...

Вскоре после Конференции в Рио-де-Жанейро новый президент США Билл Клинтон сделал официальное заявление об экологической политике своей страны. Оказывается, США, став мировым лидером, единственной сверхдержавой, вовсе не собирались заботиться о судьбах всего мира. Их интересовало только своё благоденствие. Основными направлениями американской стратегии, как сообщил Клинтон, должны стать укрепление конкурентоспособности и захват американскими компаниями лидерства на мировом рынке природоохранной технологии и услуг. А о масштабах этого рынка можно судить по оценкам американских экспертов, определивших спрос на нём на уровне около 500 млрд. долларов.

Направленность политики понятна. Что, ныне востребованы товары и технологии природоохранной направленности? Очень хорошо. Штаты захватывают этот рынок. И одновременно отказываются подписывать разработанные мировым сообществом жизненно важные конвенции по сохранению природы. Как видим, рыночная экономика в любом случае, даже если речь идёт о рынке природоохранных товаров и услуг, остаётся природоразрушающей структурой.

Американское агентство международного развития в конце 1992 года приступило к осуществлению проекта по улучшению состояния окружающей среды в странах СНГ. Среди про-

грамм Агентства были и программы общественного обучения населения государств СНГ, как правильно понимать экологические проблемы и как их решать. В апреле 1993 года была принята программа «Технологии для решения международных экологических проблем», в рамках которой США предложили другим странам уже опробованную высокоэффективную технологию «для решения ключевых экологических проблем» в энергетике, промышленности и сельском хозяйстве, а также в лесоводстве и сохранении многообразия живой природы.

Всё это было бы прекрасно, если бы такая деятельность дополнялась снижением уровня потребления в самих США! Но происходит нечто иное. Формирование экологического сознания российского населения ведёт не российское, а иностранное правительство, а сама Америка, потребляя более 40 % мировых ресурсов, учит других, как им сберечь природу, покупая технологии и товары у неё же. Беспроигрышная политика, если забыть, что сама природа однажды поставит этим рыночным игрокам окончательный мат.

Происходит подмена понятий. Вместо сосуществования, согласованного с возможностями природы, человечеству предлагают сосуществование, согласованное с интересами Америки. И в ходе этого процесса многим странам, в том числе России, навязывают неприемлемые или неосуществимые международные обязательства, их вовлекают в неприоритетные для них программы, вмешиваются во внутренние дела суверенных государств.

Разумеется, в конкурентную борьбу вокруг потенциальных рынков экологической технологии включились и другие, кроме США, индустриальные страны. И понятно, что ради достижения своих собственных целей все они превращают экологию в политизированный институт. А это отрицательно сказывается на уровне объективности многих исследований, подрывает доверие к науке. В высказываниях американских учёных признания о выходе антропогенных нагрузок за пределы ассимилятивной ёмкости биосферы соседствуют с обоснованием возможности экологически устойчивой мировой экономики. Ставятся рядом призывы к добровольному сокра-

щению уровней потребления энергии и природных ресурсов и согласие на экономический рост как развивающихся, так и высокоразвитых стран!

Неизвестно, как и каким образом следует принимать и согласовывать меры по сокращению антропогенной нагрузки до допустимого уровня. Отсутствует глобальная система контроля использования несущей ёмкости планеты, не проводится учёт фактического использования конкретными странами экологического потенциала Земли, и вообще права государств на использование этого потенциала не распределены. Несмотря на повсеместное признание, что государства не имеют суверенных прав на разрушение и истощение общих ресурсов — атмосферы и океанов (с этим согласны даже США), сохраняется режим «общего котла», из которого каждый черпает сколько может. А у кого больше «ложка», тот больше черпает. В итоге общий потенциал используется на основе права сильного, причём эксплуатируется и чрезмерно, и неэффективно.

В биосферу пространств, расположенных за пределами национальной юрисдикции, скидываются отходы антропогенной деятельности, и больше всех их скидывают промышленные страны во главе с США. И они отнюдь не спешат устанавливать доли такого сброса, понимая, что по справедливости их доля оказалась бы ниже фактических сбросов.

Короче говоря, человечество не знает ни размеров антропогенной нагрузки, за которой начнётся обвал, ни сроков выхода на этот уровень и не следует никаким правилам обхождения с природой, а если вам скажут, что некие «правила» есть, не верьте. Критерий экологичности превращён в основной показатель конкурентоспособности государства на внешних рынках, и не более того!

Да, действительно, выработаны объективные и предельно жёсткие международные экологические стандарты качества продукции и услуг. Для чего? Для защиты природы? Нет, они просто заменяют традиционные протекционистские барьеры во внешней торговле и зачастую оказываются столь же необоснованными.

Предположим, в Америке разработали некий экологический стандарт. Международные договоры этот стандарт признают. Какая-либо страна не имеет должной производственной базы для создания продукции, соответствующей стандарту. Значит, продавать этот товар за границу она уже не может, да и внутри страны тоже. Так через принятие экологических стандартов устанавливается диктат над странами, не вышедшими на уровень этих стандартов; они попадают в импортную зависимость и лишаются всякой возможности развиваться. Это несправедливо, но спорить бесполезно: побеждает сильный.

Конкретный пример. Международное сообщество желает снизить шум от самолётов. Российские компании мгновенно оказываются перед необходимостью тратить громадные средства, а иначе их не допустят в воздушное пространство иных стран. Другой пример: пожелали сократить выбросы тепличных газов (прежде всего СО₂) и отказаться от использования хлорфторуглеродов (фреоны, хладоны), усугубляющих истощение озонового слоя. Россия должна была прекратить производства фреоном, лежащих в основе ряда важнейших отраслей промышленности, прежде всего холодильной техники и противопожарных систем, без которых не может функционировать ни сфера производства и хранения продовольствия, ни система обеспечения пожаробезопасности на гражданских и военных объектах. Для перехода на заменители требуются многомиллиардные затраты; да он и вообще нереален в предписанные нам сроки...

Самое парадоксальное: среди учёных до сих пор нет единого мнения о роли и тем более определяющем значении фреонов для образования дыр в озоновом слое над теми или иными частями Земли!

Ещё одна цель, прикрытая экологической риторикой, — военно-политическая. «Международная общественность» сунит брови, указывая России на её военно-промышленный комплекс как на крупнейший источник антропогенного ущерба окружающей среде и здоровью населения. Целенаправленная политика Запада в этом направлении ведётся с начала 1990-х годов. При этом сами США применяли бомбы с урановыми

стержнями в бомбежках Югославии, бомбили химические заводы в Ираке и т.д. Нам кажется, что в ближайший год появится много новых примеров.

А люди не дают себе труда задуматься: почему, беспокоясь о нашем здоровье, нас заставляют разоружаться, но сами этого не делают?

В программах экологической помощи России (и не только России) доминирует энергетическое направление. В подписанной в 1991 году Европейской энергетической хартии высказано утверждение, что западный капитал и опыт должны использоваться для изучения резервов энергии в странах СНГ. Зачем? Чтобы обеспечить такое положение, **при котором были бы удовлетворены будущие энергетические потребности Запада.** Показательно, что Хартия подчёркивает важность мер по сбережению энергии в Восточной Европе и СНГ, не упоминая о необходимости аналогичной стратегии для Запада. Мы, стало быть, должны сберегать, они — потреблять. Ведь это они «золотой миллиард», а мы расходный материал. Так что ни о каких правах природы и человечества в целом речи не идёт, а только и исключительно о выживании нескольких общественных структур.

Причём американские руководители не скрывают, чего намерены достичь своими программами. Помощь, которую они оказывают России в охране окружающей среды и лучшем использовании энергетики, *«является вкладом не только в реализацию американских ценностей, но и в защиту безопасности США»**. Это — выживание финансовой структуры, базирующейся на долларе США, — и есть истинная цель, а вовсе не спасение природы и человечества.

Итак, Запад успешно использует «зелёное» оружие для давления на других. А насколько он сам привержен «зелёной» идеологии? Казалось бы, пустой вопрос. Мы все знаем об экологической чувствительности гражданского общества Запада. Сегодня «зелёные» стали влиятельным политическим течением, а экологическая тематика занимает одно из главных мест в сообщениях СМИ. Но если судить по политике, проводимой

* Из речи Билла Клинтона.

этими государствами, то налицо сплошной практицизм, принципиально антиэкологичный. И стоит он на трёх китах, тех самых, которые порождены *денежным процентом*. Это борьба за ресурс (конкуренция), преследующая эгоистический интерес. Это идея свободы, обратная сторона стремления к власти над всем и вся, прежде всего ресурсами для собственного выживания. Это, наконец, идея прогресса — потребность в непрерывной экспансии.

Финансы имеют в «пристяжных» новую структуру: «мировое общественное мнение». Его привлекают к воздействию на оппонентов, будь то соцстраны в период «холодной войны», либо развивающиеся государства, либо страны с переходной экономикой на современном этапе. Разработка концепций «устойчивого развития» и экологических прав личности дала идеальный инструмент для официального вмешательства во внутренние дела суверенных государств и наложения санкций в случае неисполнения ими своих обязательств по этой глобальной стратегии.

Для вмешательства в чужие дела, в том числе России, есть самые разнообразные способы. При наличии в нашем истеблишменте изрядного количества прозападно настроенных личностей можно ожидать провоцирования претензий экологического характера со стороны разных неправительственных организаций и граждан к Российскому государству; предъявления к нему международных исков от других стран за нарушение их экологических прав в результате трансграничного воздействия. Возможен сбор информации на чужой территории (шпионаж), установление международного контроля, навязывание мер выхода из кризисной ситуации, наложение санкций. Наконец, — раз уж правила устанавливают США — возможна узаконенная агрессия, как в случае с Югославией, а то и односторонняя, как в случае с Ираком. И всё это прикрывают заботой о природе!!!

Так разработанная на Конференции в Рио глобальная стратегия устойчивого развития легко превращается в источник международной напряженности, нестабильности и конфликтов.

Конечно, эта мышьяная возня в преддверии общечеловеческой катастрофы не имеет никакого отношения ни к интересам природы, ни к спасению человечества как вида живых существ. А мы сразу это сказали. Рынок, особая подсистема цивилизации, озабочен только своим выживанием и в борьбе за себя использует любые инструменты. А человек в этой борьбе — будь он бизнесменом или президентом США — даже не инструмент. Он винтик, пусть мыслящий, пусть делающий правильные выводы, — винтик, не влияющий на механизм.

В Рио-де-Жанейро сотни «винтиков» проголосовали за признание индустриальной цивилизации природоразрушительной. Генеральный секретарь этой Конференции Морис Стронг заявил: *«Западная модель развития более не подходит ни для кого. Единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня — это устойчивое развитие»*. То есть такое развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Изменилось ли хоть что-нибудь после этих признаний и этих решений? Да, были придуманы интересные критерии экономического развития. Стало ясно, что такие показатели, как валовой национальный продукт* и валовой внутренний продукт**, устарели и неадекватно описывают реальность. Ведь в их рамках экономический рост выглядит слишком узким, он означает развитие ресурсо- и энергоёмкой части экономики, сокращающей ресурсную базу страны, а здравый смысл подсказывает, что в ресурсном отношении страна с сокращающейся ресурсной базой становится беднее. То есть страна с традиционно рассчитанным устойчивым экономическим ростом не богатеет, поскольку развивается за счёт сокращения природной и ресурсной базы, что ведёт к снижению качества жизни.

* ВВП — совокупная стоимость конечных товаров и услуг в рыночных ценах.

** ВВП — обобщающий экономический показатель, который в рыночных ценах выражает совокупную стоимость товаров и услуг, созданных *внутри страны* и только с использованием факторов производства данной страны.

Вот потому и было решено, что экономический рост — не главный показатель развития. Таковыми в действительности являются загрязнение окружающей среды, моральная статистика (статистика преступности) — словом, всё, что характеризует качество жизни. На этой основе ООН предложила систему интегрированных экологических и экономических счетов, среди которых — индекс гуманитарного развития и индекс устойчивого экономического благосостояния. Все эти показатели постепенно получают распространение наряду с ВВП и ВНП и как альтернативы им.

И это, конечно, хорошо. Тоже достижение. Но к сожалению, «Васька слушает, да ест»: предлагаете новые критерии развития? Ну, развлекайтесь там, на своих конференциях. А мы будем руководствоваться экономической логикой. И тех руководителей финансово-экономических структур, которые так рассуждают, даже не за что винить. Поиски злого умысла в их поведении просто неуместны: их логика несовместима с экологическими критериями, и всё тут. У одних (учёных-экологов, безусловно умных людей) — концепции и конференции; у других (финансистов, тоже умных людей) — деньги.

Страны, получающие кредиты и советы Международного валютного фонда (МВФ), вынуждены ориентировать свою хозяйственную деятельность на экспорт и обязаны стабилизировать финансы и выплачивать долги. А это приводит к «экологическому демпингу» в огромных масштабах. Их товары, да и вообще экономику «прессуют» по полной программе. Размещают грязные производства с очень низкими затратами на природоохранные мероприятия. Вынуждают выдавать концессии. И они соглашаются, потому что иначе не будет денег, да и сами изыскивают, на чём бы подзаработать. Например, экспортные «успехи» Чили связаны с массовой вырубкой реликтового леса юга страны и опустошительным выловом рыбы для производства рыбной муки.

Сходная картина, если в дела вмешивается Всемирный банк. Инвестиции в освоение Амазонии с его участием составили 10 млрд. долларов. Масштабы вырубки леса оказались

столь велики, что только в ходе одного из проектов «очистке» подлежала территория, равная Франции и Германии, вместе взятых. А около города Мараба затеяли строить металлургический комбинат мощностью 35 млн. тонн стали в год, который будет работать на древесном угле, полученном при вырубке 3500 кв. км тропического леса в год. И вся продукция предназначена к вывозу из страны. Масштабы экологического ущерба от этого проекта настолько колоссальны, что не укладываются в привычные понятия.

МВФ и Всемирный банк — международные инструменты финансовых транснациональных корпораций. ТНК имеют много таких инструментов! Ещё один из них — Межамериканский банк развития. По его данным, в 1993 году в 26 странах Латинской Америки при среднем росте экспорта свыше 5 % в год рост доходов на душу населения составил 1 %. Они там живут только с экспорта; кто сгрёб остальные 4 %? Уж никак не африканцы и не индийцы...

Стирается представление о суверенитете любой страны. Они превращаются в пространство, на котором действуют «экономические операторы», производящие товары для удовлетворения платёжеспособного спроса глобального рынка. Никакой связи с потребностями людей, живущих в данной стране, эти производства не имеют.

Чёрная дыра геной инженерии

С какой стороны ни посмотри — экологической, социальной, хозяйственной, ситуация на планете ненормальная.

Конечно, никакой «нормы» никто не устанавливал, и, однако, любой здравомыслящий человек может её себе представить. Норма — это когда у большинства во всём стабильность. То есть, понятно, кое у кого (у меньшинства) со стабильностью плоховато; кое у кого (из большинства) бывают неудачные периоды, но в целом и общем есть уверенность в завтрашнем дне. Это нормально. Примерно как устойчивый стол: каждый, кто ставит на него стакан с водой, уверен, что он вдруг не свалится со стола и вода из стакана не выльется.

А теперь представьте, что по неизвестному выверту судьбы все столы на Земле всегда делают с разными по длине ножками. По одной диагонали они одинаковые, а по другой — короче. Или длиннее. Такой стол неустойчив; стоит он криво; как ни ставь стакан, хоть сколько-то воды, но выплеснется. А то и поедет тот стакан по столешнице, упадёт и разобьётся. И только отдельные везунчики, сумевшие случайно поставить свою посудину ровно посередине, остаются со всей водой: дрожит стакан, колеблется, но — стоит! Стоит! Все в восторге.

С точки зрения здравого смысла это *ненормально*, а что делать? Все привыкли. Никому и в голову нейдёт, что стол можно поправить. На дефект столов никто даже не обращает внимания; все ищут причину неудач только в стаканах. Начинаются эксперименты: стаканы делают с толстыми стенками или стенками, суживающимися кверху. Придумывают им косые донышки, чтобы стояли прямо, но тут как повезёт: поставишь скосом не в ту сторону и, наоборот, выльется ещё быстрее и больше. Это, повторимся, *ненормально*, а в чём суть, никто не видит!

Такова вся наша финансово-экономическая система. Миллионы отлично подготовленных специалистов пытаются установить баланс там, где он вполне может устанавливаться сам собой. Если продолжить аналогию, эти специалисты трудолюбиво ставят на неустойчивую поверхность всё новые стаканы с причудливыми донышками, чтобы свою воду не расплескать, но чужой стакан уронить.

Последний пример такого «стаканостроения» являют нам попытки транснациональных корпораций, занимающихся производством генно-модифицированной (ГМ) продукции, представить свою деятельность так, будто они решают проблему нехватки продовольствия. На наш взгляд, вместо спасения человечества от голода использование поделок генной инженерии может ускорить наступление голода. А попутно в эту «чёрную дыру» провалится здоровье большинства землян.

Генная инженерия — это самый сложный комплекс работ, направленный на то, чтобы разрезать гены и склеивать их по-иному, придавая несвойственные им качества.

Наиболее распространены два способа введения гена: агробактериальный и биобаллистический. При первом с помощью плазмидов (кольцевых ДНК) почвенных бактерий внедряют нужный ген в геном клетки. При втором производят прямой ввод гена в геном клетки-хозяина: в специальной вакуумной камере производят «обстрел» растительных клеток микроскопическими вольфрамовыми или золотыми частицами с нанесёнными на них генами и нуклеотидными последовательностями, управляющими этими генами. Затем следует селекция трансформированных клеток и регенерация трансгенных растений. В отличие от агробактериального этот способ более универсален и пригоден для любых объектов.

Однако оба способа «встраивания» гена несовершенны, они не дают полной гарантии, что организмы, созданные с их помощью, безопасны. При биобаллистическом способе достаточно высока вероятность «встраивания» сразу многих копий ДНК-векторов, «обрывков» ДНК и других сбоев, то есть могут появиться растения с **неизвестными свойствами**. Агробактериальный способ ещё опаснее, поскольку ГМ-плазмиды могут внедряться в клетки организма человека или скота, поглощающего эти ГМ-продукты.

Хотя, конечно, все эти новинки выглядят очень эффективно: лужайка, на которой не надо подстригать траву, потому что она растёт лишь до определённой высоты; орхидеи, которые начинают светиться, если их пора поливать; зелёные розы, голубой хлопок, ромашки, зацветающие по команде, биоразлагаемая пластмасса, выращенная на полях... Но красота красотой, а думать-то надо. *«Пока в результате клеточной хирургии чаще всего мы получаем создания разной, так сказать, степени инвалидности. Природа свои неудачные поделки безжалостно убивает, а человек ради их необычных свойств щадит»*, — пишет Ю.Г. Чирков в книге «Время химер. Большие генные игры».

Да, примерно 800 млн. жителей Земли и впрямь страдают от голода и недоедания. Более того, около 24 тысяч человек в мире **ежедневно** умирают от голода или связанных с ним причин. В возрасте до пяти лет умирает 10 % детского населения развивающихся стран, из них десятая часть смертей приходится

на смерть собственно от голода (вызванного, как правило, вооружёнными конфликтами), остальное — это смерть от хронического недоедания. Но происходит это не оттого, что на планете мало еды. Еды как раз много! По данным международных агентств, люди голодают из-за того, что продовольствие и средства его производства сконцентрированы в руках богатых и могущественных монополий и непропорционально распределяются по миру. Но озаботился ли кто-нибудь решением *этой* проблемы — так сказать, выравниванием ножек стола? Нет; зато появились новые «кривые стаканы»: предложения накормить голодных при помощи генной инженерии.

Устоит этот «стакан» или свалится? То есть накормят или нет? Это под большим вопросом. А вот что в опасности здоровье людей, целостность природы и устойчивость экономики, у многих не вызывает сомнений.

Что ГМ-продукты безвредны для человека, никем не доказано. Однако примерно 60 % пищи на полках американских магазинов уже содержит вкрапления чужеродных генов. Сотни наименований: еда из кукурузы, самостоятельно убивающей вредителей; «помидор с жабрами» — помидор, в который для увеличения морозоустойчивости вживили ген североамериканской плоской рыбы... Кстати, именно этот гибрид овоща и рыбы получил кличку «завтрак Франкенштейна»; противоестественное сочетание не могло не насторожить потребителя.

В Европе рисковать не желают. Практически не ввозят и не выращивают. Франция отказалась покупать и возделывать генетически изменённый маис. Австрия и Люксембург запретили производство генных мутантов. Греческие крестьяне под чёрными знамёнами ворвались на поля в Беотии, в Центральной Греции, и уничтожили экспериментальные плантации с помидорами. 1300 английских школ исключили из своих меню пищу, содержащую трансгенные растения.

Почему Европа ведёт себя по отношению к ГМ-продуктам недоверчиво? Да потому, что ещё не так давно её уверяли в полной безвредности подкормки для крупного рогатого скота, сделанной из павших животных, а сегодня каждый слышал

о «коровьем бешенстве», вызванном как раз этим. А кормили всех животных ГМ-продуктами.

В ЕС разрешены только три вида генетически изменённых растений, а именно три сорта кукурузы. В США же таких продуктов насчитываются десятки, а скоро будут сотни. В Америке уже давно нарастает страшная проблема с ожирением; что-то явно не так с питанием. Теперь эта проблема есть и в Европе.

Производители ГМ-продуктов недовольны, что им не позволяют развернуться в полную мощь и заработать много денег. Они добиваются, чтобы при отказе от этой продукции страна-импортер предоставила доказательства стопроцентной опасности продукта. А почему не наоборот? Пусть производители докажут стопроцентную безопасность продукта. Но об этом и речи нет; зато на наших глазах рождается новая отрасль знаний — *нутрицевтика* (от nutrition — питательный и фармацевтика), занятая созданием продуктов, обладающих лекарственным эффектом. Созданы помидоры, помогающие при заболеваниях простаты. Создан генетически изменённый рапс, содержащий особенно много бета-каротина (предварительная степень витамина А, ненасыщенные жирные кислоты), чтобы помочь людям с ослабленным иммунитетом и нарушениями зрения.

И опять масса возражений. И дело не в том, что кто-то не считает нужным лечить людей, а в том, что модифицированные растения, встроившись в окружающую среду (в том числе в организм человека), изменяют её. *ДНК переваривается не до конца, и отдельные молекулы могут попадать из кишечника в клетку и в ядро, а затем интегрироваться в хромосому.* Это подтверждено исследованиями на мышах, в ходе которых обнаружили генетически модифицированные вставки в крови и микрофлоре кишечника мышей, а также в разных органах внутриутробных плодов и новорожденных мышат после кормления беременных самок трансгенным кормом. Также ГМ-вставки были обнаружены у человека, в слюне и микрофлоре кишечника. ГМ-пища способна породить новые виды аллергий; такие продукты вполне могут нарушить баланс микроорганизмов в нашем кишечнике.

Мы видим, что, обещая всех накормить и вылечить, новая общественная структура — генная отрасль, того гляди, всех угробит. То же самое может произойти с самым сельским хозяйством. Корпорации уверяют, что фермерам выгодно использовать семена со встроенными генами. ГМ-маис или ГМ-соя с генами естественного инсектицида абсолютно не боятся вредителей, и будто бы от этого фермер сильно выгадает. Посмотрим на пример США: уже 90 % американских фермеров покупают высокотехнологичные семена, и вредителей действительно нет. Но покупать семена приходится каждый год, хоть они стоят значительно дороже обычных! Оставлять часть урожая на будущий год для засева недопустимо по условиям договора, и специальные инспектора контролируют фермеров. Исчезла зависимость от вредителей, появилась зависимость от поставщиков семян и инспекторов. К тому же большинство трансгенных организмов попросту бесплодны.

Пример: генетически измененная «бесплодная» пшеница, которую производила американская компания Monsanto*, зёрна которой после первого же урожая не прорастали. Такое *запрограммированное бесплодие* заставляет фермеров вновь обращаться к услугам Monsanto. А работников этой компании бесплодность пшеницы не беспокоит. Они, наоборот, рады: теперь не природа будет кормить человечество, а Monsanto. Это просто счастье для владельцев и работников компании! Ну а что со стабильностью жизни фермера?..

Декларации о благих намерениях ГНК накормить бедных при помощи генной инженерии вступают в противоречие с попытками тех же ГНК патентовать и ставить под свой контроль продукты, составляющие основу рациона жителей развивающихся стран. Для примера, в 1998 году компания Rice Tech запатентовала рис «басмати». Рис «басмати» — один из основных экспортных товаров Индии: страна поставляет его на мировые рынки в количестве до полумиллиона тонн в год. Теперь, оказывается, рис — не продукт индийской природы, а

* В 2000 году Monsanto изменила название. Новый лейбл корпорации — Farmacia; старое имя Monsanto осталось только у сельскохозяйственных подразделений компании.

собственность иностранной компании. Позже Rice Tech запатентовала также тайский жасминовый рис, основной продукт питания пяти миллионов беднейших фермеров.

Конвенция ООН по биоразнообразию предоставляет странам суверенное право владения биоресурсами. В то же время Соглашение об использовании права на интеллектуальную собственность в сфере торговли и Директива ЕС о патентовании живых организмов позволяют частным компаниям похищать и патентовать эти ресурсы! Иначе как биопиратством такую ситуацию назвать нельзя. Это процесс лишения развивающихся стран права на генетические ресурсы и собственные знания и замены этого права правом монополий на эксплуатацию биологического разнообразия.

Компании, производящие генетически изменённые продукты, встают в позу радетелей прогресса. Можно подумать, они тратили деньги ради чьего-то здоровья и питания, а не ради расширения продаж и прогрессивного увеличения прибыли. Генетическое вмешательство, говорят они, всего лишь ускоряет процесс «селекции», с которым люди знакомы давным-давно. Дескать, люди всегда вмешивались в природу, только теперь мы можем делать это более качественно и быстро, выбирая необходимые характеристики и сразу «вживляя» их нужному объекту, а не идти старым путём проб и ошибок. Об этой подмене понятий уже давно сказано: селекционеры никогда не скрещивали свинью с картошкой. Они свинью картошкой кормили.

У нас, в России, была сходная история, когда сторонники прогресса и улучшения природы собирались поворачивать реки. Мы помним также распашку целины. Мы помним, как всюду насыпали горы дуста для борьбы с переносчиками всякой заразы, а потом оказалось, что дуст — страшный яд для человека. Никогда вмешательство в дела природы не улучшало её, а только порождало нестабильность.

Причём не всегда понятно зачем. Возьмём историю с картофелем и антигеном гепатита. Учёным удалось вживить ген, препятствующий возникновению гепатита, в картофель. Мыши, сидевшие на диете из картофеля-мутанта, оказались им-

мунны к этой болезни. Но это мыши. А кто из людей будет есть сырой картофель? Между тем варка разрушает антиген, и картофель никого не лечит. Так зачем тратили время и деньги на возню с генами? Наверное, чтобы выкачать из больных побольше *денег*. Или вот: если разобраться, зачем нужен рапс с повышенным содержанием ненасыщенных жирных кислот? Ведь можно просто добавить в пищу хорошего растительного масла. Кстати, в масло из генетически модифицированного рапса следует добавлять витамин Е в качестве антиокислителя, иначе полезные жирные кислоты распадутся на потенциально канцерогенные радикалы. К чему такие сложности, вот в чём вопрос. К большим деньгам, ясно...

Если вы заливаете поля гербицидами и вокруг погибает всё живое, кроме вашего урожая, вам это приносит выгоду — тут и спорить не о чем. Говорят, что ГМ-культуры в этом отношении гуманнее. Да, разумеется, если засадить все поля сельскохозяйственными культурами, устойчивыми к болезням, вредителям, гербицидам и пестицидам, заливать поля ядохимикатами не надо будет. Это плюс. Но если ген устойчивости к гербицидам имеется в каждой клетке растения, высаженного на миллионах гектаров, рано или поздно при перекрёстном опылении он перейдёт к диким родичам этих растений. А закрепившись в будущих поколениях, этот ген даст такой суперсорняк, что никакой химией не убить. Новый виток опасности? Да.

Уже возникли пестицидо- и гербицидо-устойчивые виды сорняков и вредителей, и нужны более сильные химикаты для их подавления. Пример: гербицидоустойчивый ГМ-рапс распространил ген устойчивости на родственные виды, такие, как дикая горчица.

Генетическое загрязнение планеты непредсказуемо в большей степени, нежели химическое или радиоактивное, так как оно переносится живым материалом, который может плодиться, мигрировать и мутировать. Мы помещаем живые организмы без всякой эволюционной истории в среду, которая не знает, как к ним приспособиться. Вот в чём принципиальная разница между селекционной работой и генетическими экс-

периментами — время! Манипуляции с генами не оставляют времени на проверку, повредит это новшество окружающей среде или нет. Если вдруг окажется, что повредит, повернуть обратно будет крайне трудно, если вообще возможно. Между тем возможности природы уже будут подорваны!

Сегодня 90 % нашего рациона состоят из 20 видов растений, хотя человеку известно более 220 000 видов. За последние восемьдесят лет в США (где такие процессы наиболее интенсивны) исчезло 97 % всего разнообразия овощей. Из 7000 сортов яблок осталось 900. Теперь существует 330 разновидностей груш, а раньше было 2600. Даже в Индии, где пятьдесят лет назад было 30 000 сортов риса, сейчас 75 % культуры представлено десятью сортами.

Итак, генная инженерия не накормит и не спасёт голодающих и не оздоровит сельскохозяйственную отрасль; как раз наоборот. ГМ-культуры создают классические предпосылки для возникновения голода. Пищевой рацион, основу которого составляют несколько патентованных растений, создаёт серьёзнейшую угрозу людям. Организация Christian Aid, проведя исследования в Индии, Эфиопии и Бразилии, опубликовала отчёт под красноречивым названием «Продажа самоубийства: сельское хозяйство, ложные обещания и генетические изменения в развивающемся мире». Выяснилось, что применение генных технологий делает более уязвимыми малые фермерские хозяйства, из которых, собственно, и состоит основная масса производителей сельхозпродукции в отсталых странах. Индийские фермеры, покупавшие дорогостоящие гибридные семена хлопчатника, залезли в такие долги, что уже сотни из них, разорившись, покончили жизнь самоубийством!

Уже сегодня тысячи ферм по всему миру переходят на «старый» способ производства продовольствия, возвращаясь к традиционной гармонии сельского труда, отказываясь от насилия над природой. Такие продукты чище и полезнее, но они ещё и вкуснее, а их производство наносит минимальный вред окружающей среде. И вообще рост урожаев в последние полвека по меньшей мере наполовину обеспечили не химикаты, а селекция и правильное использование управления и контро-

ля. Например, на основе фотоснимков полей, сделанных со спутника, можно точнее оценить состояние почв и рассчитать, какие культуры будут лучше на них расти. Вот это и есть «новая зелёная революция», а не биотехнологии без границ!

Исследования показали, что, скажем, в Индии использование ГМ-культур позволяет повысить урожай максимум на 10 %, да ещё и нанесёт вред экосистемам, в то время как при помощи элементарных ирригационных мероприятий их можно увеличить на 50 %, и без всякого вреда природе. Просто нужны качественные семена, соответствующая техника и доступ к водным ресурсам. Малые усовершенствования, сводящие к минимуму потери урожая при сборе, транспортировке и складировании, прекращение локальных и региональных конфликтов также позволят продвинуться в решении проблемы голода.

Но зачем это той же корпорации Monsanto? Её интересует денежная прибыль и власть над ресурсами, а не человечество, не социумы, не здоровье и вообще жизнь «каких-то там» индийцев.

Генная инженерия обратилась также к лесам и садам. Лесные институты и биотехнологические компании начали создавать деревья, удобные для промышленности! А ведь леса — важная часть экосистем суши. Именно они регулируют климат на планете. Большая часть разнообразия живых организмов в наземных экосистемах также сосредоточена в лесах. Они — важнейший ресурс для жизни человечества. А промышленники пытаются убедить людей, что лес — не более чем возобновляемый ресурс для производства потребительских товаров!

Опять мы видим, что интересы рынка (производство и продажа товаров ради сиюминутной денежной прибыли) расходятся с интересами человечества (выживание теперь и в будущем). Впрочем, если даже людей превращают в элемент рынка, и не более того, что уж говорить о бессловесных деревьях...

ГМ-деревья создаются для выращивания на плантациях, а не в естественных лесах. Однако их гены могут попасть в соседние искусственные или естественные леса, фруктовые сады и другие растительные сообщества. Никому точно не извест-

но, что при этом может случиться, но очень велика вероятность страшных разрушений и опустошения этих сообществ. Такой может приключиться «день триффидов», что фантазия писателя покажется доброй детской сказочкой.

Деревья модифицируют для борьбы с насекомыми, которые кормятся на них. Это нарушает динамику популяций насекомых, включая хищников, и вызывает их миграции в соседние леса. Хозяйственно бесполезным или полезным насекомым также наносится вред. Вспоминается притча, сочинённая когда-то Чарлзом Дарвином. С фермы забрали кошку, и упали надои молока. Почему? Оказывается, нарушилась целая цепочка событий. Кошка ловила мышей, которые разрушали шмелиные гнёзда. А шмели опыляли клевер, которым питались коровы. Не стало кошки, расплодились мышки, исчезли шмели, пропал клевер. Вот надои и упали. Так что, пошевелив в одном месте экосистемы, мы получаем «обвал» совсем в другом.

Но люди продолжают делать то, чего не только не надо делать, а надо делать в точности наоборот.

Быстрорастущие ГМ-деревья способны конкурировать с обычными видами в борьбе за свет, что увеличит скорость внедрения чуждых деревьев в лесные системы и разрушит леса. Они также истощают почву, нарушают её структуру. Они крайне влаголюбивы и вызывают быстрое засоление почв. И это уже происходит на плантациях ГМ-эвкалиптов! А промышленность в ответ разрабатывает быстрорастущие солеустойчивые деревья...

Выводы сделать легко. Происходит захват контроля над пищевыми ресурсами всего человечества небольшой группой людей; десять компаний получают в свою власть 85 % глобального агрохимического рынка. Потребители теряют свободу выбора в приобретении продуктов. Выживание миллионов мелких фермеров под вопросом. Природа, теряя естественные виды и приобретая вновь созданные с неизвестными свойствами, эволюционирует в сторону хаоса. Нестабильность на планете растёт, катастрофа приближается.

И всё это ради увеличения прибылей!

Зачем «генетическим гигантам» столько денег? А это *процентная ставка* будоражит экономические организмы. Представьте себе человека, которому генные инженеры встроили в мозжечок ген, требующий постоянного прироста потребления воды. Такой человек или умрёт, опившись, или скончается от засухи, когда выпьет всю воду вокруг... В любом случае ему не жить. Таковы и корпорации, подвизающиеся в области генной инженерии. Таковы вообще все транснациональные корпорации. Таково человечество...

Корпорации: цифры и факты

В 1990-е годы химические компании, связанные с фармакологией и сельским хозяйством, стали объединяться в корпорации, соединив разработку, производство и продажу пестицидов, медицинских препаратов, семян и продуктов питания. Назвали они свою отрасль «наукой о жизни», наверное, чтобы не отпугивать потребителя красивым словом «биотехнологии». Из них-то и получились корпорации, занимающиеся сейчас биотехнологиями.

Выбор не в пользу химии — это стратегический шаг, сделанный, как уверяют сами транснациональные компании, во спасение окружающей среды, для решения проблемы голода в странах третьего мира и борьбы с увеличивающейся заболеваемостью людей. На деле же «спасение» и «борьба» сулят им колоссальные прибыли. Так, на рынке трансгенного зерна аналитики сразу предрекли доход в 3 млрд. долларов с ростом до 25 млрд. к 2010 году. А что до решения проблем здоровья и безопасности пищи, так уже известно: опасность как раз исходит от индустриального ведения сельского хозяйства. Сальмонеллёз был практически неизвестен в 1940-х годах, а теперь это повсеместная проблема. Пищевые отравления увеличились на 400 % за последние десять лет. Всем памятен скандал, когда в мясе и яйцах бельгийских кур обнаружили диоксины...

Производство промышленных ферментов — богатейший бизнес. Novo Nordisk, лидер датского рынка, зарабатывает с

помощью промышленных ферментов примерно 500 млн. долларов в год. Прибыли пищевой индустрии от их использования, дополненные прибылью от реализации антиаллергенов, даже ещё большие — миллиарды долларов. Пищевые компании и работающие на них аллергологи отказываются от обмена информацией и сотрудничества с новым швейцарским Федеральным институтом технологии, доказавшим, что эти ферменты — главные виновники аллергий и астмы...

Пять ведущих мировых «генетических гигантов» (компании AstraZeneca, Novartis, DuPont, Monsanto и Aventis) владеют более чем половиной рынка пестицидов, почти четвертью мирового рынка посевных культур и всем рынком трансгенных семян. Но оптимизма уже поубавилось. Инвесторы, поначалу загипнотизированные сладкими речами очередных «спасителей человечества», уже не так оптимистичны, как раньше. Швейцарский банк «Credit Suisse» заявил, что не будет финансировать трансгенную инженерию, а аналитики «Duetsche Bank» советуют корпорациям ликвидировать свои отделения агробιοтехнологий, а инвесторам продать акции.

Между тем, раз уж эта новая структура образовалась, она будет выживать, применяя любые средства. А среди этих средств — подкуп, шантаж, коррупционное развращение чиновников, обман.

Ещё бывший президент США Д. Эйзенхауэр предвидел «опасность укрепления криминальных связей между правительством и промышленностью». Теперь немало примеров, подтверждающих его правоту! Сегодня политика корпораций определяет политику правительства США. «Свои люди» у них есть в Управлении по защите прав потребителей, Агентстве по охране окружающей среды и Управлении питания и лекарственных препаратов, а также, надо полагать, в судебных инстанциях. Сотрудники правительства США часто устраиваются на работу в корпорации, и, наоборот, работники корпораций получают место в правительстве, когда необходимо пролоббировать очередной проект. Практика подобных взаимоотношений даже получила специальное название: «вращающаяся дверь»... Впрочем, тесные контакты между правительством и

корпорациями налажены не только в США, но и в большинстве стран мира.

Рассмотрим, как вращается дверь, на примере.

Одна из самых скандальных разработок Monsanto — рекомбинантный бычий гормон роста (RBGH), также известный как BST (бычий соматотропин). Гормон был создан так. Ген BST имплантировали в кишечную палочку; произошло объединение генетического материала коровы и бактерии. Возникла новая форма бактерии, производящая гормон дешево и в больших количествах. Фермеры, занятые в мясо-молочной отрасли США, стали использовать новинку, поскольку этот гормон, «подражая» гормонам, вырабатываемым во время беременности, может увеличивать объём удоев на 30 % в период лактации.

Однако быстро появились доказательства, что он вреден для здоровья и окружающей среды. Использование гормона было запрещено в Европейском союзе, а власти США обвинили ЕС в установлении торговых барьеров. Изюминка в том, что раз коровы с гормоном BST растут быстрее обычных, то им необходимо гораздо больше корма. Дополнительные затраты на корм компенсируются добавками животной пищи с останками животных, что превращает травоядных в хищников с серьёзным риском для здоровья общества. Эти корма связывают с болезнью «бешеных коров» и новой формой подобного человеческого заболевания — болезнью Кройцфельда-Якоба.

Корпорациям требовалось снизить накал скандала; напуганные им чиновники не давали разрешения на производство гормона. Тогда исследователь Monsanto Маргарет Миллер, работавшая над BST, перешла в правительственное Управление питания и лекарственных препаратов, где «провела проверку» своих собственных исследований и, естественно, разрешала корпорации делать то, что та считала нужным.

В эту же правительственную контору «внедрили» Майкла Тейлора. Этот опытный адвокат из фирмы, постоянным клиентом которой была Monsanto, став чиновником, разработал Руководство по генетически модифицированному гормону BST. В нём говорится, что между гормонами, попадающими в

молоко естественным путем, и BST нет никакой разницы. При этом Управление питания и лекарственных препаратов, то есть само правительство США, активно рекламировало BST, убеждая публику в том, что он безопасен для здоровья.

В процессе создания BST получилось так, что в него оказалась встроенной необычная, неподходящая аминокислота. Monsanto замолчала этот факт. А ведь если хотя бы одна аминокислота в гормоне или протеине отличается от нормального генетического кода, то возможны страшные последствия. Один из примеров — серповидноклеточная анемия (заболевание крови). Или болезнь Альцгеймера, когда замещение лишь одной аминокислоты — фенилаланина — становится основой для заболевания. Эксперименты с BST привели к получению продукта с «ошибочной» структурой генов, но это стало ясно много позже запуска его в практику.

Есть такая организация — Кодекс питания (Codex Alimentarius), орган ООН, членами которого являются 165 стран. Он разрабатывает международные стандарты качества пищи и её безопасности для здоровья. С 1995 года Америка оказывала давление на Кодекс питания, добиваясь принятия стандарта, основанного на терпимости или максимально сниженных ограничениях в отношении BST в молоке, желая поскорее выпустить его на мировой рынок. В июне 1999 года члены Кодекса заявили о прекращении дальнейшего обсуждения, особенно после выдвинутого Канадой запрета и недавно представленных в Европейскую комиссию отчётов двух экспертных комитетов о риске заболевания раком и другими болезнями из-за наличия BST в молоке.

Ещё раньше Европейский союз объявлял семилетний мораторий на использование BST в своих странах, и этот запрет на всю американскую говядину с гормонами роста и антибиотиками привёл к полемике в ВТО, заявившего, что это — нарушение правил свободной торговли. В итоге США остались единственной страной в мире, которая поддерживает использование BST. Но, питаясь американской говядиной и молочными продуктами, мы все рискуем своим здоровьем. То же самое относится ко всем генетически модернизированным продуктам.

Самым сомнительным доводом разработчиков «гормональной технологии» было, что молочная промышленность *нуждается в увеличении надоев*, в то время как в этой отрасли наблюдалось перепроизводство. Продавцы гормона утверждали, что его применение приведёт к снижению цен на молочные продукты — но после одобрения BST правительством цены на молоко в Штатах повысились! Однако доходы отдельных фермеров, использующих BST, не увеличились, так как его применение препятствовало росту поголовья.

В 1994 году расследованием деятельности Миллер и Тейлора занималась Главная счётная палата США, которая пришла к выводу, что при одобрении BST не произошло ущемления чьих-либо финансовых интересов, и усмотрела лишь одно небольшое отклонение от правил.

Есть и другие примеры.

Генетически модифицированный нейротоксин — аспартам (E-951), известный как Nutrasweet, или «искусственный подсластитель», — не просто генетически модифицированное вещество, а генетически созданный химический препарат, рекомендуемый как пищевая добавка. Объявленный альтернативой сахару, он якобы позволяет не набирать вес и не является канцерогеном. Он присутствует в более чем 6000 наименованиях продуктов, таких, как детские витамины, лекарства, диетические напитки, и практически в любом ресторанном блюде.

Впервые этот продукт был разработан компанией G.D. Searl. После того как 780 женщин предъявили фирме иск, утверждая, что продукт вызвал у них внутриутробный воспалительный процесс, компания распродала 30 дочерних фирм. В конце концов Monsanto купила G.D. Searl, а затем создала компанию NutraSweet в качестве дочерней компании, отделившейся от G.D. Searl.

Аспартаму выдал «путёвку в жизнь» бывший чиновник Управления питания и лекарственных препаратов Артур Хэйс, проигнорировав рекомендации специалистов. Министерство юстиции США возбудило иск против фирмы G.D. Searl, производящей аспартам, но назначенные следователи начали ра-

ботать на защиту, и дело «умерло» за истечением срока давности. Расследование деятельности Хэйса тоже ни к чему не привело, однако Общественный совет по расследованиям проголосовал за отказ от использования аспартама до проведения дополнительных исследований его способности вызывать опухоль мозга. Позже, став главой Управления питания и лекарственных препаратов, Артур Хэйс принудил свой новый Совет по расследованиям одобрить аспартам для использования в сухой пище.

Затем G.D. Searl обратилась в Управление питания и лекарственных препаратов с просьбой разрешить использование аспартама в напитках и детских витаминах, невзирая на то что препарат имел большое количество явных подтверждений опасности для здоровья и смертельных исходов, связанных с ним. Он химически нестабилен! После нескольких недель в жарком климате (или при нагревании до 30°C) основное количество аспартама в газированной воде распадается на метанол и фенилаланин. Внутри человека метанол (метиловый или древесный спирт, убивший или ослепивший тысячи любителей выпить) преобразуется в формальдегид — канцероген класса А, затем в муравьиную кислоту. Фенилаланин же становится токсичным в сочетании с другими аминокислотами и белками.

Имеется около сотни документально подтверждённых случаев отравления аспартамом. Среди них: потеря осязания, зрения и памяти; головные боли, усталость и головокружение; тошнота, сильное сердцебиение и увеличение веса; раздражительность, тревожное состояние и туманное зрение; сыпь, припадки, боли в суставах, депрессии, спазмы, заболевания детородных органов, слабость и потеря слуха. При беременности аспартам может воздействовать непосредственно на плод, даже при употреблении в очень малых дозах. Также он может провоцировать опухоль мозга, множественный склероз, эпилепсию, базедову болезнь, хроническую усталость, болезни Паркинсона и Альцгеймера, диабет, умственную отсталость, туберкулёз. Он может вызвать даже смертельный исход.

История с аспартамом длилась с 1979 по 1982 год, и за это время четыре представителя Управления питания и лекар-

ственных препаратов прошли через «вращающуюся дверь», переходя из Управления на предприятия, связанные с использованием или продвижением аспартама, и обратно. В 1983 году и Артур Хэйс оставил Управление питания и лекарственных препаратов из-за обвинений в профессиональном несоответствии и стал консультантом G.D. Searl.

В 1992 году NutraSweet подписала соглашение с компаниями Coca-Cola и Pepsi, став основным поставщиком аспартама для этих фирм. Наконец, в июне 1996 года сотрудник Управления питания и лекарственных препаратов доктор Кеслер без уведомления общественности убрал все ограничения на использование аспартама и разрешил его применение во всех продуктах.

Ещё пример: в 1989 году генно-инженерная модификация L-триптофана вызвала смерть 37 американцев и сделала инвалидами ещё 5000 человек из-за приносящей большие страдания и потенциально смертельной болезни крови — синдрома эозинофильной миалгии (EMS). Лишь после этого продукт был отозван Управлением питания и лекарственных препаратов США. Производитель — Showa Denko, третья по величине японская компания, специализирующаяся на химических технологиях, впервые использовала ГМ-бактерии для производства гена. Showa Denko выплатила компенсации жертвам на сумму, превышающую 2 млрд. долларов. Кто разрешил производство и продажу? Чиновники правительства, «подкормленные» фирмами!

Майкл Кантор, бывший министр торговли США, в 1997 году стал членом правления корпорации Monsanto. Ранее также «перевернулись» Вильям Руклесхаус, бывший директор Агентства по охране окружающей среды США, и Гвендолен Кинг, глава Управления по общественной безопасности. Сейчас Кантор работает в новой юридической фирме, представляя интересы Monsanto в области международной торговли. Кэрл Тукер Форман, одна из наиболее активных лоббистов BST в Monsanto, сейчас работает в Федерации потребителей.

Monsanto ежегодно жертвует около 200 тысяч долларов кандидатам в конгресс и политическим партиям. В 1996 году

она спонсировала избирательную кампанию Билла Клинтона. Она также пожертвовала около 18 тысяч долларов Демократической партии во время предвыборной кампании 1997—1998 годов; тогда же Monsanto потратила 4 млн. долларов на кампанию по продвижению своих интересов в конгрессе и Белом доме. Удалось решить много вопросов: от налогового кодекса до законов об опасных отходах и безопасности пищи.

Monsanto активно «работает» и с правительствами других стран. К примеру, бывший глава лейбористской партии Великобритании Дэвид Хилл, который поныне имеет возможность в любое время связаться с любым министром, работает консультантом Monsanto. С той же корпорацией сотрудничают и другие члены лейбористской партии. Шестнадцать фирм, имеющих отношение к ГМ-продукции, провели десятки встреч с представителями правительства Тони Блэра.

Когда Monsanto в 1998 году столкнулась с опасностью запрета на свою продукцию в Европе, компания пригласила группу европейских журналистов в США, где их «обрабатывали» правительственные чиновники. В план пребывания входила даже экскурсия в Овальный кабинет Белого дома! Помощники президента Клинтона Мадлен Олбрайт, Билл Дэли, Дэн Гликман делали всё, чтобы защитить Monsanto, изменить общественное мнение Европы в их пользу. И чуть позже Франция и Ирландия, ранее выступавшие против выращивания на территории стран ЕС трансгенных культур, выдали разрешение на посадку ГМ-кукурузы.

PR-бизнес — один из самых быстро растущих видов бизнеса в мире. Нельзя недооценивать ту опасность, которую представляет собой их деятельность. С помощью новейших коммуникационных технологий и разветвлённой сети политических связей работники этих рекламных фирм постепенно создают в головах людей некий «новый мир», зачастую не имеющий никакой связи с реальностью. В результате мы получили демократию, в которой граждане, превратившись в пассивных потребителей дезинформации, лечатся тем, что не лечит, и едят то, что отравляет, а критика такого положения дел расценивается как невежественное вмешательство!

Другие биотехнологические фирмы США тоже удачно используют «вращающуюся дверь». Дэвид В. Байер, бывший глава правительственного комитета по генной инженерии, стал вице-президентом Организации биотехнологической промышленности. Терри Медли, глава одного из отделов министерства сельского хозяйства США и чиновник Управления питания и лекарственных препаратов, перешёл в директора по международным связям сельскохозяйственного подразделения корпорации DuPont.

Типичное мероприятие — награждение за достижения в области охраны природы. Предположим, некая компания, трудами которой исчез с лица Земли целый подвид бабочек, жертвует 20 тысяч долларов Экологическому колледжу какого-то штата. Это вклад в экологическое движение или нет? Конечно, вклад. Грамоту ей! Разумеется, не за уничтожение бабочек и не за «взятку» колледжу, а за что-нибудь красивое. Так, в мае 1998 года компания Monsanto получила награду «Наследство Земли» от колледжа штата Коннектикут за свою программу «больших урожаев», которая «даёт возможность получить необходимые продукты, сохраняя при этом естественное биоразнообразие».

С теми деньгами, которыми оперируют ТНК, нет проблем создать движения, «параллельные» с настоящими «зелёными», и даже с теми же названиями. Должно ли нас удивлять, что постоянно идёт информация о «диалоге» ТНК с оппонентами? Все рекламные акции Monsanto содержат ссылки на экологические группы (такие, как «Друзья Земли» и Гринпис), которые якобы их поддерживают. Но подлинные группы, указанные в рекламе, никогда и не слышали никаких предложений со стороны корпорации и не давали никаких разрешений на использование этих ссылок в рекламе!

Разрушение природы, социумов, нравственности ради денег — вот что такое транснациональные корпорации.

ЧТО ОСТАЛОСЬ НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Люблю зверьё я знаю Маяковский
Так говорил Люблю зверьё и тут же
Свою любовь доказывал он улыбался
Собакам и встречал ответную улыбку

У нас была собака с мордой слишком чёрной
Для туловища серого потом она взбесилась
Её пришлось убить я слышу до сих пор
Звук выстрела убившего её

Источник жизни клонится к концу
Мы с каждым днём склоняемся всё ниже
Над нашей мёртвой и взыскательной собакой

*Поль Элюар. «Про одного зверя»**

Товар и антитовар

Основная идея рыночной экономики состоит в том, что рынок распределяет ограниченные ресурсы в соответствии с выраженными через цену предпочтениями большинства индивидов. Но эти ресурсы по большому счёту принадлежат всем людям, и умершим, и живущим, и ещё не родившимся. Даже если забыть об умерших, всё же основная масса заинтересованных в сделке экономических агентов не могут в данный момент присутствовать на рынке и выразить свои предпочтения — их пока нет. Строго говоря, торги в этих условиях следовало бы признать незаконными, но по умолчанию действует формула, якобы снимающая проблему: «Что сделали будущие поколения для

* Перевод Мориса Ваксмахера.

меня?» То есть предполагается, что к сделкам с будущими поколениями нужно применить принцип эквивалентного обмена или, если честнее, обмана: раз вас тут нет, я быстренько всё съем...

Сильный аргумент в пользу такой позиции — тот факт, что большая часть наших современников, жители далёких стран Юга и свои бомжи, лишены доступа к ресурсам: их потребности не выражаются в платёжеспособном спросе и из экономического рассмотрения исключены. То, что в число отверженных на мировом рынке попали целые народы и страны, а также и будущие поколения, каким-то странным образом прекрасно уживается в общественном сознании с идеями «гуманизма», «демократии» и «прав человека». Наличие в мировой социальной системе огромных масс людей, лишённых жизненных ресурсов, даже не вызывает сомнения в том, что экономическая система находится в равновесии, что всё *нормально!*

Соединённые Штаты со своим весьма небольшим населением потребляют почти половину сохранившихся в мире дефицитных промышленных ресурсов и сбрасывают на головы народов отходы и «грязь». Понятно, что если имеющихся запасов, оцененных самым оптимистичным образом, хватит всего на сто лет, то должен быть принят как постулат очень низкий уровень потребления всем остальным миром, а также его согласие за некоторые, весьма небольшие деньги принимать чужую «грязь». Почему с этим постулатом не спорят американцы и жители Западной Европы, в общем, понятно. А вот доколе будет терпеть все остальные?

Ухудшение природных показателей происходит из-за той экономической парадигмы, которая требует непрерывного роста и выедания ресурсов. Корпорации, работающие ради прибыли, в своих затратах не учитывают средства, требуемые на восстановление разрушенной ими природы. А между тем учитывать их и можно, и нужно.

Главный источник выбросов в атмосферу газов, создающих парниковый эффект, — это автомобили. Говоря прямо, производя автомобили, автоконцерны одновременно производят загрязнение биосферы. Производитель получил прибыль, вла-

делец машины — некие удобства, а всем прочим людям, живущим на планете, досталось загрязнение биосферы как от производства, так и от эксплуатации машин! Если бы производители и владельцы машин обязаны были компенсировать вред, наносимый железным чудовищем природе, они бы, наверное, предпочли ездить на автобусе.

Какую же компенсацию мог бы потребовать каждый житель Земли, которому навязали этот «антитовар» — загрязнение? Реальная стоимость «антитовара» неизвестна так же, как и стоимость автомобиля, ведь она определяется через цену на рынке в зависимости от спроса и предложения. Давайте оценим психологический дискомфорт, созданный сведениями о парниковом эффекте, в сумму ежегодной компенсации в 10 долларов. Эта сумма не кажется слишком большой. Она скорее маленькая. Но и такая маленькая компенсация каждому из 6 млрд. землян означает, что автомобилестроительные фирмы должны были бы выплачивать суммарно 60 млрд. долларов в год. Это привело бы к такому повышению цен, что производство автомобилей сразу существенно сократилось бы. Изменился бы весь образ жизни Запада, и вот это бы реально притормозило развитие эколого-социального кризиса.

Если бы рынок был действительно свободным и наряду с получением дохода за товар производитель нёс бы расходы за произведённый им антитовар, многое в мире изменилось бы самым кардинальным образом. Ни о каких ста миллионах автомобилей в США не шло бы речи. Без сомнений, сброс загрязнений в биосферу — главную ценность всего человечества — и ограбление будущих поколений возможны лишь благодаря идеологической, экономической и военной силе Запада. Ни правды, ни справедливости, ни естественного закона в этом нет. Загрязнения навязывают всем живущим сегодня и тем, кто будет позже. А прибыль получают немногие и только сейчас.

Чтобы хоть немного понять, как и что происходит, рассмотрим «теорию энергетизма», или «энергетической стоимости товаров».

Мы уже говорили, что обычно экономисты исходят из предположения безграничности ресурсов Земли. Однако ещё

в 1865 году вышла книга У.С. Девонса «Угольный вопрос», в которой он дал прогноз запасов и потребления угля в Великобритании до конца века. Осознав значение второго начала термодинамики (впрочем, сохраняя надежды на возможность в будущем повторного использования рассеянной энергии), Девонс дал ясное понятие *невозобновляемого ресурса* и указал на принципиальную невозможность неограниченной экспансии промышленного производства при экспоненциальном росте потребления минерального топлива.

Он писал: *«Поддержание такого положения физически невозможно. Мы должны сделать критический выбор между кратким периодом изобилия и длительным периодом среднего уровня жизни... Поскольку наше богатство и прогресс строятся на растущей потребности в угле, мы встаём перед необходимостью не только прекратить прогресс, но и начать процесс регресса»*. Девонс обратил внимание, что другие страны живут за счёт ежегодного урожая, а Великобритания — за счёт капитала, причём этот капитал не даёт прироста: будучи превращённым в тепло, свет и механическую силу, он просто исчезает в пространстве.

Книга Девонса «пропала»; его выводы забыты.

В 1885 году Р. Клаузиус выпустил книгу «О запасах энергии в природе и их оценка с точки зрения использования человечеством». В ней он сделал такие ясные и фундаментальные утверждения о конечности ресурсов, что, казалось бы, экономисты просто не могли не подвергнуть ревизии все главные догмы политэкономической модели.

Но и на это экономическая наука закрыла глаза.

Сегодня многие знают имя В. Оствальда благодаря критике его Лениным, который поставил на нём клеймо противника материализма и приверженца «энергетизма», что было правдой. Но Оствальд высказывал и интересные мысли. Так, он заявил, что прогресс — это расширение источников доступной энергии и повышение термодинамической эффективности её использования. И опять экономисты отмахнулись, говоря: энергия ни при чём! Прогрессивно то, что дешевле, то, что побеждает в конкуренции! Важна себестоимость в денежном,

а не в энергетическом выражении!.. Результат: для господствующих экономических моделей проблемы энергии просто не существует.

Но деньги как мера стоимости продукции искажают действительную картину затрат на производство продукции. Так, в Индонезии в феврале 1998 года случился экономический кризис: курс её денежной единицы по сравнению с долларом упал в пять раз. Значит, денежная стоимость продукции на её внутреннем рынке *возросла в пять раз*, но ведь её энергетическая стоимость, единственно реальная, оставалась прежней! Кризис был вызван определёнными действиями зарубежных банков. Но их деятельностью может создаваться и более абсурдная ситуация: и производство продукции в стране будет расти и цена этой продукции будет расти, тогда как, согласно теории рыночной экономики, она должна снижаться.

Все эти парадоксы возникают оттого, что не учитывается *стоимость природных ресурсов*. Природа — непременная и постоянная участница любых социально-экономических процессов, причём её роль в них — первая и важнейшая уже хотя бы потому, что для жизни человека нужны вполне определённые условия по давлению, температуре, газовому составу атмосферы и т.д. Пока они находятся в допустимых пределах, мы их не замечаем. И только когда какие-нибудь природные параметры становятся для нас непригодными, начинаем понимать их роль и соображать, сколько будет стоить возвращение их к обычным значениям. Иначе перемрём все разом.

Но поныне для экономистов природные ресурсы не обладают стоимостью, поскольку в них не вложен труд человека. Они твердят, что стоимость появляется, лишь когда ресурсы перерабатываются человеческим трудом и превращаются в новые формы вещества и энергии. Карл Маркс, рассуждая о потребительной и меновой стоимости товара, сделал вывод, что *потребительная стоимость*, или благо, имеет *меновую стоимость* только потому, что в ней материализован абстрактный человеческий труд. И чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления

изделия, тем меньше овеществлённая в нём масса труда, тем меньше его стоимость. И наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. По Марксу, стоимость пряжи, изготавливаемой на паровых ткацких станках, значительно ниже таковой же, но изготовленной вручную. Очевидно, что *природная* стоимость руды и энергии, из которых сделаны ткацкие станки, не учитывается.

Поскольку данный подход в оценке труда и стоимости продукции сохраняется до сих пор, то получается, что с развитием техники, с ростом индустриализации стоимость единицы продукции убывает, невзирая на то что исчезают природные ресурсы. Доведя эту мысль до логического конца, придём к абсурдному выводу, что, когда планета станет полностью «пустой», жуткое количество миллиардов людей получат наконец-то *бесплатную* продукцию. Тут-то люди и задумаются: а что делать дальше?..

К тому же, по Марксу, вещь не может обладать стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный труд бесполезен, не считается за труд и поэтому не образует никакой стоимости. Жаль, классик не дожил до изобретения атомной бомбы...

В связи с заметным истощением природных ресурсов экономистам пора посмотреть вокруг и понять, что теорию стоимости, спроса, предложения и цены, их равновесных состояний в социально-экономических системах *нельзя строить без учёта этих же категорий в природе*. Природу не рассматривают пока даже как равноправного партнёра, а ведь она — определяющая развитие общества система более высокого ранга! Такая самонадеянность не может остаться без последствий. Для аналогии: ребёнок, высасывающий из груди своей матери необходимый ему «жизненный ресурс» и кусающий грудь, сильно рискует остаться без ресурса.

Пора отказаться от мнения, что прибыль, обусловленная природой (естественное плодородие почв, растительный покров и другое), — дармовая. Пора менять взгляд на стоимость продукции, не имеющей «полезности». Понятия «полезный

труд» или «бесполезный труд» явно изменили смысл. Любые затраты труда отражаются на состоянии среды обитания и всего общества, и труд бесполезный тоже обладает стоимостью, но — отрицательной. Необходим иной подход к оценке стоимости, а единственный способ точного измерения различных затрат труда — через количество затраченной энергии.

Энергия — объективная и всеобщая мера стоимости любого вида произведённой продукции не только человеком, но и природой. Энергетическая мера стоимости — наиболее полная и точная, не зависящая от времени и конъюнктуры рынка количественная оценка стоимости производимой продукции. При таком понимании не останется вещей, не обладающих функцией «товар», и окажется, что всё сущее на Земле имеет стоимость. Даже воздух, которым мы якобы бесплатно дышим, включает в себя труд человека, в том числе и бесполезный, несущий отрицательную стоимость, кроющуюся в загрязнителях воздуха, и полезный, например, в виде охраны от пожаров и вырубке лесов.

Энергетическая стоимость невозобновляемых ресурсов всегда возрастает, она не может не расти, и это влечёт за собой поднятие цен на все остальные виды продукции. Раньше истощаемость ресурсов была не так заметна, а теперь она в системе показателей, определяющих эффективность, «возглавила колонну». *Технический прогресс сопровождается нарастающими потерями вещества и энергии*, вот в чём дело. За всю историю цивилизации не изобретено ни одного способа получения новых базовых источников энергии без использования традиционных. Поэтому, если ничего не менять, процесс индустриализации и впредь будет сопровождаться нарастающим ростом цен и инфляцией.

Например, по мере роста дефицита энергии становится невыгодным выращивание овощей в теплицах. Истощение запасов нефти вздувает цены на бензин, и люди ограничивают свои поездки. Потребность в прибыли гонит вперёд промышленное производство, соответственно возрастают издержки, цены на промышленную продукцию растут. Значит, растёт и инфляция.

Если мы желаем и дальше получать прибыль, то должны обеспечить и «прибыль» экосистем, ведь наши социально-экономические системы вне природы невозможны! А что такое прибыль экологических систем? Она определяется разницей между затратами веществ и энергии на поддержку динамически равновесного режима системы и расходом потоков, дезорганизующих её. Вот как просто.

Самый большой вопрос в иерархии взаимоотношений «личность — общество — природа» — это собственность на землю и ресурсы. Очень часто владелец получает доход не только и не столько результатами своего труда, а результатами труда природы. Естественным было бы за всё, во что вложен труд природы, вносить плату обществу, чтобы эти средства шли на компенсацию нанесённого природе вреда. Право же распоряжаться природными ресурсами как личной собственностью порождает законодательно оформленное и со временем обостряющееся неравноправие в обществе. Последним выражением такого неравноправия уже стала принадлежность большей части природных богатств, в том числе в опосредованном виде атмосферы, морей и океанов, рек и даже солнечной радиации, абсолютному меньшинству населяющих Землю людей!

Согласимся, при полной обеспеченности ресурсами рыночная система в её классическом виде может работать очень хорошо. А при дефиците ресурсов она объективно разделяет сообщества на бедное большинство и богатое меньшинство. То же и на межгосударственном уровне: чтобы нескольких элитарных государств жили хорошо, принципиально требуется вытеснение из общества потребления всех прочих стран. Они становятся исполнителями черновой работы по добыче и первичной переработке сырья, и не за рыночную цену, а за цену, назначенную элитой. Сколько бы ни трещали США, Германия и прочие о своей «озабоченности», они всё более трансформируют мир в сообщество, управляемое ими.

Правда, сегодня это только *выглядит* как политика государств. Фактически миром управляет сеть транснациональных корпораций (ТНК), ведущих работу повсюду. Так, ТНК «Форд

мотор» состоит из шестидесяти дочерних компаний, сорок из которых расположены в других странах; треть её прибылей поступает в США из-за рубежа. Такова же структура «Дженерал моторс», ИБМ, нефтяных корпораций. Из ста крупнейших американских фирм / относятся к транснациональным. Голландская «Филипс ламп вокс» имеет отделения в 68 странах; из 225 тысяч её работников 167 тысяч трудятся за пределами этой страны. Вне Швейцарии образуется 97 % доходов швейцарской фирмы «Нестле шоколад». А Сан-Пауло, второй промышленный город Бразилии, жив благодаря вложенному в него шведскому капиталу.

Иначе говоря, реальная расстановка сил *закамуфлирована* политической иерархией государств. Кажется очевидной тенденция глобального расширения собственности на природные ресурсы США и возглавляемого ими сообщества элитарных стран. Однако на деле во главе процесса стоят транснациональные компании; это они расширяют границы экспансии. Просто базируются ТНК в странах «золотого миллиарда», правительства которых своей политикой, в том числе военной, защищают их интересы. Для политиков и заправил ТНК «прогресс» — это законодательно защищаемое право эксплуатации именно ими природных ресурсов. С такими взглядами они определяют цели производства и социально-экономическое развитие на планете вообще!

ТНК просто и без затей формируют неравноправие и в межгосударственных отношениях, и внутри государств, и в мелком бизнесе, в том числе в самих США. А те страны, где они размещают производство, беднеют, становятся должниками и уже не в состоянии выпутаться из долговой ловушки: прирост их ВВП меньше прироста долгов, набравших за счёт процентов.

В одних местах (в странах «развивающихся») сосредоточиваются крупнейшие заводы, накапливаются отходы производства, загрязняется среда, в других местах (в странах «развитых») за счёт получаемых прибылей проводится облагораживание среды обитания, улучшаются жизненные условия граждан. Эффективное использование нефти и газа, например в Герма-

нии, предполагает всё большее расширение фронта добычи органического топлива в Сибири. Эффективное использование древесины в Японии предопределено неэффективными лесоразработками в Приморье и Хабаровском крае.

Не принимается в расчёт, что социально-экономические системы не могут увеличиваться в размерах ни по численности населения, ни по количеству производимой промышленной продукции, ни по количеству вещества и энергии, изымаемых из экосистем, выше некоторого, практически достигнутого предела. Возможно только перераспределение, но в созданной системе есть неустранимый дефект — недостаток ресурсов. Их всё меньше и меньше...

Человек и его еда

Точных данных о численности населения в разные века нет и быть не может; относительно достоверными можно считать данные начиная от XVIII века. Тем не менее методы расчёта нашей численности «назад» есть, пусть они и получены косвенными способами. Посмотрим, каковы ориентировочные сведения о росте населения.

Год	Млн. чел.	Год	Млн. чел.	Год	Млн. чел.
-10 000	1-10	400	200	1800	900
-8000	5	600	200	1830	1000
-6500	7	800	220	1850	1260
-5000	12	1000	300	1900	1600
-4000	7	1100	310	1910	1750
-3000	14	1200	405	1920	1860
-2000	27	1300	390	1926	2000
-1000	50	1400	360	1930	2070
-500	100	1500	480	1940	2300
-400	162	1600	560	1950	2400
-200	150	1650	510	1960	3000
0 - 1	285	1700	600	1985	5000
200	220	1750	800	2000	6000

Как видим, население было относительно стабильным достаточно долго, в том числе в течение бронзового века (конец 4-го — начало 1-го тысячелетия до н.э.). С начала того периода, который обычно называют железным веком, и до начала н.э. оно увеличилось почти в шесть раз, после чего до эпохи Великих географических открытий опять шёл стабильный период с небольшим ростом и спадами из-за эпидемий.

Строительство больших парусных судов, развитие дальнего мореплавания, открытие и освоение заморских территорий (1500—1750) подтолкнули рост численности. Исследователи, миссионеры, авантюристы, купцы и военные прокладывали пути в новые страны; численность достигла миллиарда, а тут подоспело начало Промышленной революции, которая вызвала настоящий демографический взрыв: население стало расти не по линейному закону, а с ускорением. От первого до второго миллиарда прошло около ста лет. Мощный рывок был вызван успехами медицины, резко снизившей детскую смертность, и переходом на широкое использование нефти, поскольку бензиновый двигатель и распространение электричества обеспечили рост во всех отраслях. Третий миллиард был достигнут за треть столетия.

Затем за сорок лет, с 1960 до 2000 год, население удвоилось.

Если выстроить график роста численности населения и график роста добычи полезных ископаемых (в основном угля и нефти), то видно, что углы наклона кривых на этом графике, на участке наиболее быстрого роста и того и другого, практически совпадают. Можно предположить разную взаимосвязь. Например, что это:

- а) случайное совпадение;
- б) потребление нефти растёт вслед за ростом населения Земли;
- в) население Земли растёт вслед за ростом добычи нефти;
- г) то же самое, но существует внутренняя причинная связь.

Построивший такой график известный экономист А.П. Паршев пишет: «Наиболее неприятные последние три случая, так как они ставят вопрос: что будет, когда нефть кончится?»

Да, что будет? Мы писали об этом в первой части книги, но отметим: вопрос стоит ещё более остро, ибо рост населения продолжает ускоряться. За последние пятнадцать лет XX века число землян увеличилось настолько же, насколько от легендарного Хеопса до изобретения электрического телеграфа, и продолжает расти на 90 млн. человек в год. Говорят, это происходит оттого, что «фактор нефти» усилился научно-технической революцией. Согласимся и спросим: а от чего усиливается эта «революция»? Ответ уже дан: потребность в непрерывном росте, идущем без всякой пользы человечеству, вызвана *денежным процентом*, разгоняющим всю систему.

Безудержные оптимисты, вроде профессора С.П. Капицы, уверяют нищающее население, что очень скоро темп его, населения, роста плавно снизится, вслед за чем (неизвестно почему) стабилизируется на числе в 15 млрд. человек. Неявно подразумевается, что уж тогда-то точно наступит счастье и материальных благ наконец-то хватит на всех. Население облегчённо вздыхает и... продолжает плодиться.

Умеренные оптимисты рассуждают про переколебания численности, неизбежные в развитии живых динамических систем из-за выхода за пределы ёмкости окружающей среды. Они знают, что стабильность может быть достигнута лишь после череды таких переколебаний. «Мне что-то не верится, что до золотого века человечества рукой подать. Но и губительная катастрофа маловероятна. Будет долгое и трудное залечивание последствий великого демографического взрыва», — говорит А.Г. Вишневский, руководитель Центра демографии и экологии человека РАН*.

Реалисты отличаются от оптимистов тем, что они бродят по свету, не закрывая глаз на происходящие вокруг интересные природные процессы. Они учитывают не только достижение пределов природной ёмкости, но и факт исчерпания ресурсов. И предполагают, что на пике своей численности люди могут остаться без энергии и еды. А ведь чтобы умереть от голода, достаточно некоторое время не есть. Быстрее, если не

* ЛГ. 2005. №16 (6019).

пить. Ещё быстрее при низкой температуре воздуха. При выходе за ресурсные пределы можно *колебнуться* до нулевого значения, веришь ты или нет в возможность «губительной катастрофы».

Сколько раз уже было сказано: *ресурсы Земли, необходимые для поддержания жизни, конечны*. Человечество всей своей численностью успешно сокращает их, в придачу ухудшая воздух, воду и почву. Надо бы нам жить по средствам. Но разве спешат правители, финансисты и «крепкие хозяйственники» к обсуждению на саммитах этого вопроса: как *нам* жить по средствам? Нет, они декларируют свою озабоченность проблемами бедности. Здесь важна тенденция: властители, вместо того чтобы снижать потребление сверхбогатых, рассуждают, как бы сделать богатыми ещё кого-то. Разумеется, они ничего не сделают. Бедные как нищали, так и дальше будут нищать. Эти «разговоры в пользу бедных» нужны только для оправдания собственного роскошества: мы, дескать, думаем и о других...

Но если не переменить расточительного образа жизни, решение за людей будет принято природой, и не потому, что у неё есть некая цель, а вследствие многих объективных законов самоорганизации.

Чтобы убедиться в этом, нынешнему поколению людей не понадобится ждать окончания всех ресурсов или хотя бы нескольких из их длинного списка. Достаточно дождаться окончания лишь одного: еды.

Возможно, многие, особенно из числа молодых, будут поражены, узнав, что еда вырастает не в магазинах, а на полях и огородах. На сельскохозяйственных, как это называется, угодьях. Там пасутся коровки, там растёт пшеница и многие другие потрясающие штуки. Чтобы прибавлять всё новые гектары к своим полям, люди на протяжении тысячелетий окультуривали землю, и к началу XIX века в распоряжении человечества оказалось этих угодий уже примерно 7,4 млрд. га с разнообразными почвами. Потом человек проявил свой технический гений, освоил силу пара, открыл электричество и догадался, как надо правильно использовать нефть, а заодно по-

дорвал возможности земли, и сделал он это куда быстрее, чем его предки землю окультуривали! В ходе одного только прогрессивного XX века из-за размывания и выветривания выведено из строя более 2 млрд. га, или 27 % всех земель, пригодных для обработки*. Из них 1,2 млрд. га потеряны начиная с 1945 года и по наши дни.

Если же говорить только про пашню, то в 1960 году при населении в 3 млрд. человек пашни было 1,5 млрд. га и на каждого землянина приходилось по 0,5 га. Этого в принципе хватало для жизнеобеспечения по нормам, принятым в США и Европе. Но к 2000 году размер пашни составлял уже только 1,4 млрд. га без тенденции к увеличению, а только к уменьшению. Населения же стало вдвое больше, чем в 1960 году, и на каждого жителя приходится теперь по 0,27 га, а это в два раза меньше, чем требуется по нормам развитых стран мира. К 2025 году в развивающихся странах предполагается уменьшение пахотной земли на человека до 0,17 га, то есть до уровня гарантированной нищеты и вымирания.

В Китае в 1995 году на одного жителя приходилось и вовсе только 0,08 га, причём из-за роста населения и крайней деградации почвы дело идёт к дальнейшему уменьшению. Только трудолюбие и традиционно скромные потребности китайцев позволяют им выживать при минимальных земельных ресурсах, если не учитывать возможности снимать с каждого гектара три урожая в год и забыть про импорт значительного количества зерновых из США и других стран.

Но правительства развитых стран, руководствуясь экономической целесообразностью, платят своим фермерам за то, чтобы те не расширяли посевные площади, а даже их сокращали, поскольку переизбыток продовольствия, возникший вследствие применения современной агротехники, вызывает снижение цен. Потратить те же деньги, чтобы накормить голодных азиатов и негров, этим правительствам даже в голову прийти не может, потому что азиаты и негры — конкуренты,

* См. <http://lib.ru/POLITOLOG/ponomarenko.txt>: Валентин Пономаренко, «Проблема 2033, или Джонушка, Иоганушка да Иванушка дурачки (сказка о горькой правде)».

они только мешают «золотому миллиарду» накопить побольше денег. В нашей стране никто сельское хозяйство не финансирует, поля стоят заброшенными; мы кормимся от западного стола, однако везут сюда еду не из гуманизма, а из-за того, что Россия торгует нефтью и по этой причине имеет столь желанные для каждого homo sapiens деньги.

При современных темпах прироста населения следовало бы увеличивать площадь пахотных земель планеты на 15 млн. га в год, но где их взять? На деле ежегодно теряется более 10 млн. га из-за истощения или их портит сам человек. Компенсация этих потерь за счёт лесов невозможна, так как она косвенно, по сложной экологической цепочке, приведёт к ускоренной деградации не только лесов, но и пашни. Таков порочный круг, вызванный ростом населения и уменьшением земельных ресурсов. Казалось бы, для увеличения прироста продовольствия не обязательно наращивать пашню, достаточно увеличить производительность гектара. Это верно, если не учитывать, что насилие над землей работает на каком-то этапе, не более... В рамках ныне действующей экономической парадигмы любой вариант приведёт к разрушению продовольственной базы.

Мы стараемся дать глобальную картину происходящего, но и локальные катастрофы очень показательны. Пример интенсивного земледелия — Айова, один из ведущих сельскохозяйственных штатов Америки. Здесь за последние сто лет потеряна половина угодий, причём скорость разрушения плодородного слоя намного превышает скорость естественного формирования почвы, ведь восстановление плодородного слоя почвы (если ему не помогать) происходит медленно.

Свой вклад в сокращение плодородных земель вносит урбанизация и всё, что с ней связано: появляются полосы отчуждения, коллекторы нечистот, дренажные системы, прокладываются дороги, сооружаются дамбы и водохранилища, строятся каналы, города, заводы и т.д. В итоге — вывод земель из сельскохозяйственного оборота, засоление, заиливание, отравление химическими веществами, которые, надолго оставаясь

в земле, уничтожают насекомых, а также рыб, птиц и животных. При этом треть производства продовольствия в мире прямо или косвенно зависит от опыления с помощью насекомых, чей генофонд, вследствие применения пестицидов, загрязнения воды и почвы, урбанизации и индустриализации, постоянно уничтожается. А остановиться человек не может! Теперь уже более 75 % урожая обеспечивается применением искусственных удобрений, ирригации, пестицидов и гербицидов. Иначе — не будет урожая!

Но этот «маятник» ударяет в обе стороны. Начиная с 1989 года из-за роста цен на нефть производство удобрений упало на 21 %. С окончанием нефти в недрах земли возможность производства продовольствия уменьшится в 4—5 раз. Даже если перевести трактора на дрова, так ведь и леса тоже скоро закончатся. Придётся забыть о современной производительности труда в сельском хозяйстве: ведь сегодня 3 % населения США обеспечивают всех остальных американцев едой только потому, что механизмы (работающие на бензине и электричестве) снизили затраты времени на все виды работ в 125 раз по сравнению с прежними временами. И если вернуть «прежние времена», то (в отсутствие лошадей) пахать придётся на бабах, а сеять вразброс.

Те же 3 %, умноженные на 125, дадут 375 % — это значит, что с исчезновением нефти для сохранения хотя бы площади посевов (забудем про урожайность) работать в сельском хозяйстве США придётся всем американцам, включая младенцев. Да ещё понадобится подвезти им в помощь три раза по столыку, а чем их кормить? Значит, надо подвезти ещё, а где им жить... Проще будет всем американцам сдохнуть. Тем более при отсутствии бензина никаким образом в Америку никто не попадёт: не осталось в мире крупных парусных судов.

Но пока ещё суетимся: качаем нефть, отравляем поля... Мечтаем о «светлом будущем»... А каковы достижения нашего «бега на месте» в настоящем? Чтобы судить об эффективности предпринятых человечеством мер по «улучшению» и «повышению», достаточно посмотреть на цифры: энергозатраты на производство пищи *в десять раз* превышают суммарную ка-

лорийность производимого продовольствия! Среднемировой урожай зерновых с 1950 по 2000 год упал в два раза, и эта тенденция и темп сохраняются. Ныне только две страны мира из 183 являются крупными экспортёрами зерновых. Но и это — до поры; уже подсчитано, что за 2007—2025 годы доля нефти и газа, выделяемая на нужды сельского хозяйства, вырастет настолько, что Штаты будут вынуждены прекратить экспорт продовольствия.

Первоначальный успех широко разрекламированной «зелёной» революции, основанной на резком увеличении энерговооруженности сельского хозяйства, широком применении удобрений, пестицидов, проведении ирригационных работ и выведении новых сортов растений, в самом деле дал в некоторых случаях увеличение урожайности до ста раз. Но закончилось всё так, как и всегда заканчиваются все революции в агротехнике: игнорирование воздействия новых технологий на экосистему уже через тридцать — сорок лет обернулось усиленной эрозией почвы, загрязнением поверхностных и грунтовых вод, нарушением устойчивости экосистемы, серьёзными заболеваниями населения и социальными конфликтами. По сути, эту землю потеряли. Во многих странах начали смещаться приоритеты национальной безопасности: защита почвы своей страны от эрозии вследствие бездумной эксплуатации становится важнее защиты страны от военного вторжения.

Не оправдались недавние надежды на то, что пропитанием обеспечат человечество моря и океаны: их ресурсы уже практически истощены. Почти полностью истреблены киты. В погоне за ценным мехом уничтожены котики. Рыбаки ищут рыбу и не могут найти! Пограничные корабли многих стран вместо подготовки к войне с потенциальным противником ведут настоящую войну с рыбаками — нарушителями границ прибрежной зоны рыболовства.

Гидропоника — ещё одна надежда прогрессивного человечества — также тихо скончалась вместе со многими другими мечтами.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ДЕГРАДАЦИИ ПОЧВЫ

Страна	Степень деградации
Китай	Эрозии подвержено более трети территории Китая. В провинции Гуаньчжи более 20 % ирригационных систем разрушено или полностью заилено эродированной землёй. Засоление уменьшило сельскохозяйственные угодья на 7 млн. га; использование необработанных городских нечистот серьёзно повредило более 2,5 млн. га, и ещё около 7 млн. га загрязнено промышленными отходами.
Россия	Эродированная площадь увеличивается ежегодно на 400—500 тысяч га; эрозия действует на двух третях российских пахотных земель. Водяная эрозия создала около 400 тысяч оврагов, занимающих более 500 тысяч га. Шестая часть российских земель загрязнена в такой степени, что она стала непригодной даже для промышленного использования.
Иран	Почти вся земля, занятая под сельское хозяйство, оценивается как деградирующая, значительная её часть — в умеренной или сильной степени. Засоление воздействует примерно на 16 млн. га.
Пакистан	Овраги занимают почти 60 % из 1,8 млн. га плато Потуар. Более 16 % сельскохозяйственных земель страдают от засоления. В целом деградировало более 61 % сельскохозяйственных земель.
Индия	Деградации подвержено более одной четверти сельскохозяйственных земель. Эрозия, связанная со сдвиговой культивацией, обнажила более 27 тысяч кв. км земли к востоку от Бихара. Брошено не менее 2 млн. га засоленной земли.
Гаити	Для фермерства пригодно только 32 % земли, но используется 61 %. Жестокая эрозия в середине 1980-х годов уничтожила 6 тысяч га ежегодно.
Австралия	Более 4,5 млн. га суши, или 10 % всех пахотных угодий, и более 8 % орошаемых земель подвержены засолению. С 1975 по 1989 год площади засоленных земель удвоились.

...По преданию, некоторые народы древности носили обувь с загнутыми вверх носами, чтобы при ходьбе или беге не нару-

шать травяной покров. Они жили в ладу с матерью-природой! Об этом давно забыто. По Великим равнинам США в 1872 году кочевало пятнадцать миллионов бизонов. Через десять лет осталась только одна тысяча, и охотники гонялись за ними, чтобы уничтожить и этот остаток. Теперь и в других местах перебили птиц, китов, котиков, белок, лис. Исчезли многие другие обитатели полей, лесов и водоёмов, о существовании которых человек даже не подозревал, отравляя поля ядохимикатами, осуществляя сплошную вырубку лесов, выбрасывая в атмосферу, почву и воду всевозможные Отходы производства.

Homo sapiens воспринимает нашу прекрасную природу, с десятками миллионов видов растений и животных, как нечто, дарованное ему, чтобы он мог поесть, поспать и подебоширить. Надо ли спрашивать, как отнесётся к нему, разумному, неразумная природа?..

Что будем пить и чем дышать

До 71 % поверхности нашей планеты занимает гидросфера, то есть вода: моря, океаны и реки. В общем объёме воды пресная составляет 3 %. Из этих мировых запасов примерно 75 % заключено в ледниках и айсбергах; почти вся остальная вода в основном находится под землёй в водоносных слоях, в которых песка и гравия вшестеро больше, чем воды. Человеку доступен лишь 1 % водных запасов.

Этого бы нам хватало для удовлетворения всех потребностей, если бы вода распределялась по местам обитания людей равномерно. Однако Средний Восток, северная Азия, северо-восток Мексики, большая часть Африки, многие западные штаты США, часть Чили и Аргентины и почти вся Австралия страдают от неустойчивого водоснабжения. Более восьмидесяти стран мира испытывают недостаток пресной воды! Например, в Китае только половина населения снабжается водой регулярно, и нехватка возрастает. В 2004 году были серьёзные проблемы с водой в Италии. Недостаток воды на Среднем Востоке уже приводит к политической напряжённости между государствами.

За последние сорок лет количество доступных запасов пресной воды на каждого человека в мире уменьшилось на 60 %, к 2025 году, как ожидается, её станет ещё в два раза меньше, и с дефицитом воды столкнутся 48 стран с общим населением 3 млрд. человек.

Но далеко не вся пресная вода — питьевая!.. А если лишить человека питьевой воды, он умрёт в одну или две недели, будь он простой рабочий или философ, политтехнолог или поэт!..

Воду для своих целей люди получают из фунта, устраивая колодцы и артезианские скважины, или из осадков, или из открытых водоёмов. Ещё один способ — опреснение морской воды — очень энергоёмок и, как многие считают, экономически бесперспективен.

Начнём по порядку. Запасы грунтовых вод снижаются повсеместно. В Соединённых Штатах воды, копившиеся со времён ледникового периода, теперь выкачивают со скоростью, на четверть большей, чем скорость их возобновления, а в некоторых районах и ещё быстрее. Немногим лучше поступают в Европе. Поведение людей определяется принципом «хватай, кто что сумеет»: европеец в среднем расходует воды на бытовые нужды вдвое больше минимальной потребности, а американский гражданин — вчетверо больше.

Для грунтовых вод результат печален: обширный водоносный горизонт Огаллала под штатами Небраска, Оклахома и Техас, запасы воды в котором были огромны, истощится через 30—40 лет. В штате Канзас в 1950 году к водоносному слою пробурили 250 скважин; в 1990-м их было уже 3000. Понятно, что толщина слоя уменьшилась в десять раз, а значит, и для людей результат тоже будет печальным: им придётся уйти. Американский город Китак жители уже покинули, равно как и птицы, и звери: город умер от жажды.

В Африке и некоторых странах Среднего Востока, особенно в Израиле и Иордании, запасы грунтовых вод практически исчерпаны. В Китае их уровень понижается на метр в год, а в районе Тяньцзиня — на 4,4 метра. На юге Индии понижение достигает 2,5—3 метров в год, причём водоносный горизонт Гуджарат ещё и подвержен засолению.

Основной потребитель пресной воды — сельское хозяйство; оно «выпивает» 87 % воды. Там, где случаются дожди, они и поливают поля, а где их нет или есть, но мало, приходится поливать самим. Продукция, производимая на орошаемых землях, от двух до пяти раз дороже, чем выращиваемая на дождевой воде, так как стоимость топлива и гидросооружений постоянно возрастает. На долю поливных земель приходится производство одной трети пшеницы при урожайности, в 2,5 раза более высокой, чем на обычных полях, однако ирригация требует больших расходов воды и энергии. Здесь тоже отличаются США: при ежегодной потребности в воде, идущей на выращивание пищи, равной 400 000 литров на человека в год, здесь используется 1 700 000 литров.

Из-за истощения грунтовых вод к 2025 году будет утрачено 30 %, а через пятьдесят лет — половина поливных земель.

С дождями тоже не всё в порядке, потому что глобальный климат Земли меняется. Происходит существенное перераспределение атмосферных осадков, появились засухи во внутриконтинентальных областях, возросла погодная неустойчивость; в результате снижалась урожайность всех видов культур. Растения, насекомые и вообще экосистемы не могут приспособиться к столь быстрым переменам.

В этом отношении поучительным стал 1988 год. Вследствие обширнейшей засухи урожай зерновых в США упал на 30 %, и впервые за триста лет производство зерновых оказалось ниже уровня потребления. В том же году урожай в Канаде понизился на 37 %.

Одновременно происходит загрязнение рек и проточных вод.

Загрязнение отходами и болезнетворными организмами, а также более чем ста тысячами наименований разного рода химикатов, используемых в мире, делает воду непригодной не только для питья, но также и для применения в сельском хозяйстве. В развивающихся странах загрязнено примерно 95 % воды. В США вода в 37 % озёр непригодна для купания из-за различных видов загрязнения.

Не менее грязны океаны и моря.

Каждый год в них сбрасывается более 35 млн. тонн нитратов и до 3,75 млн. тонн фосфорных соединений. Попади они в открытый океан, то даже такой огромный объём растворился бы без следа, однако БОльшая часть грязи остаётся в прибрежной полосе, образуя налёт на водорослях и понижая содержание кислорода, нарушая жизнь моря в прибрежной зоне. Не так давно в Тихом океане, между Калифорнией и Гавайями, обнаружен настоящий «остров» из мусора. Его масса — около 3 млн. тонн, а это в шесть раз больше, чем масса всего живущего в океанских глубинах планктона. Среди прочего хлама преобладают пластиковые предметы. По мнению учёных, «остров» образовали круговые океанские течения, которые подхватывают мусор у берегов Японии и США.

Сколько их, подобных «островов»?.. Никто не знает.

Так сложилось, что более двух третей населения Земли (4 млрд. человек) живут в прибрежной полосе шириной до 150 км, что связано, конечно, с лучшими возможностями пропитания. Мало того, что общая численность проживающих у морей населения растёт естественным образом, так ещё поближе к морям перебираются люди «с материков». Ожидаемое следствие такой миграции — ускорение загрязнения шельфа и уничтожение морских обитателей.

Вымирают рыбы. Исчезают кораллы. Количество коралловых рифов и островов за время, прошедшее после 1945 года, уменьшилось в два раза. Только расположенные вдали от мест человеческой деятельности (а их всего 30 %) имеют шанс пережить человека. Ещё 10 % океанских экосистем, представляющих собой чрезвычайно разнообразный мир растений и живых существ, деградировали до неузнаваемости; треть этих систем находится в критическом состоянии и исчезнет на протяжении 10—20 лет; ещё треть — через 20—40 лет.

Примерно такая же судьба ждёт леса нашей планеты.

В 1870 году леса занимали 7 млрд. га. Через сто лет их площадь была меньше в 1,75 раза, то есть сократилась почти вдвое. За следующие тридцать лет (с 1960 по 1990 год) произошло дальнейшее уничтожение лесов общей площадью, равной половине США. Вместе с лесом уничтожается бесчисленное мно-

жество видов животных, насекомых и растений, в том числе полезных для сельского хозяйства и медицины, то есть для уничтожающего их человека!

Ежегодно исчезает 17 млн. га тропических лесов и ещё столько же, если не больше, подвергается глубокой деградации. Если такая тенденция сохранится, то большинство тропических лесов исчезнет без шансов на восстановление. Более миллиарда человек используют древесину быстрее, чем она возобновляется, а всего применяют лес для отопления более двух миллиардов землян. Во многих местах уже столкнулись с дефицитом топлива для обогрева жилищ и приготовления пищи.

Это — если рисовать картину, так сказать, широким мазком.

А теперь посмотрим и на детали.

В Эквадоре к 2000 году осталась половина лесов.

На Филиппинах осталось 20 % леса.

В Индии осталось не более 9 % от прежнего лесного богатства. Тем не менее правительство этой страны поощряет половину населения использовать лес как топливо.

Тропические леса Бангладеш уничтожены на 95 %.

В Шри-Ланке леса практически нет.

На Гаити лес вырублен полностью.

Из 76 стран, располагавших тропическими лесами, только в четырёх (Бразилия, Гвиана, Папуа — Новая Гвинея и Заир), возможно, до 2010 года останутся неповреждённые участки леса.

В Западной Африке от 50 до 75 % древесины сжигается в малых и больших городах. Для восстановления лесов требуется выращивание быстрорастущих деревьев на площади в десятки миллионов гектаров. Кое-где, конечно, это делается, но в масштабах неизмеримо меньших, чем необходимо для серьёзного результата.

С северными лесами — а их более трети всех лесов — дела ещё более грустные. Они расположены в России, Канаде, США, Скандинавии, а также частично на Корейском полуострове, в Китае, Монголии и Японии. Существующая практика заготовки древесины не позволяет северным лесам проти-

востоять аномальным изменениям температуры и влажности. После 1976 года баланс между выбросом двуокиси углерода в атмосферу и его поглощением оказался тут нарушенным. Количество избыточного, не абсорбированного газа составляет 10—15 млрд. тонн, и если северные леса будут вырождаться, то сжигание и гниение будут лавинообразно ускорять изменение климата планеты.

С удвоением в атмосфере двуокиси углерода и других газов, вызывающих парниковый эффект, понадобится только 30—50 лет для исчезновения от 40 до 90 % северных лесов вследствие скачкообразного изменения климата. Гибель лесов будет сопровождаться обширными пожарами, нашествиями насекомых и бурями. Изменение климата из-за быстрого высвобождения сотен миллиардов тонн окиси углерода пойдёт лавинообразно. Резкая перемена условий жизни на Земле будет означать для человека окончательную катастрофу.

Что интересно, о происходящем с нашей природой хорошо известно, и приведённые здесь данные собраны не нами, а задолго до. Всё, что нам для этого понадобилось, — это новое представление об эволюции. Мы в нашей книге просто «склеиваем» сценарии и предсказания, многократно описанные в книгах и журналах специалистами. Например, об этом говорилось на Конференции в Рио-де-Жанейро. И что же?

Ничего.

Энергетические ресурсы

В соответствии с записями Холиншеда, летописца при дворе Елизаветы I Тюдор, в 1543 году в Англии была получена первая отливка из железа. Елизавета вообще вела курс на то, чтобы в стране были свои производства: добыча соли, выплавка меди, изготовление стекла и т.д. Для достижения успеха требовалось огромное количество древесного угля; углежогои поставляли его, сводя леса, и довольно быстро уничтожили все леса в Англии, а затем и в Ирландии. Дефицит леса вынудил перейти на использование ископаемого угля, хоть он и был грязный и с неприятным запахом.

К 1600 году Лондон и почти все приморские города перешли на уголь. Дальнейшие успехи в его добыче, а соответственно в выплавке стали, к концу XVIII века позволили осуществить то, что позже было названо Промышленной революцией.

В период с 1550 по 1820 год население Франции, Испании, Германии, Италии и Нидерландов увеличилось на 50—80 %, а прирост населения Англии за тот же период составил 280 %, однако Англия всё ещё оставалась малочисленной по населению страной. Тем не менее в 1800 году в Англии было добыто 15 млн. тонн угля, в то время как добыча во всей континентальной Европе не превысила 3 млн. тонн.

Теплотворная способность угля в два раза выше, чем у сухих дров и даже у древесного угля, а его запасы оказались намного больше лесных ресурсов. После того как Промышленная революция шагнула в Европу — по всем странам побежали паровозы, строились пароходы, развивались совершенно новые отрасли промышленности, — её население за один XIX век выросло со 187 млн. до 400 млн. человек.

Однако за это время произошло явление, впоследствии качественно изменившее мир: 35 млн. эмигрантов из Европы и их наследники составили большую, а иногда доминирующую часть населения в других частях света; США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, многие регионы Латинской Америки были заселены ими. Повсюду поселенцы внедряли добычу и применение угля. За короткое время (с 1865 по 1880 год) уголь стал основным источником энергии в США, достигнув пика своего потребления в 1910 году. В том же году был отмечен пик роста населения Соединённых Штатов.

Сейчас не уголь определяет лицо энергетики, но он всё ещё очень важен как ресурс. Если исходить из нынешних темпов добычи и потребления, запасов угля должно хватить примерно на сто лет. Но ускоренный рост населения потребует увеличения добычи угля, и уже к 2010 году потребность в нём может вырасти на 40 %, что, естественно, приблизит срок исчерпания запасов.

Но нужно учитывать следующее: при добыче топлива любого вида однажды наступает критический момент, после ко-

того на извлечение топлива надо затрачивать больше энергии, чем её содержится в добываемом топливе. Иначе говоря, любая добыча имеет предел рентабельности. Добыча сверх этого предела теряет смысл, даже если объём залежей остаётся большим. Для угля это особенно актуально, так как уже сейчас приходится разрабатывать слои на глубине более километра. Кроме того, всё чаще приходится работать с маломощными и крутопадающими слоями, что дополнительно удорожает процесс.

Ещё одна особенность именно угольной промышленности в том, что она, со всей её инфраструктурой, не самодостаточна. Ей нужна нефть, вклад которой в добычу угля достигает 40—50 %: уголь развозят электровозы, тепловозы и грузовые автомобили; электростанции, дающие на шахты ток, работают на мазуте и т.д. Если возить уголь на паровозах, работающих на угле же (а возврат к паровозам вообще вряд ли возможен), то накладные расходы, из-за малого КПД паровозов, резко увеличатся. Таким образом, исчерпание нефти будет означать остановку угольной промышленности, даже если в недрах Земли угля ещё будет много.

А может ли закончиться нефть?

Может, отчего нет.

Так же как когда-то в Англии уголь, так в США нефть обеспечила великолепные стартовые условия для развития экономики. Одна только Калифорния располагала запасами большими, чем Германия, Япония, Франция, Испания, Дания, Швеция, Финляндия и Италия, вместе взятые. В Оклахоме нефти было больше, чем в Германии или Японии. Америка имела нефти в двадцать раз больше, чем Индия, в шестнадцать — чем Бразилия, в три раза больше, чем Китай.

Но до Русско-японской войны лидерство США в добыче было ещё не очевидным. На мировую арену очень уверенно выходила Россия (количество добытой нефти указано в тоннах):

Год	Россия	США
1860	1300	70 000
1885	2 000 000	3 120 000
1901	12 170 000	9 920 000

Первая мировая война устранила опасного конкурента.

Во Второй мировой войне, после того как Япония, остро испытывающая нехватку нефти, в порыве отчаяния атаковала Пёрл-Харбор, а Гитлер не смог захватить нефтепромыслы Баку, США выступили триумфаторами. До 1950 года они производили половину мирового объёма нефти. А ещё через пятьдесят лет они не добывали и половины того, что требуется для собственных потребностей...

Нефть и газ стали основными источниками энергии для современной технической цивилизации в силу более высокой, чем у угля, энергоёмкости и в особенности благодаря преимуществам добычи, транспортировки и применения. Озабоченность потребителей вызывает только один момент: невозможность этих ресурсов.

За сто пятьдесят лет человечество успело израсходовать 65 % мировых запасов нефти. Её расходуется почти в пять раз больше, чем удаётся найти в новых месторождениях. Теперь уже и в США, и в большинстве других стран подчищают остатки. Понятно, что крошечный Кувейт (его территория меньше, чем штат Нью-Джерси), ради которого США затеяли «Бурю в пустыне», стоил такой операции: его запасы нефти втрое превышают запасы Соединённых Штатов!

Наличие нефти (%)		Потребление нефти (%)	
Саудовская Аравия	26	США	25
Ирак	10	Япония	8
Кувейт	10	Китай	5
Абу-Даби (ОАЭ)	9	Россия	4
Иран	9	Германия	4
Венесуэла	6	Южная Корея	3
Россия	5	Италия	3
Мексика	5	Франция	3
США	3	Великобритания	3

Нефть Персидского залива, вероятнее всего, последний большой резерв этого вида топлива. Если, не приведя Господь, обнаружат и начнут добывать нефть в Антарктике, это приведёт к столь быстрому изменению климата на Земле, что лучше бы её там не оказалось.

После 2010 года предполагается необратимый спад мировой добычи, объёмы и сроки которого будут определяться «энергетической стоимостью» добычи. Если на поиск и извлечение тонны нефти затрачивается тонна нефти, дальнейший процесс теряет смысл. Денежная стоимость в данном случае не имеет никакого значения, учитывается только энергетическая целесообразность. Как ни странно, это простое соображение осознаётся далеко не всеми. После Второй мировой войны энергетическая эффективность составляла 50:1, в середине 1980-х понизилась до 8:1, а для импортной нефти, с учётом доставки, до 5:1. В 2015 году эта величина станет критической, а именно 1:1. Критическая дата для газа наступит позже, чем для нефти, но разница в 10—15 лет для энергетического кризиса не имеет принципиального значения.

Пик добычи нефти: Ливия — 1969-й, США — 1970-й, Иран — 1973-й, Румыния — 1976-й, Тринидад — 1977-й, Бруней — 1979-й, Перу — 1981-й, Северная Америка в целом — 1984-й, СССР — 1987-й, Египет — 1993-й, Оман — 2002-й, Йемен — 2002-й. В Венесуэле пика ждут после 2005-го, на Каспии — около 2010 года, в Саудовской Аравии и Ираке — после 2011-го, в Объединённых Арабских Эмиратах — в 2017-м, в Кувейте — в 2018-м. Затем повсеместный обвал. Разведанная и законсервированная «про запас» нефть на Аляске даёт США отсрочку не более чем на два года.

Интересно, что вследствие эмбарго на торговлю с Ираком для него критическая дата может наступить несколько позже: судьба любит криво улыбаться! Однажды Ираку, чья прибыль на 99 % зависит от экспорта нефти, не у кого будет покупать продовольствие, потому что к тому времени другие страны не смогут производить его с избытком.

Никто не купит нефть, никто не продаст еды...

Накануне краха, как и в случае с водой и почти всеми другими ресурсами, нарастает их потребление. За последний 30—40 лет применение ископаемой энергии в различных секторах экономики США выросло от двадцати до тысячи раз! Рост идёт и в прочих странах с быстро растущим населением. Скажем, Китай по сравнению с 1955 годом в сто раз увеличил потребление нефти в производстве сельскохозяйственной продукции.

Штаты, конечно, отличаются расточительностью. В 1997 году Америка ввозила 60 % нефти от всей потребляемой, используя её в полтора раза расточительнее Европы и в два раза — Японии. В основном роскошествуют граждане: в среднем один американец расходует на себя нефти в 20—30 раз больше, чем жители развивающихся стран. Особенно много тратят на поездки в автомобилях. А ведь это крайне нерационально: всего 1 % энергии, заключённой в бензине, идёт на то, чтобы везти водителя, и около 15 % затрачивается на перемещение самого автомобиля. Остальное теряется зря.

Дональд Ходел, бывший помощник Рейгана по энергетике, сказал: «Мы, как лунатики, идём к катастрофе». Это точно. Либерализм! Свобода... Долго ли они продержатся после окончания ресурсов?

...Помимо основных источников энергии (нефть, газ, уголь), бесспорно невозобновляемых, которые в настоящее время обеспечивают 80 % потребностей человечества, есть и

Источник энергии	США	Мир
Нефть	36,0 %	35,9 %
Природный газ	22,2 %	19,3 %
Уголь	20,6 %	23,7 %
Ядерная энергия	6,9 %	5,9 %
Биомасса	7,2 %	7,2 %
Гидроэнергия	3,2 %	6,0 %
Гидротермальная, ветровая	0,3 %	0,2 %
Биотопливо (этанол)	3,6 %	1,8 %
Общее потребление	100,0 %	100,0 %

другие, условно возобновляемые; они составляют одну пятую часть энергетического баланса.

Данные, приведённые в таблице, говорят сами за себя, но некоторые комментарии всё же нужны. Развитые страны тратят 70 % производимой энергии, а развивающиеся — только 30 %, хотя их население составляет 75 % общемирового. Значит, в странах третьего мира большая доля работы выполняется, как и до Промышленной революции, с помощью мускульной силы человека и тяглового скота.

Ну и заодно, глядя на таблицу, определимся с перспективами: имеется ли чем заменить нефть и газ в случае чего?

За пять десятилетий, прошедших с момента запуска первой мирной атомной станции, доля ядерной энергетики не только в США, но и всюду (за исключением Украины, Франции, Японии и, возможно, Израиля) не превысила того, что даёт сжигание древесины и кустарников для отопления жилищ и приготовления пищи. Вот уже четверть века, как в США не выдают разрешений на строительство новых атомных станций. Германия также пришла к решению не строить новых АЭС. На Украине закрыта Чернобыльская станция и под большим вопросом находится достройка двух почти готовых блоков АЭС. Так что ядерная экономика на спаде.

Крупный рост энергопотребления за счёт биомассы сомнителен: лес на планете усилиями человека очень успешно уничтожается.

Гидроэнергетика практически исчерпала свои возможности; почти все гидроресурсы рек уже используются. В США из 917 млн. га суши без малого 63 млн. га занято под водохранилища. Для использования резервных гидроресурсов потребуются занять дополнительно 24 млн. га земли, в основном плодородной, но если учесть, что земля под пашню уже стала дефицитной, то цена дополнительной гидроэнергии может оказаться слишком высокой. К тому же сооружение новых плотин — это усугубление и без того нарушенного равновесия в экосистемах, изменение режима грунтовых вод, дальнейшее разрушение мест обитания не только рыб, птиц и животных, но и человека.

Гидротермальные и ветровые станции — пока в большей степени экзотика, чем существенный фактор в мировой энергетике. То, что может иметь смысл для посёлков, расположенных у гейзеров, или для небольших территорий с постоянными ветрами, имеет ничтожное значение для энергоёмких производств и прочих нужд.

Этанол — скорее побочный продукт сельского хозяйства, чем самостоятельный источник энергии. При синтезе этанола затраты на его производство на 50 % превышают энергетические возможности конечного продукта — такая технология экономически бессмысленна.

Ожидаемые мир сложности многими осознаются. Озадачены же ими прежде всего в США. Проблемы американской энергетике были одним из самых острых вопросов президентской кампании первого срока Дж. Буша-юниора. Той зимой американцы на собственном кошельке почувствовали, что творится. Подорожали не только бензин и электричество, но и аренда квартир и почти все товары в магазинах. Настоящий полномасштабный кризис энергоснабжения разразился в Калифорнии; здесь цены на электроэнергию подскочили в 10—20 раз, огромные убытки потерпели энергоёмкие отрасли промышленности штата. Началась перегрузка сетей и как следствие — веерные отключения. Губернаторы северо-западных штатов высказали подозрения о недобросовестных манипуляциях на рынке и потребовали от федеральных властей расследования.

Калифорния с её могучей экономикой оказалась не в состоянии обеспечить себя электричеством!

А в чём дело-то? Калифорнийские компании покупают электроэнергию в штатах северо-запада (Вайоминг, Колорадо, Юта, Орегон и Вашингтон), производящих дешёвую энергию на своих гидроэлектростанциях. Из-за необычайно засушливого лета, за которым последовали столь же сухие осень и зима, реки северо-запада обмелели и не смогли восполнить дефицит... вот вам и гидроэнергетика.

С нефтью ещё хуже. Дж. Буш-юниор указал, что США при администрации Билла Клинтона попали в чрезмерную зависимость от ОПЕК; и вообще за последние тридцать лет отечествен-

ные нефтедобытчики не освоили ни одного нового месторождения, а они в стране есть — на территориях, объявленных заповедными. Надо увеличивать объёмы собственной добычи! Основной вывод в том, что в США наблюдается фундаментальный дисбаланс между предложением и спросом, а задача — добиться энергетической самостоятельности — не решается.

Была создана специальная рабочая группа. Она сформулировала 104 рекомендации, идущие в трёх направлениях: энергосбережение, поиск альтернативных и восполнимых источников энергии и увеличение отечественной добычи. И оказалось, что деваться некуда: придётся, как и прежде, использовать уголь, нефть и природный газ. А чтобы обеспечить этими ресурсами действующие и новые электростанции на этих источниках (построив их 1300 до 2020 года), администрация намерена *смягчить экологические требования* к угольным станциям, ассигновать дополнительные средства на разработку чистых энергетических технологий, ввести налоговые льготы для разработчиков новых месторождений и покупателей энергосберегающих автомобилей-гибридов. Заодно решили поощрить сооружение новых АЭС.

Наиболее резкую критику вызвало намерение Буша начать разведку и бурение на территории национального заповедника на Аляске. Экосистема Заполярья отличается чрезвычайной хрупкостью. Заверениям нефтедобытчиков в том, что у них есть экологически безопасные технологии, никто не верит. Опросы показывают, что американцы хотят сохранить в неприкосновенности заповедные земли Аляски в той же мере, в какой хотят дешёвого бензина...

В 2000 году произошёл предсказанный в 1996-м скачок мировых цен на нефть. Теперь уже очевидно, что рост цен становится постоянным явлением. На московской встрече «Большой восьмерки» в конце марта 1998 года лидеры ведущих стран мира изучали доклад, в котором обосновывалась неизбежность полномасштабного кризиса в промежутке между 2010 и 2020 годами...

Но даже если до кризиса остаётся не пять, не пятнадцать, а целых тридцать лет (или 11 000 дней), то и этот срок ничто-

жен. Невозможно успеть отказаться от старого, расточительного жизненного уклада и перейти к новому. На Земле осталось мало нефти, даже с учётом неразведанных запасов. Никакие инвестиции и заклинания не помогут добыть больше того, что имеется в недрах. И что потом? Умершие без энергии города. Неработающие заводы. Пустые улицы и дороги с брошенными по обочинам автомашинами с сухими бензобаками...

О других «ископаемых», полезных и не очень

Давно прошли времена, когда полезными ископаемыми были корешки, которые, выкопав, можно было тут же съесть. Начиная с эпохи бронзы полезными стали руды меди, олова, свинца. Затем этот список пополнился: начали добывать железную руду, серебро, золото. Переработанная порода, а также отходы особых беспокойств не вызывали, пока производство оставалось кустарным.

Теперь в земле этих руд уже не так чтобы много. Скорее мало. В приведённой ниже таблице перечислены некоторые стратегически важные для технической цивилизации ресурсы. В последней колонке даны самые оптимистичные сроки их исчерпания с учётом возможного обнаружения новых месторождений.

Ресурс	Линейный рост (лет)	Экспоненциальный рост (лет)	Экспоненциальный рост и пятикратный запас ресурсов (лет)
Алюминий	100	31	55
Хром	420	95	154
Кобальт	110	60	148
Медь	36	21	48
Золото	11	9	29
Железо	240	93	173
Свинец	26	21	64
Марганец	97	46	94
Ртуть	13	13	41
Молибден	79	34	65

Никель	150	53	96
Платина	130	47	85
Серебро	16	13	42
Олово	17	15	61
Вольфрам	40	28	72
Цинк	23	18	50

В настоящее время полезным стало практически всё, что входит в таблицу Менделеева, а также разнообразнейшие соединения химических элементов, применяемые сами по себе и для создания новых материалов и веществ. И опять мы видим сумасшедший переизбыток потребления в Америке: на каждого американца ежегодно приходится более 20 тонн новых материалов. А производство одной тонны материала связано с затратами энергии, а также с перемещением или использованием многих тонн воды, земли или воздуха. Всё это изымается у природы и практически немедленно превращается в бесполезные отходы, которые, в свою очередь, становятся вредными: они не только отнимают место у сельскохозяйственных угодий, но и отравляют почву, грунтовые и поверхностные воды, а также воздух.

В Штатах каждый год закапывают 3,5 млн. тонн промышленных отходов в дополнение к 160 млн. тонн бытового мусора. В других странах закапывают поменьше, но тоже внушительно, да и стран много. Судя по таким результатам, промышленность занята созданием отходов, а товары являются побочным продуктом. Вспомним тему «Товар и антитовар», которую мы рассмотрели немного раньше.

А ведь известно, что тяжёлые металлы никогда не распадутся, а любой контейнер, заполненный ими, когда-нибудь обязательно разрушится, однако безумие производства отходов продолжается. Элементарные яды или урановые руды, другие источники смерти для всего живого, которые были в естественном состоянии рассеяны и не представляли опасности, усилиями *homo sapiens* сосредоточены теперь на небольших площадях и превратились в реальную угрозу жизни.

Ежегодно американская промышленность выбрасывает в воздух (через электроэнергетику и с дымом мусоросжигающих заводов) 48 тонн ртути. Это уже с применением технологий очистки; раньше в воздух шло 160 тонн! Между тем все соединения ртути ядовиты и повреждают органические ткани, сворачивая протеины и дезактивируя ферменты; следствие чего — врождённые дефекты, заболевания мозга, слепота. В воде ртуть активно превращается в растворимые соединения метила, которые усваиваются водорослями и планктоном, а те, в свою очередь, поедаются мелкой рыбой, которую съедает крупная рыба, попадающая на стол человеку, снабжая его биологически концентрированным ртутным ядом. Если рыба умирает в воде, продукты её распада снова и снова поступают в обычный биологический цикл.

Недавние исследования биологов показали, что ртуть обнаруживается в водоёмах, удалённых от мест сброса на тысячи километров. Ртутное отравление стало всеобщей проблемой: ртутное предупреждение получили рыбаки сорока штатов Америки, тысяч озёр в Канаде, вся Скандинавия и многие страны Европы и Азии. От элементарного яда невозможно избавиться!

Ещё одна форма организованного безумия проявляется в том, что федеральные инструкции США позволяют заводам избегать больших расходов на захоронение промышленных отходов через простое переименование их в «добавки к почве». В итоге такие «добавки», содержащие промышленные попутные продукты вроде свинца, кадмия, мышьяка и ртути, а также соединения диоксида и даже радиоактивные компоненты, широко распространяются в сельскохозяйственных районах на протяжении последних двадцати лет. Например, завод по переработке урана в Оклахоме ежегодно «обогащает» 9000 акров пастбищ десятью миллионами галлонов слабордиоактивных отходов, лицензированных как жидкое удобрение. Такое же «удобрение» выливается на пастбища на Бермудах, где пасётся крупный рогатый скот. В семьях, живущих вблизи пастбища, отмечено множество случаев раковых заболеваний и врождённых пороков. Ещё пример: министерство энергетики США

под нажимом общественности «обнаружило», что в одной из местностей количество радиоактивных элементов, попавших в почву в процессе производства ядерного оружия, в десять раз превышает то, о котором сообщали раньше...

А суть-то в чём? А суть в том, что в рамках действующей экономической парадигмы тот, кто сильнее, стремится захватить максимальные количества ресурсов, максимально дёшево их переработать и максимально сэкономить на утилизации отходов. И все эти действия — ради одной цели: максимально большой денежной прибыли.

Неужели найдётся среди владельцев и менеджеров транснациональных корпораций хоть один наивный человек, считающий, что по исчерпанию ресурсов деньги будут хоть что-то стоить? Или что останется неизменной структура цен на движимое и недвижимое имущество? Вряд ли. Всё они понимают. Но остановиться — невозможно. Народившиеся в XX веке новые общественные структуры, ТНК, за последние тридцать лет сильно окрепли и будут выживать, невзирая ни на какие моральные ограничения, ибо не знают они моральных ограничений! Всё понимающие люди, работающие в них, будут принимать решения и проводить их в жизнь вопреки здравому смыслу, чтобы получить *свою* долю денег — воистину за то, что повесишься.

Пусть читатель не удивляется: эти «ископаемые» персонажи тоже имеют отношение к теме «Что у нас осталось на чёрный день». К наступающему чёрному дню у нас остались такие вот менеджеры, лидеры мировой экономики.

А может, вы испытываете к этим людям пиетет? Считаете, что они, как и полагается, так сказать, «крепким хозяйственникам», направляют финансовые потоки в соответствии с некими научными экономическими теориями? Что ж, давайте посмотрим, как они работают.

Они откорректировали правила предоставления кредитов бедным странам. Теперь МВФ и Международный банк «помогают» им только при твёрдом обещании, что государство-заёмщик не будет кредитовать свой общественный сектор. Граждане сами должны финансировать социальные программы,

через пенсионные фонды, страховые компании и прочих так называемых институциональных инвесторов. Получается, что «инвесторы» живут как раз за счёт кредита, который дали им сами граждане. Ведь это *их* банковские депозиты, страховые взносы, вложения, отчисления в пенсионные и другие фонды, разного рода подписки и абонементы и т.д.

И сделано это, потому что накануне всемирного краха цель менеджеров ТНК и финансистов МВФ и МБ — отсечь «посторонних» от дефицитных невозобновляемых ресурсов, чтобы они не мешали им, как более «достойным», превращать эти ресурсы в отходы. А «посторонние» — это народы, живущие на своих исконных землях с ресурсами.

Итак, пенсионные и прочие фонды накапливают взносы, взятые с зарплаты и других поступлений от граждан, потом занимают своё место в категории небанковских кредитных учреждений, в чьи задачи входит получение прибыли на крупные денежные капиталы. Как они это делают?

Во-первых, они вкладываются в спекулятивные инвестиции, кредитуя корпорации, чьи акции котируются на главных биржах мира, чтобы получить доход. Считается, что примерно треть акций на Уолл-стрит и в лондонском Сити находятся в руках пенсионных фондов.

Во-вторых, на эти деньги они нанимают тех же граждан на работу и заставляют работать столько, сколько необходимо, чтобы они им эти деньги отработали и принесли чистый доход из расчёта как минимум 15 % в год. Граждане обязаны биться друг с другом за право быть купленными за свои же собственные деньги! Вложились в фонды многие, работу и зарплату получают немногие. А с зарплаты взимаются местные и центральные налоги. Так раздувается конкуренция между всеми людьми, всеми существующими социальными группами и всеми территориальными образованиями: городами и регионами, а с учётом глобалистских процессов — и государствами. Ведь если кто в Европе, Азии или Америке хочет сохранить свои социальные достижения, то денежки пустят туда, где подешевле, а подешевле там, где ниже социальные гарантии. Понятно теперь, зачем проводилась в России «монетизация льгот»?

Авиакомпания «Бритиш эйруэйз» (она на 40 % принадлежит американскому «институциональному инвестору») за пять лет сократила свой британский персонал примерно наполовину. И теперь набирает пилотов из стран Восточной Европы, экономя на зарплате, а всё бухгалтерское обслуживание компании передано индийскому субподрядчику при одновременном увольнении ещё пяти тысяч работников.

Самое поразительное в том, что, рекламируя свободный рынок, глобализаторы не освобождают рынок труда. Один из их неписаных законов гласит: *в глобализованном мире свободно передвигаются товары, но не люди**. И понятно почему. Ведь задача — использовать ресурсы, в том числе трудовые, с максимальной прибылью. Лучше выгнать английского лётчика за ворота и нанять неприхотливого «хохла». Он и маленьким деньгам будет рад. А если платить украинскому пилоту столько же, сколько английскому, то где же тут прибыль?

В-третьих, покупается всё то, что хоть в какой-то степени приносит или может принести доход. Это называется приватизацией. Особенно притягательны для приватизаторов предприятия, предоставляющие уже обворованным гражданам услуги первой необходимости в таких областях, как электро-, газо- и водоснабжение, транспорт, телекоммуникации, здравоохранение. Риска никакого, а предварительные капиталовложения, сделанные государством за предыдущие десятилетия, позволяют эксплуатировать уже существующую инфраструктуру очень долго, получая гарантированный доход и имея возможность подавлять возмущение граждан, если оно возникнет.

Эту систему обосновал в 1989 году экономист Джон Уильямсон в статье «Что понимает Вашингтон под политикой реформ». Он изложил список из десяти политических рекомендаций для стран, желавших реформировать свои экономики;

* Как в России эти идеи воспринимаются подпевалями глобализаторов, видно из интервью экономиста Виталия Найшуля радиостанции «Свобода» в передаче Якова Кротова «С христианской точки зрения» от 09.10.2001. Вот ответ на вопрос, чего от нас требует глобализация: *«Всё, что от нас требуется, — это научиться работать ответственно, добросовестно и качественно за небольшие деньги... на хозяина, даже если хозяин не смотрит на тебя».*

в дальнейшем эти рекомендации получили название Вашингтонского либерального консенсуса. Среди предложений — сокращение бюджетных ассигнований, требование «мягких» для капитала налогов, сокращение или отмена субсидий на общественные расходы, поддержка обменного курса валюты так, чтобы он стимулировал экспорт... Ещё там было про приватизацию и неучастие государства в экономике. Впрочем, зачем подробно расписывать? В России всё это реализовано, каждый сам знает.

Политические лидеры всех стран (в том числе России) воспряли духом и, ожидая скорого подъёма экономики и уровня жизни своих граждан, приняли указание вашингтонских стратегов к исполнению.

С тех пор прошло больше пятнадцати лет. Много чего было. Колоссальные финансовые обвалы (в Юго-Восточной Азии, Мексике, России и других регионах) были. Обнищания народов подавляющего большинства стран были. Вооружённые восстания (в Мексике и Боливии) были. «Бархатные» революции были. Не было только экономического бума и улучшения жизни граждан.

Оказалось, экономический рост (если он даже есть) мало что даёт людям, если в больницах нет лекарств, а квартплата и цена бензина растут, и что бум на рынке ценных бумаг может быть очень опасен. Валютный курс, удешевляющий национальные продукты на мировых рынках, недостаточен для поддержания своей экономики. Слабое государство разъедается коррупцией, а налоги не могут быть собраны. Устранение ограничений на иностранные капиталовложения не делает страну конкурентоспособной в соперничестве за привлечение долгосрочных инвестиций. Короче, провал был по всем пунктам: выиграла только ТНК и международные финансовые ворота.

Казалось бы, у всех — и организаторов всей аферы, и политических лидеров — должны были возникнуть вопросы: является ли финансовая открытость хорошей идеей? Хороша ли идея либерализации торговли? Правильно ли, что страны фиксируют обменные курсы своих валют? Ведёт ли к стабильное-

ти уход государства из экономики или, напротив, порождает нестабильность?.. Но ни у кого из власть имущих не возникли такие вопросы, а если возникли, они их не озвучили. Местные президентишки в обращениях к своим карманным парламентам обещали дальнейший рост ВВП, а их хозяева покупали дополнительные сейфы для хранения резаной зелёной бумаги. Лидеры всех причастных стран явно образовали специализированную структуру, кормящуюся от щедрот делателей денег. Всё это, конечно, большой секрет, но однажды завеса секретности оказалась приподнятой.

Потому-то мы и пишем о происходящем столь уверенно.

Служил когда-то в Международном банке экономист Джо Стиглиц. Его из МБ уволили, и уже после того, как уволили, он получил Нобелевскую премию по экономике. Такая гримаса судьбы. Этого Стиглица сумел разговорить журналист Грэг Паласт, а Стиглиц, как оказалось, имел документы «для внутреннего пользования» из МБ и МВФ. А из них следовало, что эти международные организации обычно требуют от правительств подписания секретных договоров, в которых правительства соглашаются продать свою важнейшую госсобственность и предпринять катастрофические для населения их страны меры. И если потом они нарушают свои обещания, то эти страны намертво отрезают от заграничных кредитов.

По сути, правитель обязуется выставить свою страну на продажу, чтобы привлечь инвесторов, а дополнительно гарантирует нанести ущерб правам трудящихся и окружающей среде. Соглашается на приватизацию социального сектора. Обязуется вести денежную политику, в большей степени выгодную богатым, чем бедным, так как первые располагают активами, в то время как вторые обременены долгами. Обещает создать валютные резервы, для чего будет заморожено потребление. Берётся проводить налоговые реформы, преимущественно направленные в пользу богатых и «расширение налогооблагаемой базы», то есть за счёт наиболее бедных слоев населения.

Грэг Паласт приводит конкретный пример — Аргентину. На наш вкус, лучше бы он рассмотрел пример России, ну да ладно.

Секретный план для Аргентины подписал тогдашний глава МБ Джим Вулфенсон. В конце 1980-х страна начала выполнять инструкции МБ и МВФ и продавать своё госимущество. В частности, продали систему водоснабжения. То есть народ платит налоги, на эти деньги создаётся госимущество, и правительство передаёт его в частные руки по указанию международных финансистов. При этом на швейцарские счета поступили миллиарды долларов для аргентинских правителей, ведь при капитализме всё должно быть оплачено, и МВФ и МБ платят политикам за то, чтобы те за бесценок приватизировали водопроводы, железные дороги, нефтяные компании.

Водопровод Буэнос-Айреса был продан филиалу компании «Энрон», и нефтепровод между Аргентиной и Чили был продан той же компании «Энрон», и нефтепроводы в Эквадоре тоже. Грэг Паласт обнаружил, что по такому сценарию удалось разрушить целые государства. Джо Стиглиц рассказал ему, как он приезжал в страны, где готовилась приватизация, и все в МБ знали, что политики огребут на этом сотни миллионов, и предпочитали помалкивать. Всем было ясно, что это никакая не приватизация, политики просто крадут собственность у народа и отдают МВФ и МБ с их «подельниками». Так, «Ситибанк» — крупнейший банк США — захватил половину аргентинских банков, а «Энрон» уже присвоил здешний водопровод. И в Аргентине случился кошмарный кризис, не успокоившийся до сих пор, а в Буэнос-Айресе теперь проблемы с питьевой водой.

Джо Стиглиц рассказал, что он начал задавать вопросы: «Что происходит в Индонезии? Вы понимаете, куда мы ни приходим, в чьи дела ни вмешиваемся, мы разрушаем их экономику». И ему ответили, что за подобное любопытство увольняют. А по поводу восстаний народов Стиглицу даже показалось, что они вроде планировали эти восстания. Они знали, что вероятны бунты. И говорят: хорошо, это бунт в пользу МВФ — все спасаются бегством и МВФ получает ещё больше возможностей диктовать свои условия. То есть эти международные организации доводят страну до разрухи, до бунта, и тут является

компания «Энрон» и со своими партнёрами растаскивает остатки.

После публикации статей, разоблачавших механизм их деятельности, было много споров и взаимных обвинений, но в конце концов в МБ признали, что документы подлинные*.

Грэг Паласт на основе этих документов выявил четыре этапа захвата страны и уничтожения источников существования народа.

Первым делом требуют открыть рынок капитала. То есть продать местные банки иностранным. Затем установить рыночные цены. Представьте, что частная компания типа «Энрон» владеет вашей водой... Был случай, когда в Англии пытались провести закон, что если у вас есть восьмисотлетний колодец, в некоторых случаях двухтысячелетний, построенный ещё древними римлянами, то это не ваше имущество и они поставят на него счётчик. Нельзя пить свою собственную воду. Ну, Англия может отбодаться от таких предложений, а обычно дело кончается тем, что цены взлетают до небес.

Что интересно, некоторые из этих кошмарных идей попали обратно в США, так как у этих аферистов кончились другие жертвы. «Энрон» — о чём широко оповещала пресса — начудил в Калифорнии с водой и электричеством. И на этом всесильный «Энрон» погорел — им занялись судебные органы США, а его денежки оказались в какой-то подставной компании. Короче, украденное спрятали.

Джо Стиглиц, старший экономист МБ, сам руководил этой системой. Он пришёл к выводу, что такая политика сравнима с опиумными войнами XIX века**. Он сказал: это не свободная торговля, это принудительная торговля. Это война.

Вернёмся к приватизации. Мы писали выше, что она приносит миллиарды политикам, которые отдают свою страну в частные руки. Так вот, Грэг Паласт записал беседу с аргентинским сенатором, участвовавшим в переговорах с «Энрон».

* Паласт Грэг. Глобализатор, который пришёл с холода. // Обсервер. 2001. 10 октября.

** Войны европейских держав против Китая с целью заставить разрешить им в Китае свободную продажу опиума.

Ему сказали: отдайте газопровод Аргентины «Энрону», причём «Энрон» заплатит одну пятую мировой цены. Сенатор возмутился: как вообще можно такое предлагать? И ему сказали: ну, если мы заплатим только пятую часть, ещё кое-что останется лично для вас, на счёте в Швейцарии.

Так это делается.

Затем предлагают открыть границы для торговли, сделав полностью свободный рынок. После этого говорят: сокращайте бюджет. Надо же, 20 % аргентинцев — безработные, а им предлагают ополовинить пособия по безработице, снизить пенсии, урезать траты на образование и прочие ужасные вещи. И всё это — в разгар экономического спада! Страна разрушена.

А вот президент США Дж. Буш-юниор после теракта 11 сентября заявил, что нужно потратить 50—100 млрд. долларов для спасения американской экономики. Не сократить бюджет, а увеличить, чтобы спасти экономику. Но другим странам велят: режьте, режьте, режьте. Для чего? Согласно документам, которыми располагали Стиглиц и Грэг Паласт, — чтобы платить проценты иностранным банкам, от 21 до 75 % за кредиты. Это ростовщичество. Им пришлось даже заставить Аргентину отменить законы против ростовщичества, потому что любой из этих банков был бы ростовщиком по аргентинским законам, что могло помешать глобализаторам.

Итак, документы показывают, что МБ и МВФ нарочно разорили экономику Аргентины, а после этого предлагают той же Аргентине деньги взаймы, но под грабительские проценты. Когда производство на нуле, когда границы открыты, когда страна влезла в долговую петлю, а валютные резервы «сохраняются» в американских банках, они заставляют аргентинцев платить огромные суммы за товары вроде лекарств. Люди окончательно впали в нищету, платить им нечем, и кончается всё развалом культуры, торговлей наркотиками, проституцией, вымиранием народа, согласием властей на всё.

Да, они подчиняют себе правительства. В любом случае это чистый государственный переворот. И они устанавливают своё собственное правление — корпорации командуют президентами.

Например, в Венесуэле есть легитимный президент Уго Чавес и правительство, а МВФ заявляет, что поддержит переходное правительство, если президента сместят. Они не говорят, что будут вмешиваться в политику, — нет, они же цивилизованные люди! — они только поддержат переходное правительство. На самом деле они готовы оплатить путч, если военные свергнут Уго Чавеса, потому что он не согласен с МВФ. Он велел эмиссарам транснациональных корпораций собирать вещички — и на выход. То есть они явились к нему и сказали: делай то и делай это, и он ответил: я этого не сделаю, а, наоборот, удвою налоги на нефтяные компании, потому что в Венесуэле много нефти, и я получу достаточно денег на социальные нужды, и мы будем богаты. Мы, а не вы. Как только он это сделал, против него начали раздувать недовольство в армии.

Можно предположить, что таким же образом МБ и МВФ, за которыми стоят транснациональные корпорации, разрушающие страны и давящие народы ради владения землёй, ресурсами, людьми, переменили уже немало президентов на планете. И ещё немало переменят.

Но об этом вам не расскажут ни финансисты, ни президенты.

Часть II

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД*

* В общем виде — переход динамической системы в новое состояние скачком, с разрушением предыдущих структур и созданием новых на следующем этапе эволюции. Термин введён по аналогии с явлениями в физическом мире.

В истории ещё не бывало такого, чтобы сошлись в одной точке четыре мегатенденции — эпоха подъёма, информационная революция, климатические изменения с исчезновением биологических видов и неустойчивость денежно-кредитных систем. Это указывает на то, что «бизнес как нечто обычное» — не очень реальная возможность. Любой из этих тенденций достаточно, чтобы сильно нарушить знакомые социальные модели, ну а в сочетании они вообще не оставляют ни малейшей вероятности того, что мы так и будем продолжать свой безмятежный бег по знакомой дорожке.

Бернар Лиетар

К истории вопроса и немного о прогнозах

Вернёмся к законам эволюции и выживанию общественных структур. Обычно отношения между ними антагонистические, но если для выживания выгодно сотрудничество, — будут сотрудничать. То есть или станут выстраивать иерархию («кто в доме хозяин») и в ряде случаев бороться между собой, или разделят сферу влияния по признаку специализации.

Так было даже в первобытном племени, когда вся «структура» персонифицировалась в одном лице. Вот отец, вождь племени (власть), вот его брат, вот старший сын и младший сын. Предположим, старший сын очень умный, умнее отца (жрец), а младший не такой умный, зато сильный и храбрый (воин). *В целом* всегда признаётся главенство отца (власть), но в делах духовного или дипломатического свойства на первую

роль выходит старший сын (жрец), а начнись война — все будут слушаться младшего (воин). А если отец объединяет светскую и духовную власть, на умного сына могут быть возложены функции «премьер-министра», ответственного за хозяйство...

Со смертью отца власть обычно переходила не к одному из сыновей, а к старшему в роду, то есть к его брату.

Интересно, что древние индоевропейские представления о богах предусматривали три функции магии: *власти, силы и процветания (хозяйство)* — и соответствующие боги строили между собой властную пирамиду. Такая система из трёх богов отражала структуру общества. В разные периоды истории у разных народов на первый план выходили разные классы и происходили изменения в иерархии богов. Известны такие варианты иерархий: *процветание, власть, сила*; или *власть, процветание, сила*... Есть списки с более широким составом богов, но главное, религия показывает «на небе» место каждой отдельной структуры, какой она была в тот период на земле.

С установлением единобожия сильно вырвалась вперёд жреческая структура; кое-где её обходила структура международной торговли. Ещё до эпохи Великих географических открытий началась интеграция в Европе, и началась она со взаимодействия родственных структур разных стран: торговцы сговаривались об общих правилах торговли (Ганзейский союз и т.д.), светские власти заключали военные союзы, учёные делились результатами своих исследований.

Экономическое объединение Европы шло то вокруг Венеции, то вокруг Генуи; затем «центр мира» перетёк в Голландию. Развитие корабельной техники и средств навигации сделало возможным достижение любой прибрежной точки планеты; конкуренция между торговыми структурами разных стран вылилась в морские войны между этими странами. Так была установлена монополия нескольких европейских государств на посредничество в экономических контактах с отдалёнными территориями, а в дальнейшем к колониализму.

Монополия на средства сообщения и обладание информацией о потребностях рынка позволяла морским державам тор-

говать неэквивалентно, то есть обменивать один на один товары различной стоимости. За дешёвый европейский ширпотреб у прибрежных жителей Африки и Азии можно было приобрести вещи, цена которых в Европе зашкаливала за все пределы. При этом довольны были обе стороны. Европейцы радовались, что получили хорошую прибыль, а прибрежные жители — что у них появился товар, который можно с большой выгодой поменять у тех соседей, которые не имели выхода к морю. Такой жульнический обмен (Фернан Бродель назвал его «противо-рынком») лёг в основу богатства национальных экономик Европы.

Конечно же, обмен мог бы быть более справедливым, если бы аборигены были информированы о ценах на предметы их торговли в Европе и имела бы более широкая конкуренция между европейскими купцами. Помните, в фильме «Начальник Чукотки» герой (его играл М. Кононов), узнав механизм образования цен в тех местах, куда увозили чукотскую пушнину, заставил купцов, используя конкуренцию между ними, платить относительно справедливую цену. Но в старину морские державы не допускали этого, создавая собственные торговые форпосты — фактории, и, захватывая или уничтожая чужие корабли, пытались контролировать морские пути сообщения.

Сегодня адепты глобализма говорят, что это был справедливый обмен. Дескать, из-за разного уровня жизни в Европе и там, за океаном, получалась разная цена труда, отчего и возникла разница цен обмениваемых товаров: европейские — дорогие, местные — дешёвые. Но ведь так не только закреплялось, но и раздувалось неравенство!.. Даже этика приобретает разную окраску в изложении представителей разных структур.

Во всяком случае, мы видим, что несопоставимость уровня жизни в географически разделённых регионах мира есть следствие перевода на общемировой уровень интересов конкретных общественных структур, в данном случае международной торговли и финансов. Ведь невозможно говорить о какой-то прирождённой хитрости европейцев, или о жестокосердии христианских миссионеров, или о тайных планах королей, ле-

леявших непонятную мечту держать туземцев в дикости и нищете. Нет, дело только в желании торговцев получить больше прибыли и обойти конкурентов.

К концу XVIII века политика меркантилизма, при которой государства, установив высокие пошлины на ввоз чужого, поощряли вывоз собственных товаров, сменилась политикой фритрейдерства, режимом свободной международной торговли, не ограниченной какими-либо тарифными барьерами. В XIX веке эта новая политика продвигалась стараниями прежде всего Великобритании, чья фабричная экономика оказалась способной удовлетворить спрос на промышленные товары огромного числа потребителей, значительно превышавшего численность собственного населения. При этом зарубежные покупатели искренне желали получать британские товары, более дешёвые и качественные, чем товары их собственного производства.

Возникла специализация экономик разных стран: ведущие экономические державы из «мировых перевозчиков» превращались в «мировые мастерские», ибо теперь для собирания сверхприбыли применялась монополия не на мореплавание, а на технологии промышленного производства вещей; научно-техническая структура шла на взлёт. А вот Испания стала поставщиком вина, Россия — хлеба и пеньки... и мало того, что в итоге в них, как и в некоторых прочих странах, подавлялось высокотехнологичное производство, так вдобавок производители «простых» товаров из этих стран конкурировали между собой, понижая свои цены и отставая от лидеров.

Во второй половине XIX века Великобритания утратила монополию на массовое фабричное производство товаров; в конкуренты ей вышли экономики сразу нескольких стран. Пришлось ради сохранения неравновесности в отношениях с ними возвращаться к проверенным политическим ограничениям во внешней торговле.

К началу XX века произошли принципиальные изменения. Завершился колониальный раздел мира. Основное отличие такого способа интеграции экономик заключалось в том, что ведущие державы ввели прямое политическое господство над

«интегрируемыми» территориями. В каждой метрополии сразу несколько общественных структур «кормились» с чужого стола: политическая (управление подвластными территориями), военная (подавление бунтов), промышленная (производство товаров по ценам ниже, чем в других странах, и в количествах существенно больших, чем необходимо для собственного потребления), торговая, транспортная... А ведь в этих структурах было занято практически всё население стран-метрополий, что, конечно, не могло не деформировать их культуру и нравственность.

Затем до конца 1950-х годов неэквивалентный обмен (в особенности с колониями) обеспечивался преимущественно насильственными и насильственно-экономическими методами, в том числе прямым ограблением захваченных территорий (например, разработкой месторождений полезных ископаемых без выплаты соответствующей ренты местному населению).

После Второй мировой войны появилось два мировых центра: США и СССР; противостояние между ними приобретало глобальный характер; все страны должны были стать открытыми или скрытыми сторонниками одной из двух этих держав. Тогда же произошло крушение колониальной системы поскольку управлять зависимыми территориями прежними методами становилось очень затратным, — росло самосознание туземного населения, получавшего к тому же моральную и военную поддержку от СССР. Колониальные державы сочли гораздо более выгодным установить экономическую зависимость бывших колоний через подкуп местных элит, отказавшись от прямого владычества над ними.

Во второй половине XX века обнаружили явные признаки невозможности дальнейшего роста потребления (и в меньшей степени — производства) традиционных материальных товаров. Такие отрасли экономики, как, например, автомобильная, пребывали в режиме стагнации, поскольку производство машин теперь зависело от периодичности смены потребителями своих авто. В то же время страны «третьего мира» начали проявлять способность к объединению и организации

противодействия европейско-американскому диктату. Одновременно нарастали ресурсные ограничения и проблемы с отходами.

Вот тут и появился новый товар — *информационные технологии*. Надо отметить, что развитие и распространение по миру информационных технологий некоторые из-за непонимания называют информационным обществом. К сожалению, общество — то же самое, с привычной пирамидой власти, с прежними общественными структурами, только теперь лидирующие структуры используют новые технологии. А для чего же они их используют? А для того же самого, для чего раньше использовали свою монополию на дальние плавания или на промышленные технологии. Как и прежде, развитые страны заставляют других продавать им реальные материальные блага, но только взамен продают им «информацию». Несмотря на всю трескотню адептов постиндустриального общества про его «самодостаточность», оно не может существовать без стран с нормальной экономикой, так как именно за их счёт с помощью неэквивалентного обмена оно и живёт.

Именно в 1980-х годах, как только проявились возможности продвижения информационных технологий в продажу по всему миру, Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер стали проповедовать идеологию свободной рыночной экономики. А чтобы никто не понял, в чём тут обман, учёные, финансируемые ТНК, стали развивать концепции о возможности прогресса в странах с низкими стандартами потребления; в 1998 году за работы в этой области получил Нобелевскую премию по экономике Амартия Сен. Здесь можно углядеть аналогию: как на самых ранних этапах экономической интеграции, когда аборигенов убеждали, что, обменяв золотой слиток на ржавый нож, они совершат удачную торговую сделку (а они искренне радовались), так и теперь им доказывали, что, став потребителями информационных продуктов, они платят деньги за действительно жизненно важные для них предметы и сами вот-вот начнут «процветать».

Подводя итог, можно утверждать, что во всех случаях экономической интеграции: первичный обмен и посредничество,

колониализм, неоколониализм, современная так называемая глобализация — чётко виден ряд общих черт. А именно:

1) Участники процессов интеграции делятся на ведущих («интеграторов») и ведомых («интегрируемых»); в роли первых всегда выступали страны европейского культурного круга; процессы интеграции, таким образом, всегда носят однонаправленный характер.

2) В основе интеграции лежит некоторое техническое монопольное преимущество, характерное для данного этапа интеграции.

3) Движущей силой интеграции выступает неэквивалентный обмен. Соотношение добровольности и принудительности такого обмена бывает разным, в силу чего принуждение «интегрируемых» может принимать разные формы — от военного до идеологического.

4) Обязательным условием интеграции становится отсталость развития какой-либо технической сферы в «интегрируемых» странах. Если эта отсталость носит устойчивый характер, то «интеграторы» вводят свободу торговли; если она может быть преодолена — препятствуют свободной торговле с помощью внешнеторговой политики. Рынок труда свободным не становится ни в каком случае.

5) Процессы интеграции идут под действием частных корпораций, поддерживаемых государством. *Особенность*: сегодня возникли транснациональные корпорации, уже не столь зависимые от поддержки государства; скорее, государства зависят от них.

6) За каждым качественным технологическим изменением, как правило, идут крупные войны. Изобретение прекрасного корабля, драккара, викингами привело к их экспансии в Европу, длившейся около ста лет ещё в IX—X веках! Затем были Крестовые походы XII—XIII веков, войны эпохи Великих географических открытий XV—XVI веков, Тридцатилетняя война XVII века, Семилетняя война XVIII века, Наполеоновские войны XIX века, мировые войны XX века. *Особенность*: современный этап протекает (пока) в относительно мягкой форме, но напряженность растёт, локальные войны

уже идут, и это можно считать надёжным сигналом о близости мировой войны.

7) Как правило, навязывается идея о культурном превосходстве страны-«интегратора»; в колонизуемых странах это привело к замене местных языков на язык метрополии (французский, английский, испанский, португальский). *Особенность*: в наше время обязательной предпосылкой успешного сбыта информационных продуктов стала американизация культуры «интегрируемых» стран, а свойства самого продукта позволяют оказывать прямое влияние не на вождей, а непосредственно на граждан.

Кстати, о свойствах информационных продуктов. Их реализация облегчается тем, что благодаря своей информационной природе они сами себя рекламируют и сами стимулируют потребителя к соответствующим приобретениям. Купил человек компьютерную программу или даже получил её бесплатно. А потом ему предлагают продолжение, но только в индивидуальном виде. И за это надо платить, за эти «персональные» штуки. Вообще говоря, это афера, нарушение всех рыночных норм. Заманили, а теперь предлагают платить конкретно. А если с кем поделишься этой программой, тебя долларом накажут.

Самое смешное, США от этого прогорают! Там ситуация крайне нестабильна (этому будет посвящена одна из следующих глав); могут произойти самые немислимые пертурбации. Но многие продолжают верить, что человечество вступает в эпоху добра и справедливости, радуются, приветствуя некий новый мир. Наверное, со столь же радостными надеждами встречали Английскую революцию и казнь короля Карла I и так же радовались Французской революции с её идеями свободы, равенства и братства, а потом — казни Жоржа Дантона... Радовались отречению императора Николая II от престола и канонизации его же... Приветствовали победу Ельцина и его уход...

Мы изучаем социальные структуры. Мы показали их взаимодействие: оказывается, конкретные исторические события с историческими персонажами есть лишь отблеск борьбы структур. За появлением героев и негодяев стоит нечто, остающееся непонятым большинству. Близкая аналогия — появление изоб-

ражений героев на телеэкране. Что стоит за ними? Многие ответят: слаженная работа съёмочных коллективов, режиссёров и актёров. А вот и нет. Пробежание электромагнитных волн в атмосфере и электричества в проводах; возбуждение электронных контуров телеприёмника — вот что за ними стоит.

Ещё точнее аналогия с компьютерной игрой. «Люди» на экране ходят, бегают, стреляют, даже летают на вертолётах и достигают каких-то стратегических целей. Кажется, это вы ими управляете, ведь это вы нажимаете на кнопки. На деле же управляет их действиями *программа*, заложенная в ваш компьютер.

Сейчас компьютеры заполнили весь мир. Говорят, создаётся «информационное общество», и все с надеждой ждут появления за ближайшим поворотом очередного «светлого будущего». Но ведь даже играя в элементарную компьютерную игрушку, в которой всей-то информации — считанные биты, вы чаще всего не знаете, что ждёт «за поворотом»! А тут планета, человечество — исторический процесс, сопровождаемый генерированием бесчисленных объёмов информации.

Все войны, революции и прочие моменты возникновения «нового общества» принесли больше разочарований, чем счастья. Но многие опять безоглядно верят, что уж теперь-то придёт оно, долгожданное. А когда надежды не сбудутся, опять начнут искать пути к «светлому будущему». Почему так происходит?

Потому что люди не понимают, как «работает» динамическая система, человечество вкупе с природой, — эта наша громадная информационная машина.

В обществоведении обычно считается, что путь эволюции (создание новой информации) связан с сознательной деятельностью человека. А искусствоведы утверждают, что новое творение (та же информация) возникает в результате акта свободной воли. По нашему мнению, новая информация — это *запомненный выбор*, то есть она заведомо *случайная*. Как согласовать эти взгляды?

В большинстве случаев, если мы рассмотрим нечто, созданное человеком, то отметим, что это якобы новое творение — просто изощрённая переделка чего-то, что уже ранее встреча-

лось. Так же и «новинки» эволюции общества — колониализм, демократия, свобода — просто повторение пройденного с иным наполнением. Придумать что-то принципиально новое чрезвычайно трудно, хотя и такое бывало.

А если новая информация возникает — через случайный ли выбор, или в акте свободной воли, — в любом случае *результаты непредсказуемы*. Разница в том, что если наш выбор определяется актом свободной воли, то мы руководствуемся какими-то рациональными соображениями, используем полезные сведения, извлечённые из предыдущего опыта. А когда имеем дело с процессом случайного выбора, например выпадением числа на рулетке, то на такое событие никак не могут повлиять предыдущие выпадения чисел.

Да, рулетка — хороший пример. Если мы заранее знаем, какое число выпадет, новой информации нет, ведь мы и так уже знаем, что там выпадет. Она появляется, когда мы *не знаем*. Точно так же, как в случае со «светлым будущим».

Отсюда возникают вопросы: можно ли предсказать заранее появление новой информации, постичь будущее? И если можно, то с какого момента? Чтобы понять сложность задачи, повертите ту же рулетку; она представляет собой как раз элементарную модель информационной системы, склонной качаться между устойчивостью и неустойчивостью. Запоминание — это её попадание в устойчивое состояние. Итак, если мы знаем, какова система, каковы темпы потери ею энергии, знаем область пространства, где она совершает своё движение, и точное её положение в какой-то момент времени, то можем оценить, куда в итоге идёт система. В случае с рулеткой — на какое число попадёт брошенный шарик.

Иначе говоря, для успешного прогнозирования нужно как минимум понимать мир, в котором мы живём, и чем больше удастся собрать информации о нём, тем будет выше точность. Но если, рассуждая о собственной истории и собственном будущем, люди не учитывают законов эволюции, не понимают движущих сил оной, а ограничиваются рассуждениями типа: «Вот если бы Ленина задушили в колыбели, то мы бы сейчас жили, как белые люди», то никакой прогноз невозможен.

Освоившись с устройством системы (мира, общества), надо ещё научиться определять *горизонт прогноза*. В общем виде это тот отрезок времени, с начала которого результат предсказуем. Например, подкидывая монетку и внимательно следя за её полётом, можно поймать момент, когда уже ясно, орлом она упадёт или решкой. Или после вброса шарика и начала его движения на рулетке можно успеть рассчитать, куда в итоге он скатится, и поставить на конкретный номер или цвет. Можно это сделать и без расчёта, интуитивно, на основании многих наблюдений за схожими ситуациями. Есть такие специалисты.

Так же с обществом. Всего и надо подробно изучить деятельность финансовой и торговой структур (краткий перечень их достижений приведён чуть выше), состояние основных валют, психологические особенности ведущих политиков, скорость вымывания ресурсов... И так далее, и тому подобное, и всё такое прочее. И сделать прогноз.

Однако вы уже видели на примерах: а) загибающейся природы и б) заканчивающихся ресурсов, что с прогнозами было всё в порядке. Произошло именно то, о чём предупреждали специалисты: кризис. Но общество, получив информацию, *не отреагировало адекватно*. Ибо в эволюции социальных систем на разум, как мы уже тонко намекали, надежды нет. Эволюция, идущая по некоему пути, не в состоянии переключиться на другой путь. Любые изменения возможны *только* в точках бифуркации (кризиса и катастрофы). А предсказать, *что* произойдёт в кризисе, можно лишь в рамках горизонта прогноза, а он легко окажется нулевым, если мы мало знаем о системе. Ведь новая информация возникает за пределами горизонта прогноза в процессах, результат которых не известен заранее! Горизонт прогноза в общественных кризисах вообще узенький; это вам не рулетка.

Представьте себе, что на краю крыши, на самой бровке, балансирует на одной ноге прекрасная девушка. Вы не можете даже сказать, упадёт она с крыши или нет. Если взвизгивает и нелепо машет руками, больше шансов, что упадёт. Если молчит и улыбается, то она или акробатка и падать не будет, или

пьяная и падать будет. Нет данных для прогноза: состояние неустойчивое — кризис!

И вот она падает. Разобьётся или нет? Опять мало данных. Вы звоните вниз, чтобы там ловили её сеткой. Люди, как дураки, выбегают её ловить, а никто не падает! Может, кто-то курил у окна, заметил её и успел схватить. Может, она сама за балкон зацепилась. Может, Бэтман мимо пролетал и уволок её. В момент кризиса окончательный ответ зависит от очень большого количества случайностей, но чем ближе развязка, тем их меньше. И чем лучше мы знаем процесс, тем скорее наступит миг, когда нам станет ясен итог.

Общественные кризисы с целью переведения эволюции на другой путь иногда делают вручную — так сказать, «тащат де-вушку к краю крыши». Примеры: организация войн и установление экономической блокады разных стран; развал СССР; «оранжевая революция» на Украине. Кризис — это состояние неустойчивости системы, и при всех попытках контролировать его ход очень часто всякие случайности поворачивают этот процесс в ненужном направлении. Чтобы избежать этого, требуются колоссальные затраты энергии и понимание происходящих процессов, их объективного хода.

В 2004 году, объявив результаты президентских выборов на Украине негодными, некие кукловоды запустили кризис. И тут же «оседлали» его, выпустив на сцену лидеров, Ющенко и Тимошенко. Толпа бузила, а небольшое количество «правильных людей» направляло её, вкидывая лозунги. И этот кризис позволил изменить ситуацию в направлении, нужном его организаторам.

В Киргизии несколькими месяцами позже тоже поднялась буча: оппозиция не признавала легитимным вновь избранный парламент, поскольку туда попали исключительно сторонники президента Акаева. Возможно, в прогнозах тех, кто «вручную» разворачивал этот кризис, было проведение в парламент совсем других людей, и не более того. Президент Акаев не применил силу, потому что потерял бы все свои сбережения на Западе. Но в этом случае процесс пошёл по своему собственному пути. Нелегитимный, по мнению оппозиции, парламент

утвердил власть вождей оппозиции, и они с этим решением «неправильного» парламента согласились!.. А уйти пришлось абсолютно легитимному Акаеву; пришёл ли ему на смену тот, кто этот сценарий раскручивал? Достигли или нет те, кто развернул этот кризис, желаемого ими результата?.. Загадка. Не исключено, что разворачивали его, перенимая удачный опыт «бархатных» революций, не «глобализаторы», а другие силы, противостоящие им в мусульманском регионе. Такая мысль подтверждается и событиями, произошедшими вскоре после этого в Узбекистане.

Но закончим с этим. Наша тема — не просто кризис, а эколого-социальный кризис, состояние неустойчивости, ведущее прямоком к планетарной катастрофе — внезапному уничтожению всех существующих структур. Предсказать, когда это случится и как, — не в силах человека. Всё, что можно, — это (основываясь на прошлом опыте) рассмотреть некоторые сценарии и показать вероятностные способы выживания, что мы и постараемся сделать немного дальше.

Мы потому дали нашей книге такое причудливое название, что спастись придётся в абсолютно новых условиях, и хотелось бы, чтобы люди были к этому готовы. Очень трудно сразу после краха некоего всепланетного процесса, который называют глобализацией, оказаться в одиночестве, буквально *без ничего*, потому что глобализация подчистит ресурсы под ноль.

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Ф. Тютчев. «Последний катаклизм»

Одноклеточный слон невозможен

Считается, что понятие «глобализация» в научный оборот ввёл Р. Робертсон, впервые использовав термин *globality* в названии одной из своих статей 1983 года. В 1985-м он дал толкование понятию *globalization* как процессу всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п. В 1992 году он же изложил основы своей концепции в книге «Глобализация. Социальная теория и глобальная культура».

С той поры количество книг и статей на эту тему нарастало стремительно, и сегодня уже все согласны с тем, что глобализация показала себя наиболее значимым социальным процессом конца XX века. Разница только в оценке: в минус она человечеству или в плюс. Если человек оценивает процесс в минус, то перед вами антиглобалист. Эти противники глобализации делятся на два лагеря: одни признают её объективность и считают пусть трагической, но неизбежностью; другие зовут на баррикады. Среди сторонников тоже два течения: одни безоговорочно поддерживают тот глобализм, что полу-

чился — «американский», однополюсный; другие хотят, чтобы Европа (а то и Япония) стала дополнительным центром глобального мира.

Короче, мнений много. У антиглобалистов одно из самых популярных — что новомодным словечком «глобализация» империалисты просто маскируют гегемонию США. Антиглобалист Рамсей Кларк прямо пишет: *«Как иначе Соединённым Штатам, которым принадлежат 75 % средств в МВФ и ВТО, назвать экономическую атаку на чужие земли и на народы, которые ещё не успели перекопать и искорёжить эти свои земли, богатые природными ресурсами? Старый термин «колонизация» может не понравиться, особенно тем народам, которые уже неоднократно «глобализировались»... Глобализация — это эвфемизм, и не более того»**.

Стараясь разобраться в этом вопросе, мы перелопатили горы литературы** и просто теряемся, видя, сколь многие считают США организатором глобализации. Якобы Америка от глобализации выигрывает больше всех, используя её как инструмент своего господства, навязывая свои ценности и правила миру просто по праву сильного... Это они, противные янки, ведут имперскую политику!.. Однако верно ли это? Не забывают ли такие исследователи о принципах самоорганизации и законах эволюции общественных структур в условиях ограниченных ресурсов?..

Один наш знакомый, старый, толстый и в обычных условиях малоподвижный человек, отплясывая однажды на чьей-то свадьбе, пояснил: «Это не я пляшу, это водочка во мне пляшет». Рамсей Кларк усмотрел за глобализацией американский вариант старой практики колониализма. Но в природе нет «единых» Соединённых Штатов! Есть люди, вовлечённые в массу общественных структур: в бытовые и производственные, молодёжные и учебные, военные, развлекательные, властные и церковные. Да ещё с разбивкой по штатам, отраслям, кон-

* Кларк Рамсей. Уважать законы правосудия (бывший министр юстиции США отвергает американскую силовую политику) // Независимая газета. 2002. 29 января.

** Список литературы в конце книги.

фессиям и профессиям. Эти структуры желают выжить в нестабильном мире, но у всех разные, зачастую до перемены знака, интересы. Кто «пугает» глобализацию в Соединённых Штатах Америки?

Старый добрый колониализм втягивал в свою орбиту всё общество метрополии. Великобритания вся целиком жила и развивалась за счёт половины мира, принадлежавшей ей. В США ситуация сегодня совершенно другая. Америка живёт в долг. Заводы закрываются, безработица или неполная занятость, снижение доходов стали реальностью для тех, кто ещё вчера не поверил бы, что с ним такое случится. Правящим кругам США приходится тратить немалые средства и на социальные выплаты, и на то, чтобы привязать к себе те страны, в которых производятся реальные продукты, необходимые для существования самих американцев.

Да, с политической точки зрения это и есть укрепление фактического господства США, развитие глобализации. Но согласитесь: в Штатах нет Госплана. Идущие негативные процессы — деиндустриализация, перекосы в импорте/экспорте, а также и нехватка своей продукции возникли не по воле правительства или желанию президента.

Опасности для самих американцев возникают по воле самой могущественной ныне структуры капитала — транснациональных финансово-промышленных корпораций.

ТНК — это корпорации, зарегистрированные в какой-то одной стране, но имеющие свои подразделения во многих странах мира. Их отличие от национальных фирм в том, что национальные получают свои доходы от продажи — пусть даже на внешних рынках — товаров, произведённых в своей стране. Они, как правило, не имеют зарубежных филиалов и капиталовложений. ТНК же используют труд работников многих стран, для них характерна интернационализация самого процесса производства прибавочной стоимости, а вывоз капитала для выгодного вложения где угодно — их основная задача.

По сути своей ТНК — просто машины по превращению природных ресурсов посредством денег в отходы для увеличе-

ния количества денег. А поскольку руководство ТНК избирается акционерами компании, то соответственно они, эти корпорации, не подотчётны никаким властям. То есть они по своему своему устройству не несут ни социальной, ни экологической ответственности ни перед кем. Но именно им позарез надо привязать к себе весь мир, оседлать ресурсы.

Это перед ними правительство США выступает в качестве должника. Это та инстанция, интересы которой превыше национальных интересов даже США.

Точно никто не скажет, но есть сообщения, что в управлении считанного количества самых богатых ТНК находится 85 % мирового объема валового продукта. Американские корпорации доминируют в рейтинге ста ведущих ТНК: из ста крупнейших в мире двадцать семь базируются в США. Объём их совокупных зарубежных активов более чем в два раза превышает аналогичный показатель ближайших конкурентов — японских ТНК и более чем в 2,5 раза — показатель немецких компаний. Великобритания, которая делит с Германией второе место в Европе по числу ТНК, представленных в списке ста ведущих, превосходит Францию, хотя по количеству больше всего европейских ТНК базируется во Франции.

На долю американских двадцати семи крупнейших ТНК приходится 31,6 % совокупных продаж* ста ведущих ТНК мира, а их доля в мировом валовом продукте составляет около 3,5 %, и это значит, что *всего лишь двадцать семь фирм обеспечивают тридцатую часть мирового ВВП!* Вот кто «пляшет» глобализацию, вот почему кажется, что вдохновитель и организатор всех глобалистских побед — США.

Мы показали уже на примере корпораций, занятых генной инженерией, что идёт постоянная ротация кадров между государством и бизнесом, при которой один и тот же человек может, условно говоря, несколько раз подряд с поста министра уходить на пост вице-преьера крупной корпорации и наоборот. Эта система обеспечивает единство интересов и полное взаимопонимание между коммерческим сектором и госуправлением. Так удивительно ли, что ТНК определяют основы

* Сумма зарубежных и внутренних продаж.

политики государств вплоть до кадрового состава действующего политического истеблишмента?

«По мере формирования общемирового рынка, мировой системы капитализма и установления господства в ней транснациональных корпораций представители и идеологи ТНК выдвинули концепцию «отмирания» национальных государств как участников экономического процесса, предоставления полной свободы рынку, частному предпринимательству, ТНК в мировом масштабе. Эта концепция... обрекает слаборазвитые страны на увековечивание их отсталости и роль зависимых аграрно-сырьевых придатков развитых капиталистических стран», — пишет О.В. Маляров, профессор Института востоковедения РАН.

В 2002 году Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD) опубликовала результаты исследования, в котором сравнивались национальные экономики и ТНК как интернациональные экономики. Был составлен список ведущих экономик из ста пунктов; в него попали 71 страна и 29 транснациональных корпораций. Оказалось, что ТНК растут быстрее, чем национальные экономики. Самая крупная — Exxon Mobil, по мощи немного уступает экономике Чили и превосходит Пакистан; экономику Украины она превосходит вдвое, а Казахстана — вчетверо. Следующий гигант — General Motors, отстаёт от Пакистана, но опережает Перу, Алжир, Новую Зеландию, Объединённые Арабские Эмираты, Бангладеш, Венгрию. Автомобильные гиганты Ford Motors и Daimler-Chrysler стоят в списке между Венгрией и Нигерией; General Electric и Toyota Motor — между Нигерией и Кувейтом; Royal Dutch/Shell уступает Румынии и опережает Марокко. Siemens пока проигрывает Украине, но обгоняет Вьетнам.

Конфликт между двумя основными субъектами глобализации — ТНК и национальными правительствами — налицо. И назревает он давно. Желая сохранить устойчивость, в конце 1990-х Комитет по правам человека ООН начал разработку проекта конвенции «Нормы ответственности транснациональных корпораций». В 2003 году Комитет одобрил этот документ и нарвался на резкое неприятие со стороны ТНК. Ещё бы! Ведь им предлагалось отказаться от практики взяточничества и за-

грязнения окружающей среды. Им рекомендовали заботиться о «безопасности и здоровых условиях трудовой деятельности» своих работников, платить им «вознаграждение, обеспечивающее адекватный уровень жизни рабочим и их семьям». Предлагалось запретить ТНК «получать выгоду от преступлений против человечности, геноцида, пыток, принудительного труда» и других нарушений «международного гуманитарного права».

ООНовские чиновники до того «обнаглели», что собирались даже сформировать надзорные органы для контроля за ТНК.

Эти предложения сразу были осмеяны как противоречащие логике развития современного бизнеса.

Транснациональные корпорации в общем-то никогда не скрывали, что, приходя в страны третьего мира, обязательно «задабривают» местных чиновников и что в Африке они в своих целях активно используют межэтнические конфликты. Что же касается «достойной» заработной платы и «условий труда», то эти пункты конвенции с точки зрения ТНК вообще абсурдны, поскольку компании затем и идут в бедные страны, чтобы снизить издержки.

Против этого проекта выступили Международная торговая палата (ИСС), базирующаяся в Париже, и Международная организация служащих (ИОЕ). В их совместном заявлении говорилось, что подход комиссии ООН «не соответствует различным нуждам и обстоятельствам, с которыми сталкиваются компании, и ограничивает поток инноваций». Кроме того, подход комиссии ООН якобы противоречит «политике и практике работы компаний, основанных на истории, культуре, философии, законах и правилах, действующих в странах, в которых они работают»*.

Вот интересная история. Она многим раскроет глаза!

В 2002 году окружной суд Нью-Йорка признал законным возбуждение дела против двух подразделений группы Royal Dutch/Shell — Royal Dutch Petroleum Co, и Shell Trading and Transport Co. Дело против них было возбуждено по иску меж-

* По материалам сайта «RBC Daily».

дународных правозащитных организаций, обвинивших Shell в нарушении гражданских прав в Нигерии. Суть в следующем.

Первые мирные протесты местных сообществ Нигерии против разрушительной деятельности Shell начались ещё в начале 1970-х годов. Эти протесты были пресечены грубым насилием. Бессрочные тюремные заключения, пытки и другие нарушения прав человека стали обыденностью для тех, кто противостоял этой ТНК. Shell платила нигерийским военным за их службу по защите её интересов и даже снабжала их боеприпасами и автоматами «беретта», которые те использовали против протестующих, убивая и калеча людей.

Между тем результатами деятельности компании стали разливы нефти, газовые факелы, исчезновение лесов. Полностью деградировала природа дельты Нигера. Искалечена жизнь сотен тысяч людей в регионе; и никто из них не увидел ни цента компенсации из тех доходов, которые получила компания за всё это время! В середине 1990-х Shell опять наняла нигерийскую полицию и войска для подавления протестующих, чтобы обеспечить бесперебойную работу своих подразделений в Нигерии. Тут-то за них и взялись правозащитники. Мы, к сожалению, не смогли найти материалов, чтобы рассказать вам, чем кончилось то дело для ТНК Shell. Скорее всего ничем или штрафом.

Раньше, при наличии социалистического лагеря, поддерживался баланс геополитической системы «трёх миров» (развитых капиталистических, социалистических и развивающихся стран). Объединяющей идеей было устранение социально-экономической отсталости и нищеты во всём мире как главной задачи мирового сообщества. Эта задача была поставлена во главу угла деятельности ООН и её подразделений. Отсюда, кстати, выросла идея Кодекса поведения ТНК и надзора над ТНК, над чем позже в силу отсутствия противовеса, то есть соцлагеря, все весело посмеялись.

В те забытые теперь годы дело шло к созданию иной модели глобализации. Такой, которая бы находилась под контролем и регулирующим воздействием мирового сообщества, чтобы максимально учитывались интересы всех стран, чтобы умень-

шались отсталость и нищета, неравенство и эксплуатация... Но это было бы победой коммунистической идеологии! Разве сторонники экономического либерализма могли это допустить? И вот с подачи президента США Рейгана СССР ославили как «империю зла»... И стали рушить.

Даже в России теперь не осталось идеологов-профессионалов, что уж говорить о других странах. Два десятилетия рассказней про «ужасы тоталитаризма» выбили из понимания «простых людей», что идеология коммунизма — это была идеология защиты интересов трудящихся, то есть большинства. Под эту идеологию были подвёрстаны законы, судебная практика, пресса и вообще всё. Никто — ни чванные советские бюрократы, ни воры с партбилетами, ни члены Политбюро — не мог переступить через это. Главное — интересы человека труда. И на международной арене так же.

А идеология либерализма заключается в защите интересов не большинства, а абстрактного «человека». Но интересы человека завязаны на конкретные ресурсы. Ресурсов хватило нескольким «человекам», а не большинству? Ну что тут поделаешь. Мы же каждому дали право жить богато и счастливо. А вы не богаты? Несчастливы? Это ваши проблемы... Вот и получилось, что с такой идеологией Запад гарантирует права своих граждан ровно настолько, насколько хватает ресурсов; это идеология защиты прав меньшинств.

То же самое происходит по всей планете. И в России этот принцип теперь действует. При нашем убогом ресурсе большинство лишилось возможности пользоваться практически всеми правами. Безопасность: богатые и те, кто при власти, имеют личную охрану, остальные — как получится. Правосудие: нет денег — будешь сидеть, виноват ты или нет. Над прочими правами идёт усиленная работа: например, добиваются, чтобы медицина и образование стали платными. Это сразу отрезает Большую часть граждан от этих благ (прав).

Причём нам ведь были известны человеческие ценности из другого ряда. Они есть у человека всегда, где бы и в какую Историческую эпоху он ни жил. Это, например, право выбора — между добром и злом, служением своему карману или

обществу и т.д. Нам внушали, что такие нематериальные ценности только крепчают в борьбе за власть и деньги. Хорошо, двинулись по этому пути, и вдруг оказалось, что жизнь ухудшается! Стало понятным, что материальные ценности вторичны по отношению к высшим человеческим ценностям. Честь, совесть, правда, верность, долг — не пустые звуки!

Но как соотносятся идеология и мораль с выживаемостью наций? А через эволюционный закон: выживает популяция, а не индивидуум.

Все биологические организмы стремятся к собственному благополучию. Среди живой природы есть рыбы, есть млекопитающие, а есть земноводные. У каждого своя среда обитания, в которой он себя лучше чувствует: рыбы — в воде, млекопитающие — на суше, а земноводные — на границе земли и суши. И у каждого вида свои интересы в рамках среды, в том числе интересы между собой и друг к другу. Некоторые из представителей этих видов, например, едят других представителей. Система таких интересов сопоставима с идеологией у людей. И точно так же, как у людей, если интересы одной из особей вступают в противоречие с интересами сообщества, то эта особь приносится в жертву сообществу, а иначе сообщества просто не выживут. В критические моменты человеческой истории все государства идут на ущемление интересов отдельных граждан. Например, всеобщая мобилизация во время крупных войн. Хочешь ты, не хочешь, а будь добр умереть за отечество, а убежишь — расстреляют как дезертира.

Мораль в современном обществе не может держаться исключительно или по преимуществу на доброй воле индивидов, на их индивидуальных добродетелях. Она обязательно должна быть институционально оформлена и подкреплена силой, и для этого требуется соответствующая идеология.

Распад социалистического содружества, а затем СССР ликвидировал геополитическую систему «трёх миров». У ТНК и стоящих на защите их интересов государств появилась реальная возможность установить своё полное экономическое и политическое господство в мире. Идеология интересов меньшинства позволяет им совершать самые беспощадные по от-

ношению к людям и природе поступки. Мы видели на примере компании «Энрон», как она, объездив страны третьего мира, принялась разбойничать в самих США. Ну, на этот раз её остановили. В другой раз, глядишь, не остановят. И какой-нибудь нефтяной гигант сделает с самой Америкой то же, что Shell сделала с Нигерией.

Америку пожалеть надо!

Вот очень примитивный пример. Он тем более понятен, что фильм «Челюсти» все видели. Представьте, что вы наблюдаете за стаяй акул во время их охоты, находясь при этом в безопасности, например в лодке. Вы не сможете не отметить их совершенства, достигнутого за миллионы лет эволюции. Вы радостно возбуждены, вы фотографируете их, чтобы при случае повосхищаться их великолепием в компании друзей. А теперь представьте, что вы оказались за бортом лодки. Или вдруг из неведомых пучин вынырнула акула, способная перекусить вашу лодку. Наверняка у вас появятся мысли иного порядка. Так и в этом случае: *идею глобализации приветствуют те, кто находится в безопасности* (или думают, что это так).

Те же, кто заранее просчитал свои шансы на выживание и понял, что они невелики, не будут плясать от восторга от перспективы так называемой честной конкуренции с акулами.

А ведь ныне акулам — глобальным ТНК — предоставлены все возможности! Организация, созданная как орган мирового сообщества по преодолению отсталости и нищеты, — ООН превращается в своего рода всемирного полицейского, который должен подавлять социальные конфликты, вместо того чтобы устранять их причины. А если откажется, можно на эту ООН плюнуть и делать что заблагорассудится. Есть же НАТО; зачем нам ООН? Такие, наверное, мысли бродят в головах «сидящих в лодке». Им бы подумать: если мировому капиталу под силу поставить под контроль ООН и правительство США, то что им помешает чуть позже вообще отменить необходимость подчиняться национальному и мировому праву?

И тогда они не ограничатся раздачей «указаний» правительствам ведущих стран, что тем делать...

Для ТНК все люди и структуры, не охваченные их, ТНК, сетью, опасны. Если люди и структуры (например, национальные экономики) претендуют на природные ресурсы, они опасны вдвойне. Структуры любой социальной защиты — просто лютые враги. Пока руководителей государств, профсоюзов и всяких «зелёных» движений подкупают. Будет ли это длиться вечно? Отдельные национальные правительства (в том числе и США) и власти различных уровней рано или поздно выразят своё неудовольствие итогами «глобализации» из-за расходов, которые приходится нести на поддержание нового мирового порядка. И тогда у нас будет новый мировой беспорядок.

Никакого глобального общества в принципе существовать не может. В обществе существует иерархия идей, иерархия структур, иерархия целей. И надо стараться, чтобы формирование горизонтальных и вертикальных структур, призванных решать стоящие задачи, не навязывалось директивным образом, а возникало бы естественно. При этом возможны как процессы конкуренции, так и процессы возникновения специализации; кто спорит! Но гораздо эффективнее работают различные неформальные коллективы, самопроизвольно появляющиеся для решения различных проблем.

А теперь с новыми знаниями вернёмся к вопросу, с которого мы начинали эту главу: куда ведёт процесс глобализации? Из биологии известно, что живая природа выбрала путь эволюции не через увеличение размера клетки, а перешла к многоклеточности. И произошло это, когда энергия, поступающая в клетку извне, стала меньше генерируемой в ней энтропии. Иначе в «одноклеточном слоне» потребовался бы проток такого большого количества вещества и энергии, что создаваемый в результате этого беспорядок захлестнул бы систему. Дело в том, что внутренняя энергия приходит через поверхность, а энтропия растёт по мере роста объёма; энергии удаётся держать структуру, лишь если единый организм разделён на клетки.

Вот и получается, что глобализация готовит нам хаос.

А что такое хаос? Организм разваливается изнутри.

Само западное общество самоорганизовывалось «многоклеточно». При патриархальном колониализме Англия, Фран-

ция, все остальные колонизаторы в своих колониях, даже самых диких, оставляли местную администрацию с её специфическими правами. Правительства к ней, как и к народам, всегда относились, мягко говоря, презрительно, но оставляли ее, потому что понимали: гарнизонами, войсками, вообще теми силами, которые есть, всё равно не удастся реализовать там ничего, все их государственные задумки ждёт хаос.

Ещё одна причина, почему не может быть «одноклеточного слона». В природе в генах работает только 5 %. Остальные есть *след былого*. Организм от зачатия до рождения проходит все стадии, буквально до динозавра. Казалось бы — зачем? Позднее было бы рожать сразу кого надо. Но это необходимо природе, она же не глупая. Если что-то произойдёт с внешней средой, эволюция тут же пойдёт по известному пути. А не найдётся подходящего известного — что-то среднее появится в результате мутации, какая-то новая структура.

Всё то же самое в человеческом обществе.

В искусстве, политике, экономике в каждый момент есть главенствующая идея. Но обязательно *должна быть оппозиция* — общественные структуры или отдельные люди — носители *иной точки зрения*. Мало ли куда развернётся ситуация! Сторонники же глобализации, как только могут, добиваются единообразия согласно Вашингтонскому либеральному консенсусу, о котором мы писали выше. А он требует как можно скорее провести приватизацию, всюду насадить частную собственность, максимально ограничить вмешательство государства в экономику... Якобы страны, которые станут выполнять эти указания, получают растущую экономику с низкой инфляцией. А те, которые поступят наоборот, не получают и будут в зависти скрежетать зубами.

А мы утверждаем: если бы не было оппозиции этим планам и они были бы реализованы повсеместно, мы все уже оказались бы в самом ужасающем хаосе, который только можно себе представить.

Но, к счастью, оппозиция была.

За последние полвека самые потрясающие успехи в экономике показали страны Восточной и Юго-Восточной Азии:

Япония, потом Южная Корея, Тайвань и Гонконг, Сингапур; в последнее время — Китай и Малайзия. Так вот, они многое делали не так, как предписывают либералы, а Китай, темпы роста в котором на протяжении более двух десятилетий превышают 9 % в год, и вовсе всё делал наоборот.

А каковы успехи тех, кто осчастливил себя либерализацией по полной? Это были страны Южной Америки и Россия. Никто из них не получил процветания! Везде развал и кризис — короче, хаос.

В самих США идеи Вашингтонского консенсуса не реализованы; очевидно, их предлагали для «внешнего пользования». Даже более того, именно сейчас в Америке быстро сворачивается либерализм, на который буквально вчера едва не молились.

Вывод из всего сказанного простой. **Глобализации как естественного процесса нет и быть не может.** Получающееся глобальное сообщество всего лишь единый мировой рынок, участники которого конкурируют между собой за обладание всеми мировыми ресурсами, от нефти до знаний. Достаточно легко предсказать, что толчком к изменению такого порядка станет общая нехватка ресурсов. Ведь законы экономики, как и законы других наук, имеют строго ограниченные рамки применимости. Сегодня идеи работают, а завтра не будут.

Глобализация невозможна, но на фоне общей нестабильности некие стратеги пытаются вести *политику* глобализации, чтобы дополнить свои экономические преимущества политическим давлением. Большинство людей даже не подозревают, к чему это может привести! Глобальным рынком *нельзя управлять*, он функционирует в режиме саморазвития, непредсказуемой эволюции; но вот малая группа людей самовольно взяла на себя ответственность за жизнь на Земле. И довольно скоро сама будет сметена волной хаоса.

Нестабильная Америка

Сегодня экономика США выглядит самой мощной в мире; здесь большой внутренний рынок; доллар — основа мировой финансовой системы; США — крупнейший собственник: аме-

риканским гражданам и корпорациям принадлежат 55 % всех выпущенных в мире акций.

А также США — крупнейший в мире должник, что порождает нестабильность. По этой причине, случись в Америке кризис, он сдетонирует в мировую катастрофу. По этой же причине вопрос устойчивости мировой экономики, а значит, и мирового социума сегодня сводится к вопросу устойчивости экономики и финансовой системы США.

Начиная разговор на эту тему, сразу должны предупредить, что не собираемся показывать ВСЮ картину и во всех подробностях; американская тематика и так постоянно в сфере общего внимания, и незачем повторять общеизвестное. Но в своём изложении постараемся избежать обычных для газетчиков качественных оценок: не будем ни восхвалять США, ни унижать. Мы своё мнение уже высказали: *Америку пожалеть надо*. Это на её народах обкатывались технологии оболванивания масс. Это её жители стали «кроликами», на которых ставят свои опыты изобретатели генно-модифицированного корма. Это американцев превратили в «челюсти» глобализованного рынка, отучив их выживать в условиях рынка нормального. Это из американских юношей и девушек готовят хладнокровных убийц, а потом везут за тридевять земель на защиту интересов ТНК, туда, где они сеют зёрна ненависти к Америке...

Итак, **американская экономика**. В ней есть очень сильные элементы: в информационных технологиях страна опережает весь остальной мир на десятилетие или даже больше. Оборонный сектор в Штатах очень мощный, в частности благодаря их ведущему положению в области информационных технологий. У Соединённых Штатов также очень мощные банковская и страховая системы.

И всё же... В целом экономика этой страны совсем не так сильна, как доказывают некоторые экономисты. Внешнеторговый дефицит очень долго остаётся высоким: в настоящее время Соединённые Штаты должны остальному миру 3 трлн. долларов! Это 30 % американского ВВП. Латиноамериканский долговой кризис начала 1980-х был спровоцирован, когда долги

Мексика совсем незначительно превысила такую же отметку в 30 % ВВП. Скажем прямо: иметь колоссальный внешне-торговый дефицит и продолжать копить международные долги — значит чрезвычайно рисковать и подвергать опасности не только себя, но и весь мир.

Ещё одно подтверждение слабости: когда Федеральная резервная система США (ФРС) начала игру на ослабление доллара и он упал почти на треть (мы дальше скажем об этом подробнее), все затаили дыхание в ожидании серьёзного роста американского экспорта, поскольку вывозимые товары стали конкурентоспособнее. И что же? Никакого роста не последовало, потому что большая доля американской экономики отнюдь не сильна! Маломощна и непродуктивна американская автопромышленность. Когда германский «Даймлер» купил третью по величине американскую автокомпанию «Крайслер», чтобы основать компанию «Даймлер-Крайслер» и совершить мощный рывок, немцы с ужасом обнаружили, что технологии «Крайслера» на десять лет отстают от немецких. И этот случай не единственный.

С информационными технологиями тоже не всё ладно. Когда эти военные разработки пошли в гражданское производство, в Америке начался большой шум: вот оно, «светлое будущее», давайте развивать новую экономику, то есть производство и сбыт товара с массированным применением информационных технологий, и всё у нас получится. Предполагался потрясающий рост производительности, увеличение объёмов товаров и доходов, полное перевооружение управленческих звеньев традиционной экономики.

Результат? Жуткая афера, обман на каждом шагу. Началась быстрая деиндустриализация; традиционная экономика просто «загнулась». Оказалось, информационные технологии очень сильно зависят от вложения денег, а отдачи от них в виде повышения производительности никакой нет. Ресурсы, потребляемые этой «новой экономикой» вкуче с ещё несколькими отраслями, которые очень быстро развивались, вроде оптовой и розничной торговли, превышают то, что они возвращают в экономику. В ценовом выражении недостаток ра-

вен примерно 10% ВВП США! То есть для поддержания нынешних объёмов «новой экономики» необходимо в неё вкладывать куда как больше, чем она отдаёт обратно.

Конечно, сначала-то именно это и ожидалось: когда начнется модернизация какой-нибудь отрасли, всегда приходится тратить больше, чем получать, в надежде, что со временем ситуация изменится. Но американская «новая экономика» требует вложений непрерывно; все годы её развития входящие потоки превышали исходящие. И теперь уже ясно, что информатизация не только не дала Америке никаких преимуществ, а загнала её в структурный кризис, и совсем непонятно, как из него выбираться. Эта «новая экономика» высосала соки из всей остальной экономики. Появляется всё больше отраслей, в которых не осталось денег не только на развитие, но даже на нормальное воспроизводство. Прекратили существование целые отрасли. Например, в США сегодня практически нет текстильной промышленности, нет производства телевизоров и ещё много чего нет.

Соответственно прыгнула безработица.

До этого считалось, что рабочие места, потерянные в результате информационной революции в материальном производстве, компенсируются ростом занятости в торговле и банковском деле, в области оказания услуг. Но газета «Уолл-стрит джорнал» писала ещё в феврале 1994 года: *«Большая часть огромного сектора услуг в США, кажется, находится на грани переворота, аналогичного тому, который уже потряс сельское хозяйство и обрабатывающую промышленность, где занятость сокращается уже многие годы, в то время как производство постоянно растёт...»*

А ведь этого и следовало ожидать. Обрабатывающая промышленность и сектор услуг, переживая технологическую революцию, уже давно теряют миллионы рабочих мест. В ход идут автоматы, а живые люди остаются за пределами прогресса и вряд ли когда-либо смогут попасть в новую высокотехнологичную мировую экономику. Теперь, вслед за исчезновением «синих воротничков» (производственный рабочий класс), подобная судьба постигла и «белых воротничков» (сектор фи-

нансовых и прочих услуг). В американских банках места кассиров заняли компьютерные системы. Сокращается число секретарей.

За 1990-е годы потеряны сотни тысяч рабочих мест в таких сферах, как страхование, бухгалтерско-аудиторский учет, средства связи, авиатранспорт, розничная торговля, гостиничное дело и т.п. С начала 2000-х в ту же сторону двинулась сфера оптовой и розничной торговли. Ожидается, что со временем большая часть оптовой торговли может вообще исчезнуть в результате информатизации и более совершенной координации между производителями и сферой сбыта. Что до розничной торговли, то, по мнению авторитетного журнала «Форбс», новые технологии *«представляют серьёзную угрозу для традиционного розничного сектора страны и для 19 млн. занятых в нём людей»*.

Технологический прогресс начинает сказываться даже в сфере образования и искусства. Библиотекарей заменяют электронные системы. Появление электронных синтезаторов музыки негативно повлияло на судьбу многих музыкантов: по оценке одного из руководителей Американской федерации музыкантов, занятость музыкантов-исполнителей в последние годы сильно сократилась; с помощью синтезаторов исполняется свыше 50 % музыки к телевизионным коммерческим программам. Новые электронные технологии создают угрозу даже занятости актёров-исполнителей! Сегодня продюсеры кино и телефильмов могут, используя кинокадры из архивов, создавать новые фильмы с участием кинозвёзд прошлого, в том числе уже ушедших из жизни. Спрос на живых актёров может резко упасть. Ведь покойные «звёзды» обойдутся для продюсеров неизмеримо дешевле.

Однако научно-техническая революция не сводится только к увеличению безработицы. Падает реальная заработная плата и у тех, кто остаётся работать! В США свыше четверти всех работников уже трудятся по временной схеме, получая, разумеется, более низкую зарплату. Понятие «работающий бедняк» — новое слово глобализма; оно обозначает людей, которые, имея рабочее место, всё же недостаточно зарабо-

тывают для покрытия элементарных жизненных потребностей.

Одновременно происходит значительная интенсификация труда, растёт утомляемость трудящихся всех категорий, причём их усталость не физическая, как раньше, а нервно-психическая, связанная с изменением самого характера труда. И при этом производительность не выросла! Если в статистике сравнительной производительности в Европейском союзе и США не учитывать производительность собственно информационно-технологического сектора, то выработка за человеко-час окажется выше в ЕС, чем в США. Почему-то об этом не так уж часто упоминает международная финансовая пресса, МВФ или кто-либо другой.

Так что, к сожалению, приходится расстаться с надеждой, что американская экономика сильна и конкурентоспособна.

Но есть опасность куда более неприятная. Мы имеем в виду **проблемы с надёжностью фондового рынка США.**

Экономисты не любят употреблять слово «кризис» в разговорах о США. Говорят: рецессия. Не любят намёков на пессимистичность их фондового рынка; говорят: американский фондовый «пузырь» не столь уж и спекулятивен, и вообще его нет. Но вот весной 2000-го этот рынок обвалился; произошло падение индекса NASDAQ (отражающего как раз состояние дел в сфере высоких технологий) на 30—40 %. Известный финансист Джордж Сорос вследствие этого потерял три четверти своих активов. Тогда он и произнёс свою знаменитую фразу: «Музыка кончилась, а они всё танцуют», имея в виду участников рынка.

К середине 2000 года проявился и другой «негатив». В июле сильно упал индекс PMI, очень показательный индекс, характеризующий будущую активность реального сектора экономики. Его падение комментировалось специалистами не просто в тревожных тонах — речь пошла о макроэкономических проблемах, о том, что импульс, заданный мировой экономике внедрением новых информационных и телекоммуникационных технологий, исчерпан, что впереди — затяжной и болезненный спад. Начиналось бегство частных капиталов из США.

В ноябре 2000-го правительство впервые заявило о прямой поддержке фондового рынка. В январе 2001 года ФРС США начала резко снижать учётную ставку в расчёте на то, что удастся поддержать фондовый рынок, но из этого ничего не получилось.

Теперь курс акций принял типичный для рецессии (кризиса, скажем прямо) характер. То есть за стремительным провалом курса следует медленный, постепенный подъём, который не успевает достичь прежнего уровня, как следует новый спад. Сначала думали, что рецессия затронет в основном сектор «виртуальной», высокотехнологичной экономики; год спустя стало ясно, что это кризис действительно структурный, затрагивающий и средне-, и низкотехнологичные звенья американской экономики, в которой идёт сокращение рабочих мест.

Росли процентные ставки, отчисления в резервный фонд и доходность, а снижалась стоимость корпоративных бондов. В результате промышленность начала испытывать нехватку денег, и процесс двинулся с положительной обратной связью, то есть проблемы нарастали как снежный ком по схеме: падение кредитования — падение потребления — падение производства — неплатежи.

Так закончился успешный деловой цикл США, который начался в 1982 году при Рейгане. Этот период, за исключением небольшого спада начала 1990-х годов, имел высокие темпы роста экономики, низкую инфляцию, характеризовался небольшим уровнем безработицы.

Если анализировать, что принесло такой успех, то среди прочего на первый план выходит кредитная экспансия, которую осуществляла ФРС. Инструмент денежной «накачки» был применён при кризисе недвижимости конца 1980-х и при кризисе сберегательных банков начала 1990-х, при кризисе мексиканского песо в 1995 году. Аналогичное поведение ФРС можно было наблюдать во время азиатского кризиса 1997-го, российского дефолта и девальвации 1998-го. Экономика в результате такой политики просто расцвела. А мы и всегда говорили, что для развития экономики нужно только средство обмена, а портит ее исключительно *процентная составляющая*.

И всё было бы хорошо, но уровень корпоративных долгов быстро пошёл в гору. Потерялось представление о том, какой уровень корпоративных долгов вообще допустим, а какой нет. То же самое произошло и с персональными долгами. В 1990-е пользоваться кредитными карточками смогли категории населения, которые до этого никогда не могли бы и мечтать об этом, чем был очень мощно подкреплён потребительский спрос; в 2000 году американцы («мировые челюсти») потребили на 700 млрд. долларов больше, чем заработали.

Сегодня долги максимальны на уровнях домашних хозяйств, на уровне корпораций и на уровне федерального правительства. А у ФРС по-прежнему нет других инструментов, кроме повышения или понижения кредитной ставки и допечатки денег. В целом эта стратегия, хотя и воспринимается рынками как естественная, кажется очень рискованной. Если стратегия не работает и снижение стоимости денег не приведёт к оживлению экономики, начнётся сильный рост безработицы и дальнейшее сокращение потребительских расходов. Если же, наоборот, окажется удачной и потребительские расходы начнут расти, экономика «оживёт», но все присущие ей дисбалансы сохранятся. Ничем хорошим это кончиться не может.

Не менее остры **проблемы со стабильностью доллара**. Его сила и слабость кроются в том, что он выступает в роли мировой резервной валюты. Сила — потому что всякий субъект мировой экономики, страхующийся от валютного риска покупкой доллара, кредитует США. Слабость — потому что отказ этого «всякого субъекта» от доллара обрушит доллар. Мировой монополист по страхованию валютных рисков, США не могут застраховать от риска сами себя!

Америка, толкая развивающиеся страны к предельно жёсткой финансовой политике, сама проводит политику сверхмягкую. Темпы роста денежной массы здесь очень высоки, и удерживать инфляцию на низком уровне удаётся только благодаря постоянному «сбрасыванию» излишков долларовой массы за пределы США. Так Америка оставляет себе все преимущества мягкой финансовой политики, а недостатки, в первую очередь инфляцию, «отдаёт» менее развитым странам. Иначе говоря,

эти страны, принимая долларовую массу, импортируют себе инфляцию и экономическую нестабильность в целом.

Отсюда и угроза, постоянно висящая над США, — возможное снижение привлекательности доллара как мировой валюты. Если появится другая, более привлекательная для прочих стран валюта, то долларовая масса, обслуживающая потребности всего мира, станет избыточной по сравнению с потребностями самих США. Результат предсказуем: резкое обесценивание доллара и экономический крах. Отсюда и неприязнь американских стратегов к любым проектам создания региональных валют для международных расчётов.

Первая попытка создания региональной валюты была сделана в Европе в 1992 году. Тогда европейский валютный союз был разрушен спекулятивной атакой Джорджа Сороса, похоронившего в сентябре 1992 года первую единую валюту объединённой Европы — ЭКЮ. Эффективность удара вызвала подозрения, что, помимо личных спекулятивных интересов, Сорос выступил в роли орудия американского государства, желавшего погубить ЭКЮ как конкурента доллару.

Этот урок пошёл впрок. Европейцы потратили шесть лет на расширение и углубление интеграции и в 1999 году перешли-таки на единую валюту — евро, создав реальные предпосылки для вытеснения доллара из мирового оборота. В этом случае США отказались от услуг финансовых спекулянтов типа Сороса (чем, возможно, и было вызвано его разочарование в современном капитализме) и сосредоточились на прямом воздействии на Европу.

Вспомним войну в Югославии. Такое впечатление, что Европа своими руками создала источник нестабильности для себя. Но не забудем, что непосредственно военные действия начинали и вели не сами страны Европы, а их военное объединение с США - НАТО*.

Дело в том, что для внутренней политической жизни объединённой Европы одним из ключевых и наиболее остро сто-

* Следует учесть, что НАТО имела и успешно реализовала в косовской войне свой собственный бюрократический интерес, в корне отличный от национальных интересов входящих в него европейских стран.

ящих вопросов было определение органа, который будет главным вождём и координатором европейской интеграции. Вариантов всего два: ЕС и НАТО.

В первом случае интеграция была бы в основном экономической и объективно ориентированной на конкуренцию с США.

Во втором случае интеграция шла бы в рамках не только Европы, но США и Канады, носила бы преимущественно не экономический, а военно-политический характер и ориентировалась на интересы доминирующей в НАТО Америки.

Нападение на Югославию сулило надежду склонить Европу на сторону «натоцентризма». Но эта задумка не была реализована в полной мере, и вскоре Америка в поисках новых внеэкономических путей интеграции призвала Европу к союзу в войне с «мировым терроризмом». Европа скрипела, но соглашалась. Однако к началу второй войны с Ираком ведущие страны Европы (Франция и Германия) уже возражали против своего участия в американских авантюрах.

Но в итоге евро не стал заменой доллару на мировом рынке.

Помимо попыток подчинить рынок евро своим интересам, США пытались расширить мировой спрос на доллары, содействуя дестабилизации экономик, в частности, России и ряда стран Латинской Америки накануне введения евро (ведь национальная экономика «впитывает» дополнительные объёмы мировой резервной валюты именно из-за роста неблагоприятия). С такой же точки зрения следует рассматривать и беспрецедентные дебаты в Аргентине в 1999 году о возможности отказа от национальной валюты и перехода на внутреннее обращение доллара США. Кстати, последствия были очень интересны: за следующие два года (к октябрю 2001-го) кредитный рейтинг Аргентины рухнул; она заняла самое последнее место в долгосрочном кредитном рейтинге развивающихся стран.

Но опасность доллару исходит не только от евро. Япония пытается создать «зону иены» в Юго-Восточной Азии. Правда, мировые финансовые воротилы ввергли эту страну в почти десятилетние экономические трудности, сорвав идею на ран-

нем этапе её созревания. Тем не менее как одна из потенциальных возможностей она по-прежнему существует.

Ещё один претендент на роль азиатской региональной валюты — китайский юань. Китайцы учли опыт США по превращению доллара в мировую резервную валюту, осознали связанные с этим преимущества и всерьёз намерены сделать юань региональной резервной валютой Юго-Восточной Азии. В решении задачи они могут опираться на многочисленные в странах Азии китайские диаспоры.

Доллар слаб. Он напоминает здорового боксёра, забывшего правила бокса, — его ещё боятся, но это до поры. Не надо забывать, что сегодня доллар не обеспечен национальным богатством США. Оценки его обеспеченности опускаются до 2—3 %. Правда, максимальные оценки (которые ставят сами американцы) достигают 45 %. Но как бы то ни было, столь низкий уровень обеспеченности рано или поздно будет осознан миром и приведёт к катастрофическому обесценению доллара и ввергнет человечество в глобальный экономический крах.

Теперь поговорим и о **социальных реалиях** Америки. По таким характеристикам, как неравномерность доходов, уровень бедности, количество заключённых, состояние окружающей среды, США лидируют среди развитых стран. Клинтонский бум и пять лет Буша-юниора ни в чём не изменили этого; тенденция к худшему. Международные сопоставления тоже показывают США в невыгодном свете: для столь богатой страны количество бедных очень велико.

Последним аргументом апологетов американского пути служит обращение к их легендарной социальной мобильности типа того, что чистильщик обуви, того и гляди, проснётся миллионером. Однако в действительности люди, как правило, проводят свою жизнь в рамках той социальной группы, в которой они родились. Нет существенных различий в моделях мобильности между США и Европой.

Америка ощутимо разделяется. Одни уходят в виртуальную жизнь, в ту реальность, где тебя никто не узнает, где ты можешь вести себя так, как тебе приятнее, — в реальность, кото-

рую сам себе можешь придумать. Сегодня для американца компьютер — это уже образ жизни, а не просто средство получения информации или инструмент для покупок. Это средство общения, работы, путешествий, совершаемых, не выходя из дома. Но уход в виртуальный мир приводит не только к отделению человека от государства и общества, он приводит к отделению человека от своей страны.

Так ведёт себя «продвинутая» часть американского общества. А что в это время делают те, кто в результате перехода страны в постиндустриальный мир стал маргиналом и не нашёл себе места во вновь возникших сферах экономической активности? Ни в какую виртуальную реальность они уходить не собираются. Они заполняют улицы американских городов. Социальные дотации позволяют не работать и иметь хлеб, а дополнительный приработок от криминальных дел и торговли наркотиками даёт деньги и на масло...

Всё это, разумеется, печально и добавит красок в катастрофу, когда она разразится.

Последняя тема, которую стоило бы упомянуть в главе о нестабильной Америке, — это **этническое противостояние**.

Государствообразующий элемент США — общая территория, захваченная по праву сильного. Граждане страны (за малым исключением) — эмигранты в разных поколениях. И, не опираясь на национальные традиции, предельно материальная культура Америки с самого начала её истории была вся нацелена на создание некоего «нового человека». Каждый гражданин должен был стать прежде всего стопроцентным американцем. И эта система, называемая «плавильным котлом» (*melting pot*), работала неплохо, пока «переплавка» касалась выходцев из стран Европы германской группы языков. Немцы, англичане и голландцы «переплавлялись» вполне успешно. Первые сбои начались с началом массовой итальянской иммиграции. В крупных городах Америки появились «итальянские деревни», а как следствие — итальянская организованная преступность, мафия. Но совсем стало плохо, когда в США хлынули китайские иммигранты и представители других стран Юго-Восточной Азии.

После этого США перестали быть «плавильным котлом» наций. В стране возникли районы, города и посёлки (причём весьма плотно населённые), где владеть английским совершенно необязательно. А теперь есть уже места, где достаточно владеть только русским.

Сегодня многие граждане и не собираются становиться «истинными» американцами: а зачем, они и так пользуются всеми благами. Посреди гражданского общества «стопроцентных янки» сформировались огромные анклавы традиционных обществ. Что касается национальных «мафий», то они зачастую являются таковыми лишь в глазах янки. Просто на территории Америки какая-то национальная община собирает деньги со своих национальных коммерсантов в каких-то своих интересах. Коммерсанты, заплатив этот национальный налог, конечно, обжуливают налоговую службу США. Вот вам и вся мафия.

Среди потомков первопоселенцев разделение по нациям тоже идёт полным ходом. Если в 1950-е годы белые составляли 90 % численности населения, а большинство остальных были негры, потомки попавших сюда двести лет назад рабов, то уже в начале 1990-х годов белых осталось только 75,6 %, и можно ожидать, что через два-три десятилетия их будет меньше половины населения. «Не белая» же часть теперь отнюдь не только негры. Юг Флориды активно заселяют кубинцы, Калифорнию и Техас — мексиканцы. Белые покидают эти штаты, а также и Нью-Йорк, переселяясь во внутренние регионы страны. Негры бегут на свой традиционный Юг.

Этнические группы интенсивно проникают в органы государственного управления. Они формируют свои, отдельные политические структуры, не растворяющиеся в существующей политической системе. Они просто используют её для достижения собственных долгосрочных целей! Негритянское движение поднимает зелёное знамя ислама и во вполне интеллигентной форме требует создать отдельное негритянское государство на территории США. И это — следствие разных интересов «простой» Америки, разделённой на десятки традиционных обществ и социальных групп, и «Амери-

ки», которая стала некоей наднациональной всемирной корпорацией.

И здесь нестабильность!

Подведём итоги.

Сегодня экономическая ситуация в США критическая. Под долларом лежит колоссальный инфляционный потенциал, что выражается в сумасшедшем росте дефицита внешнеторгового баланса. Когда он растёт на проценты в год, это уже не очень хорошо. Когда на проценты в месяц — это ужасно. А он только в июне 2004 года вырос на 19 %; это что-то невообразимое. Здесь проглядывается очевидное последствие структурного экономического кризиса, который обусловлен несоответствием межотраслевого баланса и дефицитом «новой экономики», и американский доллар, без сомнений, ожидает резкое падение.

Так называемая постиндустриальная экономика «одаривает» Штаты опасными парадоксами. По монетарным догмам, падение национальной валюты неминуемо влечёт за собой улучшение внешнеторгового баланса. Причины вполне понятны: становится выгодно покупать товары собственного производства, экспортировать их и становится невыгодным покупать товары за рубежом. Примерно так было в России в конце 1998 года. В США всё наоборот: падение доллара не повлияло на отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, он даже продолжал расти. Такого не может быть! Но есть, а причина в том, что США стремительно деиндустриализировались. Здесь просто нет товаров собственного производства, которые бы «закрывали» уменьшающийся импорт.

США, даже не как государственную систему, а как страну, можно считать самой внутренне разобщённой страной мира. Здесь вообще нет никаких общих традиций. Это, а также индивидуализм, доведённый до крайности, — вот что такое нестабильный социум США.

И на этом фоне нарастает социальное расслоение, недовольство, неуверенность людей не только в США, но и во всем мире...

Весь мир и будущие времена

«Мельничное колесо» мировой экономики продолжает крутиться, перемалывая ресурсы, и остаётся на одном месте. А человечество скатывается назад. Вот некоторые мнения и цифры.

15 % населения Земли живёт в богатых странах, 78 % — в бедных и 7 % — в странах с переходной экономикой. Так называемый золотой миллиард за последние двадцать лет увеличил долю присваиваемых ими богатств с 70 до 85 %, тогда как доля потребления беднейших 20 % населения беднейших стран снизилась с 2,3 до 1,4 %.

Если в середине XX века разница в номинальных годовых доходах граждан постиндустриального мира и остального населения планеты составляла 7—9 раз, то в наши дни разрыв достигает 50—75 раз.

«Несмотря на повторяющиеся обещания в 1990-х годах сократить число бедных во всём мире, оно увеличилось с тех пор почти на сто миллионов. В тот же период мировые доходы ежегодно росли в среднем на 2,5 %» (*Джо Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике*).

«В 1997 году ВВП на душу населения упал в 21 стране, на долю которых приходилось 10 % суммарного ВВП и 7 % населения развивающегося мира. В 1998 году — уже в 33 странах, производящих 42 % ВВП развивающегося мира и объединяющих более четверти его населения» (*из доклада Всемирного банка «Глобальные экономические перспективы и развивающиеся страны в 1998/99 г.»*).

Средняя продолжительность жизни в развитых странах — 78 лет, в бедных — 64 года, в самых бедных — 52 года.

Миллионы людей, в том числе дети, голодают при общем увеличении производства продовольствия на планете.

«Заявления о том, что генная инженерия необходима, чтобы накормить голодных, основываются на двух допущениях: первое — что в итоге голодающие получают больше пищи, второе — что генная инженерия является единственным способом получать более высокие урожаи. Однако, по моему мнению, рост производства пищи вряд ли поможет тому, кто не

может позволить себе покупать или выращивать её, особенно при помощи дорогих запатентованных модифицированных семян» (*Донелл Медоуз, соавтор книги «Пределы роста»* *).

12,5 % населения Земли не имеет доступа к системе здравоохранения; 22 % (в том числе более половины — взрослые) неграмотно, из них две трети — женщины. 20 % населения не имеет снабжения чистой питьевой водой. Причиной 80 % всех заболеваний в развивающихся странах служат отсутствие безопасной воды и плохие санитарно-гигиенические условия. Каждый год по этой причине умирает более 5 млн. человек — в десять раз больше среднего количества людей, ежегодно погибающих в войнах. Более половины таких жертв — дети. Более 8 % населения Земли вряд ли доживёт до сорока лет.

«Два миллиарда человек не имеют возможности пользоваться электричеством, а 80 % жителей планеты не имеют доступа к телекоммуникационным услугам» (*Генеральный директор ЮНЕСКО Фредерико Майор, 1998 г.*).

Даже в богатых странах мира происходят акции социального протеста. Государства называют себя «социальными», а свою экономику — «социально-ориентированной», но люди не согласны с их античеловеческой политикой. Политики считают «хорошим тоном» заявлять, что они делают то, чего ждут от них граждане, — но делать то, что требуют от них настоящие «хозяева» — финансовые заправилы. Всё равно выполнять свои обещания государства не могут: частный сектор не предоставляет достаточного для занятия всех желающих количества рабочих мест; в государственном секторе экономики для создания рабочих мест денег тоже нет и для содержания безработных нет. Денег — нет. Понятно? Непонятно? Ведь в предыдущей главе мы показали, что США решают все проблемы допечаткой денег. То есть денег всё больше, государство в громадных объёмах вкачивает их в экономику, и их... нет.

Давайте посмотрим, куда же они деваются.

Американский доллар, как мы все с вами знаем, — мировая резервная валюта. То есть его принимают к платежам во всём мире. Штатам достаточно включить печатный станок, и

* Мы рассказали об этой книге в главе Доклад «Пределы роста».

проблемы «нет денег» вроде бы как не бывало: американская экономика получает дешёвые товары из-за границы фактически в кредит, не поставляя в обмен товары на аналогичную сумму. Зачем, если деньги — есть? Но своим гражданам предлагает товары в кредит, потому что у граждан деньги в недостаточном количестве. Первая странность. Но дальше эти «странности» сопровождают весь путь доллара по миру!

Раз торговые партнёры США вместо товаров получают доллары (а внутри их границ ходит совершенно другая валюта), то они вынуждены инвестировать их обратно в США. Что они и делают, приобретая американские правительственные облигации. В итоге такого торгово-финансового симбиоза в США накапливается торговый дефицит и увеличивается дефицит госбюджета; правительство обслуживает свои затраты за счёт всё тех же иностранных сбережений. А мир в целом имеет «неустойчивость в квадрате», угрозу дестабилизации всей финансовой системы. Но мало этого, Штаты, вроде бы имея незаслуженный эмиссионный доход, снижают основу своей жизнедеятельности, поскольку через такую систему внешней торговли экспортируют не только доллары и правительственные облигации, но и рабочие места!

Суммарная задолженность Америки колоссальна. Своя рабочая сила дорогая. Даже самые низкие за полвека процентные ставки на кредиты не сподвигли предпринимателей к расширению производства и созданию рабочих мест; тот спрос, что имеется, они покрывают за счёт роста производительности и интенсивности труда. Поэтому сейчас основная масса товаров для США производится в Китае, причём 65 % экспорта Китая в США — это продукция *американских компаний*, произведённая в Китае. В самих же США фирмы вынуждены снижать затраты, чтобы остаться конкурентоспособными, а для этого только два пути: или сокращать количество сотрудников, заставляя людей больше работать за ту же зарплату, или уводить производство в страны третьего мира, где зарплата существенно ниже.

В период с 1989 по 2003 год в связи с ввозом товаров из Китая Америка потеряла 1,659 млн. рабочих мест. А благодаря

вывозу американских товаров в Китай в США было создано всего лишь 199 тысяч рабочих мест.

Речь, конечно, не только о Китае. Много рабочих мест уходит в Индию. Грубо говоря, всё, что с английским языком связано, — в Индию, а всё, что без языка, — в Китай.

Логика вывода производства из страны железная: если в Таиланде научились шить рубашки, то пусть они за один доллар шьют рубашки, нечего нам своих рабочих за 20 долларов нанимать на эту работу. Если в Гонконге научились часы собирать поддельные — прекрасно, пусть собирают наши настоящие, а мы своих рабочих направим на какую-то другую работу. Но это раньше своим рабочим давали другую работу. Теперь нет замены, рабочие места уезжают из Америки, не замещаясь никакими другими, — американцы не создают новых секторов, куда можно было бы поставить американских работников.

Да и само представление о конкурентоспособности американского рабочего класса меняется.

Школьное образование в Америке ужасное, школа не обучает даже элементарной грамотности, но в силу сложившегося уровня жизни американцы требуют большой зарплаты. У фирмачей возникает вопрос: а почему этим тупым и необразованным американцам нужно платить в двадцать раз больше, чем китайцам?!

То, что всё же делается в США и других странах «золотого миллиарда» и экспортируется вовне, представляет собой монопольные продукты, созданные на базе научно-технических достижений и подкреплённые манипуляциями представлений об их полезности. Сколько стоит ампула лекарства или химического вещества, произведённая в США? Сколько стоит компьютерная программа, произведённая там же? Цена включает очень высокую зарплату работников и очень высокие цены на землю и электричество в США. Она включает прибыль, облагаемую высоким налогом. Эти продукты покупают у Америки потому, что их нигде больше купить — монополия. Как только монополия теряется, цена падает, иногда в разы...

У Америки есть важное преимущество — её наука, которой в мире просто нет равных. Но она опять же будет суще-

ствовать лишь до тех пор, пока условия для нее лучше, чем в других местах, и сюда едут учёные со всего мира. Рухнет её экономика, пропадёт и наука.

...Итак, производство переместилось в Китай, а потребление осталось в Америке. Китайские компании — не важно, в чьей они собственности, — продав товары в США, получают за них доллары и привозят их в Китай. Центральный банк Китая выменивает у компаний эту долларовую массу (кроме той части, что остаётся на рынке Китая) за юани и отправляет доллары обратно, скупая правительственные облигации США. То же самое делают Япония, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка и Центральный банк России.

Проще говоря, китайцы долго и напряжённо работают, что-то производят, поставляют свой овеществлённый труд в США, получают за это некую бумагу, называемую «доллар», которую они опять везут в США, получая взамен другую американскую бумагу, называемую «облигация». А ещё Китай продаёт свои товары в Европу и Японию, и тоже в большинстве случаев за доллары, и тоже тащит доллары в США, покупая облигации. Если рухнет экономика США, Японии и Европы — или если рухнет доллар, — то непонятно, как будет функционировать китайская экономика. Хотя теоретически и в Китае имеется неудовлетворённый спрос, но здесь проблема в другом: китайцы не смогут это покупать. Денег-то у местного населения нет; они потому и имеют работу, что согласны работать задёшево!

И в чьих же интересах крутится это «мельничное колесо»? Американцев? Индийцев? Китайцев?.. Вы, кстати, замечали, что наше российское правительство, «заныкав» бешеные деньги в американские долговые обязательства (золотовалютный и так называемый стабилизационный фонды), не вкладывает их в нашу экономику, зато всё время тщится создать здесь «благоприятный инвестиционный климат». Но в России зарплаты выше, чем в Юго-Восточной Азии, и понятно почему: у нас холодно и цена рабочей силы объективно должна быть большей, чем в тех местах, где что зима, что лето — пальма одним цветом. Чтобы иностранные компании перевели своё произ-

родство к нам, нужно вогнать российское население в окончательную нищету. Вот тогда-то мы с вами и поработаем на... На кого?

На себя? Не похоже. На простых американцев? Тоже вряд ли; у них у самих положение аховое. Конечно, США *выглядят* как вершина процесса глобализации. Но чьи интересы на самом деле выражает эта «вершина»? Не надо особо вглядываться, чтобы увидеть разрыв между политикой администрации США внутри страны и её же политикой в мире. Если внутри страны она под нажимом демократических механизмов поддерживает баланс между крупным, средним и малым капиталами, то во внешней сфере действует только в интересах сверхкрупных организаций — монополистических объединений, ТНК.

При этом все международные институты: Международный валютный фонд, Международный банк, Всемирная торговая организация и другие — на практике оказались соавторами, разработчиками и проводниками политики крупного капитала.

Да, а куда же в этой круговерти деваются деньги?

Это мы поймём, посмотрев, что происходит с распределением прибыли по секторам экономики США. За 1999—2003 годы в полтора раза выросла доля прибыли частного финансового сектора и почти в полтора раза сократилась доля прибыли, приносимая нефинансовым сектором, что и неудивительно, поскольку из экономики «выдавили» (в Китай) промышленность. В эти годы, несмотря на общее снижение прибыли в экономике, Федеральная резервная система США не допустила ни одного крупного банкротства в финансовом секторе. А каков он, «финансовый сектор», мы уже говорили: 98 % денег крутится на спекулятивном рынке валютных обменов, меньше 2 % — на рынке финансовых документов, связанных с экономикой; реальному сектору остаётся полпроцента.

Капитал сам выискивает, как бы сделать так, чтобы на зарплату тратить поменьше. Чтобы нужные для людей вещи производить максимально дёшево. Чтобы по возможности совсем не тратиться на очистку воды, образование, здравоохранение, благоустройство жилья, на заботу о природе, материнстве и

детстве раздетых и голодных. То есть там, где живут, учатся, работают люди, денег нет. А в секторе, где небольшая (по сравнению с человечеством исчезающе ничтожная) группа людей на спекуляциях *делает деньги из денег*, они есть.

Деньги по классическому определению, — это средство осуществления меновых операций, всеобщий эквивалент в экономических отношениях. А экономика в буквальном переводе с греческого — искусство ведения домашнего хозяйства. В Энциклопедическом словаре есть статья «Человек»: «общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности». Статьи «Человечество» в словаре нет, и о его целях и задачах остается только догадываться, а для человека указано: «сущность человека, его происхождение и назначение, место человека в мире были и остаются центральными проблемами философии, религии, науки и искусства».

Глобализация позволяет дать другие определения.

Деньги — философия, религия, наука и искусство человечества Или проще: деньги — ум, честь и совесть нашей эпохи. Человечество — гумус для производства денег и поставщик исполнителей, нужных ТНК. Человек — винтик машины по производству денег и потребитель товаров, объект психологических манипуляций. Экономика — искусство использовать деньги для уничтожения ресурсов и ликвидации возможности существования человечества.

Фактически покрытие внешнеторгового дефицита США за счёт импорта капитала определяет всю модель современной мировой экономики и соответственно будущее всех людей Земли. Мировая экономика устойчива настолько, насколько устойчива экономика США. Со своей стороны Америка крайне зависима от всего мира. В американские ценные бумаги вложены ум, труд и надежды всех нас, за исключением, может, первобытных племен, бродящих всё ещё в каких-нибудь уцелевших лесах и не знающих денег. Да, в экономику США, в их чудовищную, зыбкую долларовую пирамиду вложены весьма значительные средства зарубежных инвесторов: их совокупный объём минимально оценивают в 4—5 трлн. долларов. Из них

2 трлн. приходится на Азию, в том числе японский банк имеет долларовые резервы объёмом 900 млрд., китайский банк — объёмом 500 млрд. долларов. Теперь к ним присоединилась Россия.

Здесь эти средства вкладываются, помимо государственных бумаг, в создание новых технологий и разработку новых технологических принципов. А примитивные относительно этих видов деятельности отрасли в конечном счёте неуклонно выводятся за пределы США. Осознать объективность этого процесса и его потенциальную опасность для самой Америки оптимисты глобализации не могут. Они объясняют миру, что новому информационному обществу не нужно изготавливать товары; их проще покупать у других. Современному горожанину незачем умение делать зажигалки и выращивать картошку, говорят они. Проще купить эти «простые вещи» где-нибудь «там», где живут «простые люди», а мы пока сконцентрируемся на более «продвинутых», более сложных и эффективных видах деятельности!

Правильно, ответим мы, если картошку регулярно подвозят. А вдруг из-за каких-то причин поставки прервутся?..

Внезапное прекращение притока товаров и капиталов поставит под вопрос само существование США, вплоть до внутренней резни, а поскольку едва ли не в каждой американской семье есть огнестрельное оружие, то попросту массовой бойни. Американское государство прекрасно это сознаёт и старается обеспечивать приток инвестиций. Война в Ираке, Югославии, Афганистане и опять в Ираке — это и есть механизмы создания благоприятных условий для притока капиталов.

Ключевой принцип такой политики — «стратегия управляемых кризисов», изматывание возможных конкурентов США со сглаживанием за их счёт системных рисков для себя и мировой экономики. Мы уже приводили обоснование этого эволюционного закона: наведение порядка в одной структуре неизбежно вносит беспорядок в другую структуру. Вот и здесь мы видим стратегию экспорта нестабильности, экспорта проблем ради поддержания импорта капитала в США. У инвесторов формируется стойкий стереотип: какие бы трудности ни испытывали США, в других местах будет ещё хуже.

Говоря иначе, цель органов государственного управления США — не обеспечение процветания американской экономики, а всего лишь сохранение в ней лучших, чем в остальном мире, условий для деятельности ТНК. То есть они не улучшают ситуацию у себя; они просто создают у других ситуацию худшую, чем у себя. Образно говоря, чтобы вылезти из болота, встают на головы соседей. Соседи, конечно, тонут, зато американское правительство *пока* держит голову над болотной жижей.

С такой точки зрения интересы России и США противоположны: наш успех ставит под вопрос их существование, а наше поражение и гибель позволят им обеспечить себе какое-то время спокойной жизни. Поэтому поражение и гибель нам гарантированы; специальные люди в нашем правительстве, явные «ставленники глобализма» (они, кстати, очень заметны своей независимостью и от премьера, и от президента), сделают всё, как надо глобализму. И так во всех странах. Россия отличается от «всех стран» только большими запасами углеводородного сырья, владением ядерным оружием и наличием излишне грамотного населения, но над этими недостатками те, кому положено, активно работают.

Напомним ещё раз: своей политикой Америка удерживает шаткое равновесие, и мировые лидеры это знают. С её крахом утонут все разом. Ну а если утопят нас, а потом ещё кого-то, а потом ещё, то остальные пока немного побултыхаются. Поэтому, если Россия начнёт какое-либо своё «возрождение» или (подобно Белоруссии) просто попытается жить своим умом, все правительства мира возбудятся и нам станет совсем плохо.

Что будет дальше? *Горизонт прогноза узкий*, информации мало. Ещё вчера казалось, что так оно, человечество, и будет булькать в болоте со вздёрнутым вверх звёздно-полосатым флагом. Ан нет: среди тех, кому Америка норовит встать на голову, теперь уже не только страны второго и третьего мира, но и равные ей по мощи развитые страны франко-германского блока. Есть противники усиления крупного капитала и в самих США. Пусть это и покажется невероятным, но даже Великобритания не вполне довольна раскладом сил. Вполне

возможна попытка утопить Америку, перетянув когорту мощнейших ТНК (среди которых тоже трений хватает) в Европу.

13 мая 2004 года в Институте Европы РАН выступал британский социолог и политолог Уилл Хаттон. Главный пафос его выступления заключался в том, что Америка как единственный правитель мира не устраивает Великобританию. По его мнению, глобализация — хорошая вещь; последние десять лет она, несомненно, шла на пользу британской экономике; без глобализации не было бы роста уровня доходов на душу населения в Азии, Китае и Японии. Но затем он отметил, что глобализация по-американски неприемлема; она, может быть, и хороша для США, но не для Европейского союза, да и не для России.

Политолог напомнил слушателям, что проект либерализации начала, середины и конца 1990-х годов обернулся в России крайней нуждой и обнищанием. В результате на долю менее чем двадцати олигархов приходится почти 30 % российского ВВП — по данным журнала «Forbes», это даже больше, чем в Америке, где такому же количеству богатых людей принадлежит всего 5 % американского ВВП. И сделал вывод, что либерализация по принципам, которые навязывает Вашингтон, просто-напросто провалилась в российских условиях.

Такие заявления — не что иное, как подготовка к переменам. Это сигнал России, что возможны иные варианты, и, де, не захочет ли она поучаствовать в глобализации по английским лекалам? На самом деле России эти варианты — что в лоб, что по лбу. Для нас при любом сценарии вариант один: расстаться со своим сырьём и исчезнуть с карты мира. Но если Великобритания решит схватиться с США (или Германия в союзе с Францией — с США и Великобританией), то нас обязательно втянут и Россия потеряет всех своих молодых мужчин, что, конечно, нашей агонии не продлит. По уму нам бы лучше постоять в сторонке, да только на ум наших правителей надежды никакой.

Ещё вариант — быстрое выдвижение на первые места в мире Китая. К сожалению, для нас этот вариант ещё опаснее. В последние годы спрос Китая на сырьё и энергоносители рас-

тёт экспоненциально. В 2003 году отношение темпов роста спроса на электроэнергию к темпам роста ВВП достигло 1,7 раза, хотя среднемировой уровень этого показателя меньше единицы. Китай, находясь на раннем этапе индустриализации, уже «съедает» 25 % общемирового объёма потребления чёрных металлов и стали, 30 % общемирового потребления угля и 20 % потребления цемента. Это наряду с другими факторами привело к увеличению мировых цен на многие виды сырья до рекордно высоких за многие годы уровней, а ведь ожидается, что его потребности еще возрастут. Самый большой вопрос: сможет ли общемировое предложение сырья обеспечить удовлетворение столь быстро растущего спроса со стороны такой крупной экономики, или же ограниченность мировых ресурсов будет сдерживать экономический рост Китая?

Скажем прямо, выход Китая на мировой «склад» ресурсов ускорит опустошение этого «склада» и наступление коллапса.

Что интересно, в силу своей специфики (избыток рабочей силы с низкой стоимостью, высокие показатели нормы накопления по домашним хозяйствам) Китай не так сильно зависим от внешнего финансирования, как большинство других развивающихся стран. Он может захватить первенство, не участвуя в конкурентной битве за мировой капитал. Правда, глобальное первенство кого бы то ни было — явление неестественное и временное, до исчерпания ресурсов. Глобализация по любому образцу: американскому, европейскому или китайскому, идущая через решение проблем своей комфортности за счёт остального человечества, кончится вместе с человечеством. Это модель «заметания мусора под чужую кровать».

Однажды пространство замкнётся, и человечество поймёт, что осталось наедине со своим мусором.

Сценарии: план работ или прогноз?

Когда люди берутся прогнозировать своё будущее, оно обычно представляется им таким же, как прошлое, но с исправленными очевидными ошибками, допущенными в реальном прошлом. Поэтому то, что начинает происходить на са-

мом деле, становится для «провидцев» полной неожиданностью. Вот и сегодня большинство видит будущее, которое ждёт нас лет через десять, как прямое продолжение случившегося за предыдущие лет двадцать. Там продолжат борьбу за власть те же политические партии, что и сегодня. Школьники будут зубрить те же учебники, что и их родители. Те же злаки будут выращены, собраны, проданы, приготовлены и съедены практически тем же способом, что и раньше. Цены, как им и положено, подрастут, но компьютеры продолжат дешеветь и мельчать, становясь всё более быстрыми. Мы по-прежнему будем оплачивать покупки рублями, накапливая «в чулках» доллары и евроки...

Но это будущее нам уже точно не грозит.

Объекты социальных систем всегда эволюционируют в условиях *ограниченных ресурсов*. А это значит, что динамика их развития принципиально нелинейная, что делает будущее неоднозначным и многовариантным. Процессы *можно считать* линейными только в том случае, когда система ещё не вошла в тот режим, в котором ограничения начинают сказываться. Даже двести лет назад, когда внешняя среда и многие «взаимоотношения» общества с ней не достигли режима насыщения, учёта одной лишь линейной динамики не было достаточно: вспомните неожиданно произошедшую Великую французскую революцию. Сегодня ускоряющийся темп развития общества и деградации природы сделал применение такого упрощённого линейного подхода просто неадекватным.

А какие варианты будущего вероятны? Наш друг Бернар Лиетар, изучив возможные изменения денежных систем мира, предлагает четыре сценария:

1) «Тысячелетие глобальных корпораций»: мир, где частные корпоративные акции или облигации, выпущенные транснациональными корпорациями (ТНК), придут на смену знакомым валютам разных стран, основанным на банковских долговых обязательствах.

2) «Замкнутые сообщества»: мир, где глобальная денежно-кредитная катастрофа породила местные валюты, выпускаемые локальными сообществами.

3) «Ад на Земле»: мир, где, после того как официальная денежная система рухнула, никакой новый социальный или денежно-кредитный порядок появиться не сможет.

4) «Устойчивое изобилие»: мир, где различные виды денежных инноваций сформируют систему успешных профилактических мер против денежно-кредитного краха и создадут целостную экономику, где старая и новая (дополнительная, беспроцентная) денежные системы будут эффективно балансировать и дополнять друг друга.

Мы преклоняемся перед Лиетаром. Мы его любим. Изучив финансы от и до, он написал потрясающие книги и сделал потрясающие выводы. В целом он прав: да, впереди нас ждут именно эти варианты (разве что четвёртый номер выглядит слишком оптимистичным). Но, даже понимая неоднозначность социальных процессов, он допустил ту же ошибку, что и обычные футурологи. А они сначала выбирают «предпочтительное» будущее, а затем предлагают оптимальную траекторию для его достижения, забывая, что далеко не любое будущее нам доступно.

Конечно, Лиетар хочет, чтобы люди прислушались к его мнению и чтобы был построен мир устойчивого изобилия, и показывает, как это сделать, попутно пугая тремя «плохими альтернативами», две из которых начинаются финансовой катастрофой. И мы в принципе согласны: *человечество может жить на Земле спокойно, изобильно, в ладу с природой*. Может. Вполне допускаем, что и будет. Но сначала — сначала реализуются все три прочих варианта. В отличие от Лиетара, который рассматривает их как альтернативные, мы видим, что они последовательные. И только если кто-то выживет в итоге, надеемся, дойдёт дело и до четвёртого варианта. Мы пишем эту книгу для тех, кто намерен выжить, и рассмотрим их все — проведём вас, так сказать, по кругам ада.

Реализация первого варианта — «тысячелетие ТНК» — уже идёт полным ходом. Сам Лиетар описал его победное шествие в книге «Будущее денег: Новый путь создания богатства, работы и более мудрого мира»*. Этой теме посвящена следующая

* Уже два года готовится к печати в КРПА «Олимп».

часть книги, а пока скажем кратко, что закончится «тысячелетие» довольно быстро финансовой и экономической катастрофой, после чего сообщества на местах закрутятся на фоне уже начавшейся войны всех против всех. И лишь затем выжившие... Впрочем, об этом мы уже говорили.

Скорость и направление процессов определить невозможно; они зависят от того, какая катастрофа произойдёт раньше — финансово-экономическая или глобальная климатическая.

«Создание сценариев — это инструмент, который поможет последовательно осмыслить сложные цепи событий и взаимоотношений. Их изучение позволяет нам сегодня принимать решения и выбирать возможные линии поведения, чтобы достичь самого светлого будущего», — пишет Бернар Лиетар.

Ошибка понятна: учёный рассчитывает на разум людей. Если исходить из стандартных представлений о роде человеческом, то только и жди, что homo sapiens, услышав умные речи, хлопнет себя по лбу и начнёт строить «светлое будущее», беречь природу, заботиться о ближнем и дальнем. Добровольно сократит свои потребности. Пойдёт на субботник убирать мусор. Заберёт с улицы бомжа и помоем его в своей ванне. Посадит дерево и построит дом для престарелых...

К сожалению, на разум надежды нет. Не предусмотрено эволюцией, чтобы выживала отдельная особь; выживает только популяция целиком, а поведение популяции и особей в ней определяется условиями среды. А среда у нас такая: процентный рост денег и разделение человечества на общественные структуры, сильнейшая из которых — финансовая — подмяла под свой интерес всё и вся.

Помните, о чём шла речь в главе «Товар и антитовар»? Ещё в 1865 году У.С. Джевонс дал понятие о невозобновляемом ресурсе и указал на принципиальную невозможность неограниченной экспансии человека. В 1885 году Р. Клаузиус дал ясные и чёткие утверждения о конечности ресурсов. Это было сто двадцать, сто сорок лет назад! Об этом же писал Мальтус. На протяжении XX века тоже не раз звучали предупреждения. А что же «разум»? Разум спал... Так будет и теперь, пока из сна разума не родятся чудовища.

Или вот в начале книги мы писали, что человек — раб структур. Да, человек раб структур. Учёный строит планы о том, как всё человечество под водительством его идей построит светлое будущее, и при этом сам вынужден поступать в соответствии с правилами, принятыми в его сообществе. А властная элита, которая действительно может возглавить общественное движение, — раб структуры финансовых транснациональных корпораций и будет делать только то, что выгодно ТНК, и по их правилам. Человечество уже делится не по национальным или государственным признакам, а по своей причастности к когорте, владеющей ресурсами. Разговоры о «золотом миллиарде» перешли в практическую плоскость: везде и всюду политическая власть выстраивается под знамёна ТНК и отвергает тех, кто против. Помните Югославию? Ирак? Венесуэлу, Аргентину, Афганистан? Угрозы Ирану, Северной Корее, Кубе и Белоруссии — помните?

Суверенитета государств больше нет.

Возьмём для примера страну Россию.

Статья 3 её Конституции гласит:

«1.носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону».

Статья 4:

«1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию.

2. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации».

Очень хорошо. Просто душа радуется, какая у нас независимая и суверенная страна, в которой народ — источник власти.

И вдруг доходим мы до статьи 15 той же Конституции и в пункте 4 видим: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Что интересно, если закон РФ становится действующим только после опубликования, то для «составной части» *нашей* правовой системы — международных договоров — Конституция даже публикации не требует.

Вопросы есть? Вопросов нет. Поехали дальше.

То, что на территории России нет нормального государства, а элита работает в интересах вражеской структуры, вносит определённые сложности в понимание перспектив. Народ не в состоянии понять, что всё сказанное и сделанное властью и поддерживающими её СМИ касается только её, власти, собственных проблем. Только интересов власти и богатой элиты. Они имеют паспорта граждан России, говорят по-русски, живут иногда тоже здесь. Но они уже не часть народа России, а часть международной элиты, граждане ТНК.

Сначала они объяснили народу, что благом для страны будет приватизация, и растащили всё, что даёт хоть какой-то доход. Потом доказали, что брать с них деньги, чтобы с кем-то (с народом, с кем же ещё) делиться через прогрессивный налог или чтобы вкладывать средства в амортизацию оборудования, — просто грабёж. Что будет благом для страны (для них), если они, новые владельцы вчерашней народной собственности, смогут эксплуатировать эту дармовую собственность до полного её истощения, не тратя ни копейки на ремонт. А потом завели речь о приватизации ЖКХ и переводе всей системы жизнеобеспечения на платную основу: надо взять «все резервы», которые есть в стране (у народа), и вложить в выходящее из строя (их) оборудование, дабы избежать «техногенной катастрофы».

Народ верит, что государство заботится о нём, когда налаживает рассыпающиеся энергооборудование, нефте- и газопроводы, добывающую технику и т.д. Ведь умные говорливые телеведущие каждый день рассказывают, как то здесь, то там отключают электричество, как замерзает народ, а правительство посылает на помощь МЧС и сурово спрашивает с виновных.

Элите ясно, что народ будет тратиться на поддержание этих мощностей (энергетика, нефть, газ, ЖКХ и т.д.) и заплатит по любым тарифам, — куда ему деваться-то? А народу ещё невдомёк, что когда он полностью вытряхнет свои карманы и оборудование будет восстановлено, оно опять будет кому-то отдано и опять будет использоваться не для блага людей, а для выколачивания из людей денег.

Настанет день, когда снова будет предложено вложить деньги (если они ещё останутся у народа или если ещё останется народ) в восстановление оборудования. И снова бедные, слушая призывы позаботиться о стране, будут думать, что говорят об *их* стране и об *их* интересах. Каждый будет мнить, что это *его* хотят сделать богатым, а то, что какой-то дядя Вася им не стал, то это лично сам дядя Вася виноват. (Беда только в том, что «дяди Васи» — весь народ и есть.)

А элита, работающая на свой карман, стонет в кулуарах: когда же он кончится, этот народ, и не надо будет тратиться на пенсии, жильё и прочие мелкие делишки этих никому не нужных надоед... И можно будет вывезти все деньги, и забыть об *этой стране*, клятой России...

Вот судьба российского предпринимателя. Приводим заметку из газеты «Аргументы и факты»* практически без изменений:

«Самая удачная предпринимательская тропка выпала Андрею Вавилову, бывшему 1-му замминистра финансов. Как он признался в одном из интервью, за 5 лет он заработал больше 300 млн. долл.

В 1998 году, взяв кредит в банке, Вавилов приобрёл пакет акций компании «Северная нефть», а потом установил полный контроль над компанией. В 2000 году Минприроды объявило кон-

* АиФ. 2005. 4 мая. № 18 (1279).

курс на разработку богатого месторождения «Вал Гамбурцева». Заявки подали все нефтяные гранды, предлагавшие за право на разработку месторождения до 100 млн. долл. Однако лакомый кусок достался «Северной нефти», заплатившей 7 млн. долл.

Новый глава Минприроды потребовал от «Северной нефти» вернуть лицензию. Одновременно в отношении руководства «Северной нефти» было возбуждено уголовное дело. Но после избрания Вавилова в Совет Федерации дело было прекращено. Месторождение так и осталось за бывшим замминистра. В 2003 году Вавилов продал компанию «Роснефти» за круглую сумму — 600 млн. долл.».

Как видим, никакой народ г-ну Вавилову не нужен. Достаточно было иметь надёжных друзей в инстанциях, которые распределяют месторождения нефти. И порядок: ЗАРАБОТАЛ 300 млн. долларов за пять лет. Видать, вкалывал от души, раз уж заработок превышал миллион в неделю. Наверное, сильно вспотел товарищ...

Из основ термодинамики известно, что всю полученную системой тепловую энергию нельзя превратить в механическую работу; часть тепла застревает внутри системы. То же и с полученными элитой доходами: вывезти за границу пока удаётся только часть. Остальное застревает в России: это то, что население принимает за основной доход нашей страны, который добрые власти пытаются для него спасти. Большинство действительно всерьёз уверены, что государство печётся об их доходах, правда, считают они за «доход» те крохи, которые идут в оплату за труд и на некоторые дополнительные выплаты. Возможно, такая ошибка происходит оттого, что сумма реального дохода России, ежегодно остающегося за границей, не поддаётся осмыслению умом.

Представители «двух России» не понимают друг друга, а из этого следует, что для выхода из нынешней ситуации *нет общего решения*, которое удовлетворило бы и народ, и элиту. Чем-то придётся жертвовать. Поскольку наша элита — часть мировой элиты, она — сильнее отдельно взятого народа и жертвует народом.

И так в каждой стране мира. В каждой.

«ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ РЕЙХ» ТНК

Здесь предрассудок мысль хоронит,
Богач пинает бедняка,
Ликует гнёт, свобода стонет,
Терзает ворон голубка.
Ростовщики — враги Христовы —
Скупить отечество готовы
И в роскоши проводят дни.
Своекорыстные злодеи —
По сути те же иудеи,
Хоть не обрезаны они!

*Иоганн Христиан Гюнтер (1695—1723)**

«Корпоративное человечество»

Не прошло и семи лет с тех пор, как Бернар Лиетар, рассматривая возможность наступления «тысячелетия ТНК», писал в книге «Будущее денег»: *«Этот сценарий показывает, как власть, используя право создавать деньги, в течение следующих десятилетий могла бы перейти к поддержке наиболее крупных транснациональных корпораций»*. И вот власть уже повсеместно перешла к такой поддержке.

Капиталистические государства и так-то всегда были склонны поддерживать бизнес, а не общество из тех соображений, что бизнес сам заинтересован в благоденствии общества и баланс интересов сам собой образуется. Но лет тридцать — сорок назад — одновременно с отказом США от золотого паритета доллара — в развитых странах перешли к прямой

* Перевод Льва Гинзбурга.

поддержке бизнеса *за счёт общества*. «Невидимая рука рынка» потянулась, так сказать, в общественный карман. Граждане США платят налоги сполна, а американские корпорации из этих средств получают субсидии (например, на «создание рабочих мест»), а также и льготы. В 1994 году налоговые льготы, предоставленные американским ТНК, составили 167 млрд. долларов; в том же году на социальные нужды правительство потратило всего 50 млрд. долларов.

В начале 1950-х (1950—1954) во всех видах налогов (местных, налогов штатов и федеральных) на каждый доллар, выплаченный простыми гражданами, корпорации, как правило, платили 76 центов. В 1980—1992 годах, когда корпорации явно повысили своё финансовое могущество, налоги с их доходов упали до 21 цента на один доллар индивидуальных налогоплательщиков. В Канаде даже в 1996 году, рекордном для корпоративных прибылей, налоги на доходы корпораций составили не больше 14,5 цента на каждый доллар индивидуальных налогов*. Тенденция усиления структуры ТНК, её сращивания с властью, определяющей налоговую политику, очевидна.

Не менее очевидна «смычка» власти и капитала в ходе приватизации, охватившей весь мир. С некоторых, достаточно недавних пор тенденция перехода активов в частные руки стала мировым поветрием. В одном только 1997 году объём приватизационных сделок достиг почти 157 млрд. долларов, что в пять раз больше, чем в 1990 году. Эта глобальная тенденция повальной приватизации показывает растущую потерю влияния правительств на экономику своих стран.

Через приватизацию достаточно быстро всё приносящее доход общественное достояние мира перешло в собственность корпораций. Сегодня двести крупнейших мегафирм охватывают весь комплекс человеческой деятельности, а их шитом выступает НАТО. Их общий годовой оборот (7,1 трлн. долларов) больше, чем объединённый ВВП 182 стран (то есть всех стран, кроме самых крупных). ТНК так или иначе контролируют треть всей мировой экономики, но их собственная по-

* Приведённые в этой главе цифры, цитаты и ссылки, если иное не оговорено отдельно, взяты из книги Бернара Лиетара «Будущее денег».

требность в кадрах составляет всего лишь 0,3 % населения Земли; остальные — если они не потребители их продукции — лишние.

Любая общественная структура ведёт борьбу за ресурс и, если может, подавляет иные структуры, внося хаос в их деятельность. Сегодня мы и в России видим, как подавляется крупным бизнесом бизнес мелкий и средний. Как власть, подкупленная «большими деньгами», работает против общества. Как расцветает система платной медицины в ущерб интересам большинства членов общества. Как образование, готовящее кадры для корпораций, рушит систему всеобщего бесплатного среднего и специального образования.

Чему научат детей в средней школе, финансируемой компанией, занимающейся кредитными карточками? Тому, что отдавать 20—30 % дохода на обслуживание кредитной карточки — это хорошая финансовая практика. Для компании она, конечно, хорошая. А для будущего детей? страны? человечества?..

«Вот будущее: университеты обречены превратиться в предприятия по подготовке кадров, сотрудничая с корпорациями по учебным планам и прочим вопросам; иначе им не выжить» — к такому мнению пришёл канцлер университета штата Небраска Дэл Вебер после того, как компания First Data Resources построила в его университетском городке техническую школу, «подогнанную» для её нужд.

По пути «корпоратизации» идут и все другие институты общества. Питер Монтэгю (Фонд экологических исследований из Аннаполиса, штат Мэриленд) пишет: «Корпорации в значительной степени определяют все основы современной жизни, как церковь в Средние века... Маленькие корпоративные элиты определяют, что большинству из нас читать; что нам смотреть в театрах и по телевизору; какие предметы могут стать достоянием общественности в качестве тем для публичного обсуждения и дебатов; какие идеи наши дети впитают в школе; как будут выращены, обработаны и проданы наша пища и волокно для нашей одежды; как будут изготовлены потребительские товары, с использованием каких технологий и из ка-

кого сырья; будем ли мы иметь доступ к эффективному здравоохранению; как будет организована работа и сколько за неё будут платить; какие формы энергии будут нам доступны; насколько наши воздух, вода, почва и пища будут загрязнены токсичными отходами; кому хватит денег на избирательную кампанию, а кому не хватит».

Это будущее уже наступило! Практика деятельности ТНК оказывает деструктивное влияние на всё. Чтобы понять, куда ведёт этот сценарий, достаточно мысленно довести до логического конца все направления, по которым они связаны с обществом. Культура?.. Искусство?.. Нравственность?.. Защита живой природы?..

Современные корпорации всё более и более обособляются от человечества и локальных сообществ; они обособляются, как юридическое лицо, даже от людей, которые в них работают. Каждый, независимо от своего положения в корпорации, превратился в расходный материал. Топ-менеджеры обязаны делать то, чего хочет финансовый рынок, или же они будут без сожалений уволены и заменены кем-то, кто будет это делать. Привычка размышлять над перспективой дальнейшего существования отрасли, вместо того чтобы думать о получении прибыли в следующем квартале, жестоко наказывается. Согласно Лиетару, *денежная система — это то, что вызывает структурный конфликт, который испытывали столь многие топ-менеджеры, — конфликт между интересами акционеров, собственной личной этикой и озабоченностью будущим внуков.*

Чем выше доход корпорации и чем более отделены они от людей и местности, где работают, тем сильнее разнятся интересы корпораций и человечества. Дэвид Кортен, доктор философии из Стэнфордской школы бизнеса, сказал об этом очень образно: «Ну, это всё равно как если бы к нам вторглись инопланетяне с целью колонизации планеты и превращения нас в рабов, с последующим уничтожением человечества, насколько это возможно».

Читатель уже знает, что со старинных времён за влияние на власть в какой-либо местности боролись, попеременно побеждая, три основные общественные структуры: военная сила,

идеология и экономика вкупе с финансами. В истории последних веков они были более или менее сбалансированы между собой. Информационная революция радикально передала власть финансам, и сегодня очевидно, что деньги готовы вообще заменить собой власть; они управляют всеми условиями, нанимая силу и назначая идеологию. Выбита почва из-под самой концепции национального государства.

Пять крупнейших ТНК наложили руку на более чем половину мирового рынка самолётостроения и космических технологий, электрооборудования, производства деталей для электроники и создание компьютерного программного обеспечения. Другие пять контролируют производство алкогольных и безалкогольных напитков и табачных изделий. Ещё две доминируют на рынке общественного питания. Что помешает любой из них или другим приватизировать выполнение государственных функций? И не в одной стране, а всемирно?

Примеры уже есть: в некоторых странах частные корпорации наладили качественную связь, ликвидировав государственные телефонные службы. Это, а также появление эффективных частных компаний по оказанию почтовых услуг типа Fedex или UPS показывает, что нет ничего невозможного в переходе в руки корпораций и других функций государства. Ладно, почта; где-то такое возможно и полезно, где-то нет; скажем, в России без поддержки государства почта не выживет. Но как вам понравится, если некая международная компания возьмёт на себя охрану общественной безопасности, следствие, сыск и содержание арестованных, другая — организацию дорожного движения, а третья выкупит армейский контракт?..

Мы уже видели, как под лозунгом «Частный бизнес обеспечивает качество и окупаемость» наполовину были отданы в частные руки электроэнергетика и железнодорожный транспорт России. Так почему же государству не отказаться от охраны границ и таможенного досмотра, отдав их какой-нибудь международной ТНК?..

Мы видели, как министерству культуры осталось только распределение зарплаты музейных работников, а сам министр подрабатывал на ТВ шоуменом, в то время как музеи, театры

и библиотеки выживали стараниями немногочисленных меценатов и рекламодателей. Так, спрашивается, удержится ли государство от соблазна, если некая компания пообещает сделать культуру народа высокоприбыльной отраслью?.. А другая захочет управлять социальным обеспечением?.. А ещё одна — образованием?..

Правда, тогда от культуры, социального обеспечения и образования окажутся отрезанными те, кто не сможет платить, или те, кто не нужен корпорациям, но главная задача — высокая прибыльность и соблюдение интереса корпораций — будет решена!.. А ведь отсюда один шаг к отмене политической власти государства. Получится единый глобализованный мир, в котором нанятые частными корпорациями менеджеры будут решать, что хорошо, а что плохо для народов.

«По многим причинам быть гражданином Goldman Sachs или Chrysler-Daimler-Benz гораздо выгоднее, чем британским или немецким/американским гражданином. Определённые категории служащих процветают не хуже, чем раньше — члены королевской семьи. Корпорации платят большое жалованье тем, у кого есть нужные навыки. Проблема в том, что никто не убедит глобальных гигантов взять на себя социальную ответственность. В прошлом столетии большой бизнес пробовал менять правила, — теперь нет никаких правил, кроме тех, которые создают сами корпорации». Так описывает будущее Бернар Лиетар в своём сценарии «Тысячелетие корпораций». А ведь он исходит из факта: получив финансовое могущество, корпорации, вместо того чтобы стать полезными обществу, приспособиться к нуждам людей, расширить свою социальную роль, стали переделывать человечество под себя.

Но известно: мир экономики и финансов отнюдь не представляет собой единого целого. Пройдя сходный путь развития, разные корпорации как были, так и остались антагонистами друг другу. Ресурсная база Земли всё меньше, а аппетиты корпораций всё больше. Вполне возможно, что после «отмены» государств они начнут войны между собой. Этот вопрос мы рассмотрим в следующем сценарии, а здесь и в следующей главе поговорим о деньгах.

Уже появились корпоративные валюты. Например, такая единица, как «полётные мили» (frequent flier miles), используется для покупки билетов некоторых авиалиний; American Express обобщил концепцию, создав свои «мировые деньги путешественника», принимаемые в качестве платёжного средства во всем мире. Подобные деньги путешествующая элита «зарабатывает» во время перелётов; их сумма зависит от количества приземлений в аэропортах и общей продолжительности полёта. Дальше такая «валюта» может быть использована для оплаты такси, гостиницы, междугородных переговоров и т.д. Тратят их так: один из боссов уровня исполнительного директора корпорации везёт своё семейство на экзотический курорт и оплачивает этот отдых «полётными милями», накопленными в течение своих деловых перелётов.

Выпуск кем-то (той же American Express, Microsoft, или каким-нибудь новым киберюридическим лицом, или консорциумом корпораций) полноценной корпоративной денежной единицы, обеспеченной их товарами и услугами, — только вопрос времени.

Дешёвая и вездесущая вычислительная техника позволит крупным корпорациям через коалиции и переговоры о взаимной конвертируемости создать несколько основных твёрдых корпоративных облигаций. Их первейшим отличием от нынешних денег будет обеспеченность реальными товарами и услугами, а потому дополнить или вовсе заменить нестабильные валюты разных стран, за которыми тянутся только долги, они смогут. И что интересно, в 1990-х Алан Гринспен, глава ФРС США, заявлял, что ожидает возникновения «новых рынков частных валют в XXI столетии». Он говорил, что *«предвидит в ближайшем будущем предложения от компаний, выпускающих электронные платёжные средства типа сберегательных карт или «цифровых наличных денег», основать специализированные корпорации по выпуску всего этого с устойчивым балансом и открытым рейтингом кредитоспособности»*. Вопрос, что называется, назрел...

Телевидение уже сейчас открыто занято предварительной подготовкой граждан именно к такому будущему. Большой

бизнес, в конце концов, ещё и контролирует большую часть информации, которую потребляют люди, — напрямую, через владение средствами массовой информации, или косвенно, через рекламу.

А единственной целью этого «нового мира», этого «корпоративного человечества» будет уничтожение последних ресурсов ради потребления, и воевать *homo sapiens* под знамёнами разных ТНК, и убивать друг друга будут за то, чтобы корпорация-победитель, оттеснив конкурентов, смогла получить последнюю прибыль за последний на планете глоток чистой воды.

Изменчивые деньги

В последнее время проявляются новые общественные тенденции, по сути возрождающие упоминавшуюся нами ранее «экономику подарков». Если услуги друг другу (подарки) становятся распространёнными, требуется нечто для фиксации актов дарения: появляются беспроцентные средства обмена, в качестве которых может выступать что угодно. Изюминка в том, что это *деньги общества*, а не экономики. Они одинаково доступны всем, и наиболее важно, что доступны матерям с детьми и старикам. Вдруг оказывается, что дети и старики обществу нужны! Что доброта, спокойствие, взаимное уважение, стабильность отношений важнее получения прибыли.

Такие деньги — их ещё можно назвать деньгами взаимного кредита (а мы сами называем их бонами, чтобы не путать с процентными деньгами экономики) — были в ходу во время Великой депрессии 1929-го — начала 1930-х годов. Сегодня сотни общин по всему миру при торговле или взаимной помощи применяют бонны, а то и обходятся без всякой фиксации актов дарения. В Аргентине после тамошнего дефолта два десятка инициативных граждан создали нечто вроде системы взаимного бартера, в которую вошло более ста тысяч человек, и выключились из рыночной экономики. Тем и выжили.

Такая «общинная экономика» *работает*, так как обложение взаимопомощи налогом не предусмотрено никакими законами, а объём можно оценивать. Однако, кроме Новой Зе-

ландии и в какой-то степени Японии, государства нигде не поддерживают эти дополнительные беспроцентные валюты; опыт их введения не пропагандируется, и центробанки им противодействуют. Ясно почему: собирать налоги с натурального хозяйства и бартера — дело безнадежное, а только для сбора налогов и нужны государствам, «замкнутым на деньги», граждане — иначе говоря, подданные. Правильно поётся в известной песне В. Бутусова: «Нас помнят, пока мы не платим за свет».

Но если элиту всех стран мало трогает, как и чем живёт население и живо ли оно ещё вообще, то благоденствием корпораций она очень озабочена. Уж тут-то элита согласится на всё, что способствует снижению издержек и ускорению оборота, потому что так получается увеличение доходов ТНК, с которых элита и живёт. Соглашается она и на безвалютные формы продаж между разными ТНК.

Многие полагают, что бартер — это примитивная форма торговли, малозаметная в развитой экономике. Послевоенную практику этого явления (бартерные сделки США с Советским Союзом или странами третьего мира) объясняли недостатком твёрдой валюты у этих стран. Если бы, дескать, она у них была, то — никакого бартера. Ошибка! В странах с твёрдой валютой «бартеризация» идёт вовсю. В США сотни бартерных бирж и вообще до четверти объёма мировой торговли ведётся при помощи бартера, то есть без использования национальной или какой-либо другой валюты. Компания Pepsi-Cola, например, получает прибыль в России в виде водки, которую она потом продаёт в США и Европе за наличные деньги. А французы построили на Ближнем Востоке атомные электростанции в счёт платежей за нефть.

В индустрию бартера входят два крупных торговых союза: Ассоциация международной взаимной торговли (International Reciprocal Trade Association, IRTA) и Корпоративный совет по бартеру (Corporate Barter Council, CBC). Выпускается специальный журнал Barter News; в 1997 году он оценивал общий мировой бартер в 650 млрд. долларов с ежегодным увеличением на 15 %, то есть бартер растёт в разы быстрее, чем валютные сделки.

В связи с этими процессами получило новое значение понятие «товарные деньги». Раньше, во время длительных войн и гражданских беспорядков, так называли продукт, имевший непосредственную утилитарную пользу даже при отсутствии законности. Соль и сигареты — в войну; «бутылёк» — в современной российской деревне. А ТНК имеют свой собственный товар, который при бартерном обмене выглядит как деньги. Для компании Pepsi-Cola это, между прочим, тот же «бутылёк». Так *что* может помешать любой корпорации создать на базе этих «товарных денег» свою валюту? Она в отличие от доллара будет иметь за собой хоть какое-то материальное наполнение!

В последнее время, помимо «безвалютного» бартера, появились во множестве новые формы корпоративных платёжных средств, вроде различных вариантов уже упомянутых «полётных миль». В США довольно часто корпорации обменивают номера в отелях или места для рекламы на радио или телевидении на другие товары и услуги. Рывок в этом направлении произошёл в связи с развитием сети Интернет. Были предложены сотни проектов по компьютеризации традиционных национальных валют и новых форм частных валют. Самый большой (в недавнем прошлом) продавец в Сети — Cendant* — выпускал собственные «сетевые наличные деньги», netMarket Cash; первые кредитные двухвалютные карты для платежей смесью долларов и частной валюты прошли испытание в Миннеаполисе в 1997 году...

Вот о чём сообщала газета Washington Post в конце XX века:

«Одним из самых интригующих финансовых феноменов этого десятилетия станет неизменное увеличение важности "частных денег", выпускаемых компаниями с тем, чтобы запереть своих клиентов в своей "экономической системе". Когда-то такая разновидность частных денег — скрип-карт — ассоциировалась с железной дорогой, вооружёнными силами и Великой депрессией. Сегодня эти теневые валюты расцениваются как "валюты элиты"».

* Cendant — крупнейший он-лайновый торговец с суммой продаж в Сети около 1,5 млрд. долларов в 1997 году.

Если рубль может стать конвертируемым, почему не может стать конвертируемой любая корпоративная валюта?

Неустойчивость экономической ситуации, появление на текущем этапе эволюции целого спектра новых платёжных средств ясно показывают: мир находится в переходном периоде. Сегодня равно вероятны как большие неприятности (для всех), так и большие успехи (на «местах»). Предсказать, что, когда и как произойдёт, затруднительно, но очевидно, что некоторые из появляющихся денежных технологий могут сделать общество более жестоким, чем любой из нас в состоянии себе представить...

Всякий раз, когда валюта возникает в сообществе, она неявно определяет, кто держит власть в этом сообществе. Так, когда у власти были священники, именно храмы выпускали деньги. Когда управляли короли, они имели суверенное право выпускать валюту. В индустриальном веке образцом власти были национальные государства, и национальные процентные валюты автоматически доминировали. Три побочных эффекта, порождённых *процентом*: конкуренция, потребность в бесконечном росте и концентрация богатства, — провели нас через Промышленную революцию. Теперь индустриальная эпоха ушла в прошлое; начался век информатизации. Власть утекает из рук национальных государств, и вот уже новые властители мира выводят на арену свои валюты. Будут они процентными или нет, только электронными или также материальными, неизвестно. Но можно сказать точно: система, созданная ТНК, будет им же и служить.

И ещё вот что можно сказать о *проценте*.

Радикальная особенность современного информационного продукта в том, что при его производстве происходит совершенствование ресурса, а не истощение; увеличение потребления информационноёмкой продукции способствует, а не препятствует накоплению капитала, и, самое главное, информационный продукт может быть реализован многократно, принося владельцу прибыль, оставаясь при этом его собственностью. Так на *продукт* переносятся черты процентности, свойственные ранее только деньгам. Любые попытки стран —

потребителей информпродукта «догнать» развитые страны, мобилизуя традиционные факторы производства, обречены на провал. Это новое неравенство порождает не экспансия западного мира, как думает большинство аналитиков, а внутреннее свойство самого продукта!

Информационные технологии меняют структуру финансового устройства Мира. Вчера банки использовали своё монопольное положение держателей информации о финансовом рынке. А теперь, когда компьютеры неожиданно открыли прямой доступ к котировкам на финансовом рынке всем, земля ушла у банков из-под ног. Многие корпорации использовали ситуацию для выпуска собственных векселей*, игнорируя коммерческие банки, и те не справились с этой переменой: начиная с 1980 года более трети американских банков слились или исчезли, а оставшиеся значительно сократили штат служащих.

Старинные «банкирские дома» канули в Лету. За контроль над новыми формами денег сразу началась ожесточённая борьба. С одной стороны, выжившие банки уподобились компьютеризированным телекоммуникационным компаниям. С другой — компании, занятые телекоммуникациями, компьютерным аппаратным и программным обеспечением, ведущие обработку кредитных карточек и торговлю через сеть Интернет и даже кабельное телевидение, обнаружили, что сами могут предоставлять многие из традиционных банковских услуг.

Новая информационная экономика способствовала созданию беспрецедентной концентрации могущества в руках очень небольшой кучки миллиардеров, «информационных» баронов, жалким подобием которых можно считать тех, кто наживал богатство в индустриальную эпоху и ещё раньше, в эпоху «дикого капитализма» и первоначального накопления. Контроль над новыми электронными системами денег в конечном счёте будет подкреплён властью создавать деньги. А имея собственные деньги и полную информацию о финансовом рынке, корпорации станут попросту всевластными над людьми и природой.

* Векселя — документы краткосрочного коммерческого кредита.

Новые корпоративные денежные системы неизбежно усилят проблему безработицы, обострят проблемы матерей с детьми и стариков, разрушат культуру народов и окончательно загубят природу.

Электронные формы денег — старых ли валют разных стран или корпоративных платёжных средств — идеально подходят для того, чтобы следить, кто и что покупает. Покупатель стал товаром! Самую большую ценность для маркетологов приобретают массивные базы данных о потребителях. Сблужинить информацию, которую несут штрихкод изделия и личный идентификационный код покупателя, практически непреодолим.

И это всё уже есть! При реализации сценария всевластия ТНК тенденция дальнейшего вторжения в частную жизнь просто усилится.

Превращение личности в ничто

Если 20 % населения сконцентрировало в своих руках 86 % всего богатства мира, а почти половина живущих едва сводит концы с концами, имея от одного до двух долларов на день, то как же не следить за этим опасным большинством? А ещё важнее следить за прислугой: теми, кто по сравнению с большинством имеет *очень* много, но всё же меньше, чем хозяева. Вот такие-то опаснее всего...

Согласно исследованию, проведённому в 1997 году Американской ассоциацией менеджмента, две трети крупнейших американских корпораций постоянно следят за своими служащими с помощью электронных средств. И никакой юридической защиты нет: четвёртая поправка к Конституции США, защищающая от «несанкционированных обысков и конфискации», применяется только против слежки со стороны правительства; корпорации не связаны никакими запретами.

Пользуясь столами, ящиками, картотечными шкафами, находящимися на территории предприятия, служащие не имеют ни малейшего права на какую-либо секретность. Любая электронная почта, переданная через общую компьютерную

сеть, может быть прочитана хозяином без объяснения причин. Так же начальство может прослушивать любые телефонные переговоры без уведомления работников. Работодатели всё чаще расходуют средства, выделенные «на здравоохранение», чтобы проводить генетические тесты; работники не имеют права даже на генетическую секретность. Также они никак не защищены от выборочных тестов на употребление наркотиков.

Технические достижения современности позволяют отслеживать жизнь «свободных людей» столь детально, как это было невозможно ни в одной стране мира в прошлом; служащие корпораций фактически лишены права на частную жизнь. А известно: когда в одних руках концентрируется бесконечный поток личных данных, непременно возникают возможности для злоупотреблений. Впрочем, при отсутствии соответствующих законов это даже и не злоупотребления, а так, осторожность... Просто Большой Брат бдит и делает свои какие-то таинственные выводы, наблюдая за демократичными, либерально настроенными, не упускающими случая обругать «советский тоталитаризм» служащими корпораций.

За последние десятилетия повсюду, как грибы, повыврастали правозащитные организации. Казалось бы, какие проблемы: юридически закрепить за каждым индивидуумом право на личные данные (медицинские, финансовые, информацию о сделках). Утвердить, что они принадлежат на законных основаниях только индивидууму и только с его разрешения могут использоваться другими лицами. Но вопреки ожиданиям право человека на секретность личных данных отсутствует повсеместно: правозащитникам не до этих «мелочей», они заняты выявлением нарушителей в странах, которые ограничивают у себя деятельность ТНК!

А почему? Да потому, что практически все правозащитники получают финансирование от фондов, базирующихся там же, где и крупнейшие ТНК!

Главное «гнездо» защитников прав свободного человека — это даже не Европейский союз, а США — основная страна ТНК. Та самая страна, которая ради защиты прав человека и

предотвращения войн развязывает войны. Которая с 2005 года решила пускать к себе иностранцев, только если они имеют специальные идентификационные устройства, содержащие микрочипы с идентификационным кодом.

Американская компания Applied Digital (Палм-Бич, штат Флорида) ещё весной 2002 года получила возможность продавать идентификационные микрочипы (ID-чипы), вживляемые человеку и содержащие его идентификационный код. А код этот связан с базой данных, в которой находится информация любого рода, в том числе и медицинская, и финансовая; заодно чип может заменить наличные деньги или кредитную карточку. В этом случае забывают о «правах свободного человека», а говорят о праве государства вылавливать «подозрительные личности» в системах контроля доступа, обеспечивая тем самым «безопасность важных объектов». Короче, чтобы людишки из подлого сословия не шлялись где ни попадя, мозоля глаза хозяевам мира.

Чтобы определить человека по радужке глаза, теперь уже не надо заставлять его всовывать глаз в окуляр, как в голливудских фильмах; достаточно, чтобы он оказался на расстоянии 80 см лицом к считывателю. Дел на 3 секунды, а ошибки меньше миллионной доли. Систем дактилоскопирования вообще сколько угодно.

Парадоксально, но эти нововведения преподносятся публике как панацея от всех угроз: терроризма, неизлечимых болезней, преступности, нищеты и других язв современного мира. Хотя даже не надо особо сильно напрягаться, чтобы понять: электронный шпионаж за каждым человеком (а возможно ли в принципе, чтобы за каждым?) не устраняет причин явлений. Он просто позволяет не допускать в «общество избранных» террористов, неизлечимо больных, подозрительных и нищих. А вопрос: почему человек стал террористом или нищим? — выводится за скобки.

Уже многие производители, крупнейшие оптовые и розничные торговцы начали вшивать в свой товар электронные метки. Одежда и бельё, шины и бритвенные станки — всё, что угодно, может нести эти метки. Использовать их призывают

своих поставщиков и американская торговая компания Wal-Mart, и министерство обороны США.

Применение меток означает, что можно будет непрерывно отслеживать наличие товаров по видам, фасонам, цвету, размерам — вместо теперешней системы, когда все данные обновляются в какой-то определённый момент времени. Процесс учёта товаров станет более быстрым, достоверным и эффективным, чем система учёта с помощью штрих-кодов, поскольку отпадёт потребность в распаковывании и ручной проверке каждой единицы товара. Ну а если покупатель пришёл со вживлённым персональным ID-чипом, «компетентные органы» сразу узнают, кто, что, где и почём покупает. Очень удобно.

В 1990-х уже было известно, что информация о том, кто и что покупает, ценнее прибыли, поскольку обеспечивает будущую прибыль. Сбылось наконец. Скот и людей, банкноты и паспорта, пули и кредитные карточки, здания и машины снабжают радиомаячками. Со временем, когда все объекты будут соединены в единую сеть, понадобится источник питания для миниатюрных приборов контроля. Но и он уже есть! Японские компании NTT, Seiko Instruments и Seiko Epson совместно сконструировали систему с миниатюрным термогенератором, работающим от тепла человеческого тела, чтобы передавать данные на расстояние без проводов.

Даже злой сатиры Оруэлла не хватило бы, чтобы вообразить себе Большого Брата, который может контролировать жизнь любого человека поминутно. Сведения о каждой покупке, оплате сборов, телефонном звонке элементарно просто попадают в гигантские банки данных, из которых в случае необходимости их можно извлечь. Это наиболее ценные маркетинговые активы Информационной эпохи.

Казалось бы, такая практика вызовет неприятие людей. Но активный информационный террор со стороны СМИ и киноиндустрии, похоже, запугал людей основательно. В странах Запада спрос на вживляемые ID-чипы оказался неожиданно большим. Одни насмотрелись репортажей с разборки развалин, оставшихся после терактов, и полагают, что чип поможет

идентифицировать их, доведись им самим стать жертвой террора. Другие желают, чтобы при несчастном случае или криминальном нападении медики смогли быстро узнать их медицинские данные. Кто-то рассчитывает, что чипы снизят преступность...

Напуганный человек согласен на всё, даже на тотальный контроль.

Против вживления чипов протестуют антиглобалисты и верующие. С первыми всё ясно. А почему возмущены верующие? Оказывается, налицо поразительное сходство происходящего в наши дни с пророчеством Иоанна Богослова. Вот что писал он столетия назад в своём Апокалипсисе (Откровении) о «звере», предшественнике Антихриста:

«И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их. И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть».*

Погоней за деньгами, и ничем иным, инициирована секуляризация, быстрое «разбожествление» культуры. Светские власти посмели брать на себя «руководство» всем человечеством с универсальных позиций. Но насаждение в мире одной системы ценностей, попытка скроить мир под единый шаблон лишат его красоты и многообразия, породив хаос во всех сопряжённых с властью структурах. Можно предположить, что в тексте Иоанна Богослова именно такая ситуация называется приходом Антихриста. Озабоченность верующих понятна; но построение «новой цивилизации» — всемирного информационного сетевого общества, где нет места Богу, где упраздняется само понятие государства, где законы управления кибернетическими системами механически переносятся на систему социальную, а каждый «чипизированный» по единым международным стандартам человек становится обезличенным «узлом сети», — продолжается.

* Откровение Иоанна Богослова, 13: 16—18.

Не следует думать, что угроза построения сетевого уклада жизни — где-то там, далеко. В России тоже формируются основы неограниченной электронной власти над человеком и обществом. Многие ли слышали, что в сентябре 2004 года правительством РФ была утверждена «Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года»? Вот прямая из неё цитата:

«В результате реализации государственной политики ожидается формирование эффективной системы предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий (далее — «электронное правительство»). Использование информационных технологий в государственном управлении и развитие информационно-технологической инфраструктуры федеральных органов государственной власти осуществляются в соответствии с планом создания «электронного правительства».

Само собой, составители концепции уверяют, что их цель — «создание эффективной правовой основы для реализации прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования информационных технологий». Разумеется, они знают, что требуется ещё «регулирование отношений по поводу информации и информационных прав (таких, как право на доступ к информации и на ограничение такого доступа, на свободное распространение информации, на защиту от недостоверной и незапрошенной информации и т.д.) как отдельной области регулятивного воздействия». Пока что ничего они в этих отношениях не понимают. Но логика глобализма показывает, в каком направлении наши правители будут «регулировать отношения». Создание (вопреки Конституции РФ, кстати) электронного правительства потребует появления обезличенного электронного населения, превращения его в жёстко управляемое пронумерованное человеческое стадо. А что для этого нужно?

Цифровые индивидуальные идентификационные номера Уже присваиваются; электронные чипы придуманы и во многих странах уже «вшиваются» людям; информационные ресурсы строятся с использованием типовых элементов по единым

международным стандартам с использованием однотипных программных и аппаратных средств. Доступ, объём, содержание, автоматическую обработку и цели использования конфиденциальной информации в такой системе контролирует распорядитель информационными ресурсами, которому и будет принадлежать фактически вся власть над объектами управления.

Ещё лет пять—семь, и мы получим электронное голосование за электронное правительство электронным населением без права обжалования, потому что жаловаться будет некому. И что симптоматично, в упомянутой концепции (о создании в России электронного правительства) обойдён вопрос, кто будет разрабатывать программное обеспечение для него. Очень у нас большие сомнения, что предпочтение будет отдано отечественной разработке.

Да, и чтобы уж закончить с «правами человека». Все о них слышали, а многие так просто уверены, что с развитием компьютерной техники уж как минимум свобода слова нам всем гарантирована. Таким доверчивым сообщаем, что Закон о милиции, действующий в РФ, требует, чтобы милиция регистрировала средства цветного копирования. Она не **ИМЕЕТ ПРАВО**, а **ОБЯЗАНА** контролировать соблюдение правил учёта, хранения и использования приобретаемых физическими и юридическими лицами принтеров и ксероксов.

Люди старшего поколения помнят, как регистрировали радиоприёмники и пишущие машинки. Но этот пункт современного закона не пережиток сталинизма; закон появился в начале 1990-х, а упоминание в нём принтеров было внесено Думой в начале 1999 года. И инструкция имеется: вы в месячный срок должны оборудовать специальное помещение для хранения и использования своего цветного принтера, изолированное от других помещений и технически укреплённое от проникновения посторонних. Потом органы внутренних дел должны обследовать это помещение и определить, соответствует оно их требованиям (которых никто не знает) или нет. А теперь самое «приятное». После того как вы получите разрешение на использование цветного принтера, органы внутрен-

них дел вправе беспрепятственно входить в жилые и иные помещения граждан, на территорию и в помещения предприятий и смотреть, не злоупотребляете ли вы своей свободой. И не забудьте вести ежедневный учёт, что и когда вы печатаете на своей технике. Это — требование закона.

Конечно, никто этого не делает. Так мы о том и говорим: излишнее упорядочивание в чём-то одном порождает хаос в чём-то другом. *Пока* никто не пристаёт к покупателям принтеров с вопросами. *Пока* права человека сами по себе, закон о милиции сам по себе. Но однажды (когда это понадобится кому-то там) в одном месте произойдёт структуризация хаоса, а в другом — хаотизация структур и к вам придёт милиционер. Причём не электронный с мандатом от электронного правительства, а вполне реальный, в погонах и с кобурой, и ваша жизнь превратится в хаос. Правда, у вас появится время подумать, что такое на самом деле человек и в чём его права.

Из библейских текстов следует*, что призвание и назначение человека самые божественные; обладая душой, он имеет волю и свободу воли; может свободно успевать в добродетели и восходить от совершенства к совершенству. И согласно Корану Аллах человека сотворил, выровнял и соразмерил**. Классик социалистического реализма атеист М. Горький утверждал, что «Человек — это звучит гордо». Теперь атеистов и верующих всех конфессий убеждают, что, оказывается, выровненный и соразмеренный Господом человек — всего лишь счётная единица всемирного рынка, а его гордость и честь заключены в подчинении тотальному контролю.

Глобализация, несмотря на свои масштабы и мощь, всё чаще и чаще сталкивается с растущим неподчинением. Во всём мире есть группы людей из «лишних», которые желают сами решать свою судьбу. Эти очаги сопротивления совершенно разные по политической окраске, социальному составу, методам борьбы и формам организации, но всех участников объединяет чувство *человеческого достоинства*, униженное «новым

* Лев., XIX: 2; Сир., XV: 14-17; Быт., II: 16, 17, III: 2, 3, 6; Мф., XIX: 17, XXIII: 37; Втор., XXX: 19; Нав., XXIV: 15, 16, 24; Ис., I: 19, 20.

** Сура 82, аят 7.

мировым порядком». Многие из «лишних» людей потеряли надежду довести своё мнение до властей обычными способами и, не обладая трибуной, решаются на крайние шаги в виде террористических актов. Причём едва ли не большинство совершенно не связывают свои действия с геополитикой, руководствуясь личными проблемами или локальными интересами своего народа.

Мир структурирован вполне определённым образом. Человечество и культура его составных частей, народов, первичны; экономика, а тем паче финансы вторичны. При этом само человечество вторично по отношению к природе. Если в угоду интересам финансов ведётся разрушение культуры и ликвидация природы, в итоге не останется места самим финансам и тем, кто так ими озабочен.

«Культура является основополагающим элементом жизни каждого человека и каждого общества» — эта истина изобретена не нами. Лучшие умы человечества считали её аксиомой по крайней мере с XVIII века. Но только в 1982 году в декларации межправительственной конференции, проведённой в Мехико под эгидой ЮНЕСКО, она обрела статус политической формулы, долженствующей влиять на практическую деятельность государств. После долгих препирательств с великими державами сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1986 году узаконила эту формулу.

Идея приоритета культуры предложила альтернативу стратегиям развития, основанным исключительно на интересах экономики и на научно-технических критериях. Но Запад, под давлением транснациональных монополий руководствуясь негодными стратегиями, игнорировал особенности природной и культурной среды разных стран, исторически сформировавшиеся потребности, чаяния и духовные ценности народов, внося извне не соответствующие их культуре схемы глобализма. Кризис таких стратегий очевиден, но даже после официального признания этого факта в ООН ничего не изменилось: культуру продолжают давить.

Не последнюю роль в этом сыграла революция в сфере коммуникаций. Она создала мощнейшие технические сред-

ства, позволяющие изничтожить своеобразие культур просто массой посторонней информации. «Всемирное телевидение», «всемирное радио», Всемирная паутина — Интернет, наряду со всемирной рекламой и т.д., вплоть до «всемирного языка» в виде вульгарно упрощённого английского, стали всемирным явлением. Произошло то, что большинство аналитиков называют «американизацией культуры».

Однако повторим ещё раз: *Америку надо пожалеть!* Просто ТНК в основном западные, в подавляющем большинстве случаев американские. И граждане США, члены разнообразных этносов со своей, адаптировавшейся к условиям проживания на американском континенте, культурой первыми попали под каток глобализации. И первыми попробовали её плоды. Простите за каламбур, *попробовали* они эти плоды в буквальном смысле слова. Сначала из них вытряхнули деньги за новую «глобализованную» еду, а когда оказалось, что за свои деньги они купили ожирение и всякие нутряные болезни, из них стали вытряхивать деньги за методики похудения и оздоровления. Это, кстати, простейший пример: ведь культура питания тоже культура...

Сторонники глобализации, естественно, считают благотворным воздействие Запада на остальной мир, подверженный «застою и деспотизму». Но мы приводили уже обзор экспансии Запада. На протяжении как минимум последних трёх столетий она была вовсе не культурной, а экономической, подкреплённой военным кулаком. Сегодня добавилось новое, информационное оружие — и чем же оно «стреляет»? Рассказами о том, как хорошо, сытно и богато живут на Западе, ведать не ведая ни про индийскую, ни про русскую, ни про какую-либо иную культуру. Ценности спасения, милосердия, добродетели, истины, преданности преподносятся как ненужные и даже вредные с точки зрения финансового преуспевания! Телевидение подкрепляет рассказы красивыми картинками; ныне всего десяти транснациональным телекоммуникационным компаниям принадлежит 86 % мирового рынка телекоммуникаций.

Аборигены, конечно, этим сказкам верят: ведь каждый хочет жить хорошо, сытно и богато или чтобы хотя бы выглядело так. Местные правители облапошиванию собственных граж-

дан не препятствуют; они имеют с глобализма свой гешефт. Местные «делатели культуры» пристраиваются в хвост глобальным окультуривателям. Американский социолог Р. Стил объяснил это предельно откровенно:

«Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру — и они подрывают основы других обществ... В отличие от обычных завоевателей мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали».

А если бы через новые телекоммуникационные средства транслировали правду? Рассказали бы, например, как ради своих прибылей Ост-Индская компания Англии засыпала костями местных батраков Индию и Китай? Как ради захвата земли расстреливали американских индейцев? Как столетиями держали в экономической блокаде Россию? Как в XIX веке вывозили из Африки чёрных рабов? Если бы транслировали правду, может, современные аборигены пожалели бы свою культуру, обнаружив, что никогда, ни разу взаимодействие их культур с идеями наживы не вело к снижению различий в уровнях жизни, а всегда только наоборот. И теперь будет точно так.

...Сегодня модно отвергать всё, наработанное марксистской политэкономией. Но разве было неправдой утверждение о жестокостях эксплуатации, о неустроенности широких народных масс в ходе становления капитализма? Понятно, почему навязывается идеология, перевирающая историю, исключаяющая все свидетельства классовых противоречий, осмеивающая идеи и символы народного протеста, а вместо этого представляющая путь Запада как «магистральный путь» для всего мира. Понятно. Деньги стали выше правды...

Но почему с этим соглашаются люди?!

Диктатура безумия

Реализация сценария, по которому всевластными становятся наднациональные финансовые структуры (ТНК), идёт полным ходом. Максимальный успех будет достигнут с окон-

нательной деградацией всех прочих, кроме финансовых, структур: культурных и духовных, властных и производственных. Они для главенствующих сил этой эпохи лишние, поскольку оттягивают на себя весьма ограниченные природные ресурсы. Но основной элемент общественной эволюции — человек, и деградация происходит не где-то в горних высях, а в каждом из нас. Как говорил профессор Преображенский из романа М.А. Булгакова, разруха не в ватерклозетах, а в головах.

При этом присные психологи отлично знают, что действовать надо отнюдь не через человека. Человек что, человеку можно дать его «права» и «свободу совести», пусть себе тешится. Действовать надо через так называемое общественное бессознательное. Дело в том, что никакое общество не может иметь своего мнения. Оно *не может думать*, потому что у общества как такового нет мозга и языка. Думать и говорить — прерогатива только отдельного человека, индивидуума, имеющего мозг и язык. Психология толпы построена не на мышлении, а на эмоциях. Общественное мнение и общественное понимание происходящего — это всегда мнение и понимание некоторого очень маленького количества вполне конкретных личностей, которые и навязывают его всему обществу.

Поскольку толпа не имеет разума, воздействовать на неё логикой невозможно, а можно только примером, играя на форме подачи информации. Вот почему власть в России в ноябре 1917 года взяли большевики и эсеры, создавшие *свои* боевые дружины, а не умные кадеты*, проводившие время в спорах о «путях России». Вот почему мнение серьёзных учёных, вроде академика Н.М. Римашевской или покойного Н.Н. Моисеева, не влияет на общество (об их работах слышали единицы), а антиглобалисты, громящие в столицах Европы закусовые «Макдоналдс», выводят на улицы во время саммитов мировых лидеров тысячные толпы. Вот почему столь успешна новая псевдонаука PR, public relations, занятая как раз созданием общественного мнения. И в этой работе PR-фирмы применяют очень специфические методы.

* Партия конституционных демократов.

Они не сводят воедино мнение разных людей в разбивке по сословиям и возрастам, чтобы сформулировать некое общее мнение, а навязывают своё. На тех, кого намерены уничтожить, навешивают позорные ярлыки, а тех, кого хотят вознести, упоминают в эмоционально позитивных выражениях. Желая что-либо скрыть, используют не язык, понятный всем, а псевдонаучную речь с обилием иностранной терминологии. Они всегда держатся подальше от существа вопроса, сопровождая собственные утверждения невежественным мнением знаменитостей, не являющихся специалистами в данной области. Они никогда не утверждают прямую ложь, ограничиваясь околичностями. Они избегают моральных аспектов всегда и везде.

Сконструированные PR-мастерами виртуальные «новости» и «объекты» обладают лишь теми свойствами, которые на данный момент необходимы заправилам этой структуры и их хозяевам. Сначала создают классификацию (что хорошо, а что плохо), а потом манипулируют мнением людей, привязывая к любым событиям эмоционально окрашенные понятия и слова. Имея целью уверить публику в чём-либо — например, в полной безопасности генетически модифицированных продуктов, специалисты по созданию общественного мнения тщательно вымарывают нехорошие слова вроде: *биотехнологии, химический, синтетический, эксперименты, деньги* и т.д. Нет, их пресс-релизы переполнены добрыми словами: *натуральный, охрана здоровья, красота, разнообразие, земля, солнце, органический, цельный...*

В политике тоже есть «хорошие» слова: *демократия, права человека, свободный рынок*. Есть «плохие» слова: *тоталитаризм, терроризм, репрессии*. Между тем репрессия (от позднелатинского *repressio* — *подавление*) означает просто карательную меру, наказание, применяемое государственными органами, ничего «плохого» в нём нет. Казнь убийцы, санкции США против какой угодно страны, арест угонщика, конфискация имущества вора — всё это репрессии. То же можно сказать о любых «плохих» словах. Когда их специально и постоянно применяют только в негативном контексте, люди перестают замечать

нейтральность самих слов, а это, конечно, уродует информацию и деформирует понимание людьми сути сообщений. Для них упоминание любых репрессий говорит об ужасах и беззаконии (хотя это не так), а режим, названный тоталитарным, заведомо не может иметь ни одного светлого пятна (но и это не так).

Другой метод: одновременно преподносится большой набор фактов, но так, чтобы из него нельзя было построить связную картину. Поэтому рекомендуемые выводы имеют вид некоего прозрения: получить их из того, что сообщалось, логическим путём, как правило, невозможно. А значит, таким выводам можно только верить, не рассуждая. «Партия — наш рулевой». «Голосуй сердцем». «Путин — наш президент». «Войне с мировым терроризмом нет альтернативы».

Или берутся разноуровневые аргументы и представляются как равноценные. Вывод, который получается в результате, можно считать абсурдным, но только если понимать, в чём «фишка». К примеру, президент В.В. Путин предлагает отменить налог на наследство. Всё равно, дескать, богатеи прячут свои миллиардные счета в оффшорах и взять с них нечего, а нищий пенсионер из-за налога не может передать внукам жалкий дачный домишко. «Правильно! Правильно!» — радуется публика. А что правильно-то? Что ворам не мешают безнаказанно вывозить капиталы, отчего пенсионер и оказался нищим?..

Ещё один метод работы: для проталкивания нужного мнения сообщается только положительная информация, а отрицательная замалчивается. Во время подготовки и проведения военной акции против Ирака каких только гадостей не было сказано про Саддама Хусейна. А что, ничего хорошего при его власти в Ираке не было? Наверняка было. Но народам об этом никто не говорит!

Дж. Карвилл, один из американских специалистов по стратегии (он работал в команде Буша-старшего), прямо заявлял, что *«публика не может реагировать на то, чего она не знает. Вы не должны думать, что они знают нечто иное, если вы не сообщали им этого»**. Совершенно верно: публика знает только то,

* Цит. по книге Георгия Почепцова.

что ей сказали, и ничего другого. Интерпретация навязывается обществу, и дальше речь идёт исключительно о сказанном, а не о подлинных проблемах.

Все эти хитрые штучки применялись, наверное, всегда, но воздействовать с их помощью на огромные массы людей стало возможным только с появлением мощных средств коммуникации. То, что рекламируется и сообщается по ТВ или в газетах, мгновенно превращается в «общее мнение», но сообщённое — совсем не обязательно правда, а скорее наоборот. Но почему же люди *верят*?..

Здесь опять не обойтись без некоторых научных рассуждений о единстве законов эволюции.

Физикам известно, что элементарные частицы по «поведению» можно разбить на два типа, которые называются *фермионами* и *бозонами*. Основная разница между ними в том, что никакой фермион не терпит, чтобы рядом с ним находился другой фермион в том же состоянии. А вот бозоны «любят» сбиваться в большие компании себе подобных, достигая одинакового состояния. Единство материи обеспечивается столь противоположными устремлениями частиц!

Так вот, человек по своей сути фермион, а по поведению — бозон. Подумайте, как воздействует на человека мода, и вы быстро поймёте, о чём речь. С одной стороны, нет для homo sapiens большего оскорбления, чем услышать, что он точная копия такого-то. А с другой — он податлив общему мнению. «Бозоное» поведение можно наблюдать, например, на пешеходном переходе. Люди мнутя на тротуаре — машин нет, но ведь все стоят! Постою-ка и я... И вдруг какая-то старушонка шустро двинула через дорогу. Не потому, что у неё больше информации о дорожном движении и она что-то решила в результате рассуждений, а просто сослепу. И все дружно рванули за ней!.. Или на рынке. Стоит продавец, скучает: никто не подходит к его прилавку! Но вот какая-то дама подошла, стала придиричиво рассматривать товар. И тут же — давка, всем нужен именно этот прилавок...

Двойственный характер человека очень важен. Человек противится унификации, навязанной впрямую, и легко под-

даётся, если её навязывают косвенно, на уровне мыслей и эмоций, намекая, что «другие так делают и им уже хорошо». Бесплезно приказывать кому-то есть йогурт поутру; приказ его возмутит и отвлечёт от продукта. А радостные положительные эмоции, предлагаемые в красиво разыгранной рекламной сценке, его затронут, хотя игра — она и есть игра, правды в ней мало. Но ум тут не участвует.

Обратите внимание: уж сколько раз твердили миру, что ухищрения маркетологов *не имеют целью* удовлетворение потребностей людей, а используются для формирования их вкусов и предпочтений. Казалось бы, homo sapiens мог бы уже сообразить, что его дурачат!.. Но люди продолжают покупать на рекламу и покупать товары, в большинстве случаев совершенно им ненужные. Это происходит потому, что противники оболванивания — не специалисты по public relations, не имеют нужных навыков и возможностей для «выхода» на аудиторию. И проигрывают истинным мастерам. Уж те-то с лёгкостью убедят любого, что ему позарез нужна прикольная мелодия для мобильника (бозон слышит: у всех уже есть), подобранная лично для него (фермион понимает: ни у кого нет). Бозоново-фермионовый человек нутром чувствует, что жить ему дальше без мобильника с прикольной мелодией никак невозможно, и платит деньги. А вы — «разум, разум»...

Казалось бы, сколь разумны политики, горячо ратующие за общечеловеческие ценности. Это «хорошие» слова, и любой гражданин поддержит такого политика. Но если вдуматься, вдруг понимаешь, что общие у всех людей только животные инстинкты, а остальные *ценности* есть результат воспитания и воздействия культуры конкретных народов. Поэтому, если понять, *что именно* пытаются нам навязать как общечеловеческие ценности, становится страшно.

На протяжении тысячелетий человечество шло от животного состояния, от жизни по инстинктам к жизни по разуму. Составлялись и укреплялись этические нормы. И вот на самой вершине эволюции PR-компаний, используя новейшие информационные технологии, напрямую обращаются не к разуму, а к инстинктам. Людей опять вводят в жи-

вотное состояние. Практически в любой телевизионной рекламе замаскирована голая задница или половой акт. А для слова ещё оставшихся этических норм СМИ, эстрада и прочее «искусство» напрямую пропагандируют насилие и безумие как норму поведения.

Профессиональные психологи* отмечают, что с начала 1960-х началось массовое переформирование сознания людей. Без стеснения транслируются модели извращённого поведения. Если взглянуть на многих звёзд эстрады взглядом психиатра, если проанализировать сюжеты фильмов, романов и рекламы, обнаружишь весь спектр психических отклонений, известный науке.

Прежде всего людей явно приучают к тому, что различные половые извращения — это норма. А ведь на деле они (может, не все это знают?) идут по разряду психопатологии. Никакая новостная телепередача не пропустит возможности показать праздник извращенцев. О правах «меньшинств» трезвонят постоянно! Целые поколения вырастали, даже не зная, что «такое» бывает. Теперь людям с молодых ногтей предлагают альтернативу: численность «меньшинств» множится... Телепрограммы типа «За стеклом» или «Дом», кроме прочего, провоцируют такое психосексуальное расстройство, как вуайеризм (это когда получают специфическое удовольствие от подглядывания в чужую спальню через замочную скважину). В СМИ подогреваются монстрофилия (патологическая любовь к уродству) и педофилия (ещё недавно приходилось объяснять, что это такое; теперь все знают).

От художника всегда требовалось умение рисовать. Теперь это ни к чему. Кому нужны пейзажи, натюрморты, портреты, не говоря уж о батальных сценах? И вот художник Кулик посадил себя голого на цепь, изображая собаку; снискал рукоплескания цивилизованного мира, только ленивая газета не устроила ему паблисити... Писатель Сорокин прославился, описывая копрофагию (поедание экскрементов) и антропофагию (поедание людей). Его тоже оценили: в некоторых российских школах роман Сорокина, полный грязных ругательств, вклю-

* И. Медведева и Т. Шишова (Наш современник. 2004. № 2).

чили в список рекомендованной литературы для внеклассного чтения, а в Большом театре поставили спектакль.

Не хотелось бы брюзжать — у каждого свои вкусы, — но некоторые «стили музыки», при исполнении которых певец или певица задирают ноги, порывисто сбрасывают с себя одежду, скачут и дёргаются в конвульсиях, пропагандируют тяжелейшее неврологическое заболевание, пляску святого Витта или болезнь Паркинсона. Искусственное безумие индуцируется залу. Вскоре публика тоже дрыгается, свистит и визжит. Безумие заразительно! В следующий раз достаточно слова или звука, чтобы в памяти всплыла вся цепочка сигналов, приводящих к буйству.

Личность подростков, увлечённых подобным искусством, начинает искажаться. Они становятся повышенно раздражительными, агрессивными, не терпят замечаний... Но для детей и подростков подготовлены уже фильмы и компьютерные игры, «бродилки» и «стрелялки». Их герои (с которыми отождествляет себя ребёнок) только тем и занимаются, что проламывают стены, поджигают дома, взрывают города и убивают всех без разбору. Такой стиль поведения называется гебоидной шизофренией. Полное впечатление, что фильмы эти и игры делают сумасшедшие, про сумасшедших и для сумасшедших.

Когда реклама, литература и искусство сознательно меняют полюса добра и зла, возводя зло в ранг нормы и даже добродетели, дети (чего и следовало ожидать от фермиона-бозона) интуитивно желают подражать злу точно так же, как они хотят подражать чемпионам. Психиатрам всё чаще приходится встречать детей, которым нравятся отрицательные персонажи вроде Бармалея. Это ли не искажение представления о добре и зле?.. Правда, русские дети нынче мало знают про Бармалея или Кошея. Им герои западных фильмов-мультфильмов больше знакомы.

Дальше дорожка ведёт к сатанизму и детской преступности.

Когда американские первоклашки приходят в класс, то американские учителя первым делом объясняют им, что самые злейшие их враги — это их собственные родители. И тут

же вручают детишкам визитку «школьного адвоката»: если что, бегите, дети, в этот кабинет, и мы им покажем, этим вашим родителям. Сюжеты о том, как прищучивают проклятых родителей, всё в большем количестве попадают на экраны ТВ. В Волгоградской области первоклассник по наущению учителей засудил родную мать, которая заставляла его учить уроки и была за матерщину.

И в Америке, и в России детей приучают не верить взрослым: заташат в лифт и обязательно изнасилуют. Распадается связь между людьми... Разрушается нормальная психика.

Читая в иллюстрированном издании об эстрадной звезде, арестованной на дискотеке с порцией кокаина, или просматривая телесюжет о наследном британском принце, покуривающем марихуану, может ли понять подросток, что перед ним вполне определённые деструктивные модели поведения, внедряемые в его подсознание?

А чего стоит закадровый смех в «юмористических» сериалах? Смеяться там не над чем, но зрителя приучают, что глупости стесняться не надо. Просто и без затей воспитывают дебилов.

А вот телевизионная реклама. Здоровые мужики смачно облизывают губы, сладострастно вздыхают, пускают слюни и закатывают глаза, почти лишаясь чувств, когда пробуют мятную конфетку или картофельные чипсы. Такое утрированно-чувственное отношение к еде характерно для душевнобольных, классифицируемых как шизоидные инфантилы. Нормальный же взрослый человек, даже любящий поесть, не шалает от одной только мысли о «вкусненьком».

Иногда клинический диагноз поставить нелегко. Например, в телерекламе вся семья, собравшись за столом, ворует другу друга сосиски, и это подаётся как забавная игра. Кто эти игрушки: олигофрены или клеptomаны? Или тут может идти речь о комбинированном дефекте?

Вот знаменитая телепередача для младенцев до одного года «Телепузики». Показывают руку мальчика, держащую кусочек яблока, а голос за кадром говорит, что это виноград. Или: детские пальцы держат кисточку с красной краской, раскраши-

вая дымковскую игрушку. Голос ребёнка за кадром: «Это зелёная краска». Взрослому такие парадоксы могут показаться смешными, но очень хрупкая психика малыша разваливается, усвоение правильной информации блокируется.

В журналистике есть специальный термин: «нарезка». Это когда информацию о том о сём дают по чуть-чуть, и всё в одной куче. Злоупотребление таким приёмом приводит к расщеплению сознания.

На заре перестройки режиссёр А. Михалков-Кончаловский делился своими впечатлениями об американском зрителе: *«Внимание у тамошнего зрителя очень суженное, как будто он смотрит в подзорную трубу. И очень кратковременное — он его не в состоянии зафиксировать на чём-то одном дольше минуты. Поэтому в Штатах такие высокопрофессиональные фильмы: никаких длиннот и размышлений, только «эксшн» (действие)».*

Психиатры знают, что это — описание больных с так называемым полевым поведением и вниманием, выражаясь профессионально, «суженным по типу коридора». Даже у детей полевое поведение считается нормой лет до двух, максимум до трёх. А сегодня мы имеем таких взрослых в нашей стране. Отчего же люди «испортились»? Да вот такой высокопрофессиональной «нарезкой» их и испортили. А теперь повсеместное использование этого приёма сами журналисты объясняют тем, что люди разучились воспринимать мало-мальски серьёзные материалы...

«Нарезка» провоцирует немало патологий. Разорванность сознания: человек теряет способность выстроить простейшую логическую цепочку. Эмоциональное отупение: сначала дают информацию о катастрофе со многими жертвами, и тут же, без всякого перехода, идёт рассказ о каком-нибудь празднике. Причём ужасы присутствуют обязательно и по многу раз на дню, а когда человека ежедневно оглушают таким количеством «чернухи», у него возникает амнезия, он вообще перестаёт воспринимать смысл. «Контуженные» эмоциональным взрывом телезрители с трудом вспоминают, что видели вчера. А уж о

политических событиях, за которыми они так напряжённо следили год назад, вообще не могут вспомнить.

В рекламе кинофильма некто с чулком на голове стреляет из большого пистолета в каких-то гражданских; трупы, кровь, мужественный голос за кадром: «Он сражается за жизнь, за правду». В передаче новостей президент США с фразой: «Мы начинаем войну, чтобы сделать мир безопасней». Сегодня, после многолетнего оболванивания, ни эта реклама, ни эти новости никого не удивляют. Хотя **АБСОЛЮТНАЯ НЕНОРМАЛЬНОСТЬ** убийств «за жизнь» и начала войн «ради безопасности» должна быть очевидной.

Мы многократно говорили, сколь важен вопрос информации. Структура информации, допускающая сбои, ведёт любую динамическую систему напрямиком в небытие. А что сделали люди, дожившие до так называемого информационного общества? Организовали структуру дезинформации. Человеческим трудом созданы сложные технологии, с помощью которых замораживают человеку голову, оглуляют его, сводят с ума. Это сегодняшняя реальность!

Профессор С.П. Капица на заседании Президиума РАН 27 мая 2003 года сказал: *«Здесь говорилось о средствах массовой информации. Думаю, что если когда-нибудь будет суд над нашей эпохой, то СМИ будут отнесены к преступным организациям, ибо то, что они делают с общественным сознанием и в нашей стране, и во многих других странах, иначе квалифицировать нельзя».*

Человеку «скармливают» мозаичную информацию, из которой не получается никакой целостности. А для чего? *Чтобы его было легче обманывать.* Да, всего-навсего. Так всё просто. Глупый, эмоционально тупой, аморальный, сексуально озабоченный человек, потерявший связь с прошлым своего народа и вообще «выпавший» из контекста народной культуры, верящий в светлое будущее, права человека и демократию да ещё снабжённый электронным чипом, легко встраивается в сетевую структуру власти и торговли. Он никому не нужен как человек, нужен лишь как исполнитель и потребитель. Его специально дезориентируют, показывают чёрное как белое, а бе-

лое как чёрное, и он теряет моральные, нравственные, научные, политические ориентиры.

Многие явления современной жизни, кажущиеся абсурдными, обретают логику, если посмотреть на них под правильным углом. Мировая экспансия ТНК требует не только отмены национальных границ и единого экономического и информационного пространства, но и отрыва людей от культуры, морали, традиционных норм поведения, чтобы не задавал заточенный под болт человек лишних вопросов. Чтобы не мог проверить, схватить за руку. «Смотри, — говорят ему, — как всё замечательно! Всё растёт: и ВВП, и курс доллара, и борьба с бедностью», — а картинку показывают мозаичную, и уловить невозможно, что у них там на деле растёт, а что нет. Цена то ли барреля, то ли тонны; курс доллара и евро относительно друг друга и рубля; инфляция и средняя зарплата... Хрен поймёшь, в какую сторону что движется и что нам от этого будет в конце пути.

СМИ никогда не опускаются до хоть сколько-нибудь серьёзного анализа событий. Они освещаются только в самой ничтожной части, так, что «новости» скорее не информируют, а скрывают то, что в действительности случилось. Даже человек, оставшийся человеком, затрудняется с расшифровкой происходящего. *Пока до нас дойдут истинные значения событий, время давно уже ушло, а соответственно ушла и возможность адекватно действовать.*

Поверхностные аналитики говорят: «Запад навязывает». Но в странах Западной Европы многие воспринимают идущие у них такие же процессы как нечто чужеродное. И в Америке далеко не все в восторге от новых веяний... Так что это не «Запад навязывает», а реализация сценария «эпоха ТНК». Когда все описанные выше тенденции разовьются до конца и всевластие финансовой элиты станет полным; когда ресурсы закончатся, а человеческое стадо окажется не в состоянии заботиться о себе; когда сбудутся планы строителей этого «нового мира», народы и страны Запада пострадают сильнее прочих.

Деградация государства

Мы видели, что в начавшейся уже эпохе ТНК разрушаются экономика сообществ, культура, нравственность, психическое здоровье людей, а усиливается только финансовая структура мира и сопряжённые с ней: СМИ (в части, обслуживающей интересы ТНК), «развлекалово» (заменяющее собой культуру и нравственность) и те отрасли экономики, которые приносят максимально быструю прибыль или обеспечивают военные приоритеты.

А государства? Что происходит с ними?

Если судить по постоянно ведущимся разговорам об опасностях однополярного мира и о желательности многополярного мира, по встречам президентов и премьер-министров, по наличию границ и таможен — с государствами всё в порядке. Эта властная структура существует, она иерархически выстроена, сама решает международные проблемы, и вроде бы над ней нет никакой структуры ТНК. И если это так, то вся наша теория никуда не годится, потому что на государстве замыкаются все внутренние структуры, и раз они деградируют, то должно деградировать и само государство.

Однако, как только мы перестанем судить по разговорам и формальным признакам, так сразу и увидим, что институт государства повсеместно, за исключением двух-трёх стран, портится, и этот процесс не обошёл даже центр «однополюсного мира», то есть США.

Возьмём простейший пример последнего времени. Американская (якобы) компания IBM сокращает персонал в США и Европе. Ничего необычного; мы говорили уже, что стремление к прибыли вынуждает компании сокращать расходы, а траты на зарплату персонала рассматриваются как одна из статей расходов. Но в данном случае важно не это, а то, что в Европе корпорации пришлось вступить в переговоры об условиях увольнений с местными рабочими советами. А в Америке служащих вызывали, давали выходное пособие в зубы, и пошёл вон. Вот вам и американская компания. На американцев-то ей как раз наплевать! Она, как ТНК, выше «своего» государства.

В XX веке западные государства были в основном социальными. Власть синхронизировала интерес всех общественных структур, и даже финансово-экономическая, при всей своей жажде прибыли, была согласна на социализацию. Не только потому, что, как считают социологи, буржуазия боялась коммунистической революции. Для согласия на удовлетворение потребностей народа были и прагматические соображения: чтобы получать как можно больше дохода, предпринимателю нужно как можно больше продать, а для этого требуется достаточное количество покупателей. Значит, надо дать гражданам соответствующий доход. Вот и стимул к повышению зарплаты.

Далее, надо было обеспечивать воспроизводство рабочей силы определённого качества для работы на всё усложняющихся производствах. Это повод к становлению системы бесплатного высшего и специального образования. Сегодня она в полной мере сохранилась только в Германии, а со второй половины XX века существовала по всей Европе. Имелась и система обеспечения равного доступа к здравоохранению в страховой и бюджетной формах.

А глобальному рынку не нужно много людей! В результате автоматизации количество занятых рутинными операциями сократилось на два порядка. Новым постиндустриальным бизнесам вообще хватает нескольких подмастеров и менеджеров, а с усложнением техники, как ни странно, снизились требования к образованности операторов. Всё меньше рабочих мест создают и «старые» индустриальные отрасли; самое трудоёмкое выведено в страны с дешёвой рабочей силой, а для оставшихся мест хватит работников с низкой квалификацией. Значит, из стоимости оплаты труда надо кое-что исключить, затраты на образование, например. Ну, для экономии расходов и повышения прибыли. И вот «карточный домик» социального государства начинает рушиться, ведь это дело такое: выдерни одну карту, и пошло-поехало...

Для ТНК, забирающих на себя всё большую часть мирового производства и распределения благ, такого стимула, как патриотизм, не существует. Их единственная задача — мани-

пулируя капиталами и массами товаров, получать максимально возможную прибыль, выживая как можно дольше. Обеспечение справедливого распределения ресурсов в мире или «стране пребывания», забота о благоденствии сообществ и целых народов — вне задач ТНК. Это задачи государства, но транснациональные корпорации не входят в число общественных структур, интересы и деятельность которых синхронизирует государство. Более того, если национальная власть, выступая на страже интересов своего народа, прищемит интерес ТНК, эту власть мигом раздавят. Или подкупят «национальных лидеров».

И вот вам реальность: с конца XX века государства действуют так, будто они отделы соцобеспечения или, скажем, профсоюзы при ТНК. Отныне национальное законодательство большинства стран диктуется транснациональными корпорациями. То есть одна из бывших внутренних структур, финансово-экономическая, воспарив в небеса, определяет деятельность государства, которое и возникло, и существовало во всём обозримом прошлом как интегрирующий институт, обеспечивавший баланс интересов всех прочих структур. Хвост-переросток начал вилять собакой.

Осторожный частичный демонтаж системы социального обеспечения в США и Англии начался ещё в 1980-е годы («рейганомика»), а радикальный вариант демонтажа этой системы мы видим сегодня в России, и, похоже, её опыт считается удачным, вновь возобновляется в США и постепенно распространяется на Европу. Правильно, ТНК совсем не желают заботиться о всемирном нищенстве.

А зачем им терпеть всеобщее бесплатное образование? Долой его! Образование, как в доиндустриальный период, становится личным делом каждого и превращается в средство для наживы. В США оно уже полностью коммерческое, в Европе, включая Россию, тоже готовятся покончить с государственной системой образования и ввести коммерческую. Скоро системы условно-бесплатного образования и повышения квалификации останутся лишь при нескольких заинтересованных корпорациях.

И на пенсионеров тратиться жалко. Долой! Соцобеспечение в старости планируется свести к покрытию расходов на текущее потребление — еду и скромное жильё, но не на prolongation жизни. В России это уже сделано, в США реформа идёт полным ходом, в Германии к ней лишь приступают, хоть и с большим скандалом со стороны немцев, вопреки намерениям ТНК желающих пожить подольше.

Реформа здравоохранения наиболее последовательно проводится в США, где 25 % населения, по сути, уже лишено доступа к нему, а в Европе она тормозится стараниями хорошо организованной врачебной когорты и сопротивлением гражданского общества. Перспективы реформы здесь пока неясны, но мы, зная направление процесса, можем предсказать, что кончится всё печально для людей. Надо же учитывать, что для фармакологических корпораций чем больше больных людей, тем лучше. Кстати, Россия явно хочет отличиться, проведя реформу здравоохранения ударными темпами. Правильно говорил поэт Чаадаев: Россия всегда показывает миру какой-то пример. На протяжении почти всего XX века показывала пример, как надо наиболее радикально заботиться о большинстве. Теперь — как надо наиболее радикально *не* заботиться о большинстве.

По стандартному определению, государство есть политическая организация общества. Обратите внимание: ОБЩЕСТВА, а не финансов, не экономики, не ТНК. В интересы общества не входят снижение жизненного уровня и распространение невежества. Рост безработицы тоже обществу не нужен, как и сокращение продолжительности жизни людей, и ускоренное вымирание стариков. Вот почему, обнаружив, что в ведущих странах власть проводит реформы, объективно ухудшающие уровень жизни людей, мы вправе говорить о деградации государства.

Если оно начинает «синхронизировать» всё многообразие общественных интересов под интересы наднациональных Фирм, занятых исключительно наращиванием денежной массы, то само превращается в политическую организацию крупного международного капитала. При всех реверансах в сторону «народа», при сохранении всех формальных признаков «ста-

рой» власти она уже новая. Политические партии превращаются в корпоративные партии, а политические лидеры, получающие мзду от внешних по отношению к их стране сил, — в сотрудников ТНК на зарплате. Ложь разъедает культуру и нравственность, искусство и быт, экономику и политику. Стены всё ещё украшают затёртые лозунги Французской революции, но за красивым фасадом происходят совершенно иные дела. Под фальшивым знаменем демократии мир в полный шаг марширует к фашизму.

Не правда ли, в таком освещении совсем иными красками заиграло всё, о чём мы писали в предыдущих главах книги? О значении процентных денег и вымирании природы; структуризации хаотичного денежного оборота и деградации традиционных структур; перенаселённости мира и стремительном расслоении на бедных, не имеющих никаких средств, и сверхбогатых, имеющих деньги в сумасшедшем переизбытке... Об идеологии... О жи про разделение труда, грядущее процветание и «экономику знаний»...

По каналам международной торговли расходуется порядка 20 % мирового ВВП. Остальная часть крутится на внутренних рынках. Но в среднем больше половины населения не участвует даже в них. Нам с вами за примерами не надо далеко ходить; возьмём Россию. Она имеет небольшой сектор экспортной экономики: энергоносители, металлы, химикаты и лес. Вот, пожалуй, и всё. Другие «развивающиеся страны» поставляют бананы, рудный концентрат, нефть или гуано. Ещё, возможно, какой-нибудь промышленный гигант поставит от щедрот своих жалкий «отвёрточный» заводик или вынесет подальше от «цивилизации» грязное производство. На вырученную валюту страна чего-то там купит на мировом рынке. Из этого «чего-то» большую часть сожрёт местная элита и её обслуга, желающие потреблять, «как белые люди». Вот и всё международное разделение труда!

Те же, кто не вписался ни в один из рынков, предоставлены сами себе, живут за счёт натурального хозяйства или, оказавшись бездомными, кусочничают у вокзалов. Сколько таких в России? Говорят, 10 %, а может, и больше, и к ним с каждым

годом присоединяются новые толпы из тех, кто не лег в могилу до срока.

А почитаем статью 7 Конституции РФ:

«1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Как, соответствует?... Для кого-то да, для кого-то нет. Формальные признаки соблюдаются, но древо жизни быстро загнивает.

Россия — жутко богатая сырьём и народом страна. Но для той экономики, которую ей позволили иметь, не надо много народа. Его следует сократить не менее чем в три раза, а лучше, если раз в пять. Так, чтобы как раз хватило для обслуживания «трубы». Правда, по мере исчерпания запасов сырья в месторождениях и эти будут становиться лишними, и если они не найдут возможности кормиться диким образом, то вымрут, зато у оставшихся «при деле» будет постоянно возрастать уровень потребления благ. Последний получит всё.

Поэтому всякий раз, когда наша власть объявляет о намерении позаботиться о социальной сфере или, там, побороться с бедностью, знайте: она прямо на ваших глазах отменит остатки социальных льгот или предпримет иные меры для уменьшения числа живущих. Ведь и дураку понятно, что если в стране, скажем, 10 % абсолютно нищих и половину из них каким-нибудь «легальным» способом незаметно умертвить, то можно рапортовать об успехе реформ и уменьшении количества нищих вдвое! И это будет *как бы правда*; народ обрадуется, а до чего будет доволен президент!

Сходные процессы идут везде, но с разной скоростью и с влиянием разных дополнительных факторов. Она ведь нели-

нейная, наша эволюция: когда, где и что грохнется, а где устоит подольше, сказать трудно. В странах побогаче (вроде Германии) или в тех, где государство продолжает поддерживать общественные традиции (как в Китае или Белоруссии), — развал будет идти помедленнее. Но всё равно лавина стронулась. Практически во всех странах безработица приобретает неизбежный, а то и необратимый характер. Скоро лишь 10—15 % человечества будут заняты в сфере производства как собственники бизнеса, наёмные работники или партнёры. Остальные пойдут в сферу услуг, но на всех мест не хватит. В Германии в последние годы, чтобы дать людям обеспечение и видимость занятости и общественной полезности, резко раздували государственный аппарат, а особенно аппарат социальных служб, но такой ресурс борьбы с безработицей тоже уже исчерпал себя...

Неравновесность всей системы, многофакторность её эволюции приводят иногда к поразительным парадоксам. Вывод промышленности в бедные страны повысил безработицу в странах богатых; но на Востоке, куда «уехали» заводы, селяне ломанулись в города, чтобы ухватить свои доллары на этих заводах — и там тоже выросла безработица! В бедных странах началось повышение среднего уровня образованности; одновременно снизилась потребность в шибко грамотных в странах богатых. На Западе приняли суровые законы против иммигрантов с Востока, и тут оказалось, что из-за старения населения на Западе критически не хватает рабочих рук! И это наряду с растущей безработицей. Парадокс!

В 1950 году граждане старше 65 лет в Европе составляли лишь 8,2% от всего населения, в 1970 году — 10,5 %, в 2001-м — уже 16,2 %, и, по прогнозам, к 2025 году пенсионеров в Европе будет 21 %, а к 2050-му — больше четверти населения. Соответственно растут затраты на выплату пенсий. По оценкам экспертов Еврокомиссии (вдумайтесь!), чтобы поддерживать баланс на сокращающемся рынке труда Европы, в страны Евросоюза ежегодно необходимо ввозить 1,5—3 млн. иностранных рабочих. Прогноз ООН ещё радикальнее: речь идёт о 4,5—6 млн. мигрантов в год. Но уже сейчас, по данным Центра европей-

ских исследований Оксфордского университета, в Европе официально проживает 18,4 млн. мигрантов (около 5 % населения), а с учётом нелегалов и натурализовавшихся иностранцев — по меньшей мере 25—29 млн. человек. При ежегодном ввозе 6 млн. коренные народы Европы за одно поколение превратятся в этнические меньшинства.

Некоторые аналитики пишут: *«Эмигранты выгодны развитым странам тем, что на них не распространяется большинство социальных услуг, и в том числе выплата пенсий»*. Как вам нравится такой анализ?.. А у нас возникает резонный вопрос: кому это выгодно? Культуре французов, немцев, итальянцев, англичан? Структурам образования, здравоохранения, науки? Или, может, краеведам и поэтам? Или государству — «политической организации общества»?

Замещение коренных народов пришлыми ради экономии денег и высокой прибыли выгодно только финансово-экономической структуре, да и то не всей, а её глобализованной части, транснациональным корпорациям. А мы и так уже пришли к выводу, что окончательный переход к эпохе ТНК страшнее всего ударит по народам Запада.

Фразу, что *«эмигранты выгодны развитым странам»*, следует понимать только так, что истребление «своих» людей для возможности повышенной эксплуатации «чужих» на той же территории выгодно тем представителям правящей элиты, которые напрямую работают в интересах ТНК, наплевав на будущее демоса, избравшего их во власть. Ну не может вмняемый человек планировать, как бы ему получить *выгоду*, сэкономив на жизни своих родителей.

По всему миру создалась над государстве иная система, при которой «национальные» правители выступают в роли агентов внешнего управления, и это если не первые лица, то уж кто-то из ближайших советников непременно. Похвалы в тех сферах, в которые не проникает взгляд «простого человека», удовлетворяют их тщеславию; политическая поддержка гарантирует стабильность их власти; миллиарды долларов, которые они «накапливают» в течение своего правления, делают их управляемыми. Требуют от них, чтобы «их» людишки меньше

задавались вопросами мироустройства? Сделают так, чтобы людишки глупели. Попросят снизить затраты на социалку? Снижат затраты, нет проблем. Указывают, что хорошо бы «уронить» и численность? Создадут условия для межнациональных конфликтов и войн.

Не надо думать, что так только в странах третьего мира. Нет, где угодно: и в США, и в России. Пример действия национальной элиты против своей страны даёт опыт Японии конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда в мире было два «финансовых пузыря», в Японии и США. Один из них надо было «прокалывать», и именно японская элита приняла решения, приведшие к «проколу» японского, а не американского «пузыря», от чего японская экономика, до этого самая динамичная в мире, так и не смогла оправиться. Причина столь нетривиального выбора японской элиты — в глубине проникновения японских капиталов в американскую экономику. Освоив американский рынок, японские ТНК справедливо считали ключевым фактором своего успеха процветание не Японии, а США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту, доллар.

Другой пример действий национальной элиты против интересов своих стран явила нам война США и их европейских союзников по НАТО против Югославии. Её стратегическая цель, как и всей американской политики на Балканах с 1990 года, заключалась в подрыве экономики ЕС — стратегического конкурента США — путём превращения некогда процветающей Югославии в незаживающую рану на теле Европы. Конкретной целью войны 1999 года был подрыв евро, который в то время рассматривался как серьёзный потенциальный конкурент доллару. И европейские политики высшего уровня, несмотря на протесты не только общественности, но и среднего звена их собственных политических структур, полностью поддержали США!

А евро на несколько лет ушёл в штопор.

Наша российская элита ничуть не отстаёт. У нас 19 июля 2001 года в присутствии председателя правительства (тогда это был М. Касьянов, известный в народе как «Миша-два-процен-

та») и председателя Госдумы (Г. Селезнёв) министр по делам федерации, национальной и миграционной политике Блохин провозгласил вступление России на путь замещающей миграции. Зачем? «Чтобы Россия ежегодно принимала до миллиона мигрантов», пополняя «трудовые ресурсы... за счёт стран СНГ, стран Азии и Латинской Америки».

В апреле 2005 года и президент В. Путин заявил: «Мы заинтересованы в притоке квалифицированных легальных трудовых ресурсов... В конечном итоге каждый легальный иммигрант должен получить возможность стать гражданином России».

Сотни тысяч россиян, как правило, самых образованных, сбежали от ужасов либеральных реформ за границу. Миллионы умерли преждевременно. На поддержание жизни оставшихся, на повышение качества жизни, на нормальную зарплату и помощь молодым семьям, на обеспечение людей медицинскими услугами у правительства *нет денег*. Зато деньги есть, чтобы привезти сюда и обустроить китайцев, таджиков и нигерийцев.

В Угличе, помнится, селили узбеков, причём они требовали предоставления не абы каких, а только каменных домов. А 75 % угличан до сих пор живут в деревянных; чтобы построить коренным жителям каменные дома и создать нормальные условия для деторождения и воспитания детей, денег нет. И понятное дело, в нашей маленькой стране больше некуда селить среднеазиатских мусульман, кроме как в Угличе. А в Татарию, наверное, повезут вьетнамцев. Или папуасов.

Кстати, русских, переселяющихся из Казахстана и других частей бывшего Союза ССР, при получении здесь работы и заработка, жилья, при оформлении документов прессуют все, кому не лень.

Вот политика, которую проводит РОССИЙСКОЕ правительство. Чего же оно добивается? Восполнения численности населения? Нет, оно за все годы реформ явно делало всё, чтобы коренное население сокращалось. Эти действия наталкивают на мысль, что так создают условия для межнациональных войн и окончательного решения «проблемы». Правительство России работает против своего народа.

«Эпоха ТНК», СССР и Россия

Глобализация «под ТНК» — это, в стандартной ленинской терминологии, всего лишь последняя стадия «высшей стадии капитализма», то есть империализм хай-тек накануне издыхания. Без чёткого понимания, что это именно так, не понять и судьбы России. Можно сколько угодно рыдать о потере культуры или гневно обличать чудовищную коррупцию; возмущаться беспринципностью и жадностью олигархов; винить Запад; стонать, что народ, сволочь, опять безмолвствует. Сделать ничего нельзя. Пример некоторых других стран показывает: если власть попытается не на словах, а всерьёз проводить политику независимости, то получит она или «мягкую цветную революцию» (бархатную, оранжевую и т.п.), или бомбёжки и ввод войск.

Да и кому проводить «политику независимости»? Правительство России, как уже ясно многим, работает не на Россию. Толпа — то есть, простите, народ — мозга не имеет, а отдельные граждане, бухтящие на кухнях о том, что, блин, давно никого не вешали на Красной площади, ничего сделать не могут в принципе, даже о себе позаботиться. Представители российской элиты из тех, кто ближе к начальству и в курсе «генеральной линии» эпохи, думают не о стране, а только о себе и готовы на любые преступления, чтобы создать себе и своей семье достаточный «пенсионный фондик» в каком-нибудь несуществующем оазисе стабильности.

Умнейшие люди — как, например, академик Д.С. Львов — указывают, что по величине национального богатства Россия держит абсолютно первое место в мире. И это не только природные ресурсы, но и средства производства, и человеческий материал — рабочая и интеллектуальная сила. Даже если брать только природные ресурсы, то их в России, в расчёте на душу населения, в десять раз больше, чем в США, и в двадцать пять — чем в Западной Европе. После чего те же люди сетуют, что по зарплатам мы плетёмся в позорном хвосте, работая больше других, — средний американец на доллар зарплаты выдаёт продукции на 1,7 доллара, а средний россиянин — на 4,6 долла-

ра — и задают сакраментальный вопрос: «Почему же мы такие бедные?»

Да потому и такие бедные, что кто же позволит эдакие природные богатства тратить на «какой-то там» народ?!

Говорят (и правильно говорят), что несоответствие между возможностями страны и эффективностью экономики сложилось не сегодня. Что оно было характерно и для советского периода, когда мы проиграли экономическое соревнование с ведущими странами Запада. Но на Западе ещё в 1960-х годах задумались, а в 1970-х и у нас сообразили, что происходит структурный кризис. О социальных проблемах говорили и раньше, выискивая какие-то причины, и вдруг оказалось, что есть проблемы, не зависящие ни от социального строя, ни от чего другого понятного. Они не классовые и вообще не социальные, они просто даны и захватывают всех. Демография — одна из таких проблем.

И они стали глобальными.

На Западе специалисты всяческих наук выдвинули всяческие теории; там были разные подходы; у нас нет возможности их все рассматривать, да и незачем, по правде говоря.

Кстати, почему при Советской власти критиковали западные теории постиндустриального общества? Ведь они строились на том, что капитализм исчерпывает себя и должно прийти что-то новое. Казалось бы, марксистско-ленинской теории это не противоречит; она тоже для капитализма места в будущем не видела. Там ведь расписание было простое: социализм, за ним коммунизм, и всем привет. Правда, Маркс и никакого постиндустриального общества не предусматривал. Но когда наши идеологи захотели перетянуть к себе классиков постиндустриальности, то ничего не вышло: они все оказались жуткими ненавистниками марксизма. Тогда у нас и стали прессовать их упаднические теории.

А в них говорилось, что вообще-то способ производства, который сложился за предшествующие годы, сам собой приводит к глобальному структурному кризису. Мы не знаем, насколько и что понимали эти теоретики, а в наших терминах это планетарный фазовый переход. И раз он начинается, то никуда

не денешься. Его ни уговорить нельзя, ни остановить, ни вообще хоть что-то с ним делать, кроме как изучать. А свойство фазового перехода — пока он не завершился катастрофой — в хаотизации структур. И если какая-то из них желает подольше сохраниться, ей приходится ускорять хаотизацию, то есть деградиацию, других структур. Как, например, вор, пробравшийся на «Титаник», воспользовавшись суматохой из-за того айсберга, крадёт кошелек у честного пассажира и радостно бежит в ресторан, а пассажир впадает в уныние; у него на ресторан уже нет денег. Именно это и происходит во всей красе по всей планете, а что и как — мы расписали в подробностях в предыдущих главах, а также в книге «Третий путь цивилизации»*.

Понятно, что если фазовый переход на Земле начался, в сферу перемен попали не только народы Запада, но и мы. Все провалы Советского Союза, и прочие политические приключения, и войны чередой, и «мировой терроризм» идут в одном и том же направлении, в общем русле кризиса. Изменить ничего нельзя; всё, что остаётся, — это поискать выход из ситуации для тех, кто, если повезёт, уцелеет после окончательной раздачи карт. Выход этот — такой, каким его видим мы, — описан в последней части книги, и это единственный выход, никакого другого может и не оказаться, к сожалению...

Итак, пока советское обществоведение побивало западные теории постиндустриальности западной же теорией прибавочной стоимости, мировой кризис шёл сам собой, без научного пригляда. Большинство наших обществоведов о западном обществе имели довольно своеобразные представления; они судили о нём в основном по полкам супермаркетов. А кстати, Россию они знали ещё хуже. Даже Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов однажды проговорился: «Мы не знаем общества, в котором живём». Короче, метод исторического материализма не позволял не только объяснить, но даже и верно описать характер мировых перемен, что стало одной из причин беспомощности Советского государства накануне его краха.

Марксистские критики теорий постиндустриальности ска-
зали: мы эту постиндустриальность не признаём, у нас и без

* М: ЭКСМО: Алгоритм, 2002.

неё всё ясно. Просто старое индустриальное общество разбилось на два: новое информационное общество и глобализм, при котором индустрию двигают на Восток. И дальше пошли сплошные словесные спекуляции. То ли информационное общество — это хорошо, а глобализм — плохо. То ли наоборот. Со сменой в России идеологии вообще началось сплошное жульничество: своих идеологов либерализма никто не готовил, и потому их ряды стали быстро пополнять двоечники из числа идеологов коммунизма или наскоро обученные выпускники западных институтов. И у нас появились страшные научные жулики, делеги от политэкономии, чьи имена мы здесь даже упоминать не хотим, которые затеяли борьбу за место у кормушки. Чья теория красивее и обещает больше «светлого будущего», тот теоретик становился советником президента или премьер-министра. Когда становилось хуже, теоретика меняли.

А ведь всё это — постиндустриальное общество, информационное общество и глобализм — разные названия одного и того же процесса, это синонимы. Но в теории до сих пор однозначного понимания нет; жульничество продолжается. Российские исследователи берут в качестве эталонов модные на Западе концепции и строят свои теории, а точнее, пересказывают вычитанное. Они не задаются вопросами, насколько их стряпня соответствует условиям России, и не отслеживают, подтверждаются ли эти теории практикой «там». Атак как они все читают одинаковые книжки, то дружно друг другу поддакивают, а у несведущих граждан создаётся впечатление, что раз все «такие умные люди» говорят одно и то же, то в этом действительно что-то есть.

Такая «наука» имеет и вполне меркантильную подложку. Перепевая западные образцы, можно рассчитывать на zahraniчные гранты, получать приглашения читать лекции там же, а за лекции платят неплохие деньги. Но всеобщая унификация взглядов препятствует развитию знания, особенно у тех, кто его копирует. Без сравнения разных случаев становится невозможным получение сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Известная истина: «Всё познается в сравнении»,

а если сравнивать нечего, то познавательная деятельность прекращается и начинаются пустые споры.

Ныне либералы разных школ спорят о том, как бы нам поскорее стать частью богатого западного мира. Ждут ли нас там? И нужен ли нам тот Запад? И что с ним самим будет в ближайшие годы? Об этом у них и разговора нет. А мы зададимся этими непростыми вопросами.

Ждут ли нас?.. История с Косово, Ираком, выборы в Югославии, Украине, отношение к албанскому меньшинству в Македонии и русскому меньшинству в Прибалтике и масса других примеров показывают, что западная система ценностей — и система демократии, и институт прав человека — в состоянии хаоса. Вся их «двойная бухгалтерия» порождена реальными конфликтами интересов, и в каждом случае «правда» оказывается за теми, кто сильнее. К сожалению, Россия слаба, поэтому её интересы не учитываются. Мы можем сколь угодно активно махать руками, «подавая сигналы», что мы уже белые и пушистые и даже уважаем права человека, — всё без толку. Запад богат, поскольку долгое время жил, обирая богатые территории с бедным населением; их эксплуатировали в свою пользу. А теперь если Россия со своей богатой территорией войдёт к ним *на равных*, то за счёт чего они будут дальше-то жить? За счёт стран, *бедных* сырьевыми ресурсами? Не для этого рушили в России Советскую власть...

Либералы у нас двух сортов: «государственники» и «западники». Первые сегодня у власти; именно они мечтают о вхождении России в клуб богатых стран «на равных». Вторые защищают идею бессубъектного её вхождения в мир ТНК, как территории и ресурсов, и не более того. Эти уже включены в глобальное целое и знают там своё место. В частности, как хозяева сырья и других ресурсов они являются продолжением существующих транснациональных структур. Для них понятия «государство — страна — народ» не существует. Впрочем, и «государственники», чуя, куда ветер дует, готовы к ограничению суверенитета России. Отсюда появление в нашей Конституции пункта о приоритете международных договоров, согласие выполнять решения Европейского суда, подписание

конвенций о действии на территории России многих зарубежных нормативов, в частности европейских тюремных правил, мораторий на смертную казнь и т.п.

Как видим, наступление эпохи ТНК породило дилемму. Одни либералы считают, что возрождение отечественной экономики, укрепление отношений с Китаем, Ираном, Ираком и Индией увеличивают значение России, повышают её капитализацию и субъектность в международных отношениях. Беда лишь в том, что до их ума не доходит: Западу Россия не нужна ни с какой капитализацией, потому что мы слишком большие и по-прежнему ядерные. Другие либералы полагают, что вся эта мышьяная возня вредна, ибо мешает быстрому усвоению мировыми финансово-экономическими структурами богатств России. Правда, они этого не говорят напрямую, а прикрывают демагогической болтовнёй о демократических ценностях.

Хоть и те и другие тянут в конечном итоге в одну сторону, конфликт между двумя лагерями неизбежен. Это проблема *выбора*: быть России субъектом или территорией. И кто бы из либералов кого ни победил, логическим завершением либерального проекта станет конец России как государства. При нынешней власти проваландаемся дольше, а если случится «бархатная» («шёлковая», «кожаная», короче — шкурная) революция — скатимся в ничто быстрее.

Наш развал — это вопрос времени. Можно, конечно, верить в глобальный мир, в котором все народы, распри позабыв, перемешаются в рамках общего социума и всех где-то за горизонтом ждёт «светлое будущее». На деле же даже в условиях глобализации ценности национального суверенитета и национальной безопасности своего значения не теряют, а вакуум в политике всегда заполняется. Так что говорить о будущем России бессмысленно, потому что будущего у России ни при тех, ни при этих либералах нет. Дальний Восток уже сегодня больше связан с Японией и Китаем, чем с Москвой. Соседние страны всё увереннее предъявляют нам территориальные претензии. Раздуваются национальные конфликты, заиграл мусульманский фактор... А Центр делает вид, что ничего не происходит. Япония и Китай, Турция, Румыния и Лат-

вия — вот кто будет решать вопрос субъектности разных частей бывшей России. США и Германия тоже своего не упустят.

Да, ресурсов у нас много и помимо сырья: мы привлекательны своей системой образования, культурой, обширным рынком, но всё это не вечно, всего этого можно лишиться...

Ныне самые высокие технологии (а с ними капитал и интеллект) концентрируются в США, похуже — в Японии и Европе, ещё похуже — в странах АСЕАН и Латинской Америки. Россия же, уничтожив в ходе либеральных реформ свои высокие технологии и закрепляясь в качестве сырьевого придатка не столько развитых стран, сколько глобальных монополий, а также Китая и Индии, осталась *как минимум* со ста миллионами человек избыточного для сырьевого придатка населения. Это кошмар, о котором всего два-три года назад писали все газеты, от «Завтра» до «Сегодня». Теперь все привыкли; кошмар воспринимается как норма, хотя от этого не перестаёт быть кошмаром.

Впрочем, о наших перспективах можно сказать ещё жёстче. В условиях глобализации мы и в развитии традиционных технологий не имеем никаких шансов. Из-за нашей географии (климата и растянутости страны) и, что значительно более важно, управления (которое нельзя улучшить быстро) издержки нашего производства во всём обозримом будущем отчётливо выше среднемировых. Поэтому концентрация сил на любом относительно простом производстве не приведёт ни к чему, кроме банкротства.

Между тем, закрывая глаза на объективные условия, разные наши либералы занимаются мифотворчеством. Государственный миф гласит, что нужно резко усилить ведущую роль государства, и тогда экономика России начнёт очень быстро расти: всех догоним и перегоним быстрее, чем при товарище Сталине. Другой миф — что стоит нам снять ограничения на валютные операции, вступить в ВТО и по максимуму снизить налоги, как мы тут же начнём догонять Португалию.

Это мифы, потому что они основаны не на анализе конкретной ситуации, а на идеологических представлениях.

Усиление роли государства в современных условиях ничего не даст, потому что, во-первых, другое тысячелетие на дворе, а во-вторых, В.В. Путин **совсем** не товарищ Сталин. Его скорее можно сравнить с товарищем Бухариным; представьте, что Николай Иванович и «правые уклонисты» под знаменитым лозунгом «Обогащайтесь!» взяли власть и не было ни пятiletок, ни коллективизации, ни индустриализации. Получился бы точный слепок современности.

Не будет России никакой пользы и от вступления в ВТО. Эта контора, созданная в интересах крупного капитала, ограничивает возможности проведения определённой промышленной политики, индустриализации, получения доступа к технологиям. В ВТО существует неравноправие торговых режимов, и уж к нам-то его применяют по полной программе. По этому поводу французский учёный Жак Сапир, возглавляющий исследования по экономике России и стран СНГ в Доме науки о человеке (Париж), пишет:

«... Все знают, что свобода торговли может раздавить развивающиеся страны. Кроме того, имеется... проблема. Я бы назвал её идеологией ВТО. Это идея, которая состоит в том, что свобода торговли — везде и всегда наилучшее из возможных решений. Это, если хотите, религиозная, но не научная идеология... Я считаю, что надо забыть о свободе торговли, и чем скорее, тем лучше. Это действительно религиозная идеология, не имеющая ничего общего с практикой.

Существует проблема взаимоотношений ВТО и России. Когда российское правительство хочет, чтобы Россия вступила в ВТО, поскольку оно не желает, чтобы страна была исключена из крупных международных процессов, то с политической точки зрения это можно понять. Но если сегодня мы рассмотрим структуру российской торговли, то увидим, что Россия продаёт сырьё и оружие. К сожалению. Можно было бы желать, чтобы российская торговля была иной. Но надо констатировать, что сегодня, в 2004 году, более 80 % российского экспорта составляют сырьё и вооружение, **то есть товары, которые не входят в компетенцию ВТО.** Поэтому можно задаться вопросом: в чём состоит экономический интерес вступления России в

ВТО?... Сегодня, в 2004 году, у неё нет экономических причин для этого».

О том, что от вступления в ВТО получится не польза, а вред, пишут массовые газеты! Владимир Тарасов, руководитель Аграрного центра ЕврАзЭС, сообщает: «В нашу страну придут новые международные корпорации. Прибыли, которые они заработают здесь, будут уходить на Запад»*. Оказывается, согласно анализу западных экономистов Всемирного банка, получится, дословно, следующее: «Прямые иностранные инвестиции, вероятно, могут повлечь спад производства в компаниях, находящихся в собственности россиян».

Самый тяжёлый удар придёт на сельское хозяйство и пищевую промышленность. Как члены ВТО, мы не сможем ограничивать приток в страну иностранной продукции. «Представляете, что будет, когда в Россию хлынут товары из стран, где на поддержку сельского хозяйства выделяют из бюджета огромные деньги? — говорит Дмитрий Кувалин, учёный секретарь Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. — Как смогут бороться с ними наши крестьяне, которых государство практически не поддерживает?»

Учёные Российской академии сельскохозяйственных наук подсчитали: сразу после вступления в ВТО российский агропром будет терять 4 млрд. долларов ежегодно.

На втором месте лёгкая промышленность. Если мы снимем все нетарифные ограничения, то китайцы «забьют» отечественных производителей. Следом за ними пострадают автотпром (он уже страдает), авиапром, машиностроение и компании, работающие в сфере услуг. После вступления в ВТО в нашу страну придут страховые компании, аудиторские, банки — они «раздавят» отечественных конкурентов. Тягаться с Западом нам не по силам: там оборот на рынке услуг в разы превосходит рынок товаров.

В том же анализе экспертов Всемирного банка есть такие цифры: выгода зарубежных операторов будет в 10 раз больше, чем отечественных. ВТО требует поднять цены на газ, электричество внутри России до уровня мировых. По расчётам Инс-

* АиФ. 2005. № 25.

титута народно-хозяйственного прогнозирования РАН, от вступления в ВТО Россия будет терять 1 % ВВП, или 7,2 млрд. долларов в год.

Но кто-то всё же выиграет от вступления в ВТО? Да, в какой-то степени металлурги и химики. У них появятся новые возможности бороться с европейцами и американцами, которые вводят несправедливые ограничения на ввоз их продукции. По прогнозам, увеличится производство в чёрной и цветной металлургии. «Жаль только, что все обязательства мы должны выполнить немедленно, а все выигрыши для России отнесены на далёкие сроки и нечётко определены», — говорит Дмитрий Кувалин.

Эксперты Всемирного банка надеются, что «опека российского государства поможет безработным (*число которых резко возрастет — см. табл.*) дожить до того дня, когда и они смогут начать пожинать плоды от вступления России в ВТО».

Кто пострадает и кто выиграет от вступления в ВТО				
Позиция	Объём производства	Экспорт	Импорт	Численность рабочей силы
Пищевая промышленность	- 14 %	- 8 %	+ 38 %	- 15 %
Сельское хозяйство	- 3 %	- 6 %	+ 11 %	- 3 %
Лёгкая промышленность	- 7 %	+ 4 %	+ 8 %	- 9 %
Машиностроение	- 12 %	- 8 %	+ 20 %	- 13 %

Этот анализ был подготовлен Джеспером Йенсенем (Высшая школа «Экономикс», Копенгаген), Томасом Рузерфордом (Колорадский университет, США), Дэвидом Гарром (сотрудник Всемирного банка) по заказу правительства РФ. Несмотря на это, российские властители продолжают твердить о большой пользе России от задуманного ими вступления в ВТО. Министр Герман Греф, обсуждая эту тему, заявил, что член-

ство в ВТО будет приносить России 18,4 млрд. долларов в год. И заявил он об этом, основываясь как раз на анализе западных экономистов Всемирного банка! Министр явно не понял, о чём в нём идёт речь. А она идёт не о том, что Россия будет *получать* 18,4 млрд. долларов в год, а о том, что ровно на столько в течение двух лет увеличится потребление в нашей стране после присоединения к ВТО. То есть мы с вами будем тратить больше денег при одновременном снижении тарифов на страховые услуги, на мобильную и интернет-связь, при снижении ставок по кредитам в банках и т.п. Но это не значит, что покупать мы будем своё, отечественное. Возникший дефицит будет возмещён зарубежными поставками, а россиян втянут в гонку потребительства, уже привычную Западу.

Таким образом, российские лидеры сознательно объявляют интеграцией России в мировую экономику совершенно иной процесс, действительно идущий полным ходом: присвоение частными лицами наследства Советского Союза, то есть результатов труда всех прошлых поколений. Это процесс ликвидации экономического суверенитета страны и перевода её экономики и политики под внешнее управление.

ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья на ржавых дубах...

Чуть ветер, чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собой теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?

Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...

Эдуард Багрицкий

Параметрическое управление

Возможно, предыдущие главы породили у читателя пусть грустную, но всё же благостную картину. Вроде бы «эпоха ТНК» вошла в некую колею. Двигается мирным образом, вбирая в свою орбиту правительства, бизнесы и народы. Но это было бы не вполне верное мнение. В период неустойчивости постоянно нарушается баланс между структурами; любые случайности меняют направление процессов, и это происходит совершенно непредсказуемым образом в силу неустойчивости

самой системы. Важно, что обостряется дисбаланс между техническим развитием общества и его гуманитарным (этическим и культурным) развитием; боевые технологии повышают мощь каждого отдельного воина, а деградация морали снижает планку дозволенного.

Геополитический кризис достиг пика: планета перенаселена, ресурсы для жизни такого количества людей и при таком способе хозяйствования заканчиваются, неустойчивость нарастает. Начались боевые столкновения, причём в некоторых случаях непонятно, кого с кем. Безымянные «мировые террористы» убивают мирных граждан в одних странах, а в ответ безымянные «специальные подразделения» убивают мирных граждан в других странах.

Разумные люди — homo, с позволения сказать, sapiens — могли бы понять, что вступили на путь самоуничтожения. Но как мы уже многократно указывали, разум не руководит жизнью общества. Даже отдельный человек, схлопотав по левой щеке и начав лупить обидчика в ответ, не всегда может остановиться, а только увеличивает степень остервенения. Что уж говорить, когда дерутся толпы и каждый «воин» подзадоривает всех других! Чтобы остановить дерущихся, надо затратить огромную энергию. А вот чтобы заставить мирных людей драться и убивать друг друга, достаточно поступить, как поступил Яго в пьесе Шекспира: обмануть. Это пример неявного управления.

Рассмотрим два примера. Группа туристов, усталая и голодная, собирается встать лагерем. Дел много, и, конечно, некий лидер может взять на себя распределение работы и контроль. Но можно обойтись и без него, пустив дело на самотёк. И всё получится, потому что у туристов есть общая цель: поехать и улечься поспать. Поэтому если один взялся ставить палатку, то другой пойдёт за хворостом, третий — за водой, четвёртый начнёт готовить еду и т.д.

Другой пример. В каком-то городке пустили слух, что в ближайшее время будет обмен денег. А граждане знают, что в результате обязательно прыгнут цены, да и наверняка обмен будет несправедливым. Что они сделают? Побегут в магазин

обменивать свою наличность на товары. При этом ими никто не руководит, но все они вместе поступают так, словно они элементы жёстко управляемой системы.

Что мы видим в этих примерах? Люди самостоятельно принимают некие действия без всяких команд. Но это происходит только тогда, когда они *оказались в определённых условиях*. В наших примерах команды, что делать, людям никто не даёт, они сами готовы действовать. Появляется «сигнал», что пора начинать, но не говорится, что именно делать, а люди уже что-то делают, причём согласованно. Обратим внимание, вариантов приведения людей в такое «когерентное» состояние только два: они возбуждаются или спонтанно, как в случае с туристами, или индуцированно, как в случае с реакцией на слухи об обмене денег. Этот второй случай особенно интересен, поскольку показывает, что можно возбуждать среду, а затем пускать энергию людей в предсказуемом направлении. При этом сами-то люди останутся в неведении, что они марионетки в чьей-то игре, а будут мнить себя личностями, принимающими решения по своему выбору.

Такого рода манипуляции населением сегодня в широком ходу. Сначала возбуждают среду (скажем, обесценив сбережения граждан), а затем закидывают информацию (например, что Лёня Голубков чудовищно обогатился, купив бумаги МММ). Результат известен. Причём, когда людям разъясняли, что МММ — это жульничество, они не могли поверить, столь сильным было первоначальное возбуждение среды.

Что же получается? Оказывается, для управления миллионами людей не обязательно иметь сложную иерархическую систему подчинения — сами всё сделают. Чтобы забрать себе чужие деньги, не надо их отнимать силой — сами отдадут. Чтобы захватить страну, не нужна армия — сами сдадутся! Просто надо создать возбуждение в среде граждан, а затем дать им возможность «избавиться» от этого возбуждения.

Рассмотрим в свете этих знаний сказку о голом короле. Два иностранных ловкача, мнимые портные, убедили короля, что сшили ему прекрасный наряд, но его могут видеть только глубоко нравственные люди. (Будь это отечественные лов-

качи, он бы не поверил.) Король не может признать, что он безнравственен и никакого костюма не видит, и гуляет голым. Граждане, находящиеся в системе жёсткого управления, не смеют сказать правду, так как их объявят морально ущербными и примут к ним соответствующие меры. Эта двойственность приводит их в возбуждённое состояние. Теперь появляется ребёнок, мнение которого в обычной ситуации никто не принял бы во внимание, и объявляет, что король голый. Мало того, что все «прозрели» — авторитет власти подвергнут осмеянию. Так, прислав двух жуликов, давших королю ложную информацию, соседи добились, по сути, ликвидации власти короля.

Между прочим, на возбуждении среды и подаче информации выстроена вся эволюция; смысл наших сказок только в том, чтобы показать важность адекватности информации. То есть во вред она или во благо большинству; какой ареал охватывает; кратко она воздействует на общество или длительно. Управляющее воздействие информации на человека может носить очень долговременный характер, заранее программируя его поведение на каждую из жизненных ситуаций. Такими долговременными программами являются нормы морали и этики, навязываемые религиозными догмами и светскими идеологиями.

А в наше время большую роль играют различные СМИ. Они приводят граждан в возбуждённое состояние и дают сигналы, провоцирующие действия, направляя энергию людей на реализацию ложных целей. То есть производят манипуляцию людьми, а те этого даже не замечают. У таких манипуляций всегда есть хозяева, и это не СМИ.

То, что мы описали, есть *параметрический* способ управления, когда система сама переходит в нужное состояние при перемене параметров, в которых она функционирует. А есть другой тип управления — *силовой*. В этом случае строится иерархическая структура, и вышестоящие (их можно назвать субъектами управления) управляют нижестоящими (которых можно назвать объектами управления). Кстати, по такой же схеме человек управляет техническими устройствами или даже

один механизм другим. А *силовым* такой тип управления называется потому, что при нём система из одного состояния в другое переводится силовым внешним воздействием.

Процесс иерархического (силового) управления многоступенчатый. Попробуем описать его совсем просто. Предположим, производством какого-либо продукта управляет директор. Он принимает общие решения; об объёме производства думает кто-то другой, его подчинённый; в свою очередь, этот второй руководитель управляет ещё кем-то, кто определяет скорость выполнения работ. Стандартная цепочка: директор, главный инженер, начальник цеха, мастер и, наконец, рабочий-станочник.

Строго говоря, важны первая и последняя ступени. Поведение промежуточных руководителей ограничивается задачей указаний нижестоящему звену. Один только директор, желая получить определённый результат, основывается не на приказах вышестоящего начальства, а на интересах дела и принимает управленческие решения, получая сведения о выпуске продукции. А продукцию даёт рабочий-станочник. Но руководит директор не напрямую, а через главного инженера, который уже реагирует на приказы, а сам сигнала с конечного выпуска не имеет, самостоятельных решений не принимает.

Простейшие математические модели такой системы показывают, что если уровней управления больше трёх, то она принципиально содержит неустойчивые решения. То есть такая система управления в большинстве случаев не ведёт к нужному результату: получается так, как получается, а не как задумано. В первые месяцы Великой Отечественной войны пытались через такие цепочки руководить боевыми действиями. Но пока сигнал с театра боевых действий доходил до Генерального штаба, а затем его директивы спускались к непосредственным исполнителям, обстановка радикально менялась и эти директивы приводили не к адекватному реагированию, а к катастрофе. Это было очень быстро понято, и представителей Ставки отправили на места, где они оперативно принимали решения.

Имеется и ещё одна общеизвестная проблема: «качество» управленцев. Вышестоящие начальники должны уметь заинтересовать нижестоящих исполнителей, чтобы те не просто выполняли директивы, ожидая поощрения, а думали об успехе дела. Без такой реальной заинтересованности многоступенчатое управление всегда ведёт к разрухе, получается типичный «испорченный телефон» — есть такая детская игра. А теперь представим, что будет, если промежуточные звенья интересуются даже не столько одобрением начальства, сколько, например, получением личного добавочного дохода. Будет воровство, коррупция и провал любых благих планов.

Иерархическая система управления очень уязвима. Если найти возможность влиять на верхнее звено, то вся «машина» начнёт работать на развал. Иначе говоря, если кому-то понадобится подчинить себе некую страну, не надо манипулировать всем народом, достаточно влиять на верхушку страны, на элиту. Ведь она находится в «возбуждённом состоянии», ей *нужны* идеи по управлению. И эти идеи конкретным начальникам можно вкидывать через различных советников, которым начальник доверяет. Причём даже сами эти советники могут использоваться «втёмную»! Ведь и советнику нужны идеи, которые он будет предлагать начальству.

Известный социолог Александр Зиновьев, много работавший над проблемами уязвимости сложных систем при малых на них воздействиях, вспоминал, как в 1978 году, оказавшись в эмиграции, он был привлечён к работам, шедшим на Западе в рамках холодной войны против СССР. Тысячи специалистов и сотни исследовательских центров самым педантичным образом изучали структуру советской государственности и партии, центральный партийный аппарат, Политбюро и личности работников аппарата власти. Но основное внимание в течение длительного времени (пожалуй, до конца 1970-х годов) было направлено на идеологическую и психологическую работу широких слоёв населения, создание прозападно ориентированных групп советских граждан. Они фактически играли роль «пятой колонны» в СССР и должны были заниматься (вольно или невольно) идейно-моральным разложением

ем советского населения. Так было создано диссидентское движение. Словом, основная работа велась по «низам», и, хотя были достигнуты серьёзные успехи, ставшие в дальнейшем одним из факторов контрреволюции, окончательного решения, то есть ликвидации советского строя, никак не получалось.

Зиновьеву в 1979 году на одном из его публичных выступлений задали вопрос, какое «место» советской системы, на его взгляд, самое уязвимое. Он ответил: «То, которое считается самым надёжным, а именно — аппарат КПСС, в нём — ЦК, в нём — Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь. Проведите своего человека на этот пост, и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнётся цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого начнётся распад всего общества».

Позже он узнал, что на Западе до этого додумались и без него, переключив свои основные усилия именно на это направление. Зиновьев ссылается на одного из сотрудников «Интеллидженс сервис», который говорил ему, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на «советский престол» своего человека. Развал СССР действительно произошёл в результате деятельности Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва. Был ли осуществлён план западных спецслужб, или эта бездарная личность попала на «трон» случайно, мы не знаем. Впрочем, в наших рассуждениях о параметрическом управлении это ничего не меняет: «человек Запада» в ЦК КПСС, при общем одряхлении этого органа, вполне мог убить советскую систему.

Мы *ни в коем случае* не должны забывать об идущих в природе и обществе процессах *самоуправления*. Принятие решений людьми лишь частный случай этих процессов. В том числе принятие решений теми людьми, которые манипулируют всеми прочими. Иначе если навязывать «вождям» всеведение и считать, будто существует только силовое управление, то мы придём к идее всемирного центра по управлению человечеством, докатившись до идеи «мирового правительства». На самом же деле, даже, казалось бы, учтя все привходящие факторы, совершенно невозможно предвидеть, к каким долгосроч-

ным результатам приведёт то или иное решение или действие, а значит, при колоссальном объёме информации о человечестве им нельзя управлять.

Некоторые считают, что в наше время нити «мирового заговора» тянутся к США. Из их рассуждений однозначно следует, что США — враг России. Этот насаждаемый стереотип сидит в умах многих людей. К нему привыкли, он воспринимается без всякого напряжения. Раньше всеобщим пугалом была Англия, «владычица морей» и множества колоний... Потом гитлеровская Германия... С другой, с «той» стороны врагом считали СССР. И во всех случаях приходили к мысли о наличии неких тенденций всемирного завоевания, «планов Коминтерна», «протоколов сионских мудрецов» и прочего подобного. Сейчас одновременно вбивается в голову мысль о кем-то спланированном американском глобализме и мировом терроризме... Это очень, очень примитивные представления, искажающие картину, мешающие пониманию прошлого, настоящего и будущего нашей популяции. Но в моменты роста нестабильности они, в общем, понятны.

В тот длительный период, который принято называть холодной войной, на самом деле ситуация в мире была наиболее стабильной, но этот результат получился колоссальным напряжением сил. Две системы, воплощающие полярные концепции общественной организации, боролись за мировое господство. Но не воевали. Им приходилось уважать жизненные интересы друг друга, так как в тотальной войне каждая из них была способна полностью уничтожить другую. Не разум, а страх ограничивал жёсткость конфликтов между ними; они были всё-таки мирными. Локальные конфликты, в свою очередь, сдерживались опасностью перерастания в глобальный конфликт, и сдерживали их сами сверхдержавы. Кое-где их влияние компенсировало друг друга, и некоторые государства занимали эту нишу, спокойно развиваясь. Подобно тому как между Лунной и Землёй есть точка, в которой взаимное влияние планет компенсируется.

А когда один из столпов — СССР — рухнул, страх исчез, а разум, как и следовало ожидать, себя не проявил. Новая ста-

бильность не возникла. Начался период отсутствия порядка; глобальный кризис ускорил своё развитие. Мы не будем перечислять его признаки, всё уже сказано. Важен факт: при сохраняющейся системе производства и распределения всем — не выжить. Заправилы «эпохи ТНК» ведут к тому, что выживут только они, а большая часть населения Земли исчезнет. Но попавшие в списки «недостойных» отнюдь не намерены спокойно ждать решения своей судьбы и начинают действовать. А «лишние» люди живут не только в странах третьего мира. Они есть везде!

Идёт война за рынки сбыта. И не только между странами, но и внутри стран.

Идёт война за источники ресурсов, и не столько для собственного использования, сколько за то, чтобы они не достались конкурентам.

Идут корпоративные войны: захваты предприятий, сманивание мелких акционеров, искусственные банкротства, заказные убийства.

Идут войны во имя идеологий, в том числе религиозные.

Идут войны за рабочие места.

Идут войны за сохранение окружающей среды.

Идут информационные войны.

Это и есть война всех против всех, индуцированная не «сверху», а начавшаяся, так сказать, «сама по себе», вследствие перенаселённости планеты, нехватки ресурсов и общей сумятицы в умах. Короче, нестабильности. Главное, что это война за выживание.

Теория и практика мятежевойны

Все знают выражение: «Генералы готовятся ко вчерашней войне». А к какой же ещё они могут готовиться? Чтобы научиться отражать *новую* опасность, её надо знать, а чтобы узнать, с ней надо столкнуться. Например, во время вьетнамской войны наши ракетные комплексы ПВО на первых порах действовали успешно. Немало от них пострадав, американцы нашли противодействие: стали пускать ракеты воздух—земля по лучу

радар, и они летели прямо на станцию. Против такой тактики было предложено резко опускать антенну вниз: идущая по радиолучу ракета врезалась в землю. Можно ли было всё это придумать, не участвуя в конкретных боевых действиях?..

Конечно, можно пытаться делать прогноз за вероятного противника, но реальность чаще всего оказывается далёкой от теоретических представлений. Опять же можно привести пример. В столкновениях с японской авиацией в конце 1930-х годов наша авиация проигрывала. В чём причина? Запросили конструкторов, а те ответили, что их и не просили создавать сложные машины. Оказалось, армейские заказчики ставили конструкторам задачу, исходя из такой оптимизации затрат: чем более простые самолёты удастся сделать, тем лучше. Иначе говоря, лучше дёшево, но много. И только столкновение с конкретным противником заставило пересмотреть эти взгляды.

Но в войне участвуют и готовятся к ней не одни генералы. Можно ли качественно подготовить к будущей войне командный состав? Здесь возникают две сложности. Во-первых, сначала новые образцы техники следует посылать в учебные заведения. Пока курсанты будут учиться, эта техника как раз и поспеет в войска. Но чтобы поставлять технику в военные учебные учреждения, туда надо направить и людей, умеющих с ней обращаться, чтобы научили других. А там уже штаты преподавателей укомплектованы. И тут выплывает на свет вторая сложность: преподавателю проще преподавать одно и то же, поскольку в этом случае он может оттачивать свое мастерство, а не тратить время на освоение нового*.

И, даже понимая все эти сложности, военные должны вдобавок уметь отслеживать то новое, что появляется в мировой практике!

Эпоха ТНК «подарила» нам новинку.

В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. А любая структура,

* В общем виде это проблемы любого образования.

однажды появившись, *не имеет другой цели*, кроме собственного выживания. По этой причине в наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооружённый конфликт. Война теперь другая; для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооружённых формирований.

Эта «другая» война уже сегодня просматривается за митотворческими, гуманитарными, контртеррористическими и иными спецоперациями, экономическим и информационным подавлением, действиями криминалитета, громкими убийствами. Её имя — *мятежевойна*.

Всесторонне разработал теорию и спрогнозировал развитие этого типа войны в её психологических и агитационно-пропагандистских параметрах бывший полковник российского Генштаба, профессор Евгений Эдуардович Месснер* (1891—1974). Он увидел её в многочисленных локальных войнах и конфликтах, терроризме и политическом экстремизме и ещё в середине XX века, обобщив весь прошлый опыт «войны нервов», сумел выдать рецепты информвойны.

Вот как он её описал:

«В двух всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи — с войнами, создавалась новая форма вооружённых конфликтов, которую назовём мятежевойной, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения. Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения, и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали до-

* Участник Первой мировой и Гражданской войн, Е.Э. Месснер в Аргентине, где жил в эмиграции, возглавлял созданный им вместе с коллегами, такими же русскими эмигрантами, южноамериканский отдел Института по изучению проблем войны и мира им. Н.Н. Головина. В Буэнос-Айресе изданы его книги: «Лик современной войны» (1957), «Мятеж — имя Третьей всемирной» (1960), «Современные офицеры» (1961), «Всемирная мятежевойна» (1971).

минирующими. Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать **МЯТЕЖОМ**. Этот термин я и стал применять...»

Далее мы приводим фрагменты из книг Е.Э. Месснера. Нам кажется, в его описаниях вы найдёте точное соответствие многому, что произошло в последние десятилетия, в частности, с нашей страной.

Вот отрывок из его работы «Мятеж — имя Третьей всемирной»:

«В классических войнах психология была дополнением к оружию. В революционных войнах к психологии войска присоединяется психология народных движений. В мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения. Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. Петрово поучение, что «... всему есть мать безконфузство, ибо сие едино войско возвышает и низвергает», и суворовское «кто испуган, побеждён наполовину» указывали на великое значение на войне психологических факторов. Однако психологический эффект достигался не только применением идейной и материальной внезапности в тактике и стратегии, но и средствами вспомогательными, прилагавшимися не столько к войску врага, сколько ко вражескому народу: золото, «прелестные письма» и устрашение пытались внести разложение во враждебное государство. Теперь эти вспомогательные средства стали главными. Во время Второй Всемирной войны англоамериканцы пользовались воздушными террористическими действиями, а Советы и Англия — революционно-партизанскими действиями для психического размягчения вражеского народа и его вооружённых сил...»

Однако это — прошлое. Настоящее же свидетельствует, что будущее окажется весьма революционным в дни Третьей Всемирной. Уже и сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессивно-дипломатией с её переворотческими действиями. Уже и сейчас происходят «полувойны»: Греция воевала против Турции при помощи Гриваса на Кипре, африканские государства формируют легионы для поддержки алжирского восстания, т.е. для

войны против Франции. В таких полувойнах воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами... И теперь даже и глупейшее правительство понимает необходимость иметь «пятые колонны» в земле враждебной и нейтральной, а пожалуй — и в союзной. Поэтому в эпоху великого смятения душ война может легко приобрести форму мятежевойны...

В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. (Выделено нами. — Авт.)

В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали её. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади окружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трёхмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырёхмерном, где психика воюющих народов является четвёртым измерением...

Политика есть искусство объединять людей. Важнейшей задачей в мятежевойне являются объединение своего народа и привлечение на свою сторону части народа враждующего государства... Мятежевойна — это война всех против всех, причём врагом бывает и соплеменник, а союзником — и иноплеменный...

Задача психологического воевания заключается во внесении паники в душу врага и в сохранении духа своего войска и народа. Полезна не только паника у врага, но и его недоверие к водителям, его сомнения в собственных силах, взглядах, чувствах. В эпоху переворота всё способно к перевороту. Монархическая Германия Вильгельма II стала в 1918 г. социалистической, в 1933 г. — нацистской, а в 1945 г. — демократической, и эти метаморфозы не были лукавыми приспособлениями к обстоятельствам — они были революционными переломами духа. Способность революционной психики к таким переломам делает управление мятежевойной весьма трудным стратегическим искусством».

Из работы «Психологическое воевание»:

«Стратегия мятежевойны имеет свою перманентной и тоталитарной задачей «взять в полон» вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить его с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, уверить в победности наших идей и, наконец, привлечь его к нашим идеям...

... Надо помнить, что масса с трудом усваивает смысл идеи — ей более доступен облик идеи. Поэтому секрет успеха агитации не столько в том, что преподнести, сколько в том, как преподнести.

Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая — для противника. Но и двуличия мало — требуется, так сказать, многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов — особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность...

Участие мятежных масс, тайноополчения и повстанческого ополчения в войне — хотя и противоречащее международным законам, но в нынешнюю эпоху неустранимое — должно снизить в регулярном воинстве сознание ответственности перед родиной: солдат перестает быть единственной надеждой, единственным мечом и щитом народа. Всенародность мятежевойны порождает и всенародность ответственности за исход её...

Нельзя не прийти к заключению, что устарела формула: для войны нужны деньги, деньги и деньги, устарела потому, что для мятежевойны нужны нервы, нервы и ещё раз нервы...

Война на нервах в эпоху, когда народы невзрастеничны, требует от стратегов весьма продуманного обращения с главным фактором войны — с психикой воюющего народа...

Фрагмент из работы «Роль офицера»:

«Всем офицерам придётся наступательно или оборонительно участвовать в борьбе против вражеских иррегулярных сил. Ни в глубоком резерве, ни в поезде вдали от фронта, ни в высоком штабе, ни раненым лёжа в лазарете, воин не будет в безопасности от нападения или террористического акта, от лукавого яда или коварного кинжала. Не только на оккупированной территории, но и на своей придётся бороться против вездесущего и обычно невидимого врага...

И ещё один вид борьбы ложится на плечи офицера: борьба против принципиального внутреннего разложения воинства. Поветрие пацифизма рождает в душах людей отвращение к военным обязанностям и даже стремление вредить воинству...»

Фрагмент из работы «Стратегия престижа»:

«Мятежевойна внесёт ещё одно важное изменение традиционных военных понятий. Теория военного искусства всегда осуждала стратегию престижа, и практика войн подтверждала справедливость этого осуждения. Но мятежевойна — война психологическая. Престиж — штука психологическая. Поэтому не всегда будет ошибкой, если стратег временно отодвинет на второй план цели военные, географические, экономические и на авансцену поставит поднятие престижа своей стратегии, воинства, страны. Или — спасение их престижа... Рождённые государственным порядком стратеги, как Пётр I, Фридрих Великий, пережили Нарву и Кунерсдорф без потери престижа, но рождённые революцией вожди-стратеги гибнут с потерей престижа...»

История мятежевойны началась не сегодня. Можно вспомнить партизанские действия в кампании 1812 года. Или у нас в стране был пример удачной организации «зелёной» армии батяки Махно. До того как его армия влилась в состав регулярных военных формирований, она была устроена так. Проходят регулярные войска и встречают простых крестьян, занятых мирным трудом. Но как только войска ушли, «мирные крестьяне» выкапывают своё оружие, стекаются на сборные пункты и разрушают коммуникации ушедшей армии. Как только регулярные войска возвращаются для проведения карательной акции, они опять находят только «мирных крестьян» и более никого. Карательные отряды уходят, и всё повторяется сначала.

Ещё более значимыми были неудачи регулярных армий в столкновениях с повстанцами во Вьетнаме, а также в Афганистане в 1980-е годы, когда отряды «мирных граждан» наносили им ощутимый урон. В этом же ряду — мусульманская интифада.

Из сорока вооружённых конфликтов, горевших или тлевших в мире по состоянию на декабрь 2000 года, пятнадцать

произошли по религиозным причинам, восемь — на этнической почве, пять начались по идеологическим разногласиям, два — из-за территориальных претензий, ещё шесть были связаны с наркоторговлей. Как следует из этого перечня, первопричиной абсолютного большинства войн (70 %) стали «духовные ценности», в двух случаях (5 %) преследовался государственный интерес, и четверть приходится на борьбу за деньги.

Большинство конфликтов за «духовные ценности» носит характер и форму вооружённого мятежа. Глобализация выводит эти конфликты на международный уровень, вовлекая в них широкие слои местного населения и придавая им интернациональный характер. Общие признаки мятежных конфликтов: отсутствие чётко выраженных линий противостояния (фронта), боевых порядков, традиционных целей и объектов для поражения огневыми средствами; децентрализация управления; большой пространственный и временной размах. Эти обстоятельства затрудняют применение регулярных армий, но не препятствуют, а, наоборот, способствуют участию в войне гражданского населения и наёмников из различных стран.

В большинстве случаев мятежные силы так или иначе поддерживаются общественными организациями, а зачастую и спецслужбами разных государств: Великобритании, Франции, Германии; Польши, Литвы, Эстонии, Грузии; некоторых мусульманских стран. А также и Украины, России и США. Есть случаи, когда эти отряды не только поддерживаются, но и создаются иностранными спецслужбами; иногда в дальнейшем тем же спецслужбам приходится со своим же порождением воевать! А как же иначе: общественная структура, однажды возникнув, дальше выживает по общим законам эволюции...

Когда-то США поддержали усилия Межведомственной разведки Пакистана, создавшей афганскую партию «Талибан» как ударную силу против советских войск, воевавших в Афганистане. Когда-то Америка вооружала и Саддама Хусейна. Когда-то креатурой ЦРУ США был «назначенный» ныне главным мировым террористом Усама бен Ладен. Теперь Америка с ними воюет. Усама пока не найден, а быстрая победа анти-

террористической коалиции во главе с США над «Талибаном» в Афганистане и над регулярными войсками Саддама Хусейна в Ираке вовсе не означает, что военные действия закончились. Скорее наоборот: война только начинается!

В 2002 году, по данным АКУФ (Центр изучения причин военных конфликтов, дислоцирован в Гамбурге), произошло сорок пять вооружённых конфликтов по всему миру, в том числе семнадцать в Африке, шестнадцать в Азии, восемь на Ближнем Востоке, четыре в странах СНГ (Таджикистан, Абхазия, Узбекистан, Чечня). Погибло около 7 млн. человек, ещё 30 млн. стали беженцами. Такие потери никак нельзя назвать миром. А ведь 2002-й считается «спокойным»; в другие годы конфликтов было больше, например, в 2001-м — сорок восемь. По прогнозу разведывательного управления министерства обороны США, «последующие 10—15 лет будут не менее, если не более, бурными, чем предшествующее десятилетие».

Одновременно с «официальными» войнами идёт волна антивоенных демонстраций. Так, против войны в Ираке в один день на улицы Кёльна построились в «цепочку мира» 10 тысяч человек, на акции вышел весь Мюнхен. В Лондоне в антивоенном марше участвовали 700 тысяч британцев (демонстрация, видимо, войдёт в историю Лондона как самая массовая); в Голландии идут повсеместные антивоенные парады, яркие перформансы; в Хельсинки число демонстрантов выросло до 15 тысяч. Интересно, что и во Франции, и в Германии, и в Италии акции протеста имели антиамериканский подтекст: «Нельзя проливать кровь за нефть!», «Остановим агрессию США!».

Стереотипное представление, что вопросы войны и мира — прерогатива национальных государств, играет с людьми злую шутку. Да, конечно, войну в Ираке затеяло правительство США. Но если присмотреться, за ним стоят интересы транснациональных корпораций, а более пристальный взгляд обнаружит, что, не вставая Штаты на головы соседям, рухнет американская экономика и доллар! А следом — экономика Великобритании, Голландии, Финляндии и прочих стран, жители которых протестуют против войны. А кто-то из демонст-

рантов, быть может, работает на предприятии ТНК, заинтересованной в войне, и, таким образом, опосредованно получает за войну деньги...

В условиях глобализации общественных отношений и быстрого сокращения ресурсов не только государства, но и международных организации, и корпорации, и силовые ведомства причастны к вопросам ведения войны. Даже просто ведомства (например, сырьевые), вышедшие из-под контроля государства, а также племена и кланы, криминальные сообщества различных типов, этнические диаспоры. Широко используются не прямые действия и информационное противоборство: телеканал Аль-Каиды, интернет-ресурсы национальных и религиозных экстремистских групп... Очевидно участие в сражениях наряду с регулярными нерегулярными вооруженных формирований.

Очаги мятежевойны постоянно вспыхивают по всему земному шару; она уже более десяти лет полыхает в Чечне. А кто и в каких интересах её раздувает?

К примеру, вроде бы построили в Чечне новый жилой квартал, а потом его вроде бы разбомбили. Вояки списывают с баланса «потраченные» снаряды и патроны, строители — стройматериалы, бухгалтеры — деньги. Разве не слышали мы о громадных суммах, выделенных на «восстановление экономики Чечни» и пропавших неведомо куда? Об этом говорят высшие чиновники! А вот главная цель войны (по Е.Э. Месснеру) — завоевание души воюющего народа при сохранении духа своего войска и народа — даже не ставится.

Похоже, политическое руководство страны никогда не требовало от армии урегулирования конфликта и само к нему не стремилось. Военные получали задачу разгромить бандформирования, овладеть территорией, населёнными пунктами, обеспечить действия МВД, ФСБ, МЧС и прочих служб, и не более того. И эту задачу армия выполнила. Она не проиграла ни одного сражения, её соединения и части сохранили и даже укрепили боеспособность, приобретая новый боевой опыт. Но самого главного — победы — не было и нет до сих пор. Да и не будет, если так и останется без присмотра главное «поле боя» — информационное, психологическое, нравственное.

Вина Генерального штаба ВС РФ в том, что дела в Чечне идут так, а не иначе, несомненно, есть. Однако было бы неправильным видеть причину неудач только в бездействии армейских органов пропаганды. За неудачи следовало бы спросить с высшего руководства страны. Но после блестяще проведённой американцами психологической, информационной войны против СССР и России с кого спрашивать-то? В России у власти — «пятая колонна».

«Сетевая война» Пентагона, Россия и остальной мир

Министр обороны США Дональд Рамсфелд объявил, что перед Америкой стоят две важные задачи. Надо одержать победу в борьбе с терроризмом путём ликвидации сети террористических организаций и начать подготовку к совершенно другой войне, разительно отличающейся не только от войн XX столетия, но и от той новой войны с терроризмом, которую США ведут в настоящее время. Стратегия, представленная тогда же Рамсфелдом конгрессу США, содержала четыре ключевых пункта. По его мнению, необходимо:

- заверить союзников в незыблемости поставленных целей, в способности выполнять обязательства в сфере безопасности;

- разубедить потенциальных противников в целесообразности проведения программ или мероприятий, которые могут создавать угрозу интересам США или интересам их союзников;

- обеспечить сдерживание агрессии и силового давления за счёт передового развёртывания сил и средств, способных быстро остановить разрастание кризиса;

- предпринимать решительные действия по нейтрализации любого противника в том случае, если методы убеждения и сдерживания окажутся неэффективными.

Это были теоретические разработки конца 2001 года. Затем пришло время проверки практикой в Афганистане и Ираке. Практика теорию не подтвердила. Если начать с конца: «ре-

шительные действия» не принесли Америке победы; кризис не только не остановлен, а разрастается; разубеждать противника (Ирак) было не в чем, поскольку обвинения против него; строились на лжи; союзники начинают разбегаться. Да и внутри собственной страны пацифисты бузят.

Отчего же американским генералам так не везёт? Штабы работают, научные институты выдают рекомендации. Зарплаты у персонала такие, что ого-го! Учитывают каждую мелочь, планируют от и до. А «светлое будущее» и торжество демократии во всём мире отодвигаются куда-то за горизонт. В чём дело?

А дело в детерминистском стиле мышления стратегов. Они-то думают, что их действия станут причиной неких следствий, которые они и запланировали. Но *в нестабильной ситуации причиной и событий, и следствий является сама нестабильность!* Еле-еле удерживаясь наверху шатающейся стремянки, *нельзя* руководить процессом её шатания. В лучшем случае можно попытаться балансировать, хаотично махая руками, но уж *планировать*, после какого взмаха шаткое сооружение встанет на все ножки и наступит стабильность, совершенно бесполезно. Результат непредсказуем.

Обратим, однако, внимание на слово «сеть», промелькнувшее в речи министра. Последнее время оно встречается и в определении врага («ликвидации сети террористических организаций»), и в описании собственной стратегии, получившей название «сетевого противодействия». Это, конечно, мятеже — война в чистом виде. И это ликвидирует возможность военного планирования в каком-либо виде вообще, это выход на новый виток нестабильности.

Уже во время операции США в Афганистане стали говорить о реальном воплощении сетевых войн. На Западе она имеет аббревиатуру NCW (сокращение от английских слов network-centric warfare), а основой ведения сетевой войны стал проект Defense Information Grid, который координируется Агентством информационных систем министерства обороны США.

Как ни крути, а лидером в разработке военного противодействия новым угрозам выглядят Соединённые Штаты. В самом деле, именно Пентагон выдвигает концепции и планы и

пытается их воплощать, воображая, что «руководит процессами». И действительно, следующая над ним инстанция — президент США. Но интересы военщины и всей правящей элиты Америки, очевидно, не соответствуют интересам американского народа, а точнее, составляющих его общественных структур. Более того, они не соответствуют и подлинным интересам народов всего мира. Так, спрашивается, от лица каких сил *на деле* выступает американская военщина?

Возникает и ещё один, совершенно неожиданный вопрос: а предусматривает ли доктрина Пентагона возможность стратегической победы?.. Тот же Рамсфелд заявлял, что отныне вместо того, чтобы искать очередного противника и планировать крупномасштабные войны на точно определённых театрах военных действий, необходимо предвидеть появление новых и разнообразных врагов, которые будут полагаться на факторы внезапности и обмана, применяя «асимметричное оружие». Что это за оружие и вообще что такое «асимметричные» угрозы, пояснил Институт национальных стратегических исследований Национального университета обороны Соединённых Штатов. Это *«использование фактора неожиданности во всех его оперативных и стратегических измерениях, а также использование оружия такими способами, которые не планируются США»*.

Как это понять? Определённого врага нет; враги появляются отовсюду и постоянно; это не люди со своими какими-то стремлениями и целями, а просто демоны, абстрактные «силы зла». Ожидается, что их не остановит даже подавляющее военное превосходство, которым обладает Америка! Ясно, что перед нами стратегия подавления и запугивания кого угодно с последующим уничтожением недовольных, не предусматривающая окончания войны. *Не предусматривающая наступления стабильности!*

Новый взгляд на «угрозы XXI столетия», говорят теоретики, заключается в том, что основная опасность исходит не от регулярных армий разных стран, а от всевозможных террористических, криминальных и других организаций, участники которых объединены в некие сетевые структуры. Подобные

организации не имеют иерархической подчинённости, зачастую у них нет единого руководства, они координируют свою деятельность с использованием средств глобальных коммуникаций. Отличительной особенностью таких структур является наличие единой стратегической цели и отсутствие чёткого планирования на тактическом уровне. Для обозначения этих структур даже появился специальный термин: Segmented, Polycentric, Ideologically integrated Network (SPIN) — сегментированная, полицентрическая, идеологизированная сеть.

Перечитайте в предыдущем абзаце то, что мы выделили курсивом. Вам не кажется, что это — точное описание поведения *человечества*?.. И у него действительно есть стратегическая цель: выжить вопреки любому подавлению. Глобальный капитал, с ускорением уничтожающий ресурсы планеты ради увеличения количества резаной зелёной бумаги в своих сейфах, не нуждается в конкурентах. Если конкуренты начинают протестовать, их надо уничтожить. Теперь в число намеченных к уничтожению попало человечество, только и всего, а Пентагон стал ударной силой финансовых ГНК.

«Но ведь террористы и впрямь существуют», — возразит читатель.

Мы и не спорим. Разумеется, они существуют. И появилась террористическая «линия» в истории человечества не в результате действий американской военщины, а вследствие тех же эволюционных законов, что породили саму американскую военщину. Выживание популяции, сообщества, индивидуума требует ресурса. Нехватка ресурса ведёт к драке за него. Нехватка, сопровождающаяся сокращением ресурса, а тем более ускоряющимся сокращением, порождает демографические проблемы, нестабильность отношений и уничтожение «лишних». Вопрос только в том, кто кого считает «лишним».

Агрессивное поведение присуще всем животным видам. Суть его состоит в том, что при общении каждая особь стремится занять по отношению к другим более высокое, доминантное положение. А для чего? Чтобы первым иметь пищу, жилище и самку. Выяснение отношений приводит к самоорганизации группы в иерархическую лестницу, или пирамиду,

с доминантами наверху. При увеличении плотности популяции или уменьшении ёмкости среды агрессивные стычки усиливаются, что служит важным сигналом о неблагополучии. Этот механизм подробно изучен на очень многих видах, он проявляется в огромном разнообразии форм и, как выяснилось, порождает разнообразные внутривидовые структуры. В сообществах людей это выливается в возникновение общественных структур.

При высокой плотности у животных агрессивные особи начинают нападения на участки соседей, отнимают пищу, гнёзда, норы. Подавленные особи отнять ничего не могут, но пытаются похитить незаметно. Стычки учащаются; возникает субъективное ощущение, что «нас тут слишком много». Часть популяции впадает в состояние стресса. Такие долго не живут, почти не размножаются, становятся разносчиками паразитов и инфекций, что способствует вспышке эпизоотий и сокращению численности. У людей тоже при скученности и недостатке пищи появляется большое количество опустившихся личностей: на них плодятся вши, разносящие в популяции многие заразные болезни. За время Первой мировой войны они унесли больше человеческих жизней, чем оружие...

Человек — не просто вид с агрессивным поведением, а один из самых агрессивных. Учёные, может быть, и понимают, что нарастание агрессивности связано с превышением численности и нужно искать альтернативные варианты использования среды, но в иерархии доминируют не учёные, а те, кто склонен решать проблемы силой.

Животные при излишней численности теряют осторожность. С помощью кольцевания удалось выяснить, что, например, утки в период высокой плотности больше гибнут от случайных причин: хищников, охотников, столкновения с проводами и т.п. У человека утрата осторожности при нарастающем неблагополучии наиболее наглядно проявляется в форме бунтов, когда люди вдруг теряют страх перед властью, полицией и толпами идут навстречу пулям и смерти.

Часто при недостатке ресурса в животном мире появляется поколение с удивительной «походной» программой. «По-

ходные» потомки утрачивают территориальность: они собираются вместе, их стаи растут, достигают огромных размеров и начинают куда-нибудь двигаться. Яркий пример — саранча: если плотность популяции стала слишком высокой, «походное» потомство покидает свою территорию, вторгается в другие области, часто непригодные для жизни, и в конце концов погибает. Некоторые твари собираются в столь плотные группы, что размножение прекращается. У многих видов повышение плотности изменяет отношение к потомству: оно перестаёт быть главной ценностью. Члены популяции избегают размножения, птицы откладывают яйца куда попало, снижают заботу о птенцах и даже их пожирают. Лишённые родительской заботы, детёныши вырастают нерешительными и агрессивными, затрудняются с образованием брачных пар, «браки» распадаются, и они тоже плохо заботятся о собственном потомстве. Рождаемость падает, а смертность растёт.

У людей превышение численности над ёмкостью среды приводит к сходному поведению. Яркий пример — урбанизация. Достоинно удивления, что в гигантских городах (в отличие от маленьких) у многих народов плодовитость во втором поколении падает настолько, что не обеспечивает простого воспроизводства. Да и во время землетрясений и прочих катаклизмов в городах гибнет относительно больше людей, чем в сельской местности. Возможно, урбанизация — самый естественный, простой и безболезненный путь снижения рождаемости и численности людей. А что до неустойчивости брачных пар, то тут и говорить нечего: все знают. Резко растёт доля матерей-одиночек, их плодовитость обычно вдвое ниже состоящих в браке женщин, а их потомство избегает иметь много детей.

Весь описанный комплекс изменения поведения преследует одну цель: ещё до достижения избыточной численности расслоить популяцию на тех, кто оставлен и переживёт коллапс, и тех, кто обречён на вымирание. Как и многие биологические механизмы, этот комплекс действует, минуя наше сознание или трансформируясь в нём неверно.

Разум тут не участвует.

Но между людьми и зверями есть коренное отличие. Люди издревле уходили от «звериного», развивая культуру и нравственность. И группировались в общественные структуры, которые вели между собой борьбу за ресурс. Если бы победили структуры «человеческие», то, наверное, был бы достигнут баланс между численностью и ресурсом. Но победили структуры «звериные». Началось планомерное оскотинивание людей и возрастание агрессивности, подкреплённые ещё одной особенностью человека — умением производить и применять технику. Сетевые войны Пентагона — это избиение нижестоящих, а оно повышает степень их озлобленности, отчаяния, бесстрашия. Терроризм — это активизация «низовой» агрессивности.

Агрессивность в сообществах идёт сверху вниз. Так оно у животных, так оно и у человека. Вышестоящий подавляет нижестоящего; тот прессует тех, кто ещё ниже. Птицы, которым не на ком проявить агрессивность, в бессильной злобе клюют землю. Самые никудышные людишки срывают злобу на жёнах и детях и зачастую колотят их, пока не убьют. Вот в богатой и, казалось бы, благополучной Америке тётка убила приёмного русского мальчика. Брала она его к себе из лучших побуждений! (Впрочем, возможно, для продажи на органы?) А потом била, пока он не умер. Он, по её мнению, отвечал на её заботу неправильно. Она подкрепила доброту кулаками — ради его же блага! — а он усилил свои «террористические» гадости. Она потеряла голову и забила его насмерть. Конечно, разумные судьи с ещё более разумными психологами обсудили проблему и назначили ей тюремный срок для исправления...

Да, Пентагон действует в точности, как эта «приёмная» мамаша. Он желает добра! Чтобы человечество стало послушным. (Хотя истинные его цели скрыты.) Но подавление «сверху» вызывает «внизу» стремление найти асимметричный ответ: сил-то у тех, кто «внизу», меньше, чем у «воспитателей»...

Стратеги признают: ныне изменяются роль и место вооружённых сил, акцент делается на проведение невоенных операций. Происходит трансформация понятия *поле боя* в понятие *боевого пространства*. В него, помимо традиционных це-

лей для поражения обычными видами вооружений, вроде танков, самолётов, кораблей и прочего, включены также и цели, лежащие в виртуальной сфере: эмоции, восприятие и психика ребёнка... то есть, извините, противника. Но, как мы уже видели на примере Афганистана и Ирака, ничего не получается с этой стратегией. Протесты, демонстрации, тухлые яйца в морды политиков... Не желает человечество вымирать по указаниям Пентагона, интуитивно чувствуя, что если кто-то берётся руководить эволюционным процессом, то уж точно всё загубит.

А между прочим, опасность для стоящих за Пентагоном сил — всемирных финансовых корпораций — представляет отнюдь не только терроризм. Даже, скорее, терроризм для них не на первом месте. В конце концов, лично им, заправилам мира денег, террор не так страшен, как простым жителям Нью-Йорка или Лондона. Сохраняющийся суверенитет государств — вот что для них действительно страшно.

Согласно экспертным оценкам, после 2015 года военный потенциал Китая будет сравним с военным потенциалом США, а в дальнейшем КНР начнёт опережать Америку в экономическом и военном развитии. При этом сама природа китайского общества, феномен мировой китайской диаспоры, соответствует концепции сетевой войны. И у Китая есть собственная стратегия «народной войны», что вынуждает Пентагон серьёзно готовиться к столкновению с ним. Происходит включение в военную «сеть» США ряда стран Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении. И есть договоренность о развёртывании американских войск в регионе в случае кризиса, что сейчас и реализуется, а также ведётся подготовка американцами младшего командного звена из числа аборигенов.

В этих странах повышено западное информационное воздействие на население. Растёт объём вещания на туркменском и фарси, на азербайджанском и других языках. Американские базы в Японии, Афганистане и Южной Корее уже есть; Тайвань Соединенные Штаты оказывают всемерную поддержку. Планируется развёртывание на юге Афганистана элементов

НПРО для перехвата китайских баллистических ракет. Созданием баз в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане завершится окружение Китая. Иными словами, формируются плацдармы для ведения новой мировой войны. А как ответит на это китайская диаспора в США?..

Пентагон ожидает проблем и от других стран, особенно в связи с их возможным ядерным усилением. Договор о нераспространении ядерного оружия, вступивший в силу в 1970 году, предусматривал, что ядерные державы будут последовательно разоружаться, а неядерные не будут пытаться обзавестись атомным оружием. Однако по сию пору ядерное разоружение остаётся иллюзорным. Россия и США в 2002 году сговорились о сокращении потенциалов, но ни этапов сокращений, ни эффективных механизмов контроля не предусмотрено и разрешено сохранять все снимаемые боеголовки. Остальные ядерные державы вообще ничего не делают для сокращения своих арсеналов. Но США и прочие члены ядерного «клуба» требуют, чтобы неядерные государства и дальше соблюдали договор!

А те уже не хотят. И понятно почему. Все правительства соображают, что против американского лома нет приёма, если нет другого лома. Индия и Пакистан обзавелись атомным оружием. Северная Корея готовится провести подземное ядерное испытание и начинает работы по установке на своих ракетах ядерных зарядов. Процесс расползания ядерного оружия де-факто будет продолжаться: секрет атомной бомбы давно не секрет, в мире достаточно специалистов, способных собрать ядерное взрывное устройство. Желание безъядерных государств обзавестись этим видом оружия стремительно нарастает, и вызвано это теми же причинами, что и мировой терроризм.

Дилемма проста: или финансовые воротилы с помощью своего жандарма в лице правительства США и его армии покончат с человечеством, или человечество покончит с финансовыми воротилами. Вашингтон подавляет всех ради господства над мировыми ресурсами, но этот глобализм уничтожает культуру народов, подрывает основу их выживания. И един-

ственным способом остановить агрессию руководителям слабых стран представляется наличие собственного атомного оружия. В крайнем случае создание иллюзии, что оно у них есть. Это тоже элемент информационной войны.

А вот Израиль. Получив атомную бомбу с помощью США и его друзей по НАТО и став единственной ядерной державой на Ближнем Востоке, он тут же начал яро возражать против атомных проектов арабских стран и Ирана, одновременно отказываясь от создания безъядерной зоны в ближневосточном регионе. А США и их союзники предлагают всем другим согласиться, что евреям, так сильно пострадавшим от нацизма, обязательно нужно быть защищёнными. Однако, если бомбу создадут цыгане, пострадавшие от нацизма ещё больше, вряд ли Америка будет их защищённость приветствовать.

Это война за свои преимущества. Нет в ней никакой морали, а любые апелляции к «законности» — наглый обман. Скажем, от Ирана требуют отказа от любых технологий обогащения урана, хотя статья 4 договора о нераспространении устанавливает неотъемлемое право всех его участников осуществлять исследования, производство и использование атомной энергии в мирных целях без какой-либо дискриминации. Но вот на одной из конференций заместитель госсекретаря США заявил, что любая технология обогащения урана свидетельствует о намерениях обзавестись ядерным оружием и поэтому требуется её запретить. То есть Штаты, по сути, предлагают пересмотреть договор, но — в свою пользу. На это министр иностранных дел Ирана заметил, что Иран будет соблюдать договор о нераспространении в том виде, каким он был подписан, а не так, как этого хотелось бы США. И весной 2005 года Иран объявил о намерении развивать полноформатное производство ядерного топлива. А президент США в очередной раз пригрозил Ирану войной.

Как встраивается в новую картину мира Россия, готова ли она к новому типу войн? Ответ прост: Россия ни к чему такому не готова. Терроризм, религиозная и этническая нетерпимость, сепаратизм, организованная преступность на постсоветском пространстве, основной зоне национальных интересов

России, — налицо. Действия военного ведомства США, интеллектуально, концептуально и организационно перестроившего свои вооруженные силы, вовлекающего в мировое противоборство структуры гражданского общества, в том числе средства массовой информации, — тоже. Но об адекватном развитии российских ВС нет и речи. Разговоры о военной реформе сводятся главным образом к спорам о принципе комплектования вооружённых сил.

Максимум, что появилось «новенького», так это проведение спецопераций. Но, как отмечает П.Я. Поповских, бывший начальник разведки ВДВ, термин «специальная операция» переключался в Военную доктрину РФ из «Основ подготовки и проведения операций» конца 1980-х годов. Там она расшифровывалась как «совместная с МВД операция» — не более того. Дальнейшего развития это понятие так и не получило. До сих пор не установлено, кто и как организует управление в такой операции, не ясны порядок подчинённости и ответственности на всех уровнях, порядок принятия решений и планирования действий «разноведомственных сил», постановки им задач, организации взаимодействия, боевого, тылового и технического обеспечения. Издание такой директивы есть прямая обязанность Генерального штаба, которую он не выполняет.

Состояние дел в России и некоторых других странах бывшего социалистического блока показывает, что их правительства не более чем прихвостни американской политики, в том числе в военной сфере. Понадобится Пентагону втянуть Россию в войну с Китаем, нам разрешат делать корабли и создавать военные базы в Киргизии, например. Не понадобится — не разрешат. А уж позволить России нарабатывать опыт в мятежевойне, этого никак нельзя допустить. Вот чем объясняется бездарность чеченских кампаний, а не нежеланием Генштаба брать на себя ответственность. У нас достойных офицеров всё ещё много. Неоднократные передачи оперативного управления группировкой в Чечне то МВД, то МО, то ФСБ не были необходимыми, они, наоборот, вредны, так как при этом размывается ответственность за конечный результат, теряется

преимственность, нарушаются управление и система обеспечения. Но *зато* армия не приобретает опыта победы. Чеченская война проиграна не террористам. Она проиграна глобализму, она проиграна Пентагону.

Критики современной российской действительности полагают, что Российское государство не проявляет политической воли в отстаивании собственных национальных интересов на международной арене. А зачем нашим деятелям политическая воля? Зачем, если идеи, прогнозы и ценностные установки политического истеблишмента России заимствованы исключительно с Запада?.. Причём подобная «импортная» ориентация мыслей характерна не только для России. Вспомним: ещё вчера Польша и прочие оплёвывали Советский Союз, который в 1968 году «заставил» их участвовать в оккупации свободолюбивой Чехословакии. А сегодня, задрав штаны, те же страны бегут за Пентагоном оккупировать Ирак. И ведь никто не заставлял, сами захотели... Кстати, тогдашним вводом войск в Чехословакию советские вожди, надо отдать им должное, тормозили именно такое развитие событий, какое мы имеем теперь.

В этом — в подстраивании под мнение Запада, под его потребности, — быть может, и лежит причина «пассивности» нашего Генштаба.

А ведь каждая культура и любое государство имеют возможность так или иначе проявить себя в практической деятельности. Так, Китай использует Политическую лексику Запада, а политическую волю черпает в опыте собственной цивилизации. Индия давно перестала копировать западную демократию и создала свою политическую этику. Иначе говоря, всегда есть возможность *выбора* реальных альтернатив, определения собственных целей и средств их достижения.

Между тем идёт сетевая война. Она не заметна равнодушному взгляду потребителя благ, но те, кто пытается ею руководить, отлично понимают, что к чему. Стратеги и высшие чиновники в Вашингтоне уже увидели её «тёмную» сторону. Растущая осведомлённость террористов очевидна. Многие группы не имеют лидера, но проявляют способность быстро

собираться вместе для проведения атак, подобно тому как это было в «зелёной» армии Махно. Уровень технологической изощённости сети значит многое — люди думают, что технологии в такой войне важнее всего, — но другие уровни, вроде взаимного доверия, идентичности целей, социальной поддержки, значительно больше повышают мощь конкретной группы. Когда социальные (национальные, клановые) связи сильны, эффективность сети растёт!

Нужно осознать, что сетевые структуры могут сильно различаться: от простой «цепочки» до линейной сети, от простой «звезды» или «центра» к сложной матрице; любые виды и все вместе могут смешиваться в раскидистые сети со множеством центров. Совсем недавно при оценке противника было достаточно изучить иерархические структуры лидерства. Теперь это в прошлом.

Но есть и другая сторона дела: превращение в сети самих государств и союзов государств. Предположим, президент некоей страны и министр обороны входят в одну и ту же «тройку», у них общий, никому неведомый начальник. А министр экономического развития той же страны входит в вышестоящую «тройку». И президент не смеет снять министра с должности. Они могут даже собачиться на виду у людей, а делать будут то, с чем согласятся их не известные никому начальники. И таких сетей в правительстве этой «некоей страны» может быть много! Какого типа доктрину использует тот или иной участник сети? Это важно выяснить, ведь от одного человека может зависеть результат всей войны. А как это сделать, если работа национального государства превращается в нечто вроде непрерывного спектакля, идущего на сцене, и совсем не видно, кто там за декорациями двигает мебель, кто дописывает сценарий, кто его редактирует, кто приносит тексты «актёрам», то есть членам правительства...

Разобраться, что происходит в мире, через анализ дипломатической деятельности стало совершенно невозможно, а ведь это характерно только для военного времени. И это есть самый большой вызов, возникший с появлением сетевой войны.

Как иголкой убить слона

В США, после теракта 11 сентября, создали при Пентагоне Управление стратегического влияния (УСВ). Газета The New York Times сообщила, что его главная задача — дезинформация в мировом масштабе. По данным газеты, планы УСВ включают организацию «сливов» ложной информации журналистам, общественным организациям и правительствам иностранных держав, причём как враждебных, так и «дружественных». Во главе УСВ администрация Буша поставила бригадного генерала Саймона Урдена, который во времена Рейгана был одним из руководителей программы СОИ — программы, политическая значимость которой основывалась не столько на реальных успехах в области НИОКР, сколько на умелой дезинформации.

Подобное развитие событий много лет назад предсказывал Е.Э. Месснер. Напомним, что он говорил в книге «Всемирная мятежевойна»: *«Воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трёхмерном пространстве, как было с момента рождения военной авиации, а в четырёхмерном, где психика воюющих народов является четвёртым измерением... Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для себя, другая — для противника. Но и двуличия мало — требуется многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов — особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность».*

Фанаты Америки утверждают, что против врагов это правильная мера, а вести пропаганду внутри США Пентагону (впрочем, как и ЦРУ) запрещают американские законы и по этому-де УСВ не будет работать внутри страны. Но, скажем, в эпоху «холодной войны» такой же запрет обходили, размещая дезинформацию в авторитетных информационных агентствах за рубежом, вроде Reuters или France Presse, а оттуда она попадала в американские газеты. Власти США никогда не церемонились особо даже со своей страной — представляете, что они могут позволить себе относительно других стран?

Мы не должны забывать, что идёт война *всех против всех*. В том числе правительства США против интересов народа США.

Если понадобится «утопить» Америку и перенести штаб-квартиры базирующихся здесь ТНК, например, в Англию — «утопят» Америку.

УСВ начало с создания мировой сети формально независимых организаций и медиаструктур (вновь учреждённых или уже существующих), которым и было поручено распространять нужную информацию (читай: дезинформацию). Эта организация работает и в России. Раньше, во времена СССР, были бы трудности, а теперь простор для деятельности огромный: почти любая российская газета имеет достаточное количество журналистов, готовых по сходной цене придать лживым «сливам» требуемый в данный момент оттенок.

А к чему это может привести, показывает пример Украины.

Организации, подобные УСВ, распространяют мнение, что так называемая оранжевая революция, произошедшая на Украине, есть народная революция нового типа. Это верно, только надо учитывать, что она — продукт продвинутых политических технологий. И стоит в ряду других событий, произошедших в Сербии и Грузии.

Что общего в этих революциях? Стараниями властей народ был достаточно возбуждён. И если следовать классической теории революции, верхи, совершенно точно, не могли править по-новому. А вот нежелание народа жить по-старому подогревалось извне. Кто приложил столько сил для проведения «народного» восстания, вложил деньги, способствовал созданию общественных движений, пустивших направление процесса в нужном направлении? США и Евросоюз. Принцип «кому выгодно, тот и автор» тут работает полностью.

Идёт война, только не между странами, а между межнациональными структурами. Внешним силам нужно сменить власть в какой-либо стране для достижения каких-то своих целей. И они это делают.

Китайский генерал и военный теоретик Сунь-Цзы, чью жизнь датируют V—VI веками до н.э., в своей книге «Трактат о военном искусстве»* писал следующее:

* Полное название трактата «Сунь-Цзы бин фа», что в точном переводе с китайского значит «Правила ведения войны мудреца Суня».

«Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всего полно, будь наготове; если он силён, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нём самомнение; если его силы свежи, утоми его, если дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает. Никогда ещё не бывало, чтобы война продолжалась долго, и это было бы выгодно государству... Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны. Лучшее из лучшего — покорить нужную армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости...»

Можно считать, что здесь описана стратегия непрямых действий.

Известный социолог Александр Зиновьев описал эту стратегию как метод борьбы слабого с сильным, назвав её «Как иголкой убить слона». Далее, для лучшего понимания читателем сути стратегии, мы до конца главы даём текст Зиновьева.

ПРЕЦЕДЕНТ ЦИРКУЛЯ

В начале тридцатых годов прошлого века в московских дворах образовывались детские банды. Они нападали на «чужих» детей, отбирали у них деньги и вещи, избивали. Однажды (мне было десять лет) я ходил в магазин купить циркуль «козья ножка». У этого циркуля был острый конец. Когда я возвращался домой, меня окружили ребята из одной такой банды. Их было больше десяти человек. Они были старше меня. Каждый по отдельности мог справиться со мной. Они потребовали вывернуть карманы, угрожая избить. Я вынул циркуль, показал его им и сказал, что выткну глаз первому, кто дотронется до меня. Они стушевались, расступились и пропустили меня. После этого обо мне распро-

страшился слух, будто я отчаянный бандит и связан со взрослыми бандитами. Я прожил в этом районе потом шесть лет, и ко мне никогда никто не приставал: боялись.

Не я открыл описанный выше способ самозащиты. В истории человечества и в повседневной жизни людей он был и является обычным делом. **Общий принцип его — способность одного из участников борьбы быть опасным для другого в достаточно высокой степени.** В современных условиях в мире (с современным оружием и средствами коммуникации) эта способность приобретает особо важное значение. Конкурировать, например, в отношении вооружений с США сейчас вряд ли способна какая-то страна в мире, включая Россию и Китай. Но иметь оружие, делающее обладателя им опасным для потенциальных агрессоров, могут многие страны. Опасным до такой степени, что такие страны способны причинить в ответ на нападение такой ущерб агрессору, что нападение теряет смысл. С этой точки зрения разница между тем, обладает страна тысячью ядерных бомб или всего лишь десятком (при том условии, что из этих десяти она может сбросить на агрессора хотя бы одну), теряет смысл. Не случайно потому США так боятся того, что ядерное оружие попадёт в руки антиамерикански настроенных стран, народов, террористических организаций. Они опасаются не за некое человечество, которое они готовы при случае уполовинить, а за своё положение в мире и своё благополучие.

ПРЕЦЕДЕНТ ЛЕОНИДА

Как известно из школьного учебника по истории, спартанский царь Леонид с тремястами воинами сдерживал наступление трёхсоттысячной армии персов. Численное неравенство сил колоссальное. Но спартацы приняли решение сражаться до последнего. И место для сражения (Фермопилы) выбрали такое, что персы, двигавшиеся по узким горным тропам, не могли использовать своё численное превосходство. Этот прецедент интересен также вот чем. Даже тридцать воинов в тех условиях могли бы сдерживать армию персов, но если бы спартацев тут было три тысячи или более, их способность противостояния персам не увеличилась бы, если бы не снизилась. Это выглядит как парадокс. А

на самом деле тут имеет силу вполне реалистический расчёт. Во время нашей войны 1941—1945 годов с Германией имели место многочисленные случаи, когда небольшие подразделения выдерживали тяжелейшие сражения с противником, во много раз (порой в десятки) превосходившим их (например, оборона Брестской крепости, панфиловцы), а целые дивизии и даже армии не могли использовать свои боевые потенции и капитулировали. Обратите внимание, какие огромные силы привлекаются для борьбы с немногочисленными преступниками, захватывающими заложников. Какие вооружённые силы России задействованы в Чечне в войне против сравнительно немногочисленных боевиков. А США мобилизовали огромную армию с новейшим вооружением против террористов, достаточную для «нормальной» войны с армиями целых стран. И как бы мы ни относились к террористам, надо признать, что они весьма умело использовали условия на Западе в своей неравной войне против США (также и чеченцы в войне против армии РФ). Общий принцип случаев такого рода — **поставить противника в такое положение, чтобы он не смог использовать своё превосходство в силе.**

ПРЕЦЕДЕНТ ПИССАРО

Конквистадор Писсаро с тремястами воинами победил армию индейцев, превосходившую его отряд по численности в тысячу раз. Конечно, европейцы были лучше вооружены. Однако индейцам даже без оружия было достаточно просто двигаться на пришельцев, чтобы втоптать их в землю. Но они этого не сделали. Они капитулировали. Почему? Эта операция Писсаро может служить классическим образцом тому, как иголкой убить слона. Решающую роль тут сыграло интеллектуальное преимущество европейцев. Индейцы не имели о них никакого практически важного представления. Писсаро же знал кое-что об индейцах, важное с точки зрения войны, — об их социальной организации, об их воззрениях, о статусе их вождя. Последний для них был богом. Они были убеждены, что всякий, кто посягнет на него, погибнет. Писсаро со своими воинами набросился на вождя индейцев, захватил его. И ничего такого, чего ожидали индейцы, не случилось. Поражённые этим, они капитулировали без боя. Писсаро угадал

самое уязвимое место в армии индейцев, можно сказать — её ахиллесову пяту. И воспользовался этим. Для этого, разумеется, потребовались решительность и способность пойти на риск. Случаев такого рода, как прецедент Писсаро, в истории человечества было много. Их можно наблюдать и в наше время. Общим для них является умение одного из объединений людей **заметить уязвимый пункт другого и использовать это преимущество в борьбе с ним.** Это преимущество — интеллектуальное. Интеллект тут особого рода: не беспристрастно познавательный и не созидательный, а пристрастный и разрушительный, направленный на нанесение ущерба противнику, на его покорение или уничтожение. Различие тут подобно различию между интеллектом зоолога, изучающего животных, и интеллектом охотника, желающего убивать этих животных. Последний тоже изучает животных, но не как учёный зоолог. **Ему важно знать, куда нужно стрелять, чтобы поразить животное.** Все годы «холодной» войны тысячи западных специалистов (советологов) изучали Советский Союз. Но они не сделали ни одного серьёзного научного открытия. У них была другая цель — искать наиболее уязвимые места в советском человеке, ударяя в которые можно было бы ослабить и в конечном итоге убить этого коммунистического «слона». С научной точки зрения, вся советология достойна насмешки и презрения. Но как наука для «охотников» на советского «зверя» она оказалась весьма полезной и эффективной для победы Запада в «холодной» и затем в «тёплой» войне против Советского Союза. К этой теме я вернусь ниже.

УБИТЬ СТАЛИНА

Я рано встал на путь бунтарства против дефектов советского строя и стал антисталинистом. В десятом классе школы я стал членом террористической группки, планировавшей убить Сталина. Нас было несколько ничтожных по силам человечков. Нам противостояло могущественное общество с могущественной системой власти и репрессий. Нам казалось, что, убив Сталина, мы сделаем величайшее благо для миллионов соотечественников. Мы шли на верную гибель при этом. Потому мы считали наше поведение морально оправданным. Проблема состояла в том,

как осуществить покушение технически и где добыть оружие. Обсудив все доступные нам варианты, мы остановились на том, чтобы осуществить замысел во время демонстрации, и это было не невозможно. Колонна, в которой шла на демонстрацию наша школа, проходила недалеко от Мавзолея Ленина. Никому бы не пришло в голову, что какие-то невзрачные мальчишки и девчонка способны на такое серьёзное дело, — на дело, как мы думали, эпического масштаба. Так что наш расчёт был правильный: мы заметили уязвимое место в охране Сталина. Уже после войны я узнал, что мы были не единственными «умниками». В это же время была разоблачена более серьёзная террористическая группа студентов, тоже планировавшая покушение на Сталина и тоже во время демонстрации. Я вспомнил этот эпизод из прошлого в связи с фактами терроризма, информацией и разговорами о которых сейчас забывают сознание миллиардов людей. При этом о терроризме говорят как об абсолютном зле, причём — беспричинном. Якобы просто появляются такие неполноценные существа, некие недочеловеки. А почему они появляются, такой вопрос вообще отпадает. И уж тем более говорить об их социальной роли есть идеологическое табу.

ТЕРРОРИЗМ

Возьмём нашу террористическую группку. Её не разоблачили, поскольку меня арестовали по другой причине и группка, как я узнал уже после войны, просто «испарилась». Но если бы её разоблачили, нас, конечно, осудили бы, как это сделали с другими группами, которые появлялись в те годы. И правильно бы сделали; мы были преступники, воплощение зла. Ну а если бы наше покушение вдруг удалось? Как бы наше поведение оценили теперь (если бы, конечно, советский коммунизм был разрушен)? Наверняка нам памятники поставили бы. Ведь называли же улицы советских городов именами цареубийц. Считают же героем Штауфенберга, пытавшегося убить Гитлера. **В реальной истории оценка терроризма зависит от того, кто даёт оценку, кому, в каких условиях.**

США и страны НАТО совершили нападение на Югославию, не считаясь с нормами морали и права. Мы имеем основания оце-

нивать их поведение как терроризм. Они сами так своё поведение не оценивают, поскольку сила на их стороне. Они оценивают действия президента Югославии Милошевича, боровшегося против албанского терроризма, как преступные, а действия албанских террористов — как правомерную борьбу за национальную независимость. Они оценивали действия российских властей и вооружённых сил против чеченских террористов как нарушение прав человека и поддерживали этих террористов. Они заговорили о мировом терроризме как об абсолютном зле, оставляя за собой право решать, кого считать этим злом. Сейчас забыли о том, что ЦРУ готовило покушение на Фиделя Кастро. И если бы оно удалось, осуществившие его агенты ЦРУ получили бы награды и вошли бы в историю США как герои.

Терроризм не есть нечто беспричинное или нечто коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Это — явление социальное, имеющее корни в условиях социального бытия людей. То, что сейчас в США называют мировым терроризмом, есть закономерная реакция определённых стран и народов, ставших жертвами глобализации и западнизации, то есть войны, которую США и страны НАТО уже ведут за мировое господство. Терроризм не есть нечто одинаковое для всех времён и всех регионов планеты. Одно дело — терроризм, порождённый условиями дореволюционной России, и другое дело — терроризм в послереволюционные годы (например, покушение на Ленина). Одно дело — терроризм в Югославии и в России, поддержанный странами Запада во главе с США, и другое дело — терроризм в отношении самих США. Надо различать терроризм одиночек (вроде Халтурина) и организаций (народовольцы, эсеры), оппозиционеров к власти и самих властей (властей гитлеровской Германии, властей США) в отношении конкретных лиц (царь Александр Второй, Столыпин, Сагат, Ганди) и случайных людей (взрывы в Оклахоме, Москве, Будённовске), уголовный и политический, а также по другим признакам. Сейчас же говорят о терроризме вообще, полностью игнорируя социальную сущность тех или иных террористических актов. Тем самым стремятся скрыть социальную природу происходящей мировой войны, изобразить её так, будто с одной стороны стоят благородные борцы за благо всего

человечества (США и их союзники), а с другой — недочеловеки-террористы. И чтобы хоть как-то сгладить чудовищное неравенство сил, изобретается некая мощная мировая террористическая сеть, якобы угрожающая самому существованию человечества. Общим для террористов действительно является использование средств, осуждаемых морально и юридически. Эти средства относятся к множеству таких, которые я обозначаю выражением «как иголкой убить слона» и которые используются не только террористами. США использовали эти средства на протяжении всей своей истории больше, чем любая другая страна в мире. При этом они никогда не считались с моральными и юридическими нормами, истолковывая их по своему произволу. Эти средства в огромных масштабах использовались Западом во главе с США в «холодной» и затем «тёплой» войне против Советского Союза и Югославии. И используются сейчас в мировой войне, перешедшей в стадию «горячей».

ДВЕ НАУКИ

Во всякой борьбе противники так или иначе изучали друг друга. Но это изучение было весьма ограниченным и спорадическим. Занимались этим в основном агенты секретных служб и дипломаты. Во второй половине двадцатого века наступил перелом. В ходе «холодной» войны в странах Западной Европы и в США (в последних главным образом) были созданы бесчисленные исследовательские центры и разведывательные службы, в которых были заняты тысячи профессионально подготовленных сотрудников. Эти сотрудники не были связаны предрассудками академической науки, нормами морали и юридическими законами. Они имели вполне конкретные задачи, решение которых вынуждало их на нестандартный и даже авантюристический подход к противнику — к Советскому Союзу, советскому блоку, коммунистической социальной организации. Это сказалось на организации, на способах обработки собираемой информации и на выработке рекомендаций для учреждений власти. Они создавали «науку для охотников на советского зверя». Хотя это не была наука об этом «звере» как таковом, то есть не была наука в академическом смысле, она была достаточна для того, чтобы обеспечить более

высокий интеллектуальный уровень ведения войны, чем тот, с которым Советский Союз заканчивал её. В Советском Союзе создание академической науки о современном Западе было исключено господствовавшей марксистской идеологией, а «наука для охотников на западного зверя» находилась в жалком состоянии. И это стало одним из факторов поражения Советского Союза. Сейчас Россия оказалась в таком состоянии, что для неё проблемой номер один стала проблема исторического выживания и самозащиты от могущественнейшего врага, какого ещё не было в истории человечества. Эта проблема возникла не на несколько лет, а на много десятилетий, если не на весь двадцать первый век. **Без основательной разработки науки о методах борьбы против превосходящего по силам противника с этой эпохальной задачей в принципе невозможно справиться.** Новым сравнительно с прошедшим периодом тут является то, что развить «науку для охотников» теперь невозможно без развития академической науки о том «звере», от которого приходится защищаться, и о том «охотнике», которому приходится защищаться.

Возвращаясь к случаю из моего детства, с которого я начал статью, можно сказать: нужно на научном уровне знать, что из себя представляют обложившие тебя «звери» и с каким «циркулем» ты можешь проложить для себя историческую дорогу.

Реализация стратегии не прямых действий

Если война объявлена и ведётся, то стратегия не прямых действий — это *система военно-политических и военно-стратегических мер, направленных на создание неблагоприятных для противника условий развёртывания и применения его вооружённых сил, через осуществление блокады, нарушение коммуникаций, срыв снабженческих перевозок, подрыв военно-технического потенциала.* Такое определение стратегии можно дополнить тем, что допустимо также разрушение союзов противника с третьими силами, применение тактики выжженной земли и нарушение мобилизационных мероприятий, проведение военных и идеологических диверсий, психологическое воздействие на население страны, войско и флот. Эту стратегию выгодно при-

менять в сочетании с проведением ограниченных операций по разгрому определённых группировок вооружённых сил противника.

Наиболее подробно её применение в ходе боевых действий описал английский военный теоретик Б.Х. Лиддел-Гарт* в книге, которая так и называется: «Стратегия непрямых действий». Вот что он писал во введении к своей книге:

«Мы вступили в новую эру стратегии, сильно отличающейся от стратегии, которой придерживаются сторонники атомной авиации, являвшиеся революционерами минувшей эры. Стратегия, которую в настоящее время разрабатывают наши противники, преследует две цели: сначала уклониться от ударов превосходящих воздушных сил, а затем ответными ударами парализовать их. Как ни странно, чем больше мы признаём необходимость нанесения массированных ударов бомбардировочной авиацией, тем больше помогаем совершенствованию этой новой стратегии партизанского типа.

Наша собственная стратегия должна основываться на ясном понимании этой концепции, а наша военная политика нуждается в соответствующей перестройке. Исходя из стратегии противника, мы можем эффективно разработать соответствующую контрстратегию. Здесь можно попутно отметить, что уничтожение городов водородными бомбами привело бы к уничтожению нашего потенциального союзника — пятой колонны.

Широко распространённое мнение, что атомное оружие упразднило стратегию, является необоснованным и дезориентирующим. Доведя разрушительность до крайности самоубийства, атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию непрямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведётся разумно в отличие от грубого применения силы. Признаки такого возвращения к применению непрямых действий уже выявились в ходе Второй мировой войны, в которой стратегия играла более значительную роль,

* Бэзил Лиддел-Гарт — выдающийся военный мыслитель XX века. Он был одним из первых разработчиков теории стратегических бомбардировок, разрушающих промышленную инфраструктуру и гражданские объекты противника. Но ключевой его идеей был принцип непрямых действий.

чем в Первой мировой войне, хотя большая стратегия отсутствовала. В настоящее время атомное оружие, не позволяющее применять прямые действия, имеет тенденцию стимулировать разработку агрессорами более гибкой стратегии. Таким образом становится всё более очевидным, что этому мы должны противопоставить соответствующее развитие своего стратегического искусства. История стратегии по существу является летописью применения и развития метода не прямых действий.

...Метод не прямых действий... является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путём... Как и в войне, цель состоит в том, чтобы ослабить сопротивление прежде, чем пытаться преодолеть его, и это лучше всего достигается выманиванием противной стороны из занимаемых ею оборонительных позиций...»

Как работает стратегия не прямых действий?

Предположим, перед нами стоит военная задача, решая которую мы ограничены временем и ресурсами. Мы собираем разведывательную информацию, с её учётом начинаем разрабатывать оптимальный план и видим, что мы слабее противника и объективно должны проиграть. Мы стараемся собрать как можно больше информации в поисках возможности выровнять шансы. Эту стратегию можно назвать прямой, или немецкой; успех зависит от точности и информированности, то есть от качества работы разведки и прочих участников. Но если мы слабее, то вероятность решения поставленной военной задачи всё же сомнительна.

Тогда мы переходим к другой стратегии. Мы заранее подготавливаем сразу много событий, которые должны будут встретиться враждебным войскам на их пути. После довольно тру-

доёмкого (хотя и не более трудоёмкого, чем в случае прямой стратегии) подготовительного периода всё «пойдёт само», реальность заполнится искусственными событиями, не требующими нашего непосредственного участия. Так мы выравниваем или даже увеличиваем наши силы.

Эту стратегию можно назвать англосаксонской. Для неё не нужна точность — часть подстроенных «случайностей» может сорваться, но это не помешает конечному успеху. Также маловероятен провал из-за какой-либо непредвиденной настоящей случайности — она ничего не может испортить, ведь план разбит по многим независимым дублирующим друг друга линиям, одновременно сходящимся в одной точке. Для выполнения плана нужна разведка, но совсем не такая, как в первом случае. Нужна информация не столько о самой армии, сколько о тех условиях, в которых она будет перемещаться, чтобы определить, где ей можно устраивать разные относительно мелкие гадости.

Вражескую армию будут постоянно преследовать неприятности, всё время напоминающие о противнике, но его самого не будет видно!

Можно привести такую аналогию. Некий богатырь собрался на бой с нами. Он заведомо более сильный и, кроме того, облачён в тяжёлые доспехи; у него шлем с забралом, он хорошо вооружён, конь под ним закован в броню. Конечно, он рассчитывает спокойно выехать в чисто поле и без проблем нас победить. А мы, когда он будет проезжать через лес, высыпем на него с дерева разных паразитов, муравьёв и ещё какую-нибудь кусачую или ядовитую живность. Когда она проникнет под доспехи, то начнёт его жалить и тиранить, а доспехи станут препятствием для уничтожения живности. И вот богатырь сам себя бьёт металлическими рукавицами по металлическим латам. Скидывает шлем, спрыгивает с коня, начинает кататься по земле, срывая свои доспехи. Теперь можно с ним разобраться. Он безоружен, подавлен, и победить его не представляет труда.

Нечто подобное сегодня наблюдается в Ираке. Каждый день гибнут американские солдаты или служащие проамериканской администрации. А противника будто бы и нет!

Но важно следующее: *ничто не мешает вести такую стратегию обособленно*, без непосредственного применения вооружённых сил и даже вообще без объявления войны. Можно применять целый комплекс разного рода политических, экономических, дипломатических акций, одновременно проводя диверсионные операции. Ведь основной принцип современной сетевой войны — «обмани»! Мы с вами дружим (обман); мы с вами не воюем (обман); какие-то взрывы на вашей территории — это не мы виноваты, это международные террористы (обман). Примеры такой стратегии — многочисленные попытки отравить Фиделя Кастро; разрушение СССР; этап «Щит пустыни» в ходе войны в зоне Персидского залива в 1991 году; свержение Шеварднадзе в Грузии; «оранжевая» революция на Украине и т.п.

Лиддел-Гарт пишет, что влияние разума одного человека на разум другого есть важнейший фактор мировой истории и что в подобном влиянии непрямые действия — основа всего. Разум влияет на разум, противника нет, происходят *вроде бы* случайные события, а результат?.. Для СССР он был печальным. Красивые рассказы зарубежных радиоголосов, затем красивые картинки по собственному ТВ; цепь событий, происходивших как бы сами собой... В итоге к концу 1980-х большинство населения признало поражение своей страны. Люди почувствовали доверие, даже любовь к Западу, а своё советское руководство стало выглядеть в их глазах злым и недалёким. Восемнадцатимиллионная КПСС, вступить в которую приглашали всё-таки самых образованных и трудолюбивых из числа трудящихся, предстала врагом всего живого на планете. Народ великой державы, поддавшись очарованию момента, доверился жуликам, но будущее оказалось не сказочно красивым, а конкретно ужасным.

Другой пример — «бархатные» революции вроде грузинской и украинской, которая наиболее показательна. Восторженные революционеры говорят, что это были бескровные, более того, «радостные» события — революции цветов и песен, что именно это обезоруживало режим и не давало ему оснований для насильственного подавления. Но так ли это? Зи-

мой достаточно было бы обычных пожарных машин, и площадь пресловутой «незалежности от здравого смысла» опустела бы в пять минут. Однако правители оказались в «рогатке». Как должностные лица национального государства, они хотели сохранить власть, а как винтики глобального механизма — боялись огорчить Запад. Да и персональные финансовые счета в западных банках тоже не последний аргумент.

Так было и в «бескровной и радостной» революции 1991 года в России. Горбачёв был заложником собственной двусмысленной политики. То же и Кучма: он не мог разогнать митинги, ибо это означало бы для него лично полный разрыв с США и Европой. А риск оказаться в роли главы государства-изгоя с перспективой ареста счетов на Западе неприемлем для этих лидеров. То есть Кучма думал не о стране, а о своём личном будущем и все силы бросил на торг о приемлемых для него условиях сдачи страны. А уже следом двинулась и вся элита: Рада, Избирком, Верховный суд...

Можно предположить, что сценарий действий таков. Сначала идёт создание различных общественных организаций, фондов, институтов, экспертных советов и т.д. Те зарубежные силы, которые желают в своих целях сменить власть в этой стране, выделяют деньги. Под эти деньги объявляется конкурс на лучшие проекты «улучшения чего угодно». В конкурсе, как правило, участвуют многочисленные местные правозащитные объединения, антикоррупционные союзы, экологические организации, а также несметные орды «общественников».

Цель не формулируется напрямую, но все прекрасно понимают, подо что им дают деньги, и они выдвигают массу проектов, каждый из которых по-разному, но играет на решение одной «великой» задачи. Абсолютно точное соответствие стратегии не прямых действий! Из предложенных проектов выбираются наиболее перспективные для заказчика. Ведь только он понимает, что за цель преследуется; никто из участников не представляет этого полностью. По сути, участников используют «втемную». На годные проекты выделяют по 10—20 тысяч долларов; в сумме это будет несколько десятков милли-

онов (а война в Ираке обходится в сотни миллиардов — как говорится, почувствуйте разницу)... Оплаченные заказчиком команды делают всю основную работу, реализуя свои проекты. Конечно же, наверняка найдутся жулики, которые с удовольствием возьмут деньги, но совсем не будут работать. Чтобы их не было много, можно контролировать их, ставя финансирование в зависимость от результатов.

И вот работа началась. Пишутся «открытые письма», организуется забастовки и манифестации, издаются миллионными тиражами книги. «Революционеры-на-зарплате» выпускают сотни листовок-агиток, заваливают обращениями органы власти, проводят международные встречи, обращаются в разного рода межправительственные инстанции, публикуют (за деньги) статьи в СМИ. Их энтузиазм подогревается тем, что после победы они надеются получить свою долю пирога: должности, различные международные премии, приглашения на чтение хорошо оплачиваемых лекций в западных университетах. В итоге эти организации облепят всё информационное поле страны, парализуют работу государственных органов, взбудоражат людей, и если народ *в самом деле* поддастся и продемонстрирует свою «волю», выйдя на улицы, — об этом немедленно раструбят все СМИ! — то условия для смены режима созданы. Затем, когда цели будут достигнуты, заказчик обласкает наиболее активных «революционеров», разрешив им стать новой государственной элитой. А народ останется в дураках.

Главное, что практически никто из сотен создателей и участников этих организаций не будет считать, что он совершает предательство. Каждый из них выполняет какую-то свою, на первый взгляд общественно-важную задачу: один борется с нарушениями прав человека (действительно, безобразие: как можно нарушать права человека?), другой защищает природу (тоже очень важное дело), третий рассказывает людям «правду о режиме». Он и впрямь рассказывает об этом режиме правду, но общей правды о происходящем не рассказывает, потому что сам её не знает; её знают только спецслужбы заказчика. Войны как таковой нет, никаких врагов не видно, а приезжа-

ющие с Запада толпы наблюдателей — они ведь не враги, они друзья, они желают нам добра, они хотят того же, чего хочет и народ, пляшущий на улицах с цветами в руках!

Победа авантюристов автоматически открывает в стране зелёный свет для широкой деятельности транснациональных корпораций; здесь на самых льготных условиях разворачиваются военные базы НАТО. Заказчик вложил в операцию десятки миллионов долларов, но конечная отдача будет исчисляться десятками и сотнями миллиардов!

США и их монополии и раньше имели подобный опыт по проведению «революций», в основном в государствах Латинской Америки. Это называлось «политика канонерок». Вспомним известный роман О'Генри «Короли и капуста». Там президентом был некий Лосада. Но в момент, когда он после выборов должен был получить ключи от президентского дворца, в порту появился военный американский корабль, а на берег сошли мистер Винченти, представитель компании «Везувий» (её прототип — компания «Юнайтед фрутс»), и капитан корабля. А ораторы, вместо восславления Лосады, стали воспевать свободу, будоража толпу. В здешней «рыжей» революции можно найти всё то, что было в украинской «оранжевой»; есть даже некая «милая», не забытая у ступеней дворца.

Вот финал событий:

«...Генерал Пилар был опытный оратор. Он воспользовался минутой безмолвия, которое обычно предшествует буре.

— Граждане Анчурии! — прогремел он, потрясая у себя над головой ключами от дворца. — Я пришёл сюда, чтобы вручить эти ключи, ключи от ваших домов, от вашей свободы, избранному вами президенту. Кому же передать эти ключи — убийце Энрико Оливарры или его сыну?

— Оливарра, Оливарра! — закричала и завывала толпа. Все выкрикивали это магическое имя — мужчины, женщины, дети и попугаи.

Энтузиазм охватил не только толпу. Полковник Рокас взойшёл на ступени и театрально положил свою шпагу к ногам молодого Рамона Оливарры. Четыре министра обняли его, один за другим. По команде капитана Круса двадцать гвардей-

цев из «Летучей сотни» спешили и образовали кордон на ступенях летнего дворца.

Но тут Рамон Оливарра обнаружил, что он действительно гениальный политик. Мановением руки он удалил от себя стражу и сошёл по ступеням к толпе. Там, внизу, нисколько не теряя достоинства, он стал обниматься с пролетариатом: с грязными, с босыми, с краснокожими, с караибами, с детьми, с нищими, со старыми, с молодыми, со святыми, с солдатами, с грешниками — всех обнял, не пропустил никого.

Пока на подмостках разыгрывалось это действие драмы, рабочие сцены тоже не сидели без дела. Солдаты Круса взяли под уздцы лошадей, впряжённых в карету Лосады; остальные окружили карету тесным кольцом и ускакали куда-то с диктатором и обоими непопулярными министрами. Очевидно, им заранее было приготовлено место. В Коралии есть много каменных зданий с хорошими, надёжными решётками.

— Красное выиграло, — сказал мистер Винченти, спокойно закуривая ещё одну сигару.

Капитан уже давно всматривался в то, что происходило внизу у каменных ступеней дворца.

— Славный мальчик! — сказал он внезапно, как будто с облегчением. — А я всё думал: неужели он забудет свою милую?

Молодой Оливарра снова взошёл на террасу дворца и сказал что-то генералу Пилару. Почтенный Ветеран тотчас же спустился по ступеням и подошёл к Пасе, которая, вне себя от изумления, стояла на том самом месте, где Дикки оставил ее. Сняв шляпу с пером, сверкая орденами и лентами, генерал сказал ей несколько слов, подал руку и повёл вверх по каменным ступеням дворца. Рамон Оливарра сделал несколько шагов ей навстречу и на глазах у всех взял её за обе руки.

И тут, когда ликование возобновилось с новой силой, Винченти и капитан повернулись и направились к берегу, где их ожидала гичка.

— Вот и ещё один «presidente proclamado»*, — задумчиво сказал мистер Винченти. — Обычно они не так надёжны, как

* Президент, пришедший к власти вследствие непосредственного изъявления воли народа.

те, которых избирают. Но в этом молодце и в самом деле как будто много хорошего. Всю эту военную кампанию и выдумал и провёл он один. Вдова Оливарры, вы знаете, была женщина состоятельная. После того как убили её мужа, она уехала в Штаты и дала своему сыну образование в Иэльском университете. Компания «Везувий» разыскала его и оказала ему поддержку в этой маленькой игре.

— Как это хорошо в наше время, — сказал полушутя капитан, — иметь возможность низвергать президентов и сажать на их место других по собственному своему выбору.

— О, это чистый бизнес, — заметил Винченти, остановившись и предлагая окурочек сигары обезьяне, которая качалась на ветвях лимонного дерева. — Нынче бизнес управляет всем миром. Нужно же было как-нибудь понизить цену бананов, уничтожить этот лишний реал. Мы и решили, что это будет самый быстрый способ...»

Теперь, подчинив себе всю (пока кроме Кубы и Венесуэлы) Латинскую Америку, монополии взялись за остальной мир. Идёт обкатка новых сценариев. Правда, не обходится без накладок: противостоящая глобализму мощная мировая сила — военно-политические структуры, создавшиеся на идеологии Ислама, — тоже взяла такие сценарии на вооружение. В этом случае Запад уже не так сильно радуется, что «народ победил».

А вот интересно, если бы «цветочную» революцию затеял кто-нибудь в самих США, например, в Техасе, как повела бы себя американская власть? Пригласила бы она наблюдателей из Евросоюза, с Украины и России?.. Сдалась бы?..

Кстати, о России. Уже заговорили о возможности проведения здесь новой «цветочной» революции. А главными структурами, которые ведут войну против России, по сути — вражескими армиями на территории страны, стали её собственные национальные элиты, как бюрократические, так и олигархические; СМИ; институты государства и то, что у нас называют «элементами гражданского общества». К сожалению, не все понимают, какая сила таится в так называемых негосударственных организациях. Целые рои «экологов», «правозащитников», «общественников», национальных организаций на протяже-

нии трёх десятков лет медленно, но верно подрывали стабильность СССР и его союзников. За несколько лет через такие вот сетевые структуры была разрушена Югославия. По той же схеме проводилась «бархатная» революция в Грузии, тем же способом расправились с Аджарией. Так же осуществили переворот в Украине. На очереди другие страны — осколки бывшего СССР. И Россия может пасть жертвой такого сценария.

Большинство российских персонажей мировой политической игры даже не понимают, что происходит и что они делают. Они — пешки и прочие фигуры — работают на свой карман. Ими двигают те, кто взял на вооружение стратегию непрямых действий. Базовые российские исторические национальные ценности — ценности коллективного существования — уже перерождены, а заменившие их ценности индивидуального выживания определяют деятельность всех до одного органов элиты, будь они настроены про-бюрократически или про-олигархически. Для противодействия этому одного лишь понимания механизмов общественного развития недостаточно. Нужно нормальное, а не несостоявшееся государство.

Вот с этим-то и главная проблема; нет у нас «состоявшегося» государства, и можно ожидать, что довольно скоро не будет их нигде. Все они станут элементами сетевой структуры подчинения, территориальными штабами глобальной войны всех против всех. Поэтому мы и стоим на той точке зрения, что изменить ситуацию до наступления Армагеддона невозможно. Игра будет идти, пока существует эта «игровая доска» и действуют эти «правила» игры.

А вот изменить эти «правила» крайне сложно.

Слой продажной элиты очень узок и враждует внутри себя, но неприятное свойство её в том, что она обязательно сплывается перед лицом опасности. Если теперь вдруг возникнет угроза национального возрождения, она в уничтожении народа пойдёт до конца. Если в её сознании только мелькнёт ощущение неминуемости поражения — пойдёт на любые, самые крайние меры. В белых армиях Гражданской войны объединились все: демократы и монархисты, буржуины и помещики, и они без колебаний пригласили иностранщину к дележу Рос-

сии. Сегодняшняя элита значительно грубее и лживее. Она способна на жесточайшие карательные операции и на призвание в страну иностранных войск; она будет выживать ценой потери независимости и уничтожения нашего Отечества. Мы все — её враги в этой войне.

Мир замкнутых сообществ

Пришло время поговорить о вариантах нашего будущего. Вернее, о наиболее вероятных продолжениях сценария «Эпоха ТНК» с его всеобщей войной. Разумеется, предсказать точно, когда и как в условиях нарастающей нестабильности будут развиваться события, нельзя, но тенденции прослеживаются хорошо. Вслед за Бернаром Лиетаром назовём варианты будущего так: «Мир замкнутых сообществ» и «Ад на Земле». Они равновероятны, а их элементы уже проявляются то тут, то там. Первый представляется нам в большей мере «сельским», второй — «городским», хотя они взаимно переплетены, и возможны такие сюжеты, что в кошмарном сне не увидишь.

Если отбросить мелкие нюансы, в сегодняшнем социально-экономическом раскладе заметны три группы стран. Коегде властвует глобализм и потребительское счастье. Коегде (наиболее сильно в исламском, индийском и китайском мире) возобладала тенденция отстаивания своей самобытности, традиционной культуры. Однако многие страны, по тем или иным причинам не сумевшие опереться на собственные традиции, вошли в полосу «смутного времени» и дезинтеграции. Вот как раз в них сценарий «Мир замкнутых сообществ» реализуется вовсю: мелкие сообщества начинают «закукливаться», пытаются установить какое-то пусть неустойчивое, но равновесие между очевидной каждому потребностью *выжить* (что обеспечивают культура и быт) и идущими извне разрушительными переменами. Кстати, в странах Запада это тоже произойдёт в своё время.

При взгляде через призму глобализации наш, казалось бы, чисто российский хаос приобретает свою внутреннюю логику. Страна живёт в состоянии неустойчивого «перемирия»,

вроде того, которое обычно устанавливается на оккупированных территориях. Либерального «потребительского счастья» на всех не хватает. Реформы не поддержаны и не могут быть поддержаны населением, оно лишь приспосабливается к ним в рамках пассивного сопротивления с массовым использованием антисоциального и преступного поведения (вандализм, хищения, насилие), в том числе чисто антигражданского (уклонение от службы в армии, например). А нам уже известно, что в системе с нарастающим ограничением по ресурсам, при её попадании в область неустойчивости (хаоса), могут возникать локально устойчивые участки. То есть при всеобщем нарастании неустойчивости кое-где — в замкнутых сообществах — люди приспосабливаются, создают свой маленький мирок, мало связанный с «большим миром». В нашей стране можно найти массу примеров, подтверждающих это.

Вот, скажем, стоит какой-нибудь академгородок посреди леса. Раньше его целиком финансировало государство, а теперь наука в разоре, государство денег не даёт. Ситуация явно нестабильная. Но в реальности далеко не все институты и лаборатории остались без финансирования, а некоторым его даже увеличили за счёт иностранных грантов. Ясно, что занятые в них сотрудники усиленно работают, им некогда отвлекаться на разные мелочи. В это же время те сотрудники, которые лишились денег «за науку», становятся «челноками» и разъезжают по городам и весям, стараясь по дешёвке раздобыть различные товары и продать их с выгодой в своём городке тем, кто имеет деньги. А третьи занялись огородами или ходят по лесам с корзинками и доставляют для всего населения ягоды, овощи, фрукты и грибы.

В итоге жизненный уровень упал практически у всех, но за счёт «флуктуационного» финансирования в рамках глобально неустойчивой ситуации создалась локальная устойчивость, позволяющая прожить всему городку. Так же происходит в малых городах или в сельской местности рядом с крупными населёнными пунктами.

Если же негативные изменения в стране резко ускорятся, возможно установление принципиально *другой стабильности*

на новом уровне и произойдёт нечто сходное с тем, что произошло с Русью в Средневековье. Тогда, как все вы помните из школьного курса истории, вместо единого, централизованного под властью Киева государства вдруг образовалось несметное множество удельных княжеств.

Это может случиться и теперь; предпосылки созданы, и никакая властная вертикаль дела не спасёт. Прогрессирует архаизация жизни всё большей части населения, и чем дальше от больших городов, тем быстрее. Срезанные ради копеечной прибыли провода оставляют отдалённые сёла без электричества; отмена автобусных маршрутов лишает селян возможности получать образование или медицинскую помощь. В первом случае «наживаются» отдельные нищие граждане, во втором — нищие районные бюджеты. Получать средства к существованию, *работая*, становится невозможно.

Судьба больших городов может оказаться ещё более тяжёлой. Общее обеднение государства и народа не позволяет содержать системы жизнеобеспечения. Судя по динамике процессов, первыми «накроются» сети ЖКХ, прежде всего водоснабжение и отопление. Их дееспособность уже на пределе. Местные власти берут большие кредиты на ремонт водопроводов, но, во-первых, занятых денег хватает только на латание дыр, а во-вторых, даже по этим кредитам города не смогут расплатиться. Расходы же на восстановление систем теплоснабжения настолько велики, что их нельзя покрыть ни за счёт внешних займов, ни за счёт населения. А государство заботу о системах ЖКХ с себя поспешило снять, поскольку сделать ничего не может: по оценкам Госстроя, на начало 2004 года только для стабилизации состояния этих систем требовались разовые затраты в 160 млрд. долларов!

С момента развала СССР планового капитального ремонта жилищного фонда не велось почти десять лет, затем ограничивались разовыми акциями, а потому теперь старение фонда и переход в категорию ветхого и аварийного приобрели лавинообразный характер. Государство не в силах остановить этот процесс, опять же свалив решение «на места». Местные власти обязаны отселять жителей из аварийных домов, но

куда? Некуда. Реально ничего не делается и даже не планируется.

Это, так сказать, о среде, возбуждённой реформами. А вот и об умонастроениях в обществе, оказавшемся в этой среде. Соответствующими исследованиями достаточно надёжно установлено, что нынешнее российское общество в главном *сохранило черты общества традиционного*, «естественного», а совсем даже не стало «гражданским». Из этого прежде всего следует, что правительство не сумеет никакими силами создать в РФ целостного хозяйства по типу западного капитализма. Вторых, «левой» оппозиции не удастся найти социальную базу с помощью лозунгов классовой борьбы, а «правой» — через апелляцию к чувству собственности. Иначе говоря, в современной российской ситуации невозможен вариант объединения общества вокруг «программы реформ» и нет шансов на преодоление «молекулярного» противодействия народа этим реформам. В описанных условиях, когда среда достаточно возбуждена, малейшая случайность может вызвать резонанс с высвобождением громадной общественной энергии, и процесс создания обособленных локальных сообществ резко ускорится, охватит всю страну и станет необратимым.

Люди и так уже во многих местах выживают при лучине, питаются с «подсобных» (на деле основных) хозяйств, а лечатся у бабки-знахарки. Но хотя бы некоторые ездят в райцентр, ходят в «инстанции» за разрешениями, сертификатами, лицензиями на отстрел зайца и прочими страшно нужными бумажками; пишут ходатайства в арбитраж и суд; объявляют голодовки, требуя выплаты зарплат. А придёт момент — и плюнут они на ИНН и прочую связывающую их с государством чертовщину, завалят дороги буреломом, разберут рельсы, выберут себе попа в старосты и кузнеца в судьи, примут беличьи хвосты в качестве средства обмена — и прощай, умытая Россия.

Что интересно, сама глобализация норовит столкнуть страны в архаику: живущие натуральным хозяйством не претендуют на ресурсы, окружающую среду особо не загрязняют, терроризмом не увлекаются. Копшатся себе на огоро-

дах... дикари. Это тем более относится к России, которая в целом неэффективна для эксплуатации и вообще непригодна для жизни.

Представление об «эффективной территории» ввёл французский географ Реклю. По его теории, для жизни пригодна земля, которая находится ниже 2000 метров над уровнем моря, со среднегодовой температурой не ниже минус 2°C. Так вот в России лишь треть земли эффективная. Оленьих пастбищ у нас (19 % площади) существенно больше, чем годных для сельского хозяйства земель (13 %), а нашей пашни (около 100 млн. га) едва хватает для самообеспечения России хлебом. Среднегодовая температура у нас минус 5,5°C. В Финляндии, например, плюс 1,5°C. Есть ещё такое понятие, как «суровость климата», — это разность летней и зимней температур. Тут из двухсот стран мира у нас один конкурент — Монголия. В Улан-Баторе зимой в среднем холоднее, чем на побережье Антарктиды.

А что же может подтолкнуть сообщества к структуризации на новых началах, к «закрытости»? Как уже сказано, «малейшая случайность». Крах денежной системы, например. Если она рухнет капитально, все финансовые соглашения с окружающим миром, вроде зарплат или арендных выплат, станут бессмысленными. Сбережения на чёрный день превратятся в ничто, оставив людей, не ожидавших этого, нагими перед будущим. При таких обстоятельствах обязательно набирают силу коллективные страхи и кошмары; сообщества стремятся запереться где-нибудь, чтобы почувствовать себя в безопасности, избавившись от посторонних людей и обязанностей. Надо же что-то *делать*, чтобы не умереть! И люди начинают делать свою жизнь без присмотра государства, как бы с чистого листа. Примерно то же происходит при потере близкого человека, особенно кормильца. Вот вчера он был, а сегодня его уже нет. Как-нибудь проживём...

Дальше процесс становится устойчивым, и повернуть обратно уже сложно, для этого требуется приложение громадных усилий со стороны государства — а если его уже нет или оно совсем ослабло?..

Другая возможная «мелочь» — природная катастрофа. Предположим, какую-то столицу снесло могучим ураганом или там землетрясением. Раз, и нет государственной власти. Бесспорно, после достаточно серьёзных катастроф никакое правительство не в состоянии заниматься локальными проблемами, и людям волей-неволей придётся так реорганизовать свою жизнь, чтобы стать самодостаточными на своей земле, и тогда, возможно, возникнут новые системы управления.

Уже и так-то из-за интернационализации финансово-экономической, информационной и иных сфер государства повсеместно перестают контролировать внутривнутриполитическую ситуацию, частично теряют влияние на экономику и т.д. Многие функции государства, связанные с экономикой и финансами, переходят к наднациональным институтам, контролируемым финансовыми ТНК. Но законы эволюции неумолимы: если где-то идёт структуризация, в чём-то другом обязательно будет хаос. Вспомним о сепаратистских процессах! Пока финансы объединяются, страны разваливаются.

Перед Второй мировой войной было пятьдесят государств, сейчас их больше двухсот пятидесяти. По некоторым оценкам, через четверть века их может стать до пятисот. Этот искусственный процесс дробления всякий раз являет фазы нестабильности в «делящихся» государствах, а в итоге количество недееспособных правительств увеличивается. Следовательно, появляется и будет появляться всё больше и больше потенциальных плацдармов мятежевойны и зон «закрытых сообществ», уходящих от безумного мира.

Сепаратистские движения начинаются с нестабильности, а дальше её же и раздувают. На этом фоне закономерно развиваются национальные и появляются транснациональные криминальные структуры. Если легальным ТНК государства мешают только до определённой степени, поскольку им выгодно использовать государственные структуры (вне правового пространства им трудно функционировать), то криминалу государство — прямой враг: чем оно и его правоохранительная система слабее, тем им лучше. Получается, что институт государства подрывают с двух сторон: ТНК — до «определённой

степени»; сепаратисты, национальный и международный криминал — без всяких ограничений. Причём и те и другие переманивают в свои ряды правительственных чиновников.

Возникает сетевая форма организации. Она была известна и раньше; разного рода секты, подпольные революционные группы, национально-освободительные и партизанские движения имели и имеют сетевую структуру. Но с появлением современных информационных систем, тоже построенных по сетевому принципу (Интернет, мобильная телефонная связь), подпольные сети приобретают качественно иной уровень организации. Теперь можно, не сходя со своего рабочего места, получать подробную информацию по потенциальным объектам криминальных и террористических акций в любом уголке мира. Можно связываться со своими сторонниками без проблем.

Поскольку интересы криминалитета и сепаратистов во многом совпадают (через зоны внутренних конфликтов легче осуществлять поставки наркотиков, а сепаратистам наркотрафик даёт мощный дополнительный источник финансовых средств, необходимых для закупки оружия), сети переплетаются и борьба общественных структур с государством приобретает характер партизанской мятежевойны.

Кое-где в мире всё описанное здесь произошло, причём в ещё более острых формах. В Югославии началось с денежно-кредитных проблем в конце 1980-х и стремительно вылилось в нетерпимость к «чужакам», которую отдельные лидеры использовали, переадресовав агрессивность народа с себя на них, чтобы в процессе «этнических чисток» укрепить свои позиции. Так что эти чистки — прямое следствие «эпохи ТНК», поскольку денежный обвал произошёл в результате реализации мероприятий Международного валютного фонда в конце 1980-х. Вот вам сразу всё: возбуждённая среда, вовремя выброшенная лживая информация, высвобождение общественной энергии в нужном направлении, разбегание этносов по закрытым обществам и война всех против всех. А ловят и судят в Гаагском трибунале не бухгалтеров МВФ, а лидеров народов, пострадавших от действий МВФ...

Другой пример — крах денежно-кредитной системы 1998 года в Индонезии. В течение нескольких дней на улицах бесновались толпы людей, грабили магазины, подвергнув насилию китайское меньшинство. Точно так же в России дискриминация меньшинств была усилена финансовым крахом. Фактически никто среди интеллигенции любой из этих стран ещё за несколько месяцев до начала погромов не поверил бы в то, что такое возможно у них в стране. Но считать эти события беспрецедентными было бы неверно. Например, еврейское меньшинство стало козлом отпущения для преодоления последствий денежного краха 1920-х в Германии.

Валютные катастрофы приводят людей в состояние страха, отчаяния и гнева. Но жить-то надо! И всё стабилизируется само собой, на совершенно новых началах, без прежнего государства. Да вспомните: только вчера было невозможно себе представить, чтобы развалился великий, могучий Советский Союз. Однако ж...

Желание «нормальных» людей уйти от ужасов мятежевойны, а также ослабление государства, потеря им интереса к проблемам «нормальных» людей делают архаизацию жизни сообществ неизбежной. Случаи перехода к патриархальщине в ближайшие годы могут принять обвальный характер.

Если обрушится система официальных мировых валют, впрочем, даже и без этого, обязательно возникнут местные денежные системы, возможно, беспроцентные. С ними лучше всего сформировать внутреннюю экономику и безопасность сообщества, скрыться в некоем безопасном коконе. Но это будет валюта обмена, и не более того. Многие, что кажется сейчас важным, вроде механизмов валютно-финансового рынка, спекуляций и прочего подобного, предстанет глупостью или преступлением. О научно-технических достижениях будут помнить, пока не исчезнет окончательно электричество и не погаснет последний телевизор. Свои песни, свои ремёсла, свои правила взаимоотношений возобладают в каждом из сообществ.

«Как это ни парадоксально, процесс мировой глобализации сопровождается процессом регионализации, деятельности в

пользу местных приоритетов и местной культурной однородности, — пишет Бернар Лиетар. — Этот процесс может происходить мирно, но, как можно было заметить в течение последних лет, далеко не всегда. Растущая тенденция обращения к местным этническим приоритетам и к культурному разделению на сообщества меньшего масштаба уже спустила с цепи псов насилия и войны в местах, столь непохожих одно на другое, как экс-Югославия, Азербайджан, Руанда».

Итак, по мере исчерпания запасов невозобновляемых ресурсов «зона действия» глобальной рыночной экономики сужается; эпоха ТНК вынуждает всё новые сообщества уходить «назад, в пещеры». Но будем помнить: глобализация и «возврат в пещеры» — процессы обоюдные. Уже сейчас люди в российских деревнях выживают с лучинами, а «блестящие люди мира» пролетают над этими деревнями на самолётах, скажем, в Тюмень — туда, где сырьё. Пока они друг другу не мешают. А вот когда начнётся повсеместный, быстрый и необратимый переход сообществ на самообеспечение, и непременно в сопровождении войн, «глобальному миру» не жить и года. Сами тюменские жители разберут эти самолёты на куски, и не по злобе, а просто чтобы иметь запас железа впрок.

«Блестящих людей» будут резать повсюду.

Война, исподтишка организуемая заправилами мира ТНК ради «нового глобального порядка» для немногих и порождающая хаос для всех остальных, перейдёт в войну нового «локального» порядка для всех, который вгонит в хаос глобальную экономику. И до окончательного краха человеческой цивилизации останется один миг.

Ад на Земле

Сценарий «закрытых» сообществ в большей степени охватит сельскую местность, но обязательно затронет и города, поскольку при общем сокращении ресурса, в том числе продовольственного, село переведёт основную часть съедобных продуктов на себя, оставив горожан на голодном пайке. А вот следующий сценарий — «Ад на Земле» — будет инициирован

из городов и сильно затронет сельских жителей, ускорив их стремление обособиться и противостоять остальному миру с оружием в руках. Мы имеем примеры: продотряды времён Первой мировой и Гражданской войн, выколачивавшие из селян «излишки» продовольствия для питания горожан. За горожанами была *энергия*.

Мало кто задумывается, что практически вся энергия, потребляемая человечеством (за исключением атомной и гидро-термальной, но включая растительную и животную пищу), поступает на Землю от Солнца. Так что наши теплоэлектростанции, наши котельные, наши автомобили и самолеты — это всего-навсего механизмы по быстрому уничтожению запасов солнечной энергии — нефти и угля, копившихся во всём необозримом прошлом.

Деревенским жителям большинства стран мира достаются доли процента от всей энергии, переводимой человечеством на свои нужды. А в целом оно, человечество, за один год уничтожает на свою потребу то, что накапливалось сотню тысяч лет, и от такой богатой жизни увеличивается в численности. На второй год — ещё столько же и опять увеличивается. Потом — больше... Понятно, что вечно так продолжаться не может. Однажды — и очень скоро — запасы иссякнут полностью. В год наступления этого события численность населения Земли будет рекордной: дальше начнется демографический обвал.

Энергетическое расточительство — можно сказать, прожигание — началось давно, а с освоением энергии нефти ускорилось, и особенно быстрый рост наблюдался в XX веке. Людям казалось (и до сих пор кажется), что взятое у природы ничего не стоит, что формула цены товара включает только стоимость основных и оборотных средств плюс примкнувшую к ним прибыль. Никто не даёт себе труда задуматься, что постоянное увеличение производства материальных благ ведёт к истощению природных ресурсов, прежде всего энергетических, что они величина конечная.

Но представьте себе день, когда скважины дадут последнюю каплю нефти. Теплоэлектростанции — последний гига-ватт электричества. Когда встанут ВСЕ заводы, автомобили и

поезда, самолёты и теплоходы, перестанут работать канализация, водопровод, лифты, печи и холодильники... Про телевизоры даже говорить не стоит, это мелочь.

Из-за отсутствия энергии останутся трактора и комбайны, разморозятся промышленные холодильники... а аппетит миллиардов людей отнюдь не ослабнет! Те, кто живёт сейчас в Африке и Азии в условиях полупервобытного состояния, может, и не заметят проблемы. А жители мегаполисов? Ну, конечно, на первых порах вчерашние цивилизованные люди оценят вкусовые качества кошек, собак и воробьёв. Потом появятся «продотряды», но организовывать их ради помощи городам никто не будет; они займутся элементарным грабежом сельской местности ради собственного выживания, а попутно уничтожат сельское население, сделав выживание невозможным.

И вдруг станет ясным, что цена уничтоженных нами и нашими предками ресурсов равна существованию *каждого из нас*.

Важно, что развитие событий по сценарию «Ад на Земле» может начаться (а кое-где уже и началось) задолго до окончания основных энергетических ресурсов, например, вследствие комбинации катастроф или какой-то одной из них, как и в предыдущем сценарии. Это может быть и цунами, и землетрясение, например, в Калифорнии, и мощное извержение вулкана, а финансовая катастрофа — порождение «человеческого гения» — среди первых претендентов на «запал».

Крупномасштабный валютный кризис, который подорвёт, пусть на время, возможности добычи ресурсов, может случиться в любое время. Мексиканский обвал 1994—1995 годов, азиатский кризис 1997-го, российский 1998-го, конечно, не последние денежные катаклизмы. Продолжение политики валютных спекуляций мирового уровня позволяет уверенно утверждать, что подобные эпизоды будут повторяться. А наиболее страшный вариант ожидает нас при обрушении американского доллара. Тут нет вопроса, случится или нет, вопрос иной: *когда?*..

Каждая национальная валюта в мире (кроме швейцарского франка) привязана к доллару и потому полностью зависит от стабильности этой опорной валюты. Вероятность крушения растёт год за годом вслед за ростом объёмов спекулятивных

потоков на 15—25 % в год, в то время как система мер безопасности, выстроенная центральными банками, остаётся на прежнем уровне. При ныне действующей финансово-экономической парадигме остановиться нельзя — рухнет всё. И продолжать тоже нельзя по той же причине.

Сценарий «Ад на Земле» уже реализуется практически, потому что это мир, где полно работы, которую позарез *надо сделать*, но денег, чтобы запустить процесс, нет. Наука достигла такого уровня, что вполне могла бы загодя решить энергетическую проблему человечества, но денег нет. Чтобы наука смогла решать эту проблему *позже* (после обвала), понадобятся образованные кадры, но денег, чтобы учить молодёжь, нет. Однажды начавшись, денежный кризис углубляется всё больше. Если дети не имеют возможности развиваться, начинается маргинализация общества. Без образования у детей в их аду нет шансов получить работу, а также и жильё. А между прочим, еда, одежда и жильё — важнейшие потребности человека. Потеряв их, он или умирает, или превращается в животное.

Бернар Лиетар сообщает, до чего трудно оказалось найти надёжные статистические данные о бездомных в благословенной Америке, особенно о бездомных детях. Главенствующие СМИ обращаются к этой теме всё реже и реже, а проблема-то становится всё серьёзнее! Число упоминаний о бездомных в заголовках Washington Post понизилось от ста сорока девяти в 1990-м до сорока пяти в 1995-м и до восемнадцати в 1998 году. Сотрудница статистического бюро объяснила это так: *«Те, у кого есть деньги, не интересуются поиском подобной информации; у тех, кто интересуется, нет денег, чтобы это выяснить. А исследователи предпочитают проводить исследования, за которые им смогут заплатить»*.

Да, сторонники теории «как-нибудь само рассосётся» или «будем надеяться на лучшие времена» не только не пытаются как-то решать эту проблему, но и предпочитают её вообще не замечать. Между тем в Америке есть абсолютно бездомные, и их число растёт. А наиболее быстро растущая доля бездомного населения — семьи с детьми, сейчас их около 40 % от общего

количества бездомных. В Америке (!) дети составляют 27 % от общего числа бездомных, а их средний возраст устойчиво понижается. Если в 1987 году средний возраст бездомного ребёнка в Нью-Йорке составлял девять лет, то к 1992 году эта цифра понизилась до четырёх лет.

Растёт число бездомных и в других странах. В ту же сторону двинулась наша дорогая Россия, славящаяся своими зимними морозами.

Душевные болезни — ещё один путь в ад. Проведённые в Чикаго исследования обнаружили, что 32,2 % недавно поступивших психически больных перед своей первой госпитализацией лишились жилья. Сколько таких в России? Никто не исследовал. Зачем?..

Разве нельзя назвать это реализацией сценария «Ад на Земле»?..

По данным доклада администратора Программ развития ООН Густава Спета, 60 % людей в мире живут менее чем на два доллара в день. Из них около 1,3 млрд. человек живут в абсолютной нищете; их доход менее одного доллара в день, и таких становится всё больше. Каждый год 13—18 млн. человек — в основном дети — умирают от голода и нищеты. За последние тридцать лет разрыв в доходах на душу населения между развитыми и развивающимися странами утроился.

Чтобы сохранить существующий средний уровень жизни людей в развитых и улучшить состояние жизни в развивающихся странах при нынешних темпах роста численности, необходимо увеличить производство товаров в пять—десять раз, производство энергии в пять раз. Но это *невозможно*, потому что даже сегодняшняя нагрузка на природу недопустимо высока и энергетические ресурсы заканчиваются.

В наше время аналитики активно используют термин «серые зоны»*. Это зоны, которые находятся, по сути, вне реального контроля легальной власти и о ситуации в которых мало что известно. Их много везде: в Африке и Южной Америке, в Азии и промышленно развитых странах, в том числе в США —

* Термин пришел из ПВО, где он обозначает участки местности, недоступные контролю радаров.

и становится больше по мере глобализации, отступления и ослабления национальных государств.

Есть локальные зоны, чья территория — одна улица или один городской район. Развивается структура городского бандитизма; в условиях скудости ресурсов банды превратились в нормальный способ существования; целые районы в мегаполисах, таких, как Лос-Анджелес, Рио-де-Жанейро, Мехико, Манила, Лима, Киншаса, и других — это царство «банднаселения».

Есть геопространственные зоны, охватывающие громадные территории до нескольких стран. Их контролируют либо криминальные сообщества (зона Медельина в Колумбии, целые районы Боливии и Перу, «золотой треугольник» в Юго-Восточной Азии на стыке границ Таиланда, Бирмы и Лаоса), либо присвоившие себе государственную власть племена и кланы (зона в Африке вдоль «минеральной дуги» от северных границ ЮАР почти до экватора; Афганистан; отчасти Таджикистан), либо повстанческие движения (Перу, Колумбия). И это немалые части: 7 % активного населения Перу и до 25 % активного населения Боливии заняты в производстве и транспортировке наркотиков. Есть такие зоны и у нас.

«Серые зоны» сегодня — такая же реальность, как «государство», вот только многие отказываются их замечать, считая временным отклонением, не социальной, а полицейской проблемой.

А что будет завтра, учитывая направление процессов?..

«Серые зоны» разрушают государство, но они же сами ликвидируют культуру и возможности выживания «честного» населения, которое становится объектом социального хищничества и паразитизма. Разумеется, появились структуры борьбы с этим злом, но — что совсем неудивительно — в формировании «серых зон» и их укреплении, как правило, соучаствуют и коррумпированные чиновники различных государственных структур. В том числе структур, ведущих с ними борьбу!

...Уже более тридцати лет существует феномен городских партизан. Это не бандиты, это идейные борцы. *«Кто не берёт-*

ся за оружие — тот умирает, — пишет известная германская партизанка Ульрика Майнхоф. — Кто не умирает — того по-гребают заживо: в тюрьмах, в исправительных заведениях, в бездушных каменных стенах новых доходных домов, в детских садах и переполненных школах, в новеньких, с иголки, прекрасно обставленных кухнях, в бесчисленных спальнях дворцов...»

Разгар войны с партизанами в Западной Германии — конец 1970-х годов. Партизаны 1970-х, в том числе самые знаменитые, «Подразделение Красной армии» (РАФ от Rote Armee Fraktion), «Тупамарос Западного Берлина», «Движение 2 июня», что может показаться удивительным, вышли из левого студенческого антифашистского движения. Они были принципиальными противниками насилия, пацифистами, мягкими, добрыми, отзывчивыми людьми, мечтавшими (и пытавшимися) помогать другим людям.

Лидер РАФ Гудрун Энслин училась на педагога, на каникулах бесплатно работала в детских приютах; один из лидеров «Движения 2 июня», Ральф Рейндерс, имел репутацию человека, «с детства ненавидевшего все формы войны и насилия»; Ульрика Майнхоф в юности собиралась стать монахиней. Бригитта Кульман, педагог по профессии, посвящала все свободное время уходу за больными; Андреас Баадер создал приют для беспризорных детей, и одной из причин его ухода в партизаны было то, что сытое равнодушное общество бундесбюргеров отталкивало выхоженных им детей, вынуждая их либо воровать, либо идти на панель.

Сначала (в 1960-х) они пытались добиться наказания гитлеровских палачей и отстранения от высоких должностей бывших нацистов. Они думали, что достаточно опубликовать имена военных преступников и тех накажут. Они верили в гласность и демократию. Потребовалось не так уж много времени, чтобы они взялись за оружие.

От рук городских партизан Германии в те годы пострадало 115 человек — военнослужащие НАТО, полицейские и те бывшие нацисты, на которых, собственно, и ополчились партизаны. На войну с ними была мобилизована огромная армия полицейских. И вот от рук полиции пострадало вдвое больше

людей: были убиты и ранены 229 человек, в основном случайные жертвы. Партизан же было уничтожено 15 человек.

На смену убитым партизанам приходили новые; последний теракт был совершён ими в 1996 году. И за это время прогрессировало террористическое движение в других странах.

Совсем ещё недавно, когда «холодная война» была в самом разгаре, все боялись Третьей мировой. По миру гулял сценарий мрачной ядерной зимы, предвестник конца света. Сегодня Третья мировая идёт вовсю, все воюют против всех, но хотя число членов ядерного круга растёт, никто применять атомную бомбу не собирается. Зато много говорят о международном терроризме, который не даёт никому покоя. А ведь то, что называют терроризмом, — это реакция на глобализм!

Жители самых отдалённых регионов мира могут наблюдать жизнь непостижимо богатого западного мира. Пусть в показе этой «жизни» больше лжи, чем правды, — не важно; возникла контрволна неприятия и ненависти уже у двух поколений людей. Исламизм, исламский фундаментализм — это исламский ответ на издержки «эпохи ТНК». Это нежелание следовать людоедским принципам постиндустриального общества. Конечно же, в рамках этого движения есть и крайности, о которых больше всего и говорят и которые выставляют как лицо терроризма, не думая об истоках этого явления. А их надо искать на Западе!

«Глобализация не имеет никакой другой мотивировки, кроме прибыли. Сегодня, в условиях падения экономических показателей в США, война, по возможности крупномасштабная, становится всё более необходимой для пошатнувшейся американской экономики. И для этого лучше, чем «борьба с терроризмом», ничего придумать нельзя» — такое мнение высказал бывший американский министр Рамсей Кларк ещё до войны Буша-юниора в Афганистане и Ираке.

Итак, резюмируем.

Количество денег и производство благ увеличиваются. Доходы владельцев корпораций, зарплаты менеджеров, юристов, артистов и профессиональных спортсменов зашкаливают за все пределы. Одновременно растёт число людей, которым жить не

на что, найти работу невозможно, которые остаются без жилья. Бытовая преступность становится нормой. Разобщённость людей нарастает, количество «серых зон» увеличивается. К мятежевойне готовы дети: 20 % американских школьников считают, что им необходимо постоянно носить с собой пистолеты, ножи, бритвы, дубинки и прочее оружие.

Когда финансовая, техногенная либо природная катастрофа или действительно полное исчерпание энергетических ресурсов сделают невозможным поддержание жизнедеятельности городов вообще, сколько-то десятков миллионов человек погибнет сразу в резне за продуктовые склады. Сколько-то сотен миллионов умрёт в результате эпидемий. У остальных миллиардов — невоспитанных необразованных, не имеющих профессии, голодных и агрессивных, нет шансов на выживание. В отличие от «сельского» сценария в городах, вместо организации людей в отдельные «закрытые» сообщества, произойдёт полная деструктуризация общества и взаимоистребление людей.

Это модель мира, в котором для большинства единственная валюта — патроны в обойме пистолета или винтовки.

Часть III
ПРОДОЛЖИМ ЖИТЬ?..

Во времена перемен те, кто готов учиться, унаследуют мир, в то время как те, кто верит, что они уже всё знают, окажутся здорово подготовленными к тому, чтобы иметь дело с миром, который прекратил своё существование.

Эрик Хоффер

Вторая попытка

Есть анекдот о русских дорогах. Дескать, если машина попала в колею, то никуда уже не денется. Очень жизненный анекдот, и относится он отнюдь не только к России, если правильно понимать.

Нелинейная физика знает понятие *аттрактора*: это область фазового пространства, в которую притягиваются все траектории, и достаточно в неё попасть, как энтропия уменьшается и дальнейшая эволюция становится определённой. Пример для России: ваша машина в колее, ведущей на колхозную ферму, а вы упорно пытаетесь свернуть в сторону, чтобы попасть в пивную, виднеющуюся на горизонте. Понятно, что, кроме поломки рулевого управления, у вас ничего не выйдет, хотя цель ваших руководящих действий была совсем другой. То же самое верно и для мировой эволюции: если развитие определяет одна сильная структура — в нашем случае финансы, — то по её «колее» вы и поедете. И никуда не денетесь.

Если же вы, находясь между разными «дорогами», планируете попасть, например, в лес, а съезжаете на ту, которая ведёт к болоту, то вы и попадете в болото. Яркий пример подобного поведения — всё происходившее у нас в России в послед-

ние пятнадцать лет. При начале реформ объявлялись вполне определённые и весьма привлекательные для общества цели. Однако были заданы такие «правила игры», осуществлены такие реформы, что наше государство попало совсем в другую колею, а именно ту, что ведёт на финансовый рынок. И вот вместо благоденствия получилось разрушение экономики, обнищание народа, ослабление государства, превращение страны в сырьевой придаток развитых стран.

Итак, понятно, что, несмотря на стремление человека всем управлять, очень многие процессы идут сами по себе, то есть самоорганизуются по вполне определённым законам природы, и попытки идти им поперёк ухудшают ситуацию. В этом причина принципиальной невозможности исправить некоторые ошибки, допущенные при определении направления развития, и вообще негодность методов руководства. *А вот разумно следовать за природой* — совсем другое дело...

Что мы имеем сегодня? Глобальный экологический кризис из-за перенаселения планеты в самом разгаре, но не только его острота, а даже само наличие до сих пор не воспринимается людьми в полной мере. Ещё более страшен кризис общества. Речь, письменность, искусство, наука и техника — то, что отличает человека от животного, используется для распространения лжи. Экономика, возникшая как «правила ведения домашнего хозяйства», чтобы стать поддержкой обществам в их выживании среди природы, на деле подавляет возможности выживания людей и уничтожает природу. Деньги — средство осуществления меновых отношений — подмяли экономику, подчинили себе все помыслы людей; добывание денег превратилось в самоцель, а ценность человеческой жизни сведена к нулю.

Очевидно, что достигаются не те цели, которые могли бы быть желательны для людей. Чем закончится этот конфликт природы с человечеством? Биосфера — саморегулирующаяся система; как сумма всех видов на Земле, она много сильнее любого из них, поэтому всегда рано или поздно стабилизирует численность вида или сократит её. «Нарушитель конвенции» обязательно будет возвращён в разумные рамки, вплоть до ну-

левого уровня, особенно такой упорный, как человек. И лишь тогда, когда «колея» в ходе этого перелома окажется размытой, можно будет говорить о перемене цели движения.

С реалистической точки зрения в ближайшие десятилетия, если не годы, нас ожидает череда всепланетных экологических и финансовых катастроф, естественным образом направленных против человечества. Главный разлом пройдёт через все нации и народности, через все страны. Вооружённая и экономическая борьба «стран и религий» внутри всеобщей потребительской цивилизации как способ её самоуничтожения уже идёт вовсю. О неустойчивости доллара не говорит только ленивый. Антиамериканизм охватывает даже нейтральные ранее слои общества, хотя американцы как нация ни при чём.

Решающим фактором снижения нашей численности может стать голод. Он уже «работает» во многих странах: ежегодно от голода умирают миллионы человек, и, хотя пока общая численность увеличивается на порядок больше, вполне вероятно ситуация, когда число умирающих от голода резко возрастёт и станет главным фактором сокращения численности. Это самый естественный *биологический* вариант решения проблемы. Есть и другие, кроме голода, природные факторы, которые могут прямо и беспощадно сократить нашу численность: паразиты, хищники, загрязнения. Есть и не биологические факторы: газовый состав атмосферы, осадки, климат и т.п.

Производство пищи на Земле в последние примерно полвека растёт на 2,3 %, удваиваясь каждые тридцать лет. А человечество растёт на 2 % в год, удваиваясь каждые тридцать пять лет. На взгляд стороннего наблюдателя, численность человечества, как и всякого биологического вида, строго следует за изменением количества пищи, главного показателя биологической ёмкости среды, и значит, всё в порядке. Но в отличие от животных человек *сам делает себе еду*. Рост объёмов продовольствия происходит не по природным причинам; нет, роста добивается человек, распахивая новые земли, выводя новые, более урожайные сорта, внося удобрения, применяя ядохимикаты. И обеспечивать рост суммарного урожая становится всё труднее: связанное с ним потребление энергии растёт на

5 % в год с удвоением в четырнадцать лет; потребление воды возрастает на 7 %, удваиваясь каждые десять лет; производство удобрений тоже растёт на 7 % в год, а ядохимикатов — даже на 10 %. Эти усилия истощают ресурсы, разрушая и загрязняя среду; в скором времени производство пищи в нужных количествах окажется невозможным, а ещё скорее сломаются цепочки доставки её потребителям.

Второй вариант снижения численности — не биологический, а *социальный*: одна из ядерных стран попытается захватить остатки невозобновляемых ресурсов, а другие начнут с ней ядерную войну. Сегодня на Земле хватит атомного оружия, чтобы в любое удобное время довести численность человечества до сколь угодно малой величины, а уже идущая война всех против всех быстро закончит «зачистку» планеты от рода *homo sapiens*.

Политический вариант, пропагандируемый некоторыми идеалистами, что все страны могут сознательно ввести ограничение рождаемости и постепенно снижать численность населения, нам вероятным не кажется, потому что плодовитость человека определяется популяционными биологическими механизмами, и никакие решения, идущие от разума, не будут приняты. Яркий пример: беременные китайки из тех, у кого деньги есть, идут делать УЗИ, чтобы, если во чреве девочка, избавиться от неё. Это очень хорошо: станут рождаться одни мальчики и через два поколения останется в Китае не более 100 млн. китайцев. Казалось бы, правительство, многократно объявлявшее о своей озабоченности чрезмерной численностью китайского населения, должно было ввести обязательное бесплатное ультразвуковое обследование беременных. Вместо этого запретили УЗИ*.

Осуществление ещё целой группы идеалистических планов, вроде сознательного перехода к Эпохе разумного потребления, тоже вряд ли вероятно: разум не руководит нашей эволюцией. Наоборот, он постоянно загоняет нас в тупики. Путь, вымощенный «общечеловеческими ценностями», «идеологи-

* Мы понимаем, что демографические проблемы Китая много сложнее, и приводим этот пример именно как пример, не более того.

ей открытого общества» и прочими благими намерениями, поразительно быстро привёл человечество в ад. Разумеется, во имя природы и разумного потребления можно поубивать людей ещё больше, чем во имя общечеловеческих ценностей.

Вера вместо знания, мифы вместо расчётов, сумерки вместо света — вот с чем мы встретили XXI век. Так что вопрос «Что делать?» применительно ко всему человечеству не имеет смысла. Ничего не делать. Природа сама выведет нас на новый уровень жизни, хотя конец будет неприятным. Пройдя через голод, эпидемии, массовую резню и природные катастрофы, человечество постепенно стабилизируется в том состоянии, которое удовлетворит природу. Правда, возможен и нулевой вариант, когда людей не останется; во всяком случае, некому будет читать эту нашу оптимистическую книгу*. Что ж, наша популяция окажется в хорошей компании: динозавры, саблезубые тигры и прочие милые создания, исчезнувшие с лица Земли. Не зря же в последние годы человечество переболело динозавроманией. А если кто из людского рода и останется в живых, то он и его потомки потеряют все завоевания цивилизации; одичавшие племена в среднем окажутся на уровне жизни народов Севера или бушменов Африки.

Такой «возврат в пещеры» позволит людям устойчиво эволюционировать ещё десятки тысяч лет. Но уж больно неказистое будущее получается!.. И вот, отбросив надежды спасти человечество целиком, остаётся нам единственный шанс: «вторая попытка» для тех, кто выживет. Попытка сохраниться и продлиться с учётом исторического опыта. Попытка жить, признавая первенство прав природы. Попытка использовать накопленные человечеством научные и технические достижения не для получения прибыли, а для сохранения культуры.

Нам иногда говорят, что мы противники прогресса. Нет, мы — сторонники прогресса, но только для нас он не в росте потребления! Потребительство не даёт прогрессивного развития, зато губит культуру и подрывает возможности выживания сообществ. Чтобы после катастрофы жить достойно, цивили-

* Ещё немного, и вы убедитесь, насколько оптимистична наша книга, хотя мы и не сулим «светлого будущего».

зованно, культурно, придётся навсегда забыть о прогрессивном развитии как удовлетворении возрастающих материальных потребностей человека. И лишь тогда *может* наступить Эпоха разумного потребления. (А может и не наступить.) Как, где и в каких пропорциях — предсказать нельзя. Но люди наверняка пройдут через Великий Отказ, отказ от многих главенствующих ныне представлений и идей, от жадности и себялюбия, а прежде всего от иллюзии, что мы — хозяева природы и Бога. Придётся вызубрить наизусть, положив в основу новой идеологии, что:

Если общество (сообщество) по численности, занимаемому пространству и объёму используемых ресурсов приближается к возможностям ёмкости среды, то дальнейшее развитие сообщества невозможно.

В случае действия права частной собственности на природные ресурсы расслоение социально-экономической системы принимает крайне обострённые формы, вся социально-экономическая система становится неустойчивой, катится к хаосу и деградации.

Если в каком-либо из государств (мест) природная среда оберегается и очищается от загрязнений, то это вызовет её деградацию в других странах (местах), прямо или в опосредованном виде.

Пропаганда идей «свободного развития» на самом деле воспитывает потребительство во всех его мыслимых и немыслимых формах и ведёт к гибели сообществ.

Экономика — не цель, а средство.

Излишнее посредничество разрушает стабильность.

Итак далее.

Мы не зря посвятили этим вопросам больше половины своей книги! Хотя, казалось бы, отживающий мир — зачем в нашем учебнике «для будущего» говорить о нём? Затем, чтобы не повторять ошибок.

Численность населения планеты сократится на порядок, а то и на два. Сохранить достойный уровень жизни удастся далеко не везде. Но везде придётся решать целый круг проблем, а среди первых — проблемы идеологические, определение новых понятий прав и свобод.

Ныне принятая парадигма капитализма постоянно порождает парадоксы. Примеры: а) капитал идёт туда, где прибыль; б) права человека равны повсюду. Как это совместить?.. Недавний пример: авария энергетических сетей в Москве 25 мая 2005 года. Метро не работает, магазины закрыты, жара, десятки тысяч людей вдоль дорог. Капитал («извозчики» и торговцы водой) кинулся за прибылью. Чтобы довезти людей от Конькова до центра, «извозчики» требовали пятьсот рублей; за поллитровую бутылку минералки торгоши просили тридцать рублей вместо обычных десяти. Без сомнений, продлись эта ситуация не несколько часов, а несколько дней, цены выросли бы ещё раз в десять. А куда же подевалось право людей на жизнь?..

В новых условиях придётся не просто ограничивать частную инициативу, надо будет менять отношение между людьми и средствами производства вообще. Маркса можно ругать, можно воспевать (это дело личной склонности), но он в «Экономическо-философских рукописях» совершенно верно определил главный принцип хищнического империализма: личная свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Иначе говоря, моя свобода кончается там, где начинается свобода олигарха. Этот ужасный принцип, по мнению Маркса, уничтожает человека как независимый субъект. Нет денег, чтобы пить воду по тридцать рублей? Умри. Твоя свобода кончилась.

Альтернатива этому зверству — принцип «свобода одного является залогом свободы другого». Придётся возлюбить дальнего не только больше, чем ближнего, но и больше, чем самого себя!

Другая проблема, которая встанет перед остатками человечества, структурирующегося на иных принципах, — переход на новые технологии, прежде всего *биотехнологии*. Это очень обширная наука, включающая и генную инженерию, и массу прочих направлений. Мы обратим внимание на один малоизвестный её аспект — изучение микроорганизмов. Есть замечательный мир микроорганизмов: бактерии, микроскопические грибы и водоросли и прочие микробы, который мы зна-

ем лишь в малой степени, а между тем наша жизнь во многом существует благодаря этому миру, скрытому от нас. Есть среди микробов вредные для человека, есть полезные, есть такие, без которых человек просто не может жить. Надо добиться, чтобы микробы «работали» на нас. С их помощью можно радикально поменять всё, включая производство и быт. Правда, при этом следует быть максимально бдительными, не забывая, что микробы в силу своих свойств выживут и при более сложных условиях, чем те, что сложились на планете сейчас, а человек вряд ли...

Третья проблема — энергетика. Будущее вовсе не за ядерной и термоядерной энергетикой и не за нефтью, газом или углем. Кстати, биотехнология может помочь и в этом.

Возможности решения этих проблем проявятся только после окончания цивилизации, но готовиться нужно уже сегодня.

Что должно быть изменено?

Стиль мышления и сам человек.

Денежная система.

Образ жизни и отношение к природе.

И конечно, крайне важны проблемы образования, морали, этики — всё то, что делает человека человеком.

О стиле мышления, который идёт на смену стандартному детерминизму, мы говорили выше. О двух вторых изменениях подробно поговорим ниже, посвятив им по несколько глав. А как изменить человека?.. В принципе многих можно убедить во многом, если объявить, что это модно и престижно. Модно быть бедным, но благородным. Престижно быть щедрым. Но прежде всего самим воспитателям и руководителям нужно понимать, в чём принципиальная разница между «людьми большинства», которых мы имеем сейчас, и «людьми меньшинства». Они тоже уже есть и были всегда, да только практически никогда не стояла задача сделать их большинством.

Разница между ними — в отношении к потребительству.

Вообще человек может выступать в трёх ипостасях: как животное существо (жильё, одежда, секс, питание, личная гигиена), как существо общественное (коммуникации, облада-

ние правами и обязанностями и уважение чужих прав и обязанностей, иерархия подчинения и т.д.) и как существо одухотворённое. В обществе есть узкая прослойка людей, которые перескочили уровень потребностей животного существа. Они именно люди, а не анахореты, уровень «хлеба и зрелищ» у них задействован, но для них *важнее* сфера духа.

Рассмотрим чуть подробнее.

«Люди как звери». 80 % поведенческих функций человека на самом деле идут от инстинктов, а не от разума. Разумных вообще очень мало, и это даже хорошо. Разумом человек, к сожалению, не понимает многих требований природы, и поэтому хорошо, что он многое делает на инстинктах. Отсюда, кстати, известное мнение, что женщины умнее мужчин. А они просто сильнее привязаны к инстинктам и поэтому очень часто в непонятной ситуации принимают правильное решение. Даже так: не *принимают* его, а инстинкты подсказывают.

«Люди как люди» — общество. Это «общество», надо сказать, как раз от инстинктов и происходит. Здесь человеческого мало. Примеры: муравьи и пчёлы. Общество у них устроено куда мощнее, чем у людей, а ведь чистый инстинкт! Так что человек и его общество на деле — порождение животного мира. И воспитывать истинно *человеческое* очень сложно, ибо практически некому.

Качественное отличие человека от животного — владение речью. Владея ею, человек, помимо природных инстинктов, начинает подчиняться «идейным» программам. Если идеи, выраженные словами, идут от разума, а не от природы, быть беде. Если от природы, от выработанных обществом традиций, результаты могут быть хорошими.

«Люди как боги». Бывает, что люди проскакивают первый уровень потребностей. Они выходят на второй уровень, духовный, что тоже идёт не от разума, а от инстинкта. Разумом это можно осознать, но переход такой идёт не от него. И общество У них не такое, как у всех; издревле такой переход достигался в монастырях, хотя, конечно, не только в них. Монастырь освобождает от главного инстинкта — продолжения рода; с пищей У монахов тоже иные отношения. *А когда человек ограничивает*

свои потребности, он переходит на следующий уровень. Это очень интересный эффект, в котором не заинтересовано ни одно правительство, потому что никто во всём мире не знает, что делать с людьми, перешедшими через первый уровень потребления.

Что такое первый уровень? Как уже сказано, жильё, одежда, секс, питание. Государству ясно, что с этим делать. А духовные потребности — как их осуществлять и удовлетворять? Для этого само государство должно быть *на уровне*, а такого не было ни разу за всю историю человечества. Даже в СССР заботу о духовной сфере проявляли как-то материалистически. «Мы самая читающая страна в мире», и действительно, количество наименований книг, тиражи — всё было на уровне. *А о чём эти книги? Что внутри-то?..* Ведь это самое главное.

К примеру, появилось в СССР целое направление — самодеятельная песня. Ушли в лес, живут в шалашах, им всё равно, чем питаться... Они свободные! «Нормальный» человек ничего не понимает: вроде взрослые люди, а сидят на брёвнах, бреччат на гитарах; рифмы и мелодии, взаимоуважение для них важнее, чем бытовые удобства! Власть пытается сгладить ситуацию, но что она может придумать? Только то, что ей понятно. Ищут лидера для переговоров (нет лидера; наконец выбирают самого бородатого). Предлагают ему дорогу в лес провести, пивной ларёк поставить, пригласить публику и открыть кассу. Власть искренне хочет свести всё на «уровень животного», то есть чтобы было как лучше и понятнее, а те уходят в другое место.

И ведь они не сразу такими стали! Это, по-видимому, воспитываемое или семьёй, или сообществом качество, в целом человеку присущее. Начальники их боятся. Если заведётся такой пассионарий в коллективе, то это страшный для начальства человек, его ничем не купишь. Ему не надо повышения, ему не надо зарплату, он правдолюб — при Советской власти таких считали больными, а они просто проскочили первую ступень потребностей. У них другие идеалы. И что с ними делать? Ты эдакому типу колбасу подсовываешь, а ему не надо. Он считает, что ты ведёшь себя непристойно. Ты ему взятку

даёшь, он не берёт. Ты его в тюрьму сажаешь, а он и в тюрьме остаётся таким же... Эти люди совсем другие.

Кстати, очень интересно, что русские в условиях, когда им не платят зарплату, продолжают работать. 17 февраля 2004 года в новостях показали дорожных уборщиков откуда-то из Сибири: им уже год не платят зарплату. А они чистят дороги, ремонтируют и говорят: а как же людям жить без дорог?.. В России таких примеров много; в мусульманском мире, может, ещё больше. Есть такие и на Западе, среди антиглобалистов и некоторых «зелёных».

В них вся надежда.

ДРУГАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА

Истина — это не то, что доказуемо,

Истина — это то, что неотвратимо.

Антуан де Сент-Экзюпери

Деньги свободные и отрицательные: опыт прошлого

В конце XIX века Сильвио Гезель, преуспевающий коммерсант, работавший в Германии и Аргентине, заметил, что иногда его товары продавались быстро и за хорошую цену, а в другое время — медленно и с тенденцией к снижению цен. Он стал искать причины такого хода событий и быстро понял, что такие подъёмы и спады мало зависят от спроса на товары или их качества, зависят они почти исключительно от *цены денег на денежном рынке*.

Он объяснил этот феномен тем, что в отличие от всех других товаров и услуг деньги можно оставлять у себя практически без затрат. Если у одного человека есть корзина яблок, а у другого — деньги, то владелец яблок будет вынужден продать их уже через короткий срок, чтобы не потерять свой товар. А обладатель денег может *ждать*, пока цена денег (процент) не придёт в соответствие с его представлениями. Деньги не требуют складских расходов, а, наоборот, дают «выгоду ликвидности»: имея их в кармане или на счёте в банке, можно ожидать, когда будет выгодно вложить для получения прибыли.

Почему деньги не пахнут?

Потому что они не портятся. А не портятся — значит, не требуют складских расходов. Их можно прятать в валенке

сколько угодно. Правда, в валенке они всё же не совсем не портятся. Их помаленьку пожирает инфляция. Инфляция — это когда деньги изъяты из экономики и государство восполняет их искусственную нехватку дополнительной эмиссией. Цены растут, жизнь не улучшается, экономика страдает. Сильвио Гезель сделал вывод: если создать денежную систему, в которой деньги, как и все другие товары, потребуют «складских расходов», то экономика освободится от подъёмов и спадов, порождаемых спекуляцией деньгами. А пока деньги остаются наивысшей ценностью в обществе и каждый член общества желает иметь их у себя как можно больше, будет продолжаться череда кризисов и спадов, с судорожным ростом в краткие минуты просветления.

Всем известен лукавый лозунг, выдуманный теми, кто желает привлечь к себе как можно больше денег: «Ваши деньги должны на вас работать!» Но деньги НЕ работают. Работают люди. Деньги только размножаются.

В 1890 году Сильвио Гезель сформулировал идею «естественного экономического порядка», обеспечивающего обращение денег, при котором они становятся государственной услугой, за которую люди отчисляют плату. То есть, вместо того чтобы платить проценты тем, у кого денег больше, чем им нужно, люди, для того чтобы вернуть деньги в оборот, должны были бы платить небольшую сумму за изъятие денег из циркуляции.

Маргрит Кеннеди*, чтобы сделать эту мысль более понятной, сравнивает деньги с железнодорожным вагоном, который, как и деньги, облегчает товарообмен. Железнодорожная компания за разгрузку вагона **не платит премию (проценты)** тому, кто им пользуется, **наоборот**, пользователь вносит небольшую «плату за простой» (демерредж), если не обеспечил разгрузку вагонов вовремя.

Гезель назвал такие деньги «свободными» (от процентов). Дитер Зур и Маргрит Кеннеди используют название «нейтральные деньги», так как они служат всем и не дают никому одно-

* Кеннеди Маргрит. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. Издана на русском языке в Швеции в 1993 году.

сторонних преимуществ. Мы, предлагая применять такие деньги в качестве локальной, местной валюты, называем их «горячими бонами», чтобы уйти от обвинений в покушении на государственное право эмиссии.

В 1930-х годах последователи теории Гезеля провели с беспроцентными деньгами несколько экспериментов, доказавших правильность этой теории. Мы расскажем о них в следующей главе. А сейчас вспомним куда более древний опыт их использования!

Бернар Лиетар пишет*:

«Мы жили с идеей получения дохода от процентов на деньги веками, так что даже намерение платить за деньги звучит странно для современного обозревателя. Однако такая система существовала несколько столетий по меньшей мере в двух цивилизациях и привела к прекрасным экономическим и социальным результатам... Нужно пойти назад в Средние века, чтобы найти достойный прецедент».

И далее Лиетар описывает прецеденты: плата за хранение денег постоянно взималась в Европе в X—XIII веках; также она была известна в Древнем Египте. На деле в обоих случаях параллельно применялось два типа денежных систем. Первая, немного сходная с нашей современной, была денежной системой «на длинные расстояния». Золотые монеты рутинно использовались торговцами, занятыми в зарубежной торговле, а военной и королевской элитой эпизодически для оплаты чего-либо или для получения дани либо выкупа. Монеты дожили до наших времён; это то, чем гордятся нумизматы. Но в двух названных регионах (скорее всего и кое-где ещё) был второй тип денег, с демерреджем — платой за хранение. Они были менее привлекательны внешне и циркулировали как «локальная» валюта.

«Лучший сюрприз случился, — пишет Лиетар, — когда я открыл замечательные экономические результаты в обоих местах, совпадающие точно с периодом, когда была в ходу плата за хранение денег... Когда эти денежные системы были заменены... результатом был драматический экономический крах в обоих местах».

* В книге «Душа денег».

Начиная с конца X века (точнее, с 973 года) в Англии монеты перечекаивались раз в шесть лет. Но королевские казначеи давали только *три* новые монеты за *четыре* старые, и это было эквивалентно налогу в 25 % каждые шесть лет на любой капитал, содержащийся в монетах, примерно 0,35 % в месяц. Такая перечекалка и была грубой формой платы за хранение. Позже сроки перечекалки сокращались, а система охватила почти всю Европу, и, что важно, пока существовал связанный со временем налог за хранение денег, не было снижения стоимости самой валюты, то есть она не обесценивалась.

Вариантом таких валют была система брактеатных денег (от латинского *bractea* — тонкая пластинка). Это были круглые плашки, отчеканенные на серебряных пластинах толщиной с бумажный лист. В отличие от монет они были отштампованы только с одной стороны, но их тонкость позволяла видеть чеканку с другой стороны. Они были очень удобными; их применение сделало чеканку ежегодным процессом. Меняли их на большом ежегодном осеннем рынке в каждом городе: любой торговец, который хотел торговать здесь, должен был сдать старые деньги в обмен на новые.

С 1130 года брактеаты широко распространились в германской Европе, на Балтике и в странах Восточной Европы.

А каковы результаты? Мы покажем их пунктирно.

Европейские Средние века, охватывающие более тысячи лет истории, обычно представляются как что-то мрачное. Однако недавние исследования* выявили важные отличия между разными периодами в этом долгом тысячелетии. Мрачный взгляд оправдан для ранней стадии (V—VII века, о которых вообще мало что известно) и для его конца (XIV—XV века). Последний период наиболее ужасен; именно он создал плохой образ всему Средневековью. Но в течение примерно X—XIII веков происходило совершенно иное! Говоря о качестве жизни людей, некоторые историки даже заявляют, что оно было *наивысшим в европейской истории*, что произошёл специ-

* См.: Tuchman Barbara: A Distant Mirror, и Huizinga, Johannes: The Autumn of the Middle Ages. — *Здесь и до конца главы сноски Б. Лиетара.*

фический экономический бум. Французский медиевист Форже заключил, что для Франции XIII век был *последним* веком «общего процветания в стране». Франсуа Икстер, другой историк, сообщает, что между XI и XIII веками высокий уровень процветания западного мира подтверждён беспрецедентным в истории демографическим взрывом.

Есть и такие заявления: «Время между 1150 и 1250 годами — время экстраординарного развития, период экономического процветания, которое мы с трудом можем представить себе сегодня»*.

Урожайность? Пожалуйста, за эти столетия она повысилась в среднем более чем в два раза в большинстве случаев. При улучшении землепользования и повышении урожайности стало требоваться меньше трудовых затрат. «В X веке... распространение хомута и стремени позволило эффективнее использовать лошадиную силу, а это, в свою очередь, способствовало улучшению транспортировки в Европе. Тогда же европейцы начали использовать силу воды на суше и ветра на суше и на море в большей степени, чем прежде... Водяные мельницы значительно повысили эффективность мукомольного процесса и способствовали увеличению продовольственной продукции. Сила воды применялась и на лесопилках, что способствовало росту производства добротных пиломатериалов для строительства**».

Образование? Пожалуйста. В 1079 году папа Григорий VII обязал каждого епископа иметь центр высшего образования. Между 1180 и 1230 годами в Европе прошла первая волна основания университетов. Даже абстрактные науки, как, например, математика, возникли здесь именно в это время, а не в Ренессансе XVI века, как принято считать.

Внедрение новой техники и технологий? Пожалуйста, сохранились отчёты Королевского монастыря Сен-Дени за 1229—1230 и 1280 годы, согласно которым значительную часть мельниц, печей, давяльных прессов для вина и другого крупного оборудования ремонтировали или даже полностью пере-

* Damaschke D.: History of the National Economy.

** Cantor Norman F. The Civilization of the Middle Ages. New York: Harper Collins, 1993. p. 229.

дельвали ежегодно. Жители не ждали, когда что-нибудь сломается. В среднем не менее 10 % валового годового дохода сразу же реинвестировалось в текущий ремонт оборудования. И делалось это не только в монастырях; денежная система обладала свойствами, которые *стимулировали всех* к таким реинвестициям.

Разумеется, результаты такой инвестиционной в своей основе экономики можно оценить лишь фрагментарно; никто не подсчитывал показатели ВВП в то время.

С 950 года начался бум производства текстиля, гончарных и кожаных изделий и многого другого. Список того, что производилось, становился всё длиннее, а качество росло. В текстильной промышленности внедрялись более эффективные горизонтальные ткацкие станки, применялась новая техника изготовления нити. Произошла революция в быту: дома начали отапливать углем и освещать свечами, люди стали пользоваться очками при чтении, стекло нашло применение в быту, началось промышленное производство бумаги.

Вероятно, самым замечательным из всех этих великих новшеств было то, что от них *существенно выиграли маленькие люди*. Оценка уровня жизни простого работника — это нелёгкая задача, ибо все имеющиеся у нас письменные источники рассказывают о пирах и занятиях сеньоров и королей церкви, которые нанимали практически всех летописцев того времени. Но тем не менее источники, которыми мы располагаем, красноречивы. Например, Иоганн Бутцбах записывает в своей хронике: «Простые люди редко имели на обед и ужин менее четырёх блюд. Они ели каши и мясо, яйца, сыр и молоко и на завтрак, и в десять утра, а в четыре дня у них опять была лёгкая закуска». А немецкий историк Фриц Шварц сделал вывод: «Нет никакой разницы между фермерским домом и замком».

Может быть, вам кажется, что мы, взявшись за главы о возможном *будущем*, уделяем излишне много места описанию *прошлого*... Однако это тот опыт человечества, который очень очень может пригодиться в будущем!..

Для простого работника понедельник был нерабочим днём, он использовался для личных дел. Предшествующее ему вос-

кресенье было «Днём Сеньора», который тратили на общественные дела. Официальных праздников было не менее девяноста, а некоторые историки утверждают, что кое-где было до ста семидесяти праздников в году. Таким образом, ремесленник в среднем работал не более четырёх дней в неделю, а число рабочих часов было ограничено. Когда герцоги Саксонии попытались увеличить рабочий день с шести до восьми часов, рабочие взбунтовались. А герцогам приходилось уговаривать своих подданных обходиться «*только четырьмя блюдами* в каждую еду»*.

У крестьян, считавшихся низшим классом, «на жилете и на платье часто были пришиты в два ряда серебряные пуговицы, они также носили большие серебряные пряжки и украшения на туфлях», сообщают историки моды. Социальные различия между высшими и низшими слоями общества были минимальными. Также между мужчинами и женщинами было меньше различий в социальном отношении, чем в последующие века. Существовали группы женщин, выполнявших *muliebria opera* — работу, «недоступную пониманию мужчин». Только женщины занимались текстильным делом, пивоварением, производством всех молочных продуктов (включая масло и сыр) и, конечно, кулинарией. У женщин не было проблем и с владением собственностью! Кроме 312 профессий, полностью монополизированных женщинами, во Франции к концу XIII века было ещё 108, в которых были заняты женщины: городские ключницы, сборщицы налогов, городская стража и музыканты. Женщины были банкирами, управляли гостиницами и магазинами.

Напомним, в просвещённом XVIII веке женщины были исключены из *всех* видов коммерческой деятельности, «даже из тех, которые больше всего подходят женскому полу, как, например, вышивание»**.

Благоденствие сказалось даже на среднем росте людей. Женщины в X—XI веках были в среднем выше по сравнению с

* Pack Hugo R. The Gothic 1150—1450 (San Antonio: Free Economy Publishing).

** Turgot. The Ancient Guild Statutes of France (1776).

любим другим периодом, *включая нынешнее время*. Мужчины начали «расти» только со второй трети XX века и лишь к 1988 году «переросли» своего соотечественника X—XII веков.

А ключом к необычно высокому уровню жизни обычных людей стала *валюта с демерреджем, платой за хранение*. Не было смысла копить наличные; их использовали исключительно для обменов; те, кто получал деньги, автоматически или тратили их на себя, или вкладывали в дело. Идеальным вложением стало улучшение земли, повышение качества обслуживания оборудования, строительство колодцев и мельниц. Денег хватало на всё!

Бернар Лиетар самым веским, осязаемым доказательством того, что в то время происходило нечто необычное (с современной точки зрения), считает неожиданный расцвет строительства соборов. А помимо сотен соборов, были построены или перестроены между 950 и 1050 годами 1108 монастырей; строительство ещё 326 аббатств было завершено в течение XI века и ещё 702 — в течение XII века. В эти два столетия строились аббатства размером чуть ли не с город, что подтверждается примерами Клуни, Шарите-сюр-Луар, Турнусом, Кайеном и многими другими. По оценкам Жана Жимпеля, в эти три столетия миллионы тонн камня были добыты в одной только Франции — *больше, чем в Египте за всю его историю*.

По сообщению медиевиста Робера Делора, к 1300 году в Западной Европе было 350 000 церквей, в том числе около 1000 соборов и несколько тысяч крупных аббатств. А всё население в то время оценивалось в 70 млн. человек. В среднем одна церковь приходилась на двести жителей! В некоторых районах Венгрии и Италии это соотношение было ещё резче: одна церковь — на каждые сто жителей. Именно в это время появились первые каменные церкви на Руси.

Что важно, к строительству объектов веры централизованная власть (церковная или какая-либо другая) не имела отношения вопреки устоявшемуся мнению. Подавляющее большинство средневековых соборов не принадлежало ни церкви, ни знати. Их строил народ для себя, сам и на *свои деньги*. Собор был местом, где, помимо религиозных обрядов, проводи-

ли собрания всего городского населения и другие общественные мероприятия, требовавшие крыши над головой. Там же лечили больных; не случайно до 1454 года медицинский факультет Парижского университета официально помещался в Нотр-Дам-де-Пари. Соборы принадлежали всем гражданам, они их и содержали. Церковь, конечно, была в «привилегированном» положении, поскольку больше времени отводилось отправлению религиозных культов, но она была лишь одним из многих действующих лиц.

Беспрецедентный строительный бум прекратился после 1300 года так же неожиданно, как и начался тремя веками раньше. И все прочие позитивные эволюционные тенденции достигли своей кульминации тоже около 1300 года, после чего последовали внезапный спад и регрессия. Начались гонения против женщин, культа Чёрной Дамы (который в то время главенствовал в Европе), против куртуазной литературы, науки и образования.

А суть-то в чём? Суть в том, что короли решили: проще и выгоднее получать доход, просто выпуская деньги в обращение по мере понижения их стоимости, а с граждан брать налоги. И отменили «вторую», беспроцентную систему с демерреджем, платой за хранение денег. Но понижение стоимости денег предполагает инфляцию, а демерредж — нет. В естественный ход вещей, в мир, где всё растёт и умирает, попала неестественная, как раковая опухоль, система обмена, в которой деньги только растут и никогда не умирают.

После отмены «отрицательных денег» произошло быстрое обнищание людей и демографическая катастрофа. В Англии между 1300 и 1350 годами население сократилось настолько, что фактически лишь к 1700 году страна восстановила свою численность, достигнув уровня 1300 года! Историки сваливают такое вымирание на чуму, но *первая эпидемия чумы в Англии случилась в 1347 году*, а население начало сокращаться уже за два поколения до этой даты! Не чума была *причиной* упадка и вымирания. Наоборот, чума стала *следствием* экономического упадка, начавшегося за полвека до неё. И ключевым фактором, который обычно упускают из виду, стали значительные

изменения в организации финансов, отказ от двойной монетарной системы, когда одновременно с деньгами высокой коммерческой стоимости для зарубежной торговли, которые можно было копить впрок, повсюду применялись местные деньги, подлежащие взысканию демерреджа. Теперь вместо этого началось монопольное владычество единой централизованной монетарной системы.

Специалист по Средневековой Фуркен отмечает: «К концу XIII и началу XIV веков периодически и повсеместно страну (Англию) охватывает голод. Голод и эпидемии случались редко и носили локализованный характер после 1000 года. Такое положение изменилось после 1300 года». В лондонском Сити цены на зерно резко подскочили в 1308—1309 годах. Историк Лука пишет, что голод охватил Европу впервые в 1315—1316 годах; по его оценкам, тогда вымерло 10 % всего населения. Лондонские хроники сообщают в 1316 году: «В этом году была большая нехватка зерна и другой провизии, потому что бушель пшеницы стоил пять шиллингов. Из-за голода люди ели кошек, лошадей и собак... Некоторые крали детей и ели их».

Деньги стали дефицитными; этот феномен, хорошо известный специалистам, был обусловлен не столько физической нехваткой серебра и золота, сколько уменьшением скорости денежного обращения*, а она снизилась весьма существенно. Ведь раньше деньги с демерреджем по понятным причинам не накапливали, а пускали в оборот, а теперь их стали откладывать про запас. Главные перемены произошли в жизни работников. Если раньше они вели естественную жизнь, выполняя необходимую для общества работу, и получали денег в достатке, то теперь были вынуждены искать работу, чтобы получать хоть какие-то деньги, потому что деньги оказались в дефиците! Началось быстрое обнищание большинства.

* Скорость денежного обращения — число оборотов определённой валюты в год. Ирвинг Фишер в 1930-х годах обнаружил простое, но очень важное взаимоотношение между количеством денег (Q), скоростью обращения (V) и экономической активностью (E) и дал формулу $E = Q \times V$. В обычных условиях экономическая активность зависит как от большого количества денег в обращении, так и от скорости, с которой они оборачиваются.

Те, кто предоставлял работу, тоже стали исходить не от потребностей общества, а от наличия денег и необходимости добывать деньги.

Из-за этого в дальнейшем Европе постоянно не хватало золота. Кажется парадоксальным совпадение: голод, вымирание и нехватка денег прогрессировали в тот же период времени, что и широкомасштабное развитие золотодобычи, начавшееся с 1320 года в Венгрии и Трансильвании. Всё это золото настолько не могло «накормить» экономику Европы, что его стали искать за пределами континента. В вахтенном журнале Христофора Колумба от 13 октября 1492 года, когда он впервые прибыл на Багамы, вполне откровенно говорится: «*И я подумал, что надо постараться разузнать, нет ли здесь золота...*»*

Позже сначала в Англии (в конце XVII — начале XVIII века), а затем и повсюду возобладали новые валютные принципы, комбинация из разнообразных, сложившихся к тому времени денежных систем. Золото по-прежнему оставалось всеобщим эквивалентом, к которому были привязаны все валюты, но к факторам, определяющим движение денег и развитие экономики, добавился *процент*. Как и почему это повлияло на судьбу человечества, мы рассказывали раньше.

Итак, с отказом от денег с демерреджем, а затем с появлением денежного *процента* из рынка как самостоятельной общественной структуры вышли финансы и начали свою независимую жизнь. Выживание рынка и финансов снижало выживаемость системы в целом. Люди, попавшие под маховик *такого* экономического развития, начинали действовать не в своих собственных интересах, а в интересах экономики, финансов и связанных с ними военных и политических структур. Люди и страны быстро расслоились на бедных и богатых. За неуплату налогов или долга людей обращали в рабство; в отношении бедных стран широко применялись внеэкономические меры принуждения. Не стоит предполагать, что этого

* В дневнике Колумба золото упоминается десятки раз. Тёмная кожа аборигенов и жаркий климат Карибского бассейна — это были знаки, которые, по поверьям европейцев, прямо указывали на наличие золота.

«требовали интересы общества». Нет, это финансы — всего лишь одна из общественных структур — в силу установленных параметров подавляли интересы всех остальных структур, в том числе нравственность колонизаторов и культуру колонизируемых стран...

Этот пример, кстати, показывает, что суть событий не может быть объяснена вне понимания эволюции структур.

В XX веке финансовая система оторвалась даже и от золота и фактически перешла на обслуживание самой себя. Возможность вообще не вкладываться в производство, а заниматься спекуляциями: скупкой и перепродажей акций, облигаций, закладных — привела к тому, что финансы перестали быть опорой экономики, а она в безуспешной погоне за ростом денег поставила главной своей задачей получение прибыли и начала раздувать потребительство. Интересы человеческой популяции, её экономики и финансов разошлись окончательно.

Дополнительные валюты XX века

В XX веке произошло вторичное явление денег с демерреджем. Было это во время Великой депрессии 1930-х, мирового экономического кризиса. Во многих общинах местные власти наладили выпуск «отрицательных денег», или, иначе говоря, горячих бонов; банкноты были бумажными, а плату за простой — демерредж — отмечали на них или штемпелем, или наклейкой специальной марки на обороте банкноты. На деле гражданин просто покупал марку на почте, что и было внесением платы за простой, и сам её наклеивал. Без этого банкнота была бы недействительной в следующем месяце.

Один из лучших и наиболее известных примеров использования местных бонов с платой за простой дал маленький австрийский город Вёргля с населением приблизительно 50 тысяч человек. Когда Г. Унтергугенберген был избран мэром Вёргля, уровень безработицы там превышал 30 %, что было типично для Австрии того времени.

Мэр был знаком с работами Сильвио Гезеля и решил их проверить.

Он составил длинный список проектов, которые позволили бы занять «лишнее» население: заново замостить улицы, объединить систему водоснабжения города, высадить деревья на улицах, отремонтировать здания и коммуникации. У него было много людей, желающих и способных сделать всё это. Чего не было, так это денег: имелось только 40 тысяч австрийских шиллингов, гроши по сравнению с тем, что требовалось. И вот вместо того, чтобы израсходовать эти гроши для запуска хотя бы одного проекта из длинного списка, мэр положил все деньги на счёт в местном банке в качестве обеспечения выпускаемых 40 тысяч «свободных шиллингов Вёргля».

Плата за пользование бонами составляла 1 % ежемесячно, или 12 % в год, а марка, обязательная к ежемесячному приклеиванию к банкноте каждым, кто держал её в конце месяца, заставляла тратить деньги быстро. Это: 1) автоматически обеспечивало работу для других; 2) покрывало расходы на выпуск бонов. В течение года каждый из свободных шиллингов был в обращении 463 раза, а обычный шиллинг — всего 213 раз. Значит, одинаковая сумма денег позволила сделать вдвое больше полезной обществу работы, как только эти деньги лишились возможности *расти*! Работа делалась, но к концу года мэр снова имел исходные 40 тысяч шиллингов. Он велел напечатать следующие бонны, и всё началось сначала. Когда люди исчерпали идеи, на что тратить местные деньги, они даже принялись заранее оплачивать свои налоги.

Вёргль стал единственным в Австрии городом с полной занятостью. Горожане заново замостили улицы и восстановили систему водоснабжения; реализовали все другие проекты из длинного списка мэра Унтергугенбергена; даже решили оздоровить лес, окружающий город. Все здания были заново окрашены. Они построили мост, который так до сих пор и стоит в Вёргле с гордой мемориальной доской: «Этот мост построен на наши собственные деньги». Премьер-министр Франции Эдуард Даладьё специально приезжал сюда, чтобы собственными глазами увидеть «чудо Вёргля».

Надо понять, что «чудо» произошло не от проектов мэра. Большая часть работы обеспечивалась обращением «горячих бонов», после того как первые держатели потратили их. Фактически каждый из шиллингов, преобразованных в бонны, создал в 12—14 раз большую занятость, чем нормальные центробанковские шиллинги, циркулирующие параллельно! Демерредж доказал свою чрезвычайную эффективность как непосредственно производящий работу инструмент.

Опыт Вёргля был настолько успешным, что, скопированный сначала только в соседнем городе Кицбуэле в январе 1933 года, уже через полгода оказался востребованным многими. В июне 1933-го Унтергугенберген пригласил на встречу представителей ста семидесяти городов и деревень, и скоро двести городков Австрии пожелали повторить эксперимент. Это вызвало панику в Центральном банке, он заявил о своих монопольных правах на эмиссию. Община предъявила иск Центральному банку, но суд был проигран в ноябре 1933 года. Дело было отправлено в австрийский Верховный суд и снова проиграно. После этого выпуск «чрезвычайной валюты» стал в Австрии преступлением.

Так Вёргль вынудили вернуться к 30-процентной безработице.

Но если людям не позволяют помочь себе самим, у них остаётся надежда только на спасителя. А как скажет вам любой экономист, когда есть достаточный спрос, предложение проявится каким угодно способом. Даже если спасителя придётся импортировать.

Удивительно ли, что во время аншлюса (включения Австрии в состав Германии в 1938 году) значительная часть населения Вёргля и всех других городов Австрии приветствовала Адольфа Гитлера как своего экономического и политического спасителя?

Остальное — хорошо известная история...

А теперь подумаем: как так получилось, что средневековым европейцам было выгодно вкладываться в строительство таких долговременных сооружений, как соборы и монастыри,

а жителям маленького Вёргля — строить новый мост?.. Этому есть объяснение. Помните, в главе «Мир потребительства» мы показали, что *процент* делает невыгодными вложения денег в долгосрочные проекты:

«Допустим, что какой-то частный проект — например, покупка энергосберегающей техники — требует вложения 1000 долларов, но позволит сэкономить ресурсов на 100 долларов каждый год в течение следующих пятнадцати лет... Начиная, казалось бы, с убытка, с потраченных прямо сейчас 1000 долларов, в каждый год из следующих пятнадцати лет мы экономим по 100 долларов, а всего, стало быть, сэкономим 1500 долларов.

Однако финансовый аналитик тот же проект видит иначе.

Для него совсем не очевидно, что в первый год мы сэкономим сто долларов. Из предположения, что ставка процента одинакова на протяжении всего срока — 10 % годовых, — он сделает вывод, что экономия за первый год будет составлять только 91 доллар. Ведь можно положить в банк 91 доллар сегодня с 10-процентной нормой доходности и автоматически получить те же самые 100 долларов через год!

Из этих же соображений 100 долларов через два года будут стоить только 83 доллара, через три — 75 долларов и т.д. К десятому году проекта 100 долларов представляются аналитику только как 39 долларов, а к пятнадцатому году — как жалкие 24 доллара.

*Так то, что выглядит резонной инвестицией с экономией энергоресурсов в полторы тысячи долларов на вложенную тысячу, оборачивается глупостью, с точки зрения финансового аналитика. На те же деньги **сегодня** можно сжечь сколько угодно углеводородов, а что будущие поколения останутся без нефти, так это их трудности...»*

А что *теперь* скажет финансовый аналитик — с учётом того, что не на деньги нарастает процент, а с задержки денег от оборота берётся демерредж? Оказывается, рассмотренный нами проект неожиданно стал выгодным! Вложив деньги *сегодня*, вы *завтра* экономите на выплате демерреджа, да к тому же экономите ресурсы. И так происходит не только из-за чисто ме-

ханического применения уравнений дисконтирования* денежных потоков. Если подобный результат выглядит несколько странным по сравнению с тем, к чему мы привыкли, имея дело с нашими обычными валютами, всё же в нём есть здравый финансовый смысл. Давайте проведём сопоставление подробнее.

Посмотрим, что происходит.

Если вам дан выбор между обычной сотней долларов *сейчас* и сотней долларов *через год*, при том что вам не нужны деньги немедленно, и вам даны полные гарантии по выплате денег через год, и что не будет инфляции, — то в условиях сегодняшней денежной системы вы всегда предпочтёте 100 долларов прямо сейчас, потому что вы можете надёжно положить их в банк и получить назад с процентами.

А теперь допустим, что вам дан выбор между ста единицами «горячих бонов» сегодня и ровно через год. При тех же условиях, что и выше, логично предположить, что вы предпочтёте деньги через год. Почему? Потому что, получая деньги через год, вы не будете платить за демерредж в течение года. Говоря техническим языком, эти сто единиц, дисконтированные к сегодняшнему дню, через год будут стоить больше того, что вы получите сейчас. Они будут стоить ровно сто плюс плата за демерредж!

Другими словами, если описанный выше проект основан на демерредж-валюте, то в долгосрочном периоде там есть даже премия, а не только скидка. Правда, этот результат получается, только если стоимость самого демерреджа (плата за простой) больше суммы стоимости собственных средств и корректировки на риск проекта. Если бы демерредж был равен сумме этих двух составляющих, то коэффициент переоценки равнялся бы нулю и, с точки зрения финансового аналитика, это была бы ситуация «по нулям». Но ведь тоже лучше по сравнению с процентными валютами!

Мы, меняя процентный параметр, можем иметь три вида валют: процентные (как сейчас), «отрицательные» — демер-

* *Дисконтирование* — приведение экономических показателей разных лет к сопоставимому во времени виду.

реджные, с платой за простой, и беспроцентные (ни туда ни сюда). О первых и вторых мы уже говорили. Поговорим о беспроцентных. Эта система — самая первая в мире и самая простая, а для пояснения вспомним простой товарный обмен, или бартер. Во время бартерных сделок не используются никакие валюты, единственным изменением после обмена окажется смена владельца товаров. Не возникает никакого инфляционного давления, так как общее количество товаров и валюты в обращении не изменяется. Но бартер предполагает, что каждый из участников имеет то, что хочет получить другой, то есть (в технических терминах) стороны должны иметь «соответствие потребностей и ресурсов». Это, конечно, сильное ограничение к расширению обмена, а чтобы снять это ограничение, **БЫЛИ ИЗОБРЕТЕНЫ ДЕНЬГИ.**

Вот мы и добрались до истоков. Если деньги появляются от общественной потребности, их *всегда* будет столько, сколько нужно. Будь то в первобытном племени, или в современном городке среднего пошиба, или в сообществе выживших после Армагеддона — стоимость таких денег обеспечивается стоимостью товаров и услуг, представляемых в пределах сообществ, где они функционируют. Эти валюты могут позволить себе быть полезными и *достаточными* в противоположность неизбежности искусственного дефицита, возникающего при начислении процента на деньги. Заметьте: *достаточными*, а не *избыточными*. Экономисты правильно говорят, что, если есть избыток чего-либо (включая деньги), оно теряет свою стоимость. Но это не относится к достаточности. Такие типы валют, называемые валютами взаимного кредитования, дают деньги в достатке, не создавая ни дефицита, ни избыточности, и в силу этого они саморегулируемые в отличие от национальных валют, которые всегда и обязательно требуют регулировки со стороны центральных банков.

На этом принципе в последние десятилетия XX века в разных странах начали появляться *дополнительные валюты*.

Вот примеры из книги Бернара Лиетара «Будущее денег».

В 1983 году жители Ванкувера Майкл Линтон и Дэвид Вестон нашли очень простой, но эффективный способ для при-

влечения в оборот долларов, циркулирующих в общинах с высоким уровнем безработицы. Они основали местную некоммерческую корпорацию, по сути — компанию взаимного кредитования, с уставным фондом только в виде персонального компьютера. Стать членом организации можно было, заплатив маленький вступительный взнос.

К этому времени в северо-восточных областях Канады в результате многолетнего излишнего вылова рыбы были введены квоты на объёмы лова, что привело к закрытию многих рыбацких кооперативов. Ранее преуспевавшие деревни внезапно оказались на грани разорения с уровнем безработицы в 30—40 %. И вот именно система LETS (local exchange trading system, что в переводе означает «местная обменная торговая система») помогла преодолеть этот кризис.

Давайте проследим за местной жительницей Эми, которая решила участвовать в местной системе LETS города Хэппи-вилль. Она внесла вступительный взнос 5 долларов и заплатила 10 долларов ежегодной членской платы, а начинать ей пришлось с нулевого баланса. Она видит на электронном табло (или на доске в офисе) объявление Сары, которая предлагает записи для автомагнитолы, и Джона, местного дантиста, тоже участника системы. Она также видит, что Гарольду нужен свежее испечённый пшеничный хлеб. Эми понимает, что всё это потенциальная торговля. Она ведёт переговоры с Сарой о приобретении её записей за 30 виртуальных долларов плюс 20 обычных долларов наличными за новое зажигание. Она лечит зубы у Джона за 50 виртуальных и 10 обычных долларов. Она соглашается обеспечивать Гарольда двумя хлебами еженедельно за 10 виртуальных долларов и выясняет, что он также хотел бы получать овощи с её огорода ещё за 30 виртуальных долларов.

В результате получается, что Эми нужны только 30 долларов наличными, чтобы заплатить за товары и услуги реальной стоимостью 110 долларов; остальное она платит виртуальными долларами, а их она может зарабатывать до 40 в неделю на одной только сделке с Гарольдом. Виртуальные доллары — не дефицитная валюта. И при этом разве они не

передаются участниками друг другу таким же образом, как и нормальный доллар? Здесь нет процентной нагрузки за пользование системой, а информация о непокрытых расходах (дебете) или доходах (состоянии кредита) любого участника доступна всем, то есть система сама предохраняет себя от злоупотреблений.

Теперь в Канаде от 25 до 30 общин используют эту систему, однако она гораздо популярнее в Великобритании, чем в стране своего происхождения. Уже отсюда она распространилась в дюжину других стран, прежде всего в регионы с высоким уровнем безработицы.

Сходную систему — тайм-доллары, или «время-доллары», изобрёл в 1986 году Эдгар С. Кан, профессор Юридической школы округа Колумбия. Денежная единица — час услуг. Вот пример.

У Джо плохое зрение, и он не может водить машину. Но ему понадобилась какая-то особая пара тапочек на другом конце города. Джулия согласна потратить один час, чтобы их привезти. Она проставляет себе один час по кредиту (она заработала доход), а Джо — по дебету (у него расход) на доске около офиса управляющего системой. Затем Джулия тратит свой кредит на печенье, которое испекла её соседка, а Джо отработывает задолженность, вскапывая общественный огород.

Когда кто-то получает кредит, кто-то другой автоматически создает себе дебет. Поэтому сумма всех тайм-долларов в системе равна нулю в любой момент времени. Но Джо получил свои тапочки, Джулия — своё печенье, общество — вскопанный огород. *Все* работали, а на зарплату не потрачено ни одного доллара. Да и расходы по ведению этой системы практически нулевые. Для небольших сообществ достаточно доски или листа бумаги, для больших можно бесплатно скачать из Сети программу «Timekeeper» (www.timedollar.org)*. Программа автоматически расширяется и фиксирует, каково количество участников, каков баланс каждого в часах. Здесь нет проблем с инфляцией: больше 24 часов в сутки времени со-

* Если кто-нибудь переведёт её на русский язык, в следующем издании книги мы об этом сообщим.

здать нельзя, а для обмена в любом случае используется лишь малая часть суток.

Человек недалекий скажет, что это чепуха и мелочь. Но такая «мелочь» позволяет выживать людям! Ведь на наших родных просторах едва ли не в каждом маленьком городке или селе развал и безнадёга. В июне 2005 года АиФ (№ 24) рассказал о жизни в селе Вешкайма (Ульяновская обл.)*. «Плодородный район с большим количеством довольно успешных предприятий стал запущенным и нищим». Пять котельных в аварийном состоянии, на рынке — пустые торговые ряды. Кинотеатры и театры стоят заколоченными.

Был там пивзавод, который делал лучшее пиво в области. Старое оборудование пожирало так много дорогой электроэнергии, что производство пива перестало окупаться. Теперь на пивзаводе нет не только оборудования, но даже окон, кое-где стен. Весь райцентр Вешкайма остался без работы. Все, кроме уехавших на заработки в Ульяновск и Москву, кормятся подсобным хозяйством и останками завода: разбирают предприятие. Металлические части сдают в металлолом, кирпич продают в другие районы.

А расходы областного бюджета на госуправление за последние четыре года увеличились в 4,5 раза, а прокуратура возбудила в отношении руководителей уголовные дела: воруют! Безработные периодически устраивают митинги посреди бескрайних полей.

«Почему вы именно в Вешкайму едете? — спросил меня водитель по дороге в райцентр. — Соседние районы в таком же положении. Там тоже ничего не работает».

Итак, плодородный район. Остатки нескольких предприятий (в том числе пивзавода, который когда-то отправлял пиво даже за границу, и кирпичного завода). Свободное образованное население. Всем повально (кроме чиновников) нечего делать! Нет денег, нет работы!

А между тем кто-то мог бы работать в поле, кто-то рыбу ловить, кто-то сидеть с детьми работающих в поле; никуда не делись медики и парикмахеры, слесари-сантехники и работ-

* Статья Марии Кактурской.

ники котельной. Работы навалом! У них просто нет денег для организации обмена.

Разве введение дополнительной беспроцентной валюты «взаимного кредита» не было бы для них спасением? Наверное, было бы. Но кто организует, если чиновники заняты воровством? Взаимный кредит такой услуги, как воровство, не предусматривает.

Что интересно, обмен товарами и услугами — только верхушка айсберга. Активисты тайм-долларов обнаружили, что использование этих денег *связывает группу*, то есть создаёт общество. Не разрушает, заставляя конкурировать за деньги, а — создаёт и укрепляет! Проявился и один неожиданный побочный эффект: люди стали здоровее! Страховая компания «Элдерплэн» (Бруклин, штат Нью-Йорк) даже решила принимать 25 % платежей по программам здравоохранения пожилых людей в тайм-долларах, чтобы стимулировать их применение. Компания пошла на это, заметив, что у пожилых, пользующихся этой системой денег, меньше проблем со здоровьем, а потому и для страховой компании забота об их здоровье становится дешевле.

А давайте вспомним «экономику подарков», свойственную племенам «дикарей». Не такие уж они и «дикари»! Дикарями скорее выгладим мы, из-за денег загоняя сами себя в животное состояние. Оказывается, если ты заботаешься о другом (любом другом, не обязательно родиче) и любой другой заботится о тебе, то нет нужды думать, где бы перехватить деньжат, чтобы не сдохнуть с голоду. Если ты трудишься в общине, «деньжата» (еда и удовлетворение твоих личных потребностей) появляются сами собой! А мысли каждого: как бы побольше сделать другим? — улучшают здоровье...

В 2004 году систему тайм-долларов применяли сотни общин в США и Австралии, Канаде, Китае, Доминиканской Республике и Гане, в Израиле, Японии, Новой Зеландии, Португалии, Словакии, Испании и других странах. Налоговая служба США освободила доход, полученный человеком в тайм-долларах, от налогов.

Фактически системы взаимного кредита просто облегчают многосторонний бартер. Они не заменяют национальную валюту; они вводятся для выполнения социальных функций, которые та не выполняет. Они *дополнительные*, так как большинство участников используют обычные деньги наравне с ними. Часто получается, что одна сделка имеет частичные платежи в обеих валютах одновременно.

Есть и другие системы — они в отличие от предыдущих случаев предусматривают эмиссию бонов, как это было в Вёргле.

Итака — маленький университетский городок в штате Нью-Йорк, с населением около 27 тысяч человек. Это небогатый город; там отмечен самый высокий в штате процент «работающих бедняков» (людей, которые заняты весь день на работе, но их доход настолько низок, что им выдают талоны на питание). Пол Гловер, местный общественник, заметил, что такая ситуация сложилась из-за близости Нью-Йорка, оттягивающего на себя и энергию общества, и деньги. Он решил: пора что-то менять, и в ноябре 1991 года ввёл в действие дополнительную валюту — Ithaca Hours (Итака-часы, сокращённо аурсы). Хотя для этой системы денег требуется более развитая инфраструктура, чем для тайм-долларов, всё-таки она удивительно простая.

Основа системы — выходящая раз в два месяца малоформатная газета, в которой рекламируются товары и услуги людей и фирм, принимающих в оплату аурсы. Один бумажный аурс равен десяти долларам США и приблизительно соответствует часу работы, оплачиваемой по минимальной ставке этих мест. Есть банкноты номиналом два, один, полтора и четверть аурса. «Плата за простой» — демерредж — не предусмотрена. Территория, на которой можно потратить аурсы, ограничена радиусом 20 миль от центра города.

Обычно в газете появляется около 1200 объявлений по более чем двумстам видам деятельности. Их дают местный супермаркет, три кинотеатра, фермерский рынок, медицинские и юридические фирмы, бизнес-консалтинг и лучший ресторан города. Местный банк также ведёт счета в дополнитель-

ной валюте и, как следствие, создаёт для себя местную клиентскую базу.

Одна из характерных черт системы Итака-часов в том, что рекламодатели указывают свои расценки в двух валютах. Например, маляр пишет в рекламе, что хочет за работу 10 долларов в час, 60/40 (60 % в аурсах, а 40 % в долларах США; они нужны для покупки краски, растворителя, кистей, на налоги и т. д.). Другой маляр просит 11 долларов в час, но уже 90/10 (90 % суммы он готов принять в аурсах). Так что, если случилось, что в наличии у вас аурсов больше, чем долларов, вы можете выбрать второго маляра, даже если по номиналу его работа несколько дороже. В кинотеатрах днём билеты можно оплачивать аурсами на 100 %, так как цена за показ кино фиксирована и не зависит от числа присутствующих в зале. Суть в том, что предельные затраты, превышение которых делает предприятие убыточным, заставляют привлекать зрителей, а затраты ещё на одного зрителя, пока сиденья пусты, фактически равны нулю.

Наконец, часть аурсов передаётся некоммерческим организациям, которые берут на себя большую долю общественных работ. Если же говорить о жителях, то более тысячи из них пользуются этой валютой регулярно, а многие платят ею за квартиру и прочие услуги.

Вот несколько примеров из реальной жизни.

- Окулист Эд оказывает свои услуги за аурсы, большую часть которых он тратит на еду. «Никто не должен быть лишён медицинского обслуживания только потому, что у него не хватает долларов, — говорит он. — Аурсы — это решение проблем охраны здоровья».
- Риччи зарабатывает аурсы продажей видеокассет. Он тратит их на ремонт обуви, покупку книг, присмотр за домом, стрижку газона и прочее. «Аурсы стали движущей силой для тех, с кем я имею дело на фермерском рынке. Я всегда там ищу жёлтый знак с надписью «Здесь принимают аурсы». Это удерживает деньги в обществе и означает экономическое процветание для всех».

- Нейл продаёт на фермерском рынке экологически чистые продукты. Он тратит свои аурсы на кино, хлеб и помощь по хозяйству в период уборки урожая. «Каждое общество должно выращивать на своей земле столько пищи, сколько только возможно. Глупо, если на подвоз продуктов тратится больше калорий, чем содержат сами эти продукты. Девиз наших денег: мы доверяем Итаке. Вот в чём суть».

Подводит итог отец-основатель системы Пол Гловер: «При помощи наших новых денег сделаны тысячи покупок, приобретено множество друзей, а к нашему, так сказать, внутридомовому национальному продукту добавились сотни тысяч операций». Главные решения, касающиеся системы в целом (печатание аурсов, деноминация, условия изготовления, гранты), принимаются раз в два месяца на общем банкете, который по сути является советом директоров Итаки.

Об этой системе заговорили сначала в Японии, затем и в США. Опыт начал распространяться; к 1997 году во всём мире функционировало уже 39 таких систем...

Сейчас на планете десятки видов дополнительных валют, зачастую весьма экзотических.

В Куритибе, центре бразильского штата Парана, городе с многомиллионным населением, мэр Жайме Лернер первоначально использовал в качестве дополнительной валюты автобусные билеты и карточки на питание и сумел поднять город до стандартов развитых стран менее чем за одно поколение. Бывший город трущоб, Куритиба сегодня единственный город мира, степень загрязнённости которого ниже, чем в 1950-х. Здесь по сравнению с другими городами Бразилии ниже уровень преступности и выше — образованности. Город отказывается от субсидий федерального правительства, ибо имеет свои решения Проблем. В 1992 году ООН признала Куритибу образцовым экологическим городом мира.

В Японии применяется «валюта здравоохранения». Часы, которые любой желающий потратил, помогая пожилым или инвалидам, записываются на его «счёт времени» и служат до-

полнением к обычной медицинской страховке; волонтер в случае нужды получит столько же часов бесплатной заботы о себе, сколько он потратил на других. Решение многих проблем без всяких затрат со стороны правительства!

В Мексике популярна местная валюта «тлалок», система взаимного кредитования. Несколько надёжных доверенных держат чековые книжки и выдают чеки гражданам. На оборотной стороне чеков оставлено место для надписи, подтверждающей переход права по этому документу к другому лицу, то есть первый, кто получил этот чек, может передать его другому и так далее. Чек обращается наравне с песо; функционирование системы не требует ничего, кроме телефона.

В Новой Зеландии внедрение дополнительных «грин-долларов» идёт при полной поддержке Центробанка и органов соцобеспечения; это, правда, единственный пример в мире.

Дополнительные валюты применяют более чем в двух с половиной тысячах сообществ по всей планете; новых и новых участников добавляет Интернет. Хотя это и не очень много. В каждом сообществе «своими» деньгами пользуется от ста до нескольких тысяч человек; предположим, что в среднем пятьсот. Значит, всего ими охвачено менее полутора миллионов человек из шести миллиардов.

С другой стороны, мы ведь не знаем, сколько народу уцелеет после Армагеддона. Но, можно сказать, лёд тронулся. Люди готовятся к будущему. Только в России «реформаторы» цепляются к охвостьям старых отживших финансовых теорий.

Как вводить свою валюту

Теперь мы коротко расскажем, как ввести дополнительную валюту в малых сообществах (этот опыт пригодится и после Армагеддона), а в следующей главе — как вводить валюту в больших регионах.

Самое трудное в создании новой валюты — это не придумать её. Самое трудное — сделать так, чтобы её приняли и стали ею пользоваться. У «нормальных» национальных валют есть история, к ним привыкли, не говоря уже о том, что это «закон-

нов платёжное средство для оплаты долгов, частных или общественных». Если вы должны кому-нибудь деньги, а он отказывается принять в уплату национальную валюту, то вы можете объявить свой долг недействительным и суд подтвердит, что вы правы. А придуманная вами местная валюта не обладает такими свойствами...

Первейшее дело — наличие лидера. Требуется человек или даже группа людей, обладающих редкой комбинацией Видения ситуации, предпринимательских способностей и харизмы (обаяния, если проще). Видение необходимо для правильного выбора модели местной валюты и её приспособления к локальным обстоятельствам. Предпринимательские способности — чтобы принимать решения и эффективно выполнять их. И наконец, обаяние, чтобы убедить сообщество следовать за вами. Если хотя бы одно из этих качеств отсутствует, то обычно всё заканчивается либо на уровне разговоров, либо неудачей. А вот когда три эти характеристики представлены в одном лице, то возможно успешное внедрение дополнительной валюты.

Деньги в конечном счёте — производные *доверия*, а следовательно, заслуживающих доверия людей, продвигающих идею. Через лидеров автоматически определяются масштаб и характеристики будущего проекта. Если лидеры имеют доверие только части сообщества, работать нужно над масштабом. Если есть возможность мобилизации целого города или региона (что вполне возможно в условиях массовой безработицы и нехватки «нормальных» денег), то и надо добиваться создания системы дополнительной валюты в формате региона.

Лидеру следует выбрать из огромного количества разных видов дополнительных валют ту, которая наиболее подходит в данных обстоятельствах. Ниже мы приводим таблицу, в которой дан обзор основных характеристик нескольких систем валют; некоторые из них описаны в предыдущей главе. На наш взгляд, самая интересная из них — ROCS (Robust Currency System, система здоровых денег), объединяющая качественные черты различных систем, но содержащая демерредж.

Система	Единица	Основание для выпуска	Особенности	Основное преимущество
Национальные валюты	Евро, иена, фунт, рубль (привязанные к доллару США)	Распоряжение банков, с разрешения центробанков	Выпуск на основе долга банку, процентный	Законное платёжное средство
LETS	1 "зелёный доллар" = \$1	Взаимный кредит	Самая распространённая в мире	Лёгкая оценка (единица равна доллару)
Time Dollars (тайм-доллары)	1 час работы	Взаимный кредит	Твердый обменный курс: 1 час = 1 час	Самая простая система
WIR	1 WIR = 1 швейцарский франк	Взаимный кредит + ссуды центрального офиса	Бумажные деньги	Самая зрелая система (оборот 2 млрд. долларов в год)
Ithaca Hours (Итака-часы, или аурсы)	1 час = \$10	Выпускает руководящий центр сообщества	Бумажные деньги, следует управлять количеством	Лёгкость использования
Японская "валюта здравоохранения"	1 час работы	Бездоходная, учёт с участием органов социального обеспечения местной власти	Национальная расчётная палата; применяется в государственных программах здравоохранения	Забота, наиболее эффективная по затратам. Оказываемые услуги не включаются в налогооблагаемую базу
Тлалок	1 тлалок = 1 мексиканский песо	Взаимный кредит	Выпуск чеками	Нет необходимости в техническом обеспечении, нужен только телефон
ROCS	1 час работы	Взаимный кредит	Договорной обменный курс включает <i>демерредж</i> — плату за простой	Синтез лучших черт других дополнительных валют

Каждая из упомянутых в таблице денежных систем обладает характеристиками, которые можно в зависимости от обстоятельств считать либо преимуществами, либо недостатками. Например, привязка дополнительной денежной единицы к национальной валюте (LETS, WIR и тлалок) обладает тем преимуществом, что для каждого участника облегчается определение цены, ведь ценность того или иного товара или услуги легко устанавливается в двух валютах сразу. С другой стороны, если национальную валюту постигнет кризис, стоимость такой дополнительной валюты тоже снизится и роль дополнительной системы как вспомогательной, как «запасного колёса», станет явно менее эффективной.

В зависимости от приоритетов, которые вы себе ставите, можно выбрать либо ту валюту, которая связана с националь-

ной, либо нет. В последнем случае наиболее оправданно использовать час как единицу измерения. Час — это всеобщий стандарт, и почти все системы, которые эту единицу используют, не связаны с национальной валютой.

Другой важный вопрос: использовать ли модель эмитируемых искусственных бонов (таких, как аурсы или WIR) или системы взаимного кредита (LETS, тайм-доллары, тлалок, ROCS)? Есть две главные причины, почему системы взаимного кредита предпочтительнее.

1. Все искусственные валюты, по определению, выпускаются центральными властями, не важно — Центральным ли банком, обществом, одним человеком или комитетом; в любом случае это не самоорганизующаяся система. Труднее всего решить, сколько этой валюты выпускать. Выпустишь слишком много — тут же появится инфляция, и люди не захотят принимать эти деньги. Так, например, случилось с WIR в 1980-х годах. А если выпустишь слишком мало, то дополнительная валюта сможет выполнять лишь часть своих функций. Кроме того, все условия постоянно меняются, и к ним трудно приспособиться. Наконец, когда валюта уже в обороте, очень трудно изъять какую-то её часть. А в системах взаимного кредита количество денег саморегулируется. Пользователи сами создают деньги в момент каждой операции, и потому в обращении остаётся ровно столько, сколько нужно. Кроме того, это количество автоматически сокращается по мере проведения людьми своих операций в обратном направлении, когда некто, имевший кредит за одну операцию, использует его, чтобы купить какой-то товар или услугу, сводя баланс к нулю.

2. Самую большую опасность для дополнительных валют представляет противодействие центральных банков (как было в Австрии в 1930-х годах). Появление большого количества эмитированных бонов повышает риск инфляции, а центробанки имеют законное право удерживать под контролем норму инфляции национальной валюты. Против же дополнительных валют взаимного кредита им сказать нечего; они не дают инфляции и могут расти, не влияя на дела центральных банков.

Сейчас мы наблюдаем быстрое развитие информационных технологий, и ещё слишком рано определять «идеальную» систему дополнительной валюты. Необходимо поощрять творчество и эксперименты в этом направлении. Очень хороша система ROCS, так как она сочетает в себе лучшие черты всех прочих систем, что однажды и обеспечит ей процветание. В чём же её преимущества?

Выбор часа как единицы измерения делает её универсальной и безопасной для национальных валют. Её свойство взаимного кредита устраняет риск чрезмерного выпуска денег, характерного для искусственных валют. В отличие от тайм-долларов в системе ROCS курс обмена оговаривается между участниками: например, стоматолог может запросить пять «часов» за один физический час своей работы, чтобы компенсировать годы специального обучения и использование дорогого оборудования. У тайм-долларов же стоимость одинакова, там предполагается, что стоматолог получит столько же, что и дворник, подметающий листву. В идеале это, может быть, и хорошо, но на практике означает, что люди, чьи услуги ценятся выше, чем услуги дворника, — как, например, дантисты, хирурги и т.д. — просто не будут принимать тайм-доллары в обмен за свои услуги.

И наконец, система ROCS предусматривает демерредж, что позволяет включать функции противодействия простоя (задержки обращения) дополнительной валюты. Это важно, потому что первым реальным неудобством для пользователей этих валют становится зависимость от лидеров. Большинство валют живы исключительно стараниями их создателей. Многие просто исчезли, когда этим создателям надоедала возня с ними. А вот когда взимается плата за простой, то каждый участник автоматически стремится пустить имеющиеся у него на руках деньги в оборот и система хорошо работает сама. В 1930-х годах бон Вёргля оказался лучше национальной валюты из-за того, в частности, что каждый участник убеждал кого-то ещё принять эту форму денег в обмен на необходимые блага.

С демерреджем раньше были серьёзные технические проблемы: использовать штампеля или марки было просто неудоб-

но. За день до «часа икс» магазины оказывались заваленными такими деньгами — их сдавали, не желая оплачивать простой или тратить время на такую процедуру. Перевод на еженедельный выпуск «отштампованных» денег снизил остроту проблемы, но всё-таки она сохранялась. А сегодня, когда есть компьютерные технологии, эти неудобства легко устранимы. Ныне большинство систем дополнительных валют компьютеризировано (за исключением аурсов и тлалока). Было бы очень просто установить небольшой, постоянный, привязанный ко времени сбор, Накладываемый навесь баланс (как по кредиту, так и по дебету). Например; можно наложить сбор, в совокупности равный 1 % в месяц на посуточной или даже на почасовой основе. Используя технологии смарт-карт, это можно запрограммировать.

«Одной из последних причин, почему к валютным системам следует применять сбор за простой, является то, что так удастся переключить внимание на дальние перспективы. В наш век, когда проблемы будущего игнорируются, это становится важной чертой», — пишет Лиетар. А мы добавим: это станет ещё более важным, когда проблемы будущего окажется невозможно игнорировать, ибо оно с громадной скоростью накатывается на нас...

Судьба горячих бонов на Руси

После российского дефолта, случившегося в 1998 году, председателем правительства России стал Е.М. Примаков; это было, без сомнений, лучшее правительство за всё время ельцинских реформ, оно действительно сумело сгладить ситуацию. Экономика, ввиду снижения на рынке количества импортных товаров, *пыталась* ожить. Но чтобы запустить её всерьёз, не хватало денег! Цены на все товары прыгнули в несколько раз, зарплату тоже надо бы было, по уму, поднимать — но чем платить?!

Пресловутый «местный производитель» пребывал в смущении.

Многие почему-то считают, что не товары определяют ценность денег, а некие золотовалютные резервы. Это совсем не так, потому что золотовалютные резервы — это именно *резервы* для непредвиденных обстоятельств. Если случится какая-нибудь форс-мажорная ситуация, ими можно будет воспользоваться. А стоимость денег, с учётом их оборачиваемости, зависит только и исключительно от товарной массы. Судите сами: после 19 августа 1998 года наши золотовалютные резервы не уменьшились, ведь Россия отказалась платить по долгам и уменьшать эти резервы, однако рубль резко упал. Что же изменилось на нашем рынке? Снизился ввоз товаров и уменьшился общий объём товаров на рынке. Вот рубль и упал.

В тот момент нам по крайней мере было ясно, что введение — пусть не везде, а в виде эксперимента хотя бы в одном регионе! — горячих бонов с демерреджем было бы спасением для такого региона. Потому что он получил бы некие преимущества. Удалось бы существенно уменьшить инфляцию, снизить уровень безработицы, достичь социальной справедливости в распределении доходов, избежать задержек с выплатой зарплат. Из-за уменьшения процентных ставок на оборотный капитал можно было бы ожидать снижения на 30—50 % цен на товары и услуги. Для промышленности польза — в появлении спроса на продукцию, для торговли — в существенном увеличении товарооборота. Для работников сельского хозяйства — в получении беспроцентных кредитов и расширении рынков сбыта.

Даже банкиры могли бы выиграть! Они при такой системе получают фиксированный процент за обслуживание денег и не подвергаются постоянной опасности лишиться всего из-за очередного финансового потрясения или восстания оголодавших людей.

И мы послали Е.М. Примакову подробное письмо. И получили ответ за подписью его заместителя Ю.Д. Маслюкова: дескать, спасибо, товарищи, нам этого пока не надо, но если мы решим, что поднимать экономику страны следует, начиная с регионов, то мы о вас не забудем. Видимо, в головах ру-

ководящих персон существует ещё какая-то Россия, помимо регионов.

С тех пор прошло много лет. Проблема нехватки денег не тупеет, а становится всё более острой и так или иначе покалывает каждого из нас. Рассчитывать на кремлёвских мечтателей не приходится. Статьи на эту тему, которые мы трудолюбиво носили в редакции множества газет, были повсюду отвергнуты как «неактуальные». Остаётся надеяться на энтузиастов, которые возьмут на себя внедрение нужного обществу средства обмена в своём городе, районе или области. Для них и пишем.

Как ввести «свою денежку» в малом сообществе, хорошо расписано в книгах Лиетара, а с его слов — в предыдущей главе нашей книги. А вот как наладить это дело в целом российском регионе?.. И каким он должен быть, этот регион?

Прежде всего (для эксперимента) небольшим. Это связано с тем, что для успешной работы новой системы нужна достаточная мобильность по транспортировке средств; если в регионе действует система электронных денег, то введение горячих бонов вообще очень простая задача. В нём должен быть слабо развит банковский капитал; таковыми у нас являются практически все регионы, кроме Москвы. Отсутствие капиталов делает регион зависимым от притока инвестиций, поэтому новая система станет некоторым выходом из этой ситуации. А в Москве, скажем, эту систему совсем бессмысленно вводить, Москва живёт как раз в основном с банковского капитала.

Регион должен быть в плохом экономическом положении, это понятно — чтобы терять ему было уже нечего. Человек, он существо недоверчивое — пока не поймёт, что хуже уже некуда, будет отказываться от неизвестных лично ему новинок. Тем более если он руководитель региона. А если хуже уже некуда, развал полный и только и ждётся, что быстрее: те «оранжевую» революцию устроят или эти с поста снимут, — поневоле согласишься на что угодно... Брать для эксперимента плохой регион выгодно ещё потому, что введение новой денежной системы будет ему особенно полез-

но, так как позволит увеличить занятость и оживить производство.

Но вместе с тем регион должен иметь развитую инфраструктуру для достаточно быстрого движения денег, потому что чем выше их оборот, тем выше польза от их введения. Так что вопрос коммуникаций — он здесь определяющий. Очень желательно, чтобы регион был способным в достаточной степени находиться на самообеспечении, чтобы боны обслуживали внутренний оборот и не было большой нужды конвертировать их в рубли для связи с «внешним» миром. В регионе должно быть достаточно развитое сельское хозяйство, чтобы не тратить рубли на приобретение продуктов питания на стороне. Однако плохо начинать там, где сильно развито только сельское хозяйство. Такие регионы не самодостаточны, там не будет большого эффекта.

С чего начинать?

Первое — надо убедить начальство региона, что новая система двойной валюты выгоднее, чем старая. Разъяснить начальникам, что введение «отрицательных денег» — за счёт того, что денежный оборот увеличится, — эквивалентно получению ими дополнительного кредита. Ведь и впрямь, получив от «центра» миллион и пустив его в оборот, регион только этот миллион и увидит. А выпустив под эти деньги боны, оборачиваемость которых, судя по опыту Вёргля, вдвое выше, регион получит работы на два миллиона. Ещё важнее, что из миллиона *рублей*, вкинутых в оборот, значительная часть регион покинет: через азербайджанцев, торгующих фруктами, или молдаван, строящих дороги, или китайцев, торгующих игрушками. А боны никуда не денутся, все останутся здесь — не нужны они больше нигде.

Важно также объяснить, что боны пойдут на пополнение оборотных средств. Не основных фондов, а именно оборотных. Проблема-то вся в стране в том, что у нас фонды-то есть, они пока ещё не все разрушены и разворованы; у нас нет оборотных средств.

Что такое оборотные средства? Вот вы решили жить с того, что выращиваете картошку на своём участке. Вы знаете, что

когда её вырастите и продадите, у вас концы с концами сойдутся. У вас есть земля, машина, лопата. Но для того чтобы начать, вам надо купить семена, бензин, какие-никакие удобрения. Рассчитывая заработать на этой картошке, предположим, тысячу рублей, вы должны сотню вложить сейчас. Вот эта сотня и есть оборотные средства, без которых весь ваш прекрасный план, при наличии земли, машины и лопаты, ничего не даст. В нашем случае за счёт более быстрого обращения денег регион получит эти оборотные средства.

На проведение эксперимента требуется добрая воля, но вовсе не жителей. Жителей, разумеется, надо иметь в виду, но в первую очередь важно, чтобы все значимые экономические субъекты данного региона сознательно сказали, что да, мы участвуем в этом эксперименте на тех условиях, которые выдвинуты, и согласны на определённые обязательства. А именно: заводы, фабрики и магазины должны чётко понять и принять, что *устанавливать разные цены в рублях и в горячих бонах — это нарушение правил*. Ведь бонны — это ТЕ ЖЕ САМЫЕ РУБЛИ, только с ограничением хождения во времени. Примерно как московские квартально действующие талончики на автобус. Следует объяснить: если вы выдержите правила игры, то вот ваши преимущества по сравнению с тем, что вы имели раньше. Если вы имели раньше дорогую колбасу на полках, и она у вас тухла в течение месяца, и вы её выкидывали, пока санэпидстанция не успела оштрафовать, то теперь у вас эта колбаса будет уходить со свистом! Но при условии, что вы не будете нарушать наши правила игры. Вы не будете делать две цены, не будете к концу месяца повышать цены в бонах по отношению к ценам в рублях. Этого мы требуем, это главное правило.

Должно быть определено минимальное время проведения эксперимента, желательно не меньше года, чтобы могли пройти целые производственные циклы, например, в сельском хозяйстве. Далее, начальство должно осознать, что плата за простой денег — демерредж — вводится НЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРИБЫЛИ, а для правильного функционирования всей системы.

После достижения общего согласия в регионе можно начинать.

Ах да, чуть не забыли. Население! Для него следует проводить информационную кампанию, рассказывая о том, что такое бонны и как станет хорошо, когда они появятся. Устраивать «деловые игры» для низовых руководителей. Проверить готовность почт и банков.

И вот торжественное начало. В присутствии прессы и охраны сумма, эквивалентная, скажем, месячной зарплате всех бюджетников региона, помещается в чемодан и кладётся на депозит в Центробанке. Если нам понадобится допечатывать бонны, то есть вывести из оборота энную сумму нормальных рублей, переведя их в бонны, то опять по той же процедуре: рубли запаковываются, и ровно на эту сумму эмитируются новые горячие бонны. Это делается, чтобы никто не боялся проигрыша. Если в какой-то момент жители скажут: «Всё, нам надоели ваши игры», этот чемодан возвращается назад в регион, и все горячие бонны, которые были эмитированы, выкупаются у населения за настоящие рубли, а эксперимент завершается.

А пока всё только начинается. Выдали бюджетникам зарплату в бонах (которые имеют ограниченный срок хождения), и они с ними сразу побежали в магазин. Тут же. Ну, мы знаем наши магазины. Ясное дело, что теперь в них будут сдачу давать только бонами, считая их плохими деньгами, а рубли (хорошие деньги) придерживать; это психология, она однозначна. Этими же деньгами магазины будут расплачиваться с заводом, пекарней, всяким прочим поставщиком товара. А на заводах, как только туда из магазинов бонны привезут, первую же зарплату рабочим выдадут именно бонами, — может быть, даже досрочно. А мы этого и хотим.

Мы хотим, чтобы деньги как можно чаще крутились.

Ведь в самом деле много денег не надо. Товарная масса определяется наличными деньгами, умноженными на количество оборотов, и всё. Если мы сделаем, скажем, 52 оборота — по разу в неделю, — потому что зарплату можно выдавать еженедельно, то у нас получается фантастическая сумма. Если оборачиваемость была 10 %, десять раз в год, то, поднявшись

до пятидесяти двух раз, она даст этому региону четыре дополнительных бюджета.

Чем «хуже» деньги, тем быстрее они крутятся. Этот закон вывел английский банкир XVII века Грэхэм: валюты, которые люди не хотят накапливать, оборачиваются быстрее, чем накапливаемые. Примечательно, однако, что он выразил это именно в таких терминах: «плохие деньги вытесняют хорошие», то есть «хорошие» идентифицируются с функцией накопления больше, чем с функцией обмена. С этим был согласен и Николай Коперник, которого мы знаем как астронома. (Кстати, мы и Ньютона тоже знаем как физика, а на самом деле Коперник и Ньютон — это два известных экономиста.) Не будем придираться к словам, а суть понятна: «хорошие» деньги люди прячут, а «плохие» крутятся в экономике. Вот и в нашем регионе, как только мы впрыснем туда «плохих» денег, только они и будут в обороте, автоматически. Не надо никаких специальных мер, чтобы только они и стали ходить. Экономика воспрянет, а рубли будут прятать, как сейчас прячут доллары.

Рубли и так-то всегда исчезают под матрасами. Сколько бы банкнотов Центральный банк ни напечатал, через год возвращается не более 93 % этих денег. Чаще — сильно менее. Москва, например, фантастически много денег ест; неизвестно, куда она их деваает...

Теперь вернёмся, наконец, к населению и спросим, о чём оно думает. Впрочем, мы и так об этом знаем: о деньгах. Среднестатистический россиянин (если забыть о Москве и об олигархах) сегодня имеет доход около 1500 рублей в месяц. Это очень маленькие деньги, но большинство населения не имеет и их. У нас жуткое распределение богатства: пятьдесят семей имеют больше 80 % всех денег России, а все остальные — по такой экспоненточке, если смотреть график, — скидываются вниз.

А с горячими бонами бедные увидят хорошие денёчки.

Посмотрим, что произошло. Выпустили мы эти боны, «плохие» деньги. Дали их людям — бедным, потому что бюджетники, как правило, лишних денег не имеют. Они побежа-

ли в магазин. В магазине они всё скупили, и дальше — если бы это были простые рубли — магазинщик перевёл бы их в доллары и купил на Западе товар, более дешёвый, чем российский, попутно оставив без работы местного производителя. Либо он вообще бы деньги вывез и купил себе особняк в Испании. В бонах он ничего никуда не повезёт, потому что просто их у него никто не возьмёт за пределами региона. Поэтому он волей-неволей вынужден идти на местное предприятие и отдать эти деньги за местный продукт. Цепочка не быстрая, но на местных предприятиях возникают оборотные средства и открываются рабочие места. Безработица в регионе снижается. Бедные получают зарплату.

Но и бюджетники, которые на заводах не работают, тоже перестанут бояться задержек зарплаты. Напротив, администрация с удовольствием будет платить им раньше срока по той простой причине, что правила в этих деньгах такие: кто на последний день оказался с ними на руках, тот и платит за их оформление на следующий месяц.

Зарплаты, может, номинально останутся такими, какие есть, но на самом деле доход людей повысится! Ведь из-за отсутствия банковского процента (боны, как мы помним, имеют «отрицательный» процент) уменьшатся цены, так как БОЛЬШАЯ часть цены продукта — это покрытие банковского процента по кредитам. Эти кредиты предприятия вынуждены брать, ибо оборотные средства нужны, взяться им неоткуда, берут в банке под процент, а платит в конечном итоге потребитель. Теперь этого не станет, а значит, товары подешевеют.

Всякого рода политики во время предвыборных кампаний регулярно обещают бороться с инфляцией, поддерживать социальные институты и мероприятия по улучшению экологической обстановки. А после выборов отчего-то бюджетные расходы на эти цели в первую очередь и попадают под сокращение. А в чём дело? В том, что и консервативные, и прогрессивно настроенные политики, кто б там ни был, при действующей денежной системе практически не имеют возможности выполнять обещания! А с горячими бонами всё наоборот. Деньги не концентрируются там, где их и так много (в банке), а обес-

печивают стабильный обмен товарами и услугами на свободном рынке, и администрация собирает больше налогов, что упрощает решение многих проблем: денег хватает на общественные дела. Уменьшится бюрократический аппарат, занимающийся перераспределением доходов между разными социальными структурами. Больше будет оставаться на образование, медицину и культуру. Возникнет стабильная, социально ориентированная экономика.

Если так, власть получит на следующих выборах больше голосов.

О промышленности мы уже сказали, но надо добавить: сегодня наша экономика *зависит от капитала*. Новая денежная система, горячие боны, обеспечит такое положение, при котором *капитал будет зависеть от потребностей экономики*. Он будет **вынужден** предлагать сам себя. Потому что в банки, от людей через магазины, приходят «плохие» деньги. Банкиры не могут себе позволить просто собирать их и раз за разом платить за демерредж, чтобы пролонгировать действенность боннов на следующий месяц. Банку надо всеми силами свой капитал куда-то встроить. А встроить можно только в хозяйство, да и то местное, не иначе. Больше некуда. И банк начнёт бегать за предпринимателем, чтобы дать ему деньги и перекинуть на него всю вот эту отрицательную часть и плюс к тому получить плату за свою работу. Банк начнёт получать плату за оборот денег.

«Крайней» в этой цепочке будет торговля. В самый последний день все боны окажутся в магазинах, и основная нагрузка по оплате демерреджа ляжет на них. Самое важное, самое тонкое место во всей системе — чтобы магазины не стали делать две цены, в рублях и бонах. Поэтому они должны чувствовать выгоду системы для себя. А она есть или нет? Посмотрим.

Во-первых, у торговцев существенно увеличится оборот. А во-вторых, у них уменьшатся затраты на хранение товара. Иначе говоря, они теряют 1—2 % с выручки из-за оплаты демерреджа, но выигрывают гораздо больше. Им становится выгодно жить не с цены, как это у нас обычно бывает, а с оборота, а оборот у них будет фантастический, потому что к кон-

цу месяца народ станет ломиться в магазины, как на Западе на распродажах перед большими праздниками. Скупать будут всё, что только можно, что под руку попадётся. Чтобы не спеклись у них деньги, чтобы не платить даже эти 1—2 % — чисто психологический момент. Или будут сдавать их в банк, а банк станет предлагать всем подряд потребительский кредит.

Предположим, двенадцать человек хотят купить себе мотоциклы. Каждому из них нужно копить на свою мечту целый год. Теперь они все будут ежемесячно бежать в банк и сдавать свои бонусы, чтобы они не потеряли свою стоимость за этот длинный год. И банк в первый же месяц даст одному из них все эти собранные деньги, чтобы он купил себе этот мотоцикл прямо сегодня. Что получается? А) Мотоциклетному заводу не надо ждать целый год, чтобы эти парни купили его продукцию. Б) Магазин ускоряет оборот. В) Банк не выбирает, кому бы дать кредит под процент, да ещё и с залогом, а уговаривает кого угодно: возьми, и без процента. В) Наконец, люди получают вожеленный мотоцикл не через год, а раньше.

Сельское хозяйство. Эта отрасль имеет длительные циклы производства. В природе рост не может происходить теми же темпами, как рост капитала, поэтому сельское хозяйство особо страдает от процентов и инфляции. Банковский процент для сельского хозяйства — это смерть, вот почему практически во всём мире сельское хозяйство дотируется. И от введения горячих бонусов оно выиграет больше всех. Беспроцентные кредиты в совокупности с некоторыми реформами позволят наконец провести масштабный переход от высокоиндустриализованного сельскохозяйственного производства к экологически оправданному возделыванию земли. Станет возможным **новый образ жизни**, сближение города и деревни, работы и досуга, физического и умственного труда, «высоких» и «низких» технологий.

Крупные перемены от внедрения бонусов произойдут в экологической сфере. Сегодня у нас выбор только между экологической и экономической катастрофами. И пока любая инвестиция будет измеряться по доходам от процентов на рынке денег, привлечь капиталовложения в экологию не удастся в

необходимых широких масштабах, ибо сегодня получение кредита для инвестиций в охрану окружающей среды связано только с экономическими потерями. Энергосберегающие технологии дают практически нулевую рентабельность; эти проекты не могут конкурировать со всеми остальными, и, как правило, на них банки не дают кредитов, хотя именно в России — оттого, что у нас сильная зависимость от энергоресурсов, — они очень нужны.

Если же проценты ликвидировать, капиталовложения в сфере экологии и энергосбережения будут окупать себя сами.

Вкладывать в эти отрасли станет выгодно!

В области культуры, вследствие новой денежной системы, количественный рост очень скоро перейдёт в качественный. Если бы люди могли выбирать между простым накоплением денег со стабильной стоимостью и вложением их в предметы длительного пользования: мебель, дом, технику, изделия художественных промыслов и т.д., — они, возможно, чаще делали бы выбор в пользу обустройства своего быта. Люди быстро купят себе холодильники, пылесосы и стиральные машины, и у них ещё будут оставаться деньги. Куда их девать?

Покупать произведения искусства, книги и прочее подобное.

Чем больше спрос на предметы длительного пользования и произведения искусства, тем больше их выпускают. Таким образом, может произойти полное изменение отношения к культурным ценностям. Искусство и культура станут экономически конкурентоспособны!

Искусство станет рентабельным!

Да, это несколько футуристическая картина. Если так будет, то хорошо, но такая задача на первом этапе даже и не ставится. А вот какая задача перед нами стоит, и именно на первом этапе (если взяться за такой проект прямо сейчас), так это взаимоотношения с богатыми. Главный вопрос: допустят ли те, кто извлекает выгоду от существующей денежной системы и имеет в своих руках рычаги власти, такое её реформирование, от которого они потеряют возможность получать доходы без всякого трудового участия?

На первый взгляд ответ должен быть отрицательным. Есть инструкция Центробанка; она региональных денег не предусматривает, и закрыт вопрос. Если любой банк региона примет в виде рублей наши боны (а мы на то и напираем, что это — одно и то же в разных формах), то у такого банка лицензию отнимут немедленно! Вопрос надо решать с юристами, с законодателями, с президентом, но Центробанк никогда ничего такого не сделает, ничего решать не станет. Он не будет менять законодательство.

Богатые, имеющие влияние на Центробанк, законодательство и президента, не будут рубить сук, на котором сидят. Ну а если этот сук растёт на больном дереве? Если объяснить этим людям, что есть здоровое, альтернативное дерево и что, оставаясь на старом дереве, они рискуют потерять всё, включая саму жизнь, а на новом дереве их положение, хоть и не столь комфортное, будет более стабильным?..

Возможно, многие поймут. И всё равно ничего не получится.

Наши богатые, на олигархическом и на государственном уровне, чётко сплетены. Пусть даже кто-то один поддержит идею. Найдётся десять других, которые постараются её утопить. Они, поняв, что «отрицательные деньги» нельзя превратить в инструмент накопления, применят против этой идеи все возможные способы, в том числе лживую прессу. Любой журналист придумает тысячу аргументов «против», высмеет её, и вся задумка развалится.

Поэтому, конечно, надо разъяснять богатым механизм функционирования процентной системы, показывая практическую альтернативу. Но делать это следует, не рассчитывая на чудеса (что они выберут стабильность, а не ещё больше денег), а отслеживая ситуацию в стране и мире. Процентная финансовая система неустойчива по определению. Она обязательно скатится в коллапс. Это не случайности какие-то, не происки Сороса и не происки международного терроризма, а закономерные вещи. Доллар уже на грани, и в ближайшее время будет либо жуткая инфляция по доллару, либо он просто рухнет. Может быть, функции мировой валюты подхватит евро

или английский фунт стерлингов, не исключён такой вариант. И в ходе перерастания кризиса в катастрофу богатые будут менять своё мнение, свою точку зрения на разные вещи.

Если олигарх, имеющий несколько вагонов долларов, поймёт, что всё, завтра он этими долларами может идти печку топить, да и то не советуют, от них дым какой-то ядовитый, то он, конечно, вложит их в предприятия и землю. И сам попросит: внедряйте скорее свои боны, а то никто работать не хочет, я прибыли не получаю...

Российские богатеи — они тоже разные. Есть идиоты, мечтающие провести свою старость в Америке (помните, мы говорили, что Америку пожалеть надо?). Есть такие, которые собираются жить в России, и они, конечно же, могут согласиться на более стабильные условия, в том числе на беспроцентную валюту. В общем, всё зависит от развития событий. Если они опоздают с решением, то их согласие на что бы то ни было вообще не понадобится. Выбор у них на деле небольшой: в Америке, в России или на осине. Мы потому и оставили разговор о богатых на конец главы: в критический момент проблемы будут решаться без оглядки, богатый ты, бедный, умный или идиот...

Мировая валюта как «корзина товаров»

Какими оригинальными ни были бы местные, региональные и национальные деньги в будущем, обязательно понадобятся некие общие деньги. Бернар Лиетар выдвинул идею мировой базисной валюты и дал ей название *терра*. В своей книге он написал, что *терра* не должна быть привязана к какому-то государству, а главной её целью станет обеспечение стабильных и надёжных международных контрактов и торговли. Мы ему ответили, что во времена не очень давние подобной цели служил «переводной рубль», применявшийся в расчётах между странами — членами СЭВ: безналичный, беспроцентный, одинаково выгодный всем экономическим партнёрам. С ним не было проблем: ни кризисов, ни обвалов, ни скандалов — в отличие от золота и доллара. По этой причине о нём мало кто знает.

Думается нам, что идеи новой международной валюты представляют пока только теоретический интерес. Учёные, вроде нас с Лиетаром, могут эти идеи выдвигать, обсуждать, объясняя друг другу, как с ними восприняет человечество. Однако ни СЭВа, ни «переводного рубля» больше нет, и точно так же не будет никакой терры; не нужна она эпохе ТНК. И всё же мы рассмотрим лиетаровскую идею, потому что минует однажды эта эпоха и наступят новые времена, когда немногочисленному человечеству понадобятся *любые* идеи.

Terra — это стандартная корзина товаров и услуг, особенно важных для международной торговли; их относительный вес в этой стандартной корзине должен отражать их относительную значимость. Одной из причин того, что современные финансы оторвались от реальной экономики и обслуживают только сами себя, является разобщение между финансовым миром и физической реальностью; эта связь была окончательно разорвана президентом Никсоном, отказавшимся в 1971 году от золотого обеспечения доллара. А *терра* в роли мировой валюты была бы сродни золотому стандарту прошлых веков, но, как корзина с разнообразными товарами, она будет по определению более стабильна, чем любой из этих товаров и даже чем золото.

Например, рыночная цена терры может быть определена так:

- 1 *терра* = 1/10 барреля нефти (например, марки Brent, с доставкой)
- + 1 бушель пшеницы (Чикагская товарная биржа, с доставкой)
- + 2 фунта меди (Лондонская биржа металлов, с доставкой)
- + и т. д.
- + 1/100 унции золота (Нью-Йоркская товарная биржа, с доставкой).

Лиетар даёт здесь примечание, поясняя, что специфические товары, их качество и стандарты поставок и их соответствующие количества приведены в качестве примера, а на практике это будет частью договорных соглашений между участниками сделки. Мы тоже можем сделать примечание: после

краха мировой экономики «корзина» может оказаться принципиально другой. Но какой — гадать не станем.

Терра имеет четыре ключевые характеристики.

- Эта валюта устойчива к инфляции. Ведь инфляция всегда определяется как изменение корзины товаров и услуг, следовательно, до какой степени корзина товаров в террах будет репрезентативна по отношению к структуре мировой торговли, до такой степени она и не будет подвержена инфляции.
- Стоимость терры легко пересчитывается в любую национальную валюту. Всякий может просмотреть цены на товары «корзины» в международной торговле и пересчитать их по «корзине» своей страны.
- Терра автоматически конвертируется в любую существующую национальную валюту, для чего не нужно составлять международные конвенции или соглашения. Любой, кто вносит деньги на счёт в своей валюте, может получить корзину с товарами, доставленную на заранее подготовленные склады (вроде тех, что уже существуют на различных фьючерсных биржах).
- В эту денежную систему естественно встроен демерредж, и это самое главное, поскольку гарантирует полную интеграцию предлагаемой валюты в существующую рыночную систему реальной экономики во всех аспектах. Действительно, существуют издержки, связанные с хранением товаров, и демерредж просто будет оговоренной стоимостью этого хранения.

Нет необходимости дискутировать на тему полезности демерреджа или его размера. Затраты на хранение товара (и демерредж) приблизительно оцениваются в размере от 3 до 3,5 % годовых. И заметим, что такие издержки не могут привести к дополнительным затратам экономики в целом. Они *уже включены* в современную экономику, потому что большинство (если не все) товаров в любом случае где-то хранится, воплощая политику стабилизации цен и создания запасов. Предложение Лиетара — просто переложить эти существующие затраты на держателей терры, передавая этим

издержкам общественно полезную функцию оплаты демерреджа.

Важно понять, что людям, когда они станут получать платежи в terraх, не будет нужды контролировать цены товаров. Terra — просто складская расписка, дающая право получить эквивалент стоимости корзины товаров независимо от того, с какой валютой человек имеет дело. Terra, следовательно, могла бы перечисляться электронным путём, как сегодняшние национальные валюты; она была бы просто стабильна и не подвержена инфляции, и это уже немало.

Terra есть комбинация двух концепций: демерреджа, первоначально предложенного Сильвио Гезелем, и идеи валюты, имеющей в основе корзину товаров, которая предлагалась многими известными экономистами всех поколений, включая недавнего нобелевского лауреата Жана Тинбергена и профессора Калдора из Кембриджского университета. Джон Кейнс об идее валютного демерреджа говорил, что она здравая и с теоретической, и с практической точки зрения, поскольку действительно предпочтительнее обычных валют. В своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» он пишет: «Те реформаторы, кто искал лекарство в создании искусственной стоимости денег, требуя, чтобы законное платёжное средство периодически обновлялось за определённую установленную плату для сохранения себя как денег, были на правильном пути, и практическая ценность их предложения заслуживает обдумывания».

Короче, многие экономисты поддерживали различные аспекты подобной мировой валюты в силу многих весомых причин: стабильность, денежная устойчивость, сокращение колебаний экономических циклов, снижение международного неравенства. Да и вообще для международной экономики ведение дел без единого стандарта стоимости так же неэффективно, как попытка торговать без стандартов длины и массы. Попробовать можно, но это вне здравого смысла.

Предположим, по каким-то неизвестным причинам не сложилось единого для всего мира стандарта массы (килограмм), и этот стандарт в каждой стране свой. Для приведе-

ния к общему знаменателю при подписании сделок договорились бы умножать его, например, на разницу температур воздуха между импортирующей и экспортирующей сторонами. Пришлось бы вложить деньги в технику, построить и запустить спутники для измерения этих температур и развивать такие специфические средства, как фьючерсные рынки и др., для страхования рисков, связанных с изменением киллограмма в зависимости от погоды; конечно, это громадные расходы...

В сфере международного стандарта стоимости указ Никсона от 1971 года о плавающих валютных курсах способствовал развитию именно такого процесса. Почему же не договориться о стабильном международном стандарте стоимости? Эта важная проблема стоит давно; она была определена Хогартом и Пирсом так: *«Миру понадобится немного времени, чтобы осознать, что больше невозможно делать бизнес без надлежащих стандартов стоимости, как было бы невозможно вести дела без согласованных единиц длины и массы»**.

И при всей остроте проблемы, при наличии множества «осознавших» ничего не происходит. Причина, по которой идея товарной корзины всё ещё не воплощена в глобальной резервной валюте, явно не в недостатке правильности суждений и не в недостатке доказательств. Просто решения принимают не академические учёные, а представители совсем иной общественной структуры.

Люди, понимающие, куда катится мир, ради внедрения такой мировой валюты призывают правительства заключить соглашение типа Бреттон-Вудского или ввести эту валюту через реформирование Международного валютного фонда. Вот мнение Томаса Санктона:

«Эффективные действия по предотвращению опустошающего разрушения окружающей среды требуют мобилизации политической воли, интернациональной кооперации и жертв, вообразимых только в военное время. Однако человечество уже сейчас находится в состоянии войны, и её вполне можно назвать

* Hogart W.P., Pearce I.F. The Incredible Eurodollar. London: George Allen and Unwin, 1982. P. 130-131.

войной за выживание. Это война, в которой все нации должны быть союзниками»*.

Призывают они, как видим, давно: статья Санктона была опубликована в 1989 году. Однако сегодня, как и тогда, вероятность подобного соглашения между правительствами мала, а МВФ занят тем же, чем и раньше: разрушением национальных экономик. Таковы политические реалии! У политиков нет времени, чтобы думать о выживании человечества, они думают о своём выживании во власти.

Бернар Лиетар, человек в финансовом мире не последний, дипломатично пишет: *«Приватные беседы с высшим руководством Банка международных расчётов и МВФ подтверждают, что, по существу, новые денежные инициативы могут быть проявлены только частным сектором в условиях острых геополитических обстоятельств. Более того, реальная власть принятия решений сегодня так или иначе относится больше к транснациональным корпорациям, чем к правительствам... следовательно, их участие в проекте будет необходимо в любом случае»*. И дальше выдвигает стратегию, при помощи которой намеревается *«убедить ключевую группу корпораций установить мировую базисную валюту самим, как вид услуг для каждого, кто хочет торговать на международном рынке»*.

Для того чтобы предлагаемая им стратегия не сработала, есть несколько причин. Первая из них в том, что транснациональные корпорации имеют свои представления о добре и зле. В 1998 году вышел в свет обзор Артура Литгла, исследовавшего 481 основную корпорацию Европы и США, с ошеломляющими результатами: оказалось, что 95 % корпораций считают устойчивое развитие «исключительно важным» и 83 % полагают, что бизнес эту устойчивость может обеспечить. Но практически ни одна корпорация не знала, как и что для этого делать. То есть они проявляют озабоченность и уверенность в возможном успехе, но делать ничего не собираются. Или будут делать наоборот.

Одни из самых серьёзных рисков, с которыми международный бизнес постоянно сталкивается, — это валютные рис-

* Sancton T. A. Planet of the Year // Time. 1989. January 2. P. 14.

ки. Они сейчас даже больше, чем политические риски (например, возможность того, что иностранное правительство национализировало вложения). Всякий раз, когда стоимость международных валют пересчитывается в национальные валюты стран, проявляются эти риски. Если иностранная валюта падает, вся дебиторская задолженность (задолженность покупателей перед компанией) и все счета дебиторов, выраженные в этой валюте, падают в цене. Если иностранная валюта растёт, всё подлежащее выплате (например, займы) дорожает.

Исследование пятисот удачливых корпораций США в 1992 году показало, что все они считают валютные риски своей самой большой головной болью. Более того, 85 % участников заявили о необходимости использовать дорогие финансовые стратегии для снижения этих рисков. Существенно, что чем крупнее и разветвлённее компания, тем больше случаев страхования.

На борьбе с этими многочисленными проблемами создавалась целая финансовая отрасль (фьючерсные рынки и другие финансовые производные инструменты). В большинстве случаев затраты на страхование таких рисков непомерно высоки, особенно если дела ведутся не в основных валютах или если временной период достаточно долг. С другой стороны, если не страховать такой риск, то это авантюра, которая может подвергнуть опасности всю корпорацию.

Разумеется, среди высших лиц корпораций, страдающих от этих рисков, могут найтись такие, которые поддержат идею введения терры как мировой валюты. Терра снизит риски, и они будут спать спокойно. А что скажут высшие лица страховых компаний и прочие причастные, наживающиеся как раз на том, что существуют риски?..

И так во всём. Ныне сложно заключать долгосрочные контракты, потому что ключевая составляющая любого контракта — стоимость — должна оставаться открытой для корректирования, если партнёр находится в другой стране. Казалось бы, желание уйти от этих сложностей подтолкнёт бизнесменов к согласию на введение терры. А какое мнение будет у наживающихся как раз на делании «быстрых денег»?..

Из-за отсутствия настоящего международного стандарта стоимости контрактные и инвестиционные издержки увеличиваются с появлением каждого дополнительного участника международной торговли; это оборачивается повышением стоимости всех товаров и услуг, предназначенных для международной торговли, а расплачиваются по всему миру потребители как конечное звено в этой цепочке неэффективности. Разумеется, потребители и часть производителей проголосуют за терру! А как проголосуют финансовые корпорации и банки, чей доход тем выше, чем выше стоимость товаров и услуг?..

Никакими разумными доводами переломить ситуацию нельзя. Только катастрофа откроет возможность перемен. Вот тогда окажется востребованной и гениальная идея Бернара Лиетара — терра, международная «торговая корзина» с прикрепленным к ней демерреджем. А до катастрофы рукой подать. Лиетар пишет:

«Если инициативу никто не проявит и ни один из корректирующих механизмов не будет применён, предсказуемые последствия будут заключаться в том, что когда-нибудь в спекулятивном безумии современной валютной системы спекулятивная составляющая достигнет 90 % или даже 99,9 % всех прочих. И тогда существующий «модус вивенди» рухнет, сопровождаемый экономической катастрофой.»

Я искренне надеюсь, что этого не случится, потому что на фоне такой глобальной катастрофы даже кризис 1930-х годов представится приятным пикником. Как-никак кризис 1930-х поразил экономику стран, в которых проживало только 20 % мирового населения. Южная Америка, Россия, большинство стран Азии не подверглись его влиянию и даже экономически расцвели, в то время как США и Западная Европа содрогнулись от потрясений. Крушение сегодняшней денежной системы затронет всё человечество на огромных пространствах, потому что глобальная интеграция открыла границы стран, экономик, даже традиционных сообществ, которые ещё 60 лет назад были вполне самодостаточными».

Бернар Лиетар надеется, что ввести терру удастся сейчас по настоянию экономического сообщества либо в результате

инициативы правительства США или группы стран. Однако такие серьёзные эксперты по денежной системе, как Мильтон Фридман и Анна Шварц, пришли к довольно тягостному выводу о том, что существенные перемены в этой системе никогда не совершаются до проявления негативных результатов, а всегда после, когда их на то обязывает фактически грянувший кризис...

ПУТЬ К ДОМУ

Если ты рядом и дети тоже,
Нет ничего на свете дороже.
Главное в жизни — семейный круг
Без расставаний и долгих разлук...

Сергей Дмитриев

Дом: деградация от прогресса

Ожидая катастрофическое разрешение тянувшегося уже давно всемирного эколого-социального кризиса, не надо забывать, что, помимо «магистрального» пути развития (полной гибели) и «дополнительного» к нему (возврат в пещеры), есть и третий путь. Он реален, потому что человек имеет своё место в экосистеме и вполне может в ней существовать и дальше. Для выхода на него надо всего лишь скорректировать своё поведение.

Объясним, что это значит — «место в экосистеме». Предположим, существует некоторая трофическая пирамида без человека. В ней волки едят зайцев, зайцы едят траву, а трава «питается» от земли. Как может встроиться сюда человек? Если он решит питаться зайцами, то, чтобы не нарушить природного равновесия, он, забирая для питания некоторое количество зайцев, должен забирать и соответствующую этому количеству долю травы, которой питаются зайцы. Ему следует подумать и об интересах волков, которые остались без еды. И так далее. Иначе говоря, у человека есть своя доля в общих ресурсах, но, потребляя их, главное — не брать лишнего.

Наш «третий путь» на Земле — изменение способа нашего существования. Современные технологии позволяют жить в

ладу с природой, когда человек получает достойные условия жизни и в то же время кардинально снижает своё негативное воздействие на природную среду. Человеку надо (а) развернуться лицом к природе и, (б) изменив параметры финансовой системы, (в) заставить хозяйство служить не финансовым, а общественным интересам.

О чём идёт речь?

Речь идёт о доме.

Пункты «а», «б» и «в», если изложить их чуть-чуть научнее, должны звучать так: надо заняться экологией и экономикой. В этих словах «эко» в переводе с греческого как раз и означает «дом». Наш дом — как планета в целом, так и жилище каждого из нас — разрушен безудержным прогрессом. Стремление взять у природы её богатства и потратить их на себя сходно с поведением нерадивого крестьянина, который, чтобы протопить избу зимой, выдёргивает из стены брёвна и кидает их в печь. Скоро ему протапливать будет нечего и нечем.

Человек, посмотрев, *где* и *как* он живёт, должен бы ужаснуться и срочно переменить свой образ жизни! То, что искусственные постройки — города и дороги — на громадных площадях замещают собою природу, ещё полбеды. И урон, который современная жилая застройка непосредственно наносит окружающей среде, — только десятая часть истинных потерь. Если посмотреть шире, окажется, что на единицу ресурсов, потребляемых собственно в домах (вода, энергия), обслуживающие города системы тратят вдесятеро больше!

То же самое и с отходами: кажется, что их очень много, а на самом деле их СТРАШНО много.

По мнению Ю.Н. Лапина*, от нашего «прогрессивного» жилья происходит до трети всего ущерба, наносимого природе цивилизацией. А если учесть производство товаров потребления, связанных с обустройством жилища, — и до половины, а то и поболее. В свете этих данных, кстати, политика защит-

* Далее мы широко используем работу Ю.Н. Лапина «Экожильё — ключ к будущему»: небольшая книга, написанная настоящим энтузиастом экодостоупительства, по охвату тем сравнима разве что с энциклопедией.

ников природы, протестующих против промышленных загрязнений, выглядит противоречиво и непоследовательно: ведь они не спешат отказаться от горячей воды, электричества и канализации в своих квартирах. И собственно, не предлагают альтернативы.

А мы предложим. Для решения многих проблем всего-то и надо, что учесть опыт предков и умножить его на мощь современной науки.

Старинное **сельское жильё** в целом было вполне пристойным. Дом не отгораживал человека от окружающей природы, предлагал физический труд по самообслуживанию, позволял вести более или менее здоровый образ жизни, или, как говорят сейчас, жить в соответствии с идеологией «естественного» здоровья. Но имелись и недостатки: отсутствовали бытовые удобства и соответственно не обеспечивались хорошие санитарно-гигиенические условия; физический труд был чрезмерно велик. Зато устойчивая и большая семья уберегала человека от психических перегрузок, обеспечивала преемственность культуры и высокий уровень социальной защиты.

Позже, с началом расслоения общества на бедных и богатых, жизнь деревни ухудшалась, чему есть неоспоримые свидетельства, но многие положительные черты оставались неизменными.

Как обстояли дела в самых первых **городах**, сказать трудно; они появились ещё в неолитический период, при отсутствии письменности. А вот о городах Средневековья сведений предостаточно; прежде всего обращает на себя внимание страшная скученность, порождавшая антисанитарию. *Зараза* буквально витала в воздухе, поскольку города были феноменально грязны. Немного лучше стало, лишь когда в результате усилий учёных люди всё-таки поняли, из-за чего возникают болезни, как с ними бороться и как предотвращать. Вот описание реальных городов от конца XII до середины XVIII века в изложении А.М. Петрова, составленное по средневековым источникам:

«Следующие факты, глядя из наших дней, кажутся неправдоподобными: «Свиньи гуляли перед всей публикой по улицам; даже

когда это запрещалось, всё же в определённые часы дня они могли свободно ходить по городу; перед домами были выстроены хлева для них, которые загоразивали улицу; дохлые собаки, кошки лежали перед домами и на площадях. Французский король Филипп II Август, привыкший к запаху своей столицы, в 1185 г. упал в обморок, когда он стоял у окна дворца и проезжавшие мимо него телеги взрывали уличные нечистоты... А германский император Фридрих III едва не погряз в нечистотах вместе с лошадью, проезжая в 1485 г. по улицам Рейтлингена». В большинстве городов ещё не было водопроводов; в городских же резервуарах находили трупы кошек и крыс. Не чище были и реки в городской черте — эту воду пили, на ней замешивали хлеб.

После каждого дождя улицы превращались в непроходимые болота. Здесь же находились сточные каналы, издававшие зловоние и служившие очагами заразы. Зачастую отсутствовали даже выгребные ямы, «и население удовлетворяло свои потребности во дворе (и выбрасывало экскременты на улицу); в небольших городах это проделывалось даже посреди улицы; Лувр, а в Испании даже королевский дворец были совершенно загажены». Улицы главного города Оверни Клермон-Феррана по своей грязи и зловонию, говорит Артур Юнг, «напоминали траншеи, прорезанные в куче навоза». В 1531 г. жителям Парижа было приказано устроить у себя в домах выгребные ямы, чтобы не пользоваться для тех же целей улицами, но ещё при Людовике XIV только немногие обзавелись ими. Ещё в XVIII в. нечистоты из плохо устроенных выгребных ям попадали в соседние колодцы. Во всём Париже не было места, где проходящие по улице были бы гарантированы от того, что им на голову не выльют содержимое ночной посуды или вёдер с экскрементами.

Изредка города очищались: когда в Париже в 1666 г. вследствие непрекращающихся чумных эпидемий была произведена подобная очистка улиц, то в её честь не только слагались поэмы, но были чеканены две медали в память об этом чрезвычайно знаменательном историческом событии. Дижонский врач Жаре (XVIII в.) в ярких красках описывает весь ужас погребения мёртвых в церквах и указывает на огромные опасности, связанные с таким соседством для населения, ибо земля и воздух отравлялись

трупами погребённых, «вследствие чего испарения, исходящие от мёртвых, убивали живых». Сохранилось описание одного из кладбищ Парижа, которое было устроено так, что в прилежащих к этой местности домах от зловония припасы портились в течение нескольких часов».

За последние полтора столетия индустриальная эпоха кардинально изменила характер массового жилья, что не могло соответствующим образом не сказаться на культуре, массовой психологии, социально-экономических отношениях и т.д. Есть ещё кое-где и грязь, и зараза, но в большинстве городов «цивилизованного мира» городское жильё — это многоэтажный дом с горячей и холодной водой, канализацией, электричеством, централизованным отоплением, системой мусороудаления. Для людей, живущих в домах без удобств, современная благоустроенная квартира часто представляется верхом совершенства. Однако достигается это совершенство затратами колоссального количества энергии и по крайней мере в России (вовсю торгующей энергоресурсами) становится роскошью для многих городов.

Поразительнее всего, что люди не замечают: вся та грязь, которой раньше напрямую любовались короли, никуда не делась. Она просто спрятана от зрения (и обоняния). Но она — с нами.

Человечество, как мы напоминали уже не раз, — живая динамическая система, часть биосферы. А любая система потенциально содержит в себе как порядок, так и его противоположность, беспорядок. Человеческое сообщество, развиваясь, снижает меру своей неупорядоченности, достигая всё большей организации, регламентации и управляемости, в том числе в сфере сангигиены. Казалось бы, это хорошо. Да, если бы не один вопрос: а куда же девался внутренний беспорядок?

Беспорядок, отрицательная сторона деятельности людей по улучшению своей жизни, не исчезает «в никуда», а просто переключается в другое место и, представьте себе, может вернуться обратно с совершенно неожиданной стороны. Вот небольшой бытовой пример. Ваша квартира сияет чистотой, вы навели в ней полный порядок. А беспорядок? Вы его выкину-

ли: мусор, грязь и пыль на помойку, мыльную воду и химические чистящие средства под ближайший куст или через канализацию в реку. А тараканам, насыпав яду, создали столь невыносимые условия, что они сбежали к вашим соседям. Потом вы будете пить воду из этой речки, есть ягоды с того куста и снова знакомиться со своими тараканами, когда их прогонит ваш сосед.

Всегда при уменьшении энтропии в данной системе лишний беспорядок «выкидывается» вовне, тем самым энтропия внешнего мира увеличивается. Производственная деятельность людей увеличивает беспорядок в биосфере: состояние окружающей среды ухудшается.

...В Советской России дом представляли как жилище рабочего, или, иначе, жилище при предприятии. Концепция такого жилья разрабатывалась в 1920-х годах. Считалось, что рабочему не нужно много громадных комнат с излишне роскошной отделкой. Для удобства проживающих необходимо и достаточно, чтобы в квартире была отдельная комната для сна, вторая, где рабочий с семьёй мог бы проводить свободные часы, и кухня. К этому набору комнат предлагали ещё переднюю с ванной комнатой, но позже решили, что достаточно умывального места на кухне (и общественной бани на улице), а кладовые для продуктов (как было в доходных домах) заменили подоконными шкафчиками. То есть жилище для рабочего, по представлению идеологов тех лет, — это сон, питание, гигиена тела.

И не обошлось здесь без идеи Ле Корбюзье о жилище как «машине для жилья». Отсюда выросла и практика застройки населённых пунктов одинаковыми домами. Дом превратился в подобие ящика, а программа для ящика достаточно проста: положи в него вещь, и пусть лежит. Так человек был низведён до вещи, единицы «рабочей силы». И не только в нашем социалистическом Отечестве, а повсюду.

Такое отношение к жилищу происходило от общей — ну, не концепции, а направленности мышления. В медицинских институтах изучали физиологию деторождения, в экономических читали курс «Воспроизводство рабочей силы», вместо пи-

сателей готовили инженеров человеческих душ. Неявно, а иногда и явно подразумевалось, что человек — приложение к экономике, деталь механизма по производству продукции. На Западе человек был ещё и потребляющей блага единицей, а в нашей стране — придатком к дружбе народов. О человеке как *человеке* не думал никто.

И сейчас не думает.

Поэтому не надо удивляться, что дом строили не для человека, а для детали механизма. Надо, чтобы деталь сохраняла свои функциональные качества, так вот тебе, деталь, спальня для восстановления физических сил и воспроизводства рабочих кадров, гостиная для воспитания этих малолетних кадров и кухня, шесть квадратов на всю ораву. Но жилище — как целое — неотъемлемый атрибут жизни человека, а потому, упрощая его, заведомо сводя к минимуму программу жилища, заменяя его «машинами для жилья» и прочим суррогатом, «на выходе» получали дом-убийцу (экоцид по-гречески). Для человека (обладающего качествами одновременно фермиона и бозона) такое убожество невыносимо, но как только он начал его украшать рюшечками и цветочками, прибежали инженеры человеческих душ и начинали обличать мешанство и низкопоклонство. Сами они, правда, старались жить получше простого рабочего.

Но любая структура, однажды возникнув, эволюционирует дальше сама, в зависимости от наличия ресурсов. Строительная отрасль не стала исключением. Повсюду дома становились всё качественнее, в том числе в СССР. В известный момент СССР закончился, а всё остальное, в том числе строительная отрасль, осталось. Задача получения прибыли заставляла строить больше, быстрее, с меньшими затратами. Практически перестали обращать внимание на развитие инженерных сетей; новые дома ставили посреди старой застройки, присоединяя к старой же системе коммуникаций.

В больших городах — что в Нью-Йорке, что в Москве — дороговизна земли гнала строителей вверх. Теперь в простенькой высотке, занимающей на земле площадь 30 × 30 метров, живёт народу больше, чем в старину на площади в 100 кв. км.

Всем им надо где-то ходить и на чём-то ездить; улицы забиты машинами; пробки вызывают стрессы, а затем и психические заболевания; сам воздух отравляет людей. Из-за повсеместной деградации городской среды всё хуже гигиенические условия проживания. Было бы логичным установить предельные нормы допустимого вреда от жилья, — так сказать, разрешённый «выхлоп», как в случае с автомобилями. Но люди находят другой выход: в загородном отдыхе, а богатые всех стран явственно предпочитают городу более дорогие одноквартирные двух- и одноэтажные дома «на природе».

И даже в Америке наряду с таким сверхдорогим жильём есть целые жилые кварталы из автомобильных вагончиков и толпы бездомных, ночующих в городских коллекторах!

А строители продолжают гнать городской метраж.

Уже сегодня пример многих российских городов показал, насколько опасна и непредсказуема жизнь в них, хотя отключали только электричество и тепло. А если отключат воду тоже? Сколько времени понадобится, чтобы оказалась загрязнённой прилегающая территория и начались эпидемии? А если перестать вывозить мусор? Как быстро дома «утонут» в нём? В какие затраты выльется ликвидация последствий даже в небольшом городе? Наверное, дешевле будет построить новый город.

В отличие от домов прежней эпохи современные многоэтажные дома очень уязвимы, ведь они зависят от коммунальных инженерных сооружений и сетей и при любом нарушении в их работе становятся непригодными для жизни. А сооружения эти многочисленны и разнообразны: это водозаборные и водоподготавливающие станции, очистные сооружения сточных вод, всевозможные ТЭЦ и котельные, насосные станции и теплопункты, компрессорные, трансформаторные станции, полигоны твёрдых бытовых отходов, гигантские сети различных трубопроводов и т.д. В свою очередь, эксплуатация и ремонт этого разветвлённого хозяйства поглощают массу ресурсов: топлива, энергии, химических реагентов, специальной техники.

Как видим, города не только уязвимы, но и ресурсозатратны. Затем, кроме материальных ресурсов, приходится привлекать большое количество людей на тяжёлые и неквалифицированные работы, создавать бюрократические структуры, управляющие ими. А расселение этих кадров требует новых домов, и, значит, нужны дополнительные трубопроводы, ТЭЦ, очистные, складские и прочие помещения, транспортные предприятия и сооружения...

Но и это лишь начальное звено в цепи обслуживания жилья.

Чтобы обеспечить ресурсы для индустриальных домов, работает множество добывающих, перерабатывающих, металлургических, химических, машиностроительных, транспортных, энергетических и других предприятий. Сюда же следует отнести индустрию, занятую строительством, ремонтом и реконструкцией жилья. Сумма всего этого составляет, по минимальным оценкам, треть всей экономики. Причём не просто треть объёма, а треть отраслей, наиболее технологически отсталых, трудо- и ресурсорасточительных, многоотходных и загрязняющих.

Опасности ситуации уже давно осознаны. Начались разработки проектов домов сначала с пониженными затратами энергии, позже с рациональным водопотреблением, уменьшением бытовых отходов, оздоровлением условий проживания и т.д. С течением времени проектов становилось всё больше, но... мало кто живёт в таких домах. Всё в точности так, как с дополнительными беспроцентными валютами, которыми пользуется полтора миллиона человек из шести миллиардов, населяющих Землю.

Между тем создание *человеческого*, со всеми удобствами, которые только могут быть предоставлены современной наукой и техникой, независимого от любых сетей и коммуникаций, не требующего ограбления природы, а потому дружественного ей жилья вполне возможно. Его даже уже и строят кое-где, называя — *экодом*. Название, признаться, довольно смешное — «домовый дом», но оно уж как-то прижилось в специальной литературе и публицистике, и мы дальше так его и будем называть. Но поскольку этим же словом часто называ-

ют дома, просто отделанные некими хорошо разрекламированными «экологичными материалами», давайте определимся, о чём мы будем говорить.

Ю.Н. Лапин даёт такое определение экодому. Это индивидуальный или блокированный дом с участком земли, радикально ресурсосберегающий и малоотходный, здоровый и благоустроенный, неагрессивный по отношению к природной среде. Все перечисленные достоинства достигаются главным образом применением автономных или малых коллективных инженерных систем жизнеобеспечения во взаимосвязи с рациональной строительной конструкцией дома. Что особенно важно, этими качествами обладают и каждый отдельно взятый экологический дом, и образованная домами жилая среда (поселения), и обслуживающие их инженерная и производственная инфраструктуры.

Разумеется, в разных физико-географических условиях экодом будет разным, но неизменно с автономной ресурсосберегающей системой жизнеобеспечения, малоотходным, с достаточно комфортными условиями жизни в нём, соединяющим в себе положительные качества предшествующих типов сельского жилья с городскими удобствами. В экодоме человек в значительной мере вернёт себе самостоятельность и личную ответственность за собственную материальную благоустроенность и состояние окружающей природы. Дом будет требовать от проживающих в нём определённых навыков, умений, знаний, имеющих экологический характер, тем самым выполняя ещё и образовательную, просветительную роль.

Такое определение дал экодому Ю.Н. Лапин. Мы и дальше будем черпать у этого автора некоторые технические подробности, но всё же напомним: **наша книга не о технических деталях, а об условиях, в которых люди выживут.** Помните, мы рассуждали о значении отбора и выбора в эволюции? Так вот, *выбор уже произошёл.* Ведь мы знаем, каковы глобальные проблемы, они уже развились и довели человечество до ручки. Мы знаем вызовы и даём ответы. Экодом — это ответ на вызов эпохи. В ходе фазового перехода современная городская цивилизация будет уничтожена. Как реально пойдёт ход событий, как

будут решаться проблемы по деталям и годам, никто не скажет, даже мы. Но глобальный отказ от современной концепции градостроительства, расселение мегаполисов, строительство энергонезависимых, безвредных для природы домов и посёлков — совершенно неизбежные этапы. Или процесс пойдёт стихийно, с громадными потерями населения, или хоть кто-то успеет подготовиться.

Со временем переменится всё. Образ жизни, мораль, принципиальные основы власти, структура производства. Во главе всего встанет биология. Не физика, не математика, не техника, а биология. Дом, если говорить с некоторыми упрощениями, будет выращиваться, а не делаться из чего-то выкопанного из земли или вырубленного в лесу и не строиться. И одежда будет выращиваться, и питание, и элементы компьютеров. Все вредные для людей и природы производства исчезнут, никаких «промышленных гигантов»; производство будет построено на новых началах. Уже сейчас, в силу развития информационных технологий, люди не так, как раньше, зависят от государства и «места работы» — теперь же возможна полная перемена структуры власти и экономики. Другие отрасли, другое размещение по территориям, другая кооперация, другие отношения между людьми...

Возвращение сообщества

Лет пятнадцать — двадцать назад во многих выступлениях, а то и в кинофильмах люди с просветлёнными скорбными лицами призывали искать дорогу к Храму. Они осознали ужасы прошлого и предполагали найти «светлое будущее» через духовное совершенствование каждого. Это хорошо, это правильно. Помните, мы говорили о людях, «проскочивших» первый уровень потребностей и ушедших в сферу духа. Но вот мы сегодня призываем искать дорогу к Дому — хотя многим это покажется такой мелочью! Тем более что сначала будет потеряно от пяти до шести миллиардов человек.

Но иначе, как через Дом, не найти дороги к Храму, вот в чём дело. Лишь когда дом, в котором со всеми своими «мел-

кими» проблемками и страстишками живет человек, станет дружелюбным к человеку и природе и возникнет определённая самодостаточная целостность человеческой жизни (что, собственно, и можно будет назвать Домом с большой буквы), тогда для каждого и откроется путь к Храму.

Неизбежно произойдёт реставрация и укрепление института семьи, что стабилизирует сообщества. Экожилые поспособствуют укреплению солидарности членов семьи в домашнем труде, направленном на собственное жизнеобеспечение, и будет инициировать совместное проживание больших семей, состоящих из нескольких поколений, как это было в доиндустриальное время. Можно сказать, экодом вернёт общинный стиль жизни, при котором соседи, как правило, знают друг друга и вырабатывают гласные и негласные правила совместной жизни и общей безопасности.

Образ жизни современного горожанина — результат длительного процесса отчуждения его от природы и от видов деятельности и творчества, доступных сельскому жителю. Из-за чрезмерной скученности современные городские жилища во многом ограничивают своих жильцов. Действительно, в многоквартирном доме затруднительно заниматься чем-либо, вызывающим шум, вибрацию, громкий звук. Но существует множество видов досуга, любительских или ремесленных работ, связанных именно с этим. Для индивидуального или даже блокированного дома с участком эти ограничения либо выражены слабее, либо отсутствуют.

Экодом — начало экологического посёлка, а если на базе самих экодомов или экопоселений начнётся производство техники, необходимой для этих же самых экодомов, то появится основа создания экологически устойчивой формы цивилизации. А отчего бы такому производству не начаться? Современные российские горожане тратят свой ум и энергию в городах, зарабатывая деньги, а по выходным мчатся на дачи, чтобы покопаться на огородах. А переселившись в экодомА — по сути, на дачи с городскими удобствами, откуда и ехать-то никуда не надо. — разве откажутся они тратить свой ум и энергию, работая не столько ради денег, сколько ради процветания?..

Здесь появятся небольшие фабрики и мастерские (от столярных до радиоэлектронных), биологические лаборатории и селекционные станции — да что угодно. Также люди будут заняты собственным домом и работой на дому, обслуживанием посёлка и сообщества. Свои магазины и поликлиники, свой транспорт, школы, детсады, клубы, библиотеки... Рабочих мест будет столько, сколько нужно, — весь спектр работ по воспитанию и оздоровлению, умственному и духовному развитию человека, и это САМОЕ ГЛАВНОЕ. Ведь никакой другой цели у человеческой жизни нет, кроме как стать лучше самому и сделать лучше другому. Возможно, кто-то и не согласится, но, по нашему, это и есть дорога к Храму.

А теперь — внимание! Все работы по оздоровлению, воспитанию и культурному обслуживанию будут ОЧЕНЬ хорошо оплачиваться. Читатель, перейдя к этому разделу книги, мог подумать, что с темой «отрицательных денег» мы уже закончили. Нет, это всё ещё та же тема: оптимизация выживания. Используя в сообществах горячие бонусы, удастся устранить саму возможность ситуации, когда небольшое число людей получает огромные преимущества, а большинство должно за их излишне хорошую жизнь платить, разрушая свою собственную жизнь. Если превратить экопосёлки в очередную кормушку для финансовых корпораций, вся затея обречена на провал.

Разрушительность процентной системы денег наиболее очевидна в сельскохозяйственном секторе. Сельское хозяйство — это отрасль, которая должна строиться в соответствии с требованиями экологии, а экологические процессы развиваются долго, в соответствии с плавной кривой качественного роста. В то же время капитализм требует экспоненциально быстрого роста процентов и сложных процентов. Но поскольку в природе рост таким быть не может, неизбежно усиление эксплуатации природных ресурсов в сельском хозяйстве, что, собственно, и породило угрозу исчезновения человечества.

Короче, в рамках процентной системы денежного обращения у нас есть выбор только между экологической и экономической катастрофой, причём наступление одной вовсе не отменяет другую, и любая чревата катастрофой техногенной. И

ничего поправить нельзя; пока любая инвестиция будет измеряться по доходам от процентов на рынке денег, нам притока капиталовложений, направленных на создание стабильных природных систем (которые прекращают расти после достижения оптимального уровня), ждать не приходится. А вот если проценты ликвидировать, капиталовложения в природу будут окупаться.

Архитекторы вот уже больше ста лет мечтают создать город-сад, и никак у них это не получается. Решили, что для создания зелёного лучезарного города надо поселить людей в высоких домах, чтобы освободить побольше земли под парки и сады, но для высоких домов требуется очень много обслуживающих их учреждений, сооружений и прочего! Опять не получился город-сад. Неудача была неизбежной, поскольку архитекторы оставались в рамках детерминистского стиля мышления, полагая, что город вроде машины, которая и на практике такова, какой её «видит» проектировщик. Но город — не машина, а сложная система, своего рода организм и подчиняется всем законам эволюции. Реальный город ломает рамки проекта, перестраиваясь в соответствии с собственными потребностями.

В былые времена город возникал как некий региональный рынок, и его эволюция подстраивалась под потребности рынка, что и определяло его планировку. Ныне градообразующим фактором выступают инженерная инфраструктура и обслуживающие её производства (среди которых есть просто гигантские): жилые массивы возводят не там, где им лучше было бы находиться, чтобы получился город-сад, а там, куда дешевле тянуть сети.

Этот факт позволяет нам, кстати, легко развеять сомнения: не приведёт ли строительство преимущественно одно- и двухэтажных домов к занятию площадей, куда более значительных, чем площадь городов, что было бы для природы только хуже? Нет, не приведёт.

Из-за того, что жильё привязано к сетям и прочим громадным техническим сооружениям, городское население растёт не пропорционально росту этажности зданий, а значительно медленнее. Плотность при 9—12-этажной застройке по градо-

строительным нормативам оказывается лишь в 1,75 раза больше, чем при двухэтажной. А если избавиться от сетей, от промышленных, складских, коммунальных, транспортных зон?.. Возводя одно-двухэтажные экодому с садом при каждом из них, без инженерной сети или с минимальной сетью, получим город-сад практически того же размера, что и город из высоток. Результат кажется парадоксальным, а мы просто увеличили площадь жилых районов, которые, кстати, занимают в современных городах лишь 15—35 %. И автоматически нашли место для сада!

Ещё одна возможность позаботиться о себе и природе — передача общих, как бы «ничейных» объектов в руки граждан. Вспомогательные и хозяйственные постройки, такие, как гаражи, склады сельскохозяйственного инвентаря и т.д., лучше включать в дома, отводя им место в подвале или в хозяйственной зоне первого этажа. Устройства их отдельно на участке следует по возможности избегать, поскольку они могут нарушать геологические условия и гидрологический режим ландшафта. Исключениями могут быть сезонные продуктовые хладохранилища и склады энергоаккумуляторов, причём последние — по соображениям безопасности. А дорожную сеть, пешеходные, велосипедные дорожки и проезды в микрорайонах желательно приподнимать над землёй на высоту кустарника, освобождая почву. Эти дорожки могут выполняться и защищёнными от непогоды, что устранит проблему их очистки ото льда и снега.

Большие экопоселения могут включать в себя не только жилую зону, но и все иные зоны, обычные для городов. Ведь никуда не денется потребность в общественных, учебных, административных, культурных, медицинских зданиях, которые может оказаться более выгодным выполнять в многоэтажном варианте. Это также станции внешнего транспорта, гостиницы, студенческие общежития и прочее. Многоэтажные дома можно сделать более экологичными, чем сейчас, но до уровня экодому их довести если и удастся, то не сразу.

Такие многоэтажные здания целесообразно собирать в отдельные группы, и обслуживать их будут соответствующие небольшие локальные инженерные сети. Здесь же может быть

организована система рециклирования, включающая сбор разделённых бытовых отходов; построены складские помещения и перерабатывающие мощности. Но в целом в экологичном городе меньше площади будет занято промышленной, коммунальной, складской зонами за счёт уменьшения и сокращения ставших ненужными производств и изменения характера производства на оставшихся предприятиях.

О транспорте особо говорить не будем. Исчерпание нефтяных запасов планеты переменит всё, и гадать незачем. Где-то войдёт в моду велотранспорт; уже сейчас в некоторых северных странах Европы велодороги за свою большую пропускную способность получили название велополитена. Где-то возобладает электротранспорт, питаемый от местных источников. Возможно, появятся и другие проекты экологически приемлемых автомобилей. Ю.Н. Лапин приводит пример шведа Ольфа Тегистрома, который построил двухэтажный энергоэффективный дом с солнечными батареями, ветроэнергетической установкой и водородным аккумулятором энергии, а вдобавок переделал свой серийный автомобиль на водородное топливо. Получаемой энергии ему хватает и на покрытие всех потребностей дома, и на поездки.

С другой стороны, экожильё будет способствовать заметному перетоку мест приложения труда ближе к жилью, а то и непосредственно в дом. Действительно, те функции, которые раньше выполняли коммунальные службы и предприятия, будут выполняться как домашний труд (энерго-, водо-, тепло-снабжение, сортировка мусора, канализация, очистка стоков). Многие пожелают серьёзно заниматься теплицей и приусадебным участком и т.д. Это сократит ежедневные трудовые миграции населения, и транспортная сеть может быть пропорционально сокращена по количеству машин и по маршрутам.

Кстати, будет решена ещё одна ужасная проблема. Сегодня в города завозятся большие количества природных ресурсов, добытых за сотни и тысячи километров от них, в том числе сельскохозяйственное сырьё. С одной стороны, отходы и загрязнения городов, по крайней мере жидкие и газообразные, рассеиваются по всей биосфере, достигая самых отдалённых

её уголков. С другой — биоотходы, столь необходимые селу, где они и не отходы вовсе, а удобрения, пропадают, а село вынуждено завозить из городов же специально сделанные химические удобрения, на производство которых потрачены дефицитные, невозобновляемые ресурсы, причём в ходе производства этих удобрений попутно производили новые загрязнения!

Экопоселение изменит этот круговорот.

Так мы вернулись к производству товаров. Если по уму, то ассортимент производимого следует определять, исходя из потребностей людей. Но сегодня — наоборот. Сегодня производство формирует потребности, создавая культ потребительства. То есть нынешнему ресурсорасточительному типу жилья соответствует такая же затратная экономика. Экожильё изменит ситуацию, создав энерго- и ресурсосберегающую, малоотходную экономику. Радикально укоротятся и спрямятся производственные цепочки от заготовки сырья до конечной продукции, сократятся многие производства и целые отрасли.

Возведение экожильё создаст обширный рынок высокотехнологической продукции: системы регулирования качества внутреннего воздуха, теплосберегающие окна, системы управления, тепловые насосы, солнечные батареи, агрегаты водородного энергетического цикла, качественные инструменты для работы в доме и на прилегающем участке и т.д. С другой стороны, производство ресурсоёмкой продукции будет сворачиваться.

Спрашивается: осуществим ли такой проект технически?.. Мы в следующей главе покажем, что да, осуществим; а те из читателей, кто с трудом находит разницу между омом и ампером или не может с ходу сказать, сколько квадратных метров в одном квадратном километре, могут *пока* эту главу со спокойной совестью пропустить.

Энергия, вода и воздух

Экодом, самостоятельно обеспечивая себя энергией, должен оставаться дружелюбным природе. Стало быть, брать энергию можно будет только из возобновляемых источников,

не иначе. Согласно классификации ООН, к таковым относятся: энергия солнца, ветра, биомассы, приливов, разности температур слоёв воды в океанах, геотермальная, гидравлическая и ряд других. Гидроэлектростанции, работающие от воды, и топливо на основе растительности тоже могут быть отнесены к возобновляемым источникам, но лишь при соблюдении некоторых условий. Так, гидроустановки не должны быть большими, чтобы существенно не менять гидрорежим территорий, а растительное топливо следует готовить из однолетних растений. В этом случае запас углекислого газа, высвобождающегося в процессе его сгорания, будет равен тому, который в период роста был изъят из атмосферы, и общий баланс практически не нарушится.

Энергетически безвредный дом вполне осуществим уже сегодня: прекрасные, недорогие и надёжные, эффективные способы получения энергии давно известны, технически осуществлены, практически опробованы. Но пока для более чем 2,5 млрд. людей главным источником энергии для приготовления пищи и обогрева остаются дрова. Остальные получают энергию, выработанную ужасно грязными и вредными промышленными способами. Тепловые станции загрязняют атмосферу; громадные ГЭС нарушают гидробаланс и затапливают землю на больших площадях; атомные порождают проблему ядерных загрязнений. Нерациональность в отношении природы сопровождается общественной несправедливостью: разрыв в уровне потребления энергии в расчёте на одного человека в разных местах весьма велик. Так, в США душевая выработка и потребление энергии в десятки раз выше, чем в бедных странах.

Для экоддома самое простое — использовать энергию Солнца. В большинстве районов Земли её поступает достаточно для удовлетворения любых нужд экоддома, и уже есть соответствующие приборы. Широта и облачность — вот что определяет эффективность этих приборов. В Центральной Европе годовой приход солнечной радиации составляет 1,1 МВт ч/м, в районах Сахары — 2,3 МВт ч/м, в России приход солнечной энергии на горизонтальную поверхность колеблется от 0,7 МВт ч/м год на

севере до 1,5 МВт ч/мгод на юге. В Петербурге — 0,93, в Москве — 1,01, в Новосибирске — 1,14 и в Астрахани — 1,38.

Расчёты показывают, что даже при таких не очень хороших климатических условиях нашей страны в средней полосе России двухэтажный коттедж, занимающий в плане 100 кв. м, за год получает от Солнца более 160 МВт ч энергии, что превышает всю его годовую потребность даже при расточительном потреблении, и эту энергию солнечного излучения с помощью солнцеприёмных устройств можно уловить и превратить в электрическую, химическую или тепловую. Кстати, появились уже гибридные солнечные батареи, совмещающие в одном элементе свойства тепловых и электрических преобразователей солнечной энергии.

А если избегать расточительности (что в период Великого Отказа будет очень актуальным), то результаты могут быть совсем хорошими. Можно обходиться многократно меньшим количеством энергии без ухудшения условий жизни; мы к этому вопросу ещё вернёмся.

Другой доступный источник — энергия ветра (строго говоря, она, как и все прочие виды энергии, представляет одну из разновидностей энергии Солнца). Этот источник известен давным-давно: для получения электроэнергии ветреная установка впервые была использована в Дании ещё в 1890 году. Ветры дуют повсюду; они особенно постоянны и сильны в прибрежных районах и на акваториях, а особую ценность им придаёт то, что во многих районах — в России в том числе! — они имеют зимний максимум. Современные ветроустановки способны превращать в электричество более 30 % энергии ветрового потока, так что с их помощью можно компенсировать зимний минимум солнечной энергии.

Мы отмечали в одной из предыдущих глав, что применение таких установок в условиях *современного производства* — просто экзотика. А вот при строительстве экопоселений оно оказывается оправданным!

Следующий источник — энергия биомассы. В биомассе растений, создаваемой в процессе фотосинтеза, солнечная энергия запасается в химическом, «законсервированном» виде.

Существуют породы быстрорастущих однолетних и многолетних растений, которые сейчас рентабельно выращивать для топливных нужд. Например, в Дании уже производят «кирпичи» из соломы для отопления. Также появились установки, производящие топливо для автомашин, и что важно, в любом случае используются однолетние растения, чем удаётся сохранять баланс по углекислому газу.

В сельской местности при наличии достаточного количества органических отходов экомод может иметь биогазовую технику. Так, в России разработана установка, которая позволяет фермерскому хозяйству при наличии трёх коров полностью обеспечивать дом теплом и светом и вдобавок быстро получать экологически чистое удобрение.

Можно использовать энергию движущейся воды, устраивая микроГЭС, которые в отличие от больших ГЭС будут в достаточной мере экологически безвредными. Применима энергия термальных источников там, где они есть.

Короче говоря, для разных мест можно выбрать оптимальную конфигурацию внешних возобновляемых источников. При выгодном месторасположении (большие ветроресурсы, солнечный климат, река с пригодными для микроГЭС условиями) уже сейчас можно получать от индивидуальных возобновляемых источников энергию, превышающую потребности дома, а излишки можно использовать для привода сельхозмашин, питания биокультивационных установок, какого-либо мини-производства, нужд транспорта и т.д. При наличии локальной или большой электросети энергия может передаваться в неё...

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, можно отапливать дом, отбирая тепло у холодного воздуха, воды или льда. Всё вещество вокруг нас имеет температуру значительно выше абсолютного нуля. В нём содержится тепловая энергия, но при низкой температуре. Тепло самопроизвольно перетекает от горячих тел к холодным, однако с помощью небольших затрат энергии, например, электрической или механической, можно его заставить течь от холодных тел к го-

рячим. Это подобно тому, как насос заставляет течь воду вверх. Такие устройства называются тепловыми насосами, и мы видим их каждый день: это обычные холодильники. Холодильник отбирает тепло у тел внутри холодильной камеры и отдаёт его через заднюю радиаторную решётку комнатному воздуху.

Чтобы не перегружать нашу популярную книгу излишними техническими мелочами (вы можете найти их в специальной литературе), кратко отметим, что вполне решаема и проблема аккумулирования энергии. Сложность — в создании достаточно эффективных долгосрочных (месяцы) и маневренных (дни, часы) аккумуляторов. Но и они уже тоже есть. Можно строить гравитационные аккумуляторы (ночью излишняя энергия поднимает наверх воду, днём вода, стекая вниз, даёт электрический ток). Можно использовать водородный энергетический цикл (сходный тому, что используется растениями в процессе фотосинтеза). Технология создания металлгидридных аккумуляторов водорода уже развита настолько, что ведущие автомобильные компании начали разработку водородных автомобилей. Расчёты показывают, что металлгидридный водородный аккумулятор объёмом 2—3 куб. м способен с лихвой обеспечить энергопотребности одноквартирного экоддома в средней полосе России на отопительный сезон.

Как ни смеялись над лозунгами Л.И. Брежнева, но экономика — а словечко это означает «искусство ведения домашнего хозяйства» — и впрямь должна быть экономной. На освещение в современных домах тратится 20—35 % электроэнергии, но уже есть лампы (галогенные, натриевые и т.д.), лучшие из которых потребляют в 6—7 раз меньше энергии, чем обычные лампы накаливания, а их свет по спектру близок к естественному. Ещё один способ экономии — микропроцессорное управление; на рынке появились датчики присутствия и местоположения человека в помещении, в некоторых домах уже действуют автоматические системы управления освещением. Потенциально это позволит снизить осветительное электропотребление в разы.

Помещения с недостатком естественного освещения можно освещать не только с помощью окон и потолочных фона-

рей. Немалые энергетические преимущества дают появившиеся в последнее время различные светопроводы для естественного света с концентраторами, находящимися снаружи здания. В зимнее время можно не тратить электроэнергию для работы холодильника, забирая необходимый холод с улицы с помощью специального теплового регулятора. Это тоже способ экономии.

Ныне принятые стандарты бытового электрического тока: напряжение, частота — были выбраны в начале XX века из соображений удобства построения *больших* распределительных сетей с крупными электростанциями в качестве источников энергии. В экодоме энергоисточники, как правило, будут генерировать постоянный ток пониженного напряжения. Сначала его придётся преобразовывать в переменный ток с повышением напряжения до принятого стандарта, но в перспективе необходимо изменение стандартов в сторону снижения напряжения и перехода на постоянный ток.

Придётся решить и проблему *потери тепла*. Энергия поступает в дом в различных видах: в химическом (топливо, пища), электрическом, тепловом, а потери, за малым исключением, носят тепловой характер. Потери идут через непрозрачные ограждающие конструкции (стены, пол, потолок), через светопрозрачные ограждения (окна, фонари) и за счёт воздухообмена. Если перекрыть какой-либо один из этих трёх каналов, потери по другим возрастут и почти обесценят затраченные усилия. *Поэтому уменьшать теплопотери необходимо по всем трём направлениям одновременно*. И для решения этой задачи сейчас имеются десятки различных технических способов. Опять же не будем тратить на них время, просто отметим, что сегодняшние технологии позволяют даже в России с её суровым климатом снизить теплопотери дома до 30—40 кВт ч/м в год. При таких низких потерях можно отказаться от системы отопления в доме вообще. Воистину лучше один раз утеплить дом, чем всю жизнь его отапливать!

Помимо электроэнергии, в обычный дом поступают извне ещё и газ, и другое топливо, холодная и горячая вода, атмосферный воздух. Но экодом — не обычный дом. Ему привыч-

ные нам инженерные сети не нужны. Весь смысл экодому — избавиться от сетей, стать от них независимым. Для примера, крупнейший порок централизованных водопроводов — сумасшедшие потери воды в них. Люди гробят природу, чтобы добыть воду и доставить в дома, а 30 % по пути уходит, попадая в подземное пространство города и внося свой вклад в процесс его подтопления. Вдобавок в цене подаваемой воды 80—90 % составляют расходы на поддержание самой сети.

Внутри домов разнообразные сантехнические устройства также имеют течи; бесполезно теряется уже около половины всей забираемой из природных источников воды. Нельзя признать рациональным, что вода питьевого стандарта, очистка которой требует высоких затрат, используется для целей, при которых не нужна особая чистота. Выгоднее и дешевле ставить в доме локальные сети и индивидуальные установки водоснабжения и канализации с разделением воды по степени очистки, в зависимости от характера использования. Бытовые водоочистители уже есть в продаже.

В этом случае, как и в случае с энергией, эффективность означает экономию без ухудшения потребительских стандартов.

К каждому экодому вода может доставляться даже через несколько водопроводов, но в силу близости водозабора и за счёт упрощения водоподготовки и очистки стоков эти короткие водопроводы оправдают себя. Воду можно собирать из дождевых осадков; это делается и сейчас на всех дачах: если дождевая вода удовлетворяет поливным стандартам, её не требуется очищать. Кроме того, использование дождевой воды приближает водный баланс местности к естественному.

В экодоме предпочтительно применение безводных туалетов; кроме прямой экономии воды, это даёт ещё и то преимущество, что уменьшится объём сточных вод, причём за счёт самой трудноочищаемой их части. Уже появились эффективные безреагентные технологии стирки и мытья, основанные на физических эффектах — ультразвуке, кавитации и т.д., что позволяет ещё более облегчить очистку сточной воды и её повторное использование. Технически возможно сделать в доме

замкнутую водооборотную систему, но не такую, как на космической станции, — в экодоме в этом нет необходимости. В большинстве случаев достаточно очищать воду до качества, позволяющего использовать её для полива или отводить на грунтовую фильтрацию. Так, вода, проходя через почву, одновременно доочищается и обогащает её питательными веществами, что может рассматриваться и как повторное использование воды.

Поскольку при застройке территории экодостомами гидрологические условия хотя и в небольшой мере, но всё же будут нарушаться, потребуется создание дренажной системы. Центральная канализация в экопосёлке скорее всего не будет необходима, однако при сложных гидрологических условиях может потребоваться ливневая канализация.

Что касается *внутреннего воздуха*, то в настоящее время известны специальные технические и биологические системы для коррекции и улучшения его качества, так что нам опять нет нужды подробно описывать проблему и способы её решения. В целом оптимальная стратегия поддержания хорошего качества внутреннего воздуха — это разумное сокращение внешнего воздухообмена, подавление инфильтрации и внутренних источников загрязнения и применение покомнатной вентиляции с возвращением тепла удаляемого воздуха.

Что важно, в экологических поселениях уже необязательна полная автономность каждого дома. Иногда может оказаться выгодным объединение некоторых инженерных систем, прежде всего энергосистемы. Так, из опыта известно, что целесообразнее размещать ветрогенераторы на удалении от жилья в качестве коллективных источников. При определённых условиях может быть более удобным устройство общего для нескольких домовладений одного металлгидридного водородного аккумулятора с устройствами преобразования.

В отдельных случаях могут строиться коллективный водопровод и коллективный биопруд для очистки стоков.

Чтобы соответствовать различным географическим и социальным условиям, экологические дома должны быть очень

разными. В пределах России диапазон физико-географических условий, непосредственно влияющих на конструкцию экоддома, весьма велик. С одной стороны, это Крайний Север с вечной мерзлотой, где критически важными являются теплоизоляция и надёжное снабжение энергией зимой, с другой стороны, южные районы, где летом встаёт задача защиты от перегрева. Ещё больше различий в конструкциях экоддомов, если говорить обо всём диапазоне географических и социальных условий Земли, и это предопределяет большой объём опытно-конструкторских работ, необходимых для подготовки проектов экоддомов, адаптированных к месту. Короче говоря, оптимальное решение планировки будет зависеть от конкретных условий.

Отходы целесообразно сразу собирать отдельно в местах их образования, в экоддомах, в жилом и торговом секторах посёлков. Это неизбежно, хотя и потребует изменения бытовых привычек, но, как показывает уже накопленный во многих странах опыт, население к такому повороту в достаточной степени готово. Тем более если всякий продаваемый предмет маркировать, указывая, к какому классу «по мусору» он относится. Вообще вся производимая продукция должна иметь указания по её утилизации после использования. Никаких «выбросим по дороге» — хватит уже, навывбрасывались.

В экоддоме уже на уровне конструкции должны быть предусмотрены специальные помещения для первичной обработки, раздельного сбора и безопасного хранения мусора. Они должны сообщаться как с хозяйственными помещениями, так и с наружным подъездом для удобства их централизованного сбора. Санитарная безопасность хранения в доме мусора между периодическими его сдачами будет обеспечиваться, помимо прочего, отсутствием в нём способной к гниению органики, которая уйдет в биотуалет или будет преобразована в бытовой газ в биогазовых установках.

Говоря о малоресурсности и малоотходности экологического дома, надо, как и в случае с любыми другими поделками человеческих рук, рассматривать полный цикл его жизни, включая не только фазу эксплуатации, но и стадии возведе-

ния и утилизации по окончании срока службы. Утилизация не предполагает ничего иного, кроме использования известных принципов рециклирования, справедливых для всех материальных продуктов и товаров. Возведение же экологического дома должно опираться на новые технологии, поскольку существующие технологии нельзя отнести к разряду экологических. По оценкам специалистов, при строительстве односемейного дома в США образуется 5—7 тонн отходов, что слишком много. Впрочем, когда дом будет выращиваться, эта проблема отойдет сама собой.

Современному человеку экодом может показаться весьма сложным, однако для тех, кто в нём родится и проведёт всю жизнь, напротив, нынешние дома покажутся слишком примитивными. Некоторое время назад в США исследовали условия, влияющие на развитие интеллекта у детей. Обнаружилось, что если семья живёт в собственном доме с участком и если ребёнку с раннего детства позволяли проводить на нём время, то при прочих равных условиях это самым существенным образом повлияло на развитие его интеллекта. Так что для детей сама жизнь в экодоме будет, помимо прочего, естественным техническим и экологическим университетом. Для их развития экодом предоставит неизмеримо больше возможностей, чем, например, обычная бетонная камера с перегородками, именуемая городской квартирой.

Наш дом и жизнь в нём

Интересен вопрос о стоимости экодому с позиции застройщика. Разумеется, имеет смысл говорить только о нашем времени. Ныне стоимость такого дома ниже, по сравнению с коттеджем с тем же набором удобств, по целому ряду причин. Так, экодом не нуждается в централизованных инженерных сетях: электросети, дальнем подводе холодной и горячей воды, газовом вводе, канализации, системе мусороудаления. Так что очень многие затраты при возведении экодому исключаются. Соответственно исчезают затраты на оплату счетов, то есть экодом дешевле и в строительстве, и в эксплуатации.

Правда, потребуются затраты на закупку техники, которая обеспечит автономное снабжение дома водой и энергией; сейчас она достаточно дорога, но всё равно затраты на неё будут ниже, чем «посадка» дома на общие коммуникации. И опять же за *свою* энергию и воду не придётся платить сторонним поставщикам.

Что касается затрат на собственно строительство, то экологичное жильё в принципе не может быть дороже обычного. Это не предмет роскоши, а малоэтажный дом, при возведении которого не требуются мощная строительная техника, особо прочные материалы и квалифицированный персонал, как для возведения многоэтажного дома или элитного коттеджа. Энергоёмкость строительства мала, большую часть работ могут выполнить будущие жильцы с использованием местных стройматериалов и применением мини-технологий, интенсивно развивающихся в последнее время. Но зато здесь закладывается принципиально новая, экологичная социальная экономика!

Между прочим, проект перехода к массовому экодомустройству даже сейчас можно сделать экономически выгодным и рентабельным. Но этот проект выдёргивает коврик из-под ног индустрии так называемого общества потребления, основанного на идее краткосрочного использования и быстрой замены вещей, что, собственно, и объясняет, почему экодом, будучи давно изобретённым, не находит дорогу на рынок. И это при том, что уже имеющиеся технологии способны в несколько раз снизить энергоёмкость существования даже избыточного комфорта европейца без потерь в комфортности!

Малоэтажный экодом с пристройками легко вписывается в природный ландшафт, практически его не нарушая; возможностей для этого у него больше, чем у просто малоэтажной застройки. Например, не требуются дрова или другое топливо, не сбрасываются неочищенные сточные воды, не прокладываются трубы в земле и т.д. Техника в экодоме выступает в своём древнем качестве, в качестве *служанки*, а не как вышедшая из-под контроля разрушительная сила, что происходит в современном индустриальном обществе.

Экодом зимой будет в основном пользоваться энергией, накопленной в тёплый период года, и может быть уподоблен тем животным, которые тоже зимуют за счёт летних запасов. Наличие солнечных энергетических установок делает экодом также подобием вечнозелёного дерева, питающегося солнечной энергией. Читатель уже понял аналогию: экодом живёт по тем же ритмам и законам, что и окружающая природа, и это иллюстрация его естественности и биоподобия. Таким образом, *экологический дом оказывается биопозитивным*, способным конструктивно и неагрессивно взаимодействовать с различными природными ландшафтами.

Но можно и нужно устраивать «ландшафты» в самом доме и рядом с ним! Как показали исследования архитекторов, у людей разных эпох и разных национальностей понятие рая устойчиво ассоциируется с образом сада. Сад — это первое, что создал Бог после звёздного неба. Следовательно, чтобы поднять качество жизни, надо окружить дом садом, а в северном климате желательно дополнительно устроить в доме зимний сад, и не только для красоты. Растения в доме могут улучшать гигиенические условия, плодоносить, давая далеко не символический урожай. У обитателей больше возможностей для занятий растениеводством как в доме, так и на прилегающем участке.

Растения в жилище способны выполнять разнообразные полезные функции. Они украшают интерьеры, улучшают гигиенические условия, поскольку некоторые обладают лечебным действием и т.д. Есть виды растений, которые считаются живыми кондиционерами из-за их способности осажать пыль, регулировать влажность воздуха, выделять кислород, фитонциды, ароматы. Известны растения, способные поглощать вредные вещества, если те присутствуют в жилищах. Так, окись углерода и формальдегид хорошо поглощают гербера, хризантема, филодендрон, золотой плющ, клеома. Табачный дым хорошо впитывают клеома и «тёщин язык». Так что их можно использовать для регулирования качества внутреннего воздуха.

Жизнь в экодоме предполагает определённые затраты труда в доме и вокруг него. При желании можно заниматься приуса-

дебным хозяйством, и трудозатраты в нём могут быть сравнительно большими, но это нельзя рассматривать как шаг назад, поскольку домашний труд будет основываться хотя и на ручных, но высоких современных технологиях. К тому же удастся избежать потерь при транспортировке и хранении продуктов, снизить расходы на упаковку и т.д., неизбежные при нашей «обычной» рыночной жизни.

Экожилё, как видим, способствует натурализации хозяйства, и это следует считать его достоинством.

По оценкам финских специалистов, чтобы полностью использовать возможности своей пристроенной теплицы, трудолюбивая семья должна проводить в ней в среднем час-два в неделю. Это немного. Но, как показывает практика эксплуатации даже простейших теплиц в такой северной стране, как Финляндия, теплица способна обеспечить большую часть овощного и зелёного рациона семьи. Садоводство «в разумных пределах», по мнению многих, есть одна из основных нормальных потребностей человека; садоводство благотворно влияет на физическое и психическое здоровье и, следует ожидать, станет неотъемлемой частью образа жизни в экодоме.

Очень интересное с точки зрения экожилёя понятие — *пермакультура*. В переводе это слово означает «долговременное, устойчивое земледелие». Основная идея пермакультуры — создание человеком собственных экосистем, которые включали бы в себя как можно больше полезных для людей видов. Основное различие между культивируемой, сконструированной экосистемой и естественной экосистемой в том, что большинство видов в культивируемой системе съедобно или иным образом с пользой употребляемо человеком. Пермакультурные системы обладают всеми признаками естественных экосистем: биологическим разнообразием, устойчивостью, способностью к восстановлению. Им свойственны ярусность, многообразие видов, наличие трофических цепей и т.д.

При пермакультурном ведении хозяйства соотношение затраченной и полученной энергии может достигать 1:100 и более. Это означает, что на одну затраченную при хозяйствовании единицу энергии с урожаем возвращается сто единиц.

В то же время сейчас, например, в США на десять единиц энергии, затрачиваемых в сельскохозяйственном производстве, с урожаем возвращается одна единица энергии. Эффективность использования энергии в пермакультуре, таким образом, в тысячу раз превышает тот же показатель в современном интенсивном сельском хозяйстве...

Как уже сказано, проекты жилых домов должны соответствовать местным природно-климатическим, правовым, экономическим, социально-культурным и прочим условиям. Это, и не только это, делает нежелательным прямое заимствование зарубежного опыта в области экодомостроения. Тут необходимы собственные научные, конструкторские и технологические разработки, тем более что они будут способствовать загрузке и оживлению отечественных науки и высокотехнологичных производств. Вот что могло бы стать магистральным путём для России, а не встраивание в мировую финансовую пирамиду.

ПРОПУСК В БУДУЩЕЕ

Всё это будет тогда, когда
Закончится последняя война.

Гарик Сукачёв

Трудности перехода

Рассмотрим три постулата подряд. Первое: все мы хотим выжить в нашем неравновесном мире, которому грозит окончательная катастрофа. Второе: хотя кризис и развивается неминуемо, всё же катастрофа ещё не произошла, есть некоторое время, чтобы подготовиться к ней. Третье: мы с вами разумные люди, *homo sapiens*, умеющие делать выводы из различных фактов, принимать решения, строить планы и выполнять их. Одно из направлений подготовки к катастрофе — переход к массовому экодомуостроительству, изменение стиля жизни.

Вопрос: будет ли это сделано?

Ответ: вряд ли.

На пути к экодому немало трудностей. Первая — в том, что *переход из одного устойчивого состояния в другое, пусть даже оно существенно лучше исходного, обязательно вызывает резкий протест сообщества*, нарастающий по мере перехода. Правда, притяжение нового устойчивого состояния начнётся существенно раньше, чем будет достигнут результат, и сопротивление утихнет. Это эволюционный закон, таково свойство всех переходов в динамических системах, и разум тут совершенно ни при чём. Подобно этому, если перекачивать шарик из од-

ной лунки в лунку, то его трудно выкатить из первой лунки, но когда это будет сделано, он сам скатится в другую.

В нашем случае, если даже начать перекачивать «шарик» немедленно, переориентация хозяйства и общества на строительство экожильа может занять до одного-двух десятилетий, *но этих десятилетий у нас нет*. Поэтому приобретает особую важность пропаганда: если успеть до катастрофы, многие положительные эффекты от строительства экодомов и жизни в них проявятся достаточно быстро, и перемены ускорятся. Доказав свои преимущества и доступность, экожильё станет привлекательной целью для большинства людей, и затем уже не придётся преодолевать сопротивление — процесс примет самостоятельный, независимый характер, и чем больше будут распространяться знания о новом стиле жизни, тем быстрее он пойдёт.

Но пропаганда важна даже в том случае, если никто — ни государство, ни местные власти, ни частный сектор — не обратит внимания на возможность отказа от современных градостроительных концепций и массового перехода к экодому-строительству. Придёт такое время, когда деваться больше будет некуда. Вот тогда посеянные пропагандой зёрна знаний и взойдут. Мы достаточно давно начали пропаганду и привыкли к равнодушию чиновников и насмешкам невежд. Мы понимаем, что предлагаемое нами — это не ремонт старого, а качественно новое, а для реализации таких проектов, как экодом (и горячие боны, кстати), нужна политическая воля. Сами-то технологии и производства вторичны, они результат определённого политического, идеологического, социального развития. *Ключи от действительного решения экологических проблем, а соответственно и выживания сообществ лежат в сфере политики, идеологии, морали*, точнее, в их достаточно радикальном изменении. Но если критиков аморальности современного потребительского общества среди экологов достаточно, то когда речь заходит об оценке основ современной политической системы, появляются робость или фигура умолчания.

Однако мы и здесь готовы предложить «технологическую новинку», хотя это вовсе даже и не новинка. На самом деле

уже до нас было известно, что всегда продуктивнее выступать **за что-то**, а не **против чего-то**. Иначе говоря, если не предлагается конструктивная программа, то лучше не призывать к разрушению существующего порядка вещей во избежание худших последствий. Что можем предложить мы? Борьбаться не против США или ТНК, не против потребительства или империализма, а за эффективное экологичное жильё, за самообеспечение малых сообществ на Земле, за расселение мегаполисов, за «дополнительные деньги» без процентов и инфляции...

Так можно преодолеть первую трудность на пути к экодому.

Вторую трудность попытаемся объяснить на примерах. В своё время у человечества были три основных устойчивых типа хозяйства: а) собирательство с охотой, б) скотоводство и в) земледелие. И переход от собирательства, например, к земледелию оказался очень трудным. Причина в том, что работы на земле требуют больших затрат времени и выполнения достаточно сложных операций; простой «дикарь», даже если ему кто-то растолкует, что и когда надо сделать, никогда не будет знать, что ждёт его в итоге. То есть ему нужно отвлечься от привычного собирательства и заняться земледелием, но если оно не даст результата (год, например, неурожайный), то можно и погибнуть с голода. Наверняка были попытки, заканчивавшиеся преждевременной смертью энтузиастов. Но однажды появился локальный положительный опыт.

Когда стало понятно, что с земли можно жить, опыт стал распространяться усилиями одиночек; массы же отказывались менять образ жизни. Они затруднялись на это согласиться, ведь требовалось оставаться на одной и той же территории (что непривычно) и заучивать некую последовательность действий с непонятным результатом. И всё же в какой-то момент преимущества нового способа хозяйства стали очевидны большинству, и члены сообщества приняли его. А кто не принял, подвергался остракизму и осмеянию как человек отсталый.

Но само появление нового типа хозяйствования, *первый опыт* имел случайный характер. Чтобы появиться и выжить, земледелие, как вид целенаправленной деятельности, должно было встретить сходное с чудом стечение благоприятных об-

стоятельств. И на всей Земле подходящие для такого чуда обстоятельства были только в Египте: Нил ежегодно доставляет новый плодородный слой, и зёрна было достаточно просто бросить на землю, «затоптать» и ждать урожая, не позволяя животным его потравить. Но затем, собрав обильный урожай, первичные земледельцы имели возможность продемонстрировать его людям и преодолеть сопротивление, ведь преимущество нового способа хозяйствования перед традиционным было очевидным: зерно, которое можно хранить, которым можно питаться долгое время.

А вот в Месопотамии (Ираке) из-за специфики поймы Тигра и Евфрата вода после разлива не возвращается полностью назад — часть её остаётся между реками и заболачивает территорию. Прежде чем бросать зерно в землю, надо её осушить, а заниматься этим стали бы, только точно зная, что затраты окупятся. Значит, где-то в более благоприятных условиях (в Египте) этот способ хозяйствования зародился, затем немногочисленные знатоки принесли его сюда, и здесь, в силу необходимости концентрировать и направлять большие массы людей на мелиоративные работы, развилось представление о государстве и подчинении ради общей цели. Так был обеспечен переход людей к новому образу жизни.

Так вот, вторая трудность перехода заключается в том, что *новый способ хозяйствования изначально должен где-то зародиться и показать свою жизненность и привлекательность*. Для начала достаточно малого количества энтузиастов, но придётся выдержать критику и желание окружающих уничтожить новый способ жизни как чуждый для привычного существования людей. Поэтому новое может возникнуть изначально в малых масштабах и будет подвержено критике как не соответствующее традиции.

Процесс экологического домостроительства идёт, есть опыт российский и белорусский. В Новосибирском научном центре с 1989 года действует инициативная группа, имевшая своей первоначальной целью строительство жилья для молодых научных сотрудников, но позже перешедшая к концепции экодома. Учёными разработаны проекты простых и дос-

таточно дешёвых домов. Это ещё не экодом, но близко к нему. Построенное ими — жилой комплекс из особняков с участком земли; он предоставляет обитателям комфорт европейского уровня. Дома в 5—6 раз энергоэффективнее, чем коттеджи, в массе возводимые в наше время вокруг больших городов. В Новосибирской области для отопления дома уже с февраля (!) достаточно тепла, выделяемого при освещении и приготовлении пищи. Дом создаётся из местных материалов и может быть построен за один сезон. Такой дом и его земельный участок практически полностью утилизируют бытовые стоки, превращая их в сырьё для удобрения огорода. Зимний сад-теплица и участок позволяют выращивать овощи для обитателей круглый год.

Разумеется, этого мало. Преимущества экодомостроительства могут быть полностью оценены только тогда, когда вся цепочка окажется задействованной. Затем, когда идея полностью реализуется и покажет свои плюсы, потребуется механизм если не принуждения, то вовлечения большинства народов на этот путь — это и есть упомянутая выше пропаганда. Массы с радостью начнут строить новые дома и переселяться в них, развивая новую инфраструктуру хозяйствования. Те, кто среагирует на новое первым, получат своеобразный пропуск в будущее: сработав на опережение, они раньше прочих встанут на тот путь, который скоро определит лицо мира, а значит, будут иметь больше шансов на выживание.

И вот тут роль России может оказаться очень важной. Во-первых, Россия в силу своего геоклиматического положения одна из самых зависимых от природных условий страна мира. Во-вторых, она имеет научные и технические возможности для отработки нового стиля жизни. В-третьих, Россия имеет немалый опыт страны-лидера. В-четвёртых, она всё ещё в динамике, она только что выкатилась из старого устойчивого состояния и так или иначе должна «перекатиться» в новое. Поэтому нам легче других немного изменить траекторию своего движения и попасть в более приемлемое состояние, чем то, куда нас ведут. А ведут нас прямым ходом к вымиранию нации и ликвидации страны. Нынешние наши власти проблем не

понимают. Они видят, что на Западе можно всё купить, а «своё» хозяйство требует затрат, которые, конечно, лучше украсть и положить в швейцарский банк, чем давать крестьянам, проектировщикам, строителям или учёным. Когда совсем удавят наше сельское хозяйство, Запад будет драть с нас три шкуры за любой гнилой банан, а своей еды уже не будет вовсе. Так что для России проект экодому — это возможность выжить.

Такая программа могла бы стать всероссийской и сильно сгладить негативные последствия грядущей трансформации природы. Скажем о том, что следовало бы делать, хотя такое развитие событий маловероятно. Необходимо было бы в качестве первоочередной меры максимально быстро разработать и построить опытно-демонстрационные, адаптированные к местным условиям образцы экодому в большом числе регионов страны. Затраты на эти работы не дадут быстрой отдачи, поэтому без государственного финансирования не обойтись. Этот путь вполне мог бы стать приоритетным для России, позволив ей занять соответствующую нишу в мировом развитии и сейчас, и в будущем, когда начнутся быстрые и необратимые перемены в экономике и обществе.

В оптимальном варианте это должна быть широкая научно-техническая программа при ведущей роли государства и со стимулами для включения в неё негосударственного сектора. В стране достаточно много индивидуальных застройщиков; были бы целесообразны программы государственной поддержки для них, которые стимулировали бы строительство ими экодому или домов с элементами экологических. А основная задача — развивать прорывные, радикальные проекты, нацеленные на достижение не средних, а максимальных результатов, хотя бы и за счёт высокой стоимости. Такие дорогие проекты, как показывает практика, чрезвычайно эффективны как локомотивы общего развития и в конечном итоге наилучшим образом оправдывают высокие затраты. Экономия и постепенность в этом вопросе сейчас были бы неуместны, времени уже упущено много; скупой будет платить даже не дважды, а двадцать два раза по дважды.

Те страны, которые раньше и дальше пойдут по пути строительства экожиля, будут при прочих равных условиях иметь больше шансов на выживание, или, точнее, меньше шансов на вымирание в предстоящей катастрофической полосе исторического развития человечества.

Крайне важные мелочи

Фазовый переход, или, говоря иначе, катастрофа, поменяет практически всё. Стереотипные представления о многом и многом окажутся никуда не годными, но люди, оказавшись наедине с природой буквально голыми, без «цивилизационной брони», на первых порах неизбежно будут пытаться восстановить старые правила и структуры. И столь же неизбежно после ряда неудач произойдёт «переворот в мозгах», придёт понимание, что в организации общественной жизни теперь нужен опыт не отцов, не дедов и даже не прадедов, а куда более далёких предков.

Власть на местах должна идти от народа. Община решает все общие проблемы, она потому так и называется. Не будем забывать, что на Руси всегда жили общиной (миром) на селе или артелью в ремесле. Крестьянская община *сама* подписывала на себя «крепость», откуда и пошла крепостная зависимость. Началось всё оттого, что община направляла своих людей служить более высоким целям: совместной с другими общинами защите земли, например. Государство на Руси выросло снизу; лишь позже утвердилось представление, что помещик владеет крестьянами. На деле-то это крестьяне владели дворянством, которое обязано было служить общему государству; только после указа Петра III о вольности дворянства эта система была сломана (что и привело ко всем дальнейшим российским революциям). Но даже в XIX веке мир ограничивал права государственной власти, которая была как бы надстройкой над самоуправляющимися общинами. Даже крепостного крестьянина господский приказчик мог судить не иначе, как с участием общинного старосты и выборного от крестьян целовальника. Распоряжения, которые поступали сверху, староста

обязательно должен был «сказывать в мире», таким образом, приказы проводились в жизнь только после их рассмотрения на сходе, который давал оценку указам и распоряжениям начальства.

И ведь это всё забыто, и ведь это всё придётся вспомнить!

Особо надо сказать о земле. Земля жизненно необходима для каждого из нас. Едим ли мы, спим или работаем — всё это происходит на земле. Никакой застройщик не построит никакого экоддома, если земля будет в чужих частных руках. Поэтому земля и почва, как и воздух, и вода, и недра, должны принадлежать всем. Земля принадлежит обществу и сдаётся в аренду тем, кто её обрабатывает, не иначе. Но так должно быть, а сейчас?.. И сейчас, и во всё обозримом для нас прошлом она была предметом спекуляций; это уже никого не удивляет. Социально-ответственное решение проблемы выживания человечества — в прекращении спекуляции землёй.

Программа экодомостроительства, если приступить к ней прямо сегодня, не имеет локального решения. Внедрять её в одном райцентре, не обращая внимания на страну и даже весь мир, — это всё равно как в протекающей лодке пытаться заткнуть одну из дырок, в то время как соседи со всем пылом пробивают новые дырки. Хотя, признаться, жители такого райцентра получают некоторые преимущества на первом этапе катастрофы. Но выжить в грядущей катастрофе, будь она экономическая, экологическая или какая другая, поодиночке не удастся. Получится тот самый вариант «закрытых сообществ», о котором мы писали в соответствующей главе. Это возврат в пещеры, хижины, землянки и в целом «не тот» путь, на который хотелось бы выйти.

Международное сотрудничество обязательно следует сохранить и использовать как в этой программе, так и вообще в деле спасения. Значит, и без единства России не обойтись. А чтобы его обеспечить, опять придётся изучить старинный опыт!

Россия называется федерацией, но откроем Энциклопедический словарь:

«Федерация (от позднелатинского foederatio — союз, объединение) — форма государственного устройства, при которой вхо-

дящие в состав государства федеральные единицы — члены Федерации имеют собственные конституции, законодательные, исполнительные, судебные органы. Наряду с этим образуются единые союзные — федеральные — органы государственной власти, устанавливается единое гражданство, денежная единица и т.д.»

Что мы видим из этого всемирно известного определения? А видим мы, что федерация — это когда субъекты объединяются между собой, образуя наряду с имеющимися у них властными органами ещё и федеральные, для выполнения некоторых функций в общих интересах. Так вот, сегодня на наших родных просторах нет никакой федерации. Просторы разделены на «субъекты», каждый из которых объединяется не друг с другом, а с неким Центром, который вообще не является субъектом Федерации, но при этом стоит выше любого из них или даже их всех, вместе взятых. И центральные органы власти не создаются наряду с имеющимися в «субъектах», а, наоборот, подавляют их.

А вот в старину федерация у нас как раз была, и демократия была. В уездах вечевые соборы выбирали князя; князя выдвигали великого князя, и более высокого уровня вече утверждали его. Из тех, кто княжил в великих княжествах (Смоленском, Владимирском и т.д.), выдвигался Великий князь всея Руси. Престол его сначала был в Киеве, а потом перешёл во Владимир-на-Клязьме.

Этот переход проиллюстрировал разницу стилей правления, с одной стороны, принятого в юго-западных землях Руси, с другой — необходимого на северо-восточной Руси. Суть в том, что в более тёплых, нежели Владимирщина, местах делами управляли бояре, собираясь на своё вече. Князя воевали за право быть представленными на выборах. Это была, с позволения сказать, ярмарка претендентов. Затем следовало утверждение князя боярством, и боярство же могло его свергнуть и позвать кого-то другого. В итоге князь не был самовластен в своей деятельности, а простой народ так и вовсе прав не имел.

А на северо-востоке, хотя здесь (до поры) бояре тоже выбирали князя, он дальше не оглядывался на боярство, зато мог

прямо апеллировать к народу. Тут княжеская структура приобретала преимущество перед боярской. И в дальнейшем в этих землях демократическое волеизъявление имело место, но выборы, с переходом власти к Москве, стали исключительно словесными. На сословном Вселенском соборе, с делегатами даже от крестьянства, был выбран на царство первый Романов, Михаил.

Кстати, институт вселенских соборов никогда и никем не был отменён. Всё, что нужно нам с вами помнить (если захотим возродить эту практику), — не допускать к выборам никакие партии, как это было сделано, например, при попытке организовать Учредительное собрание в 1917—1918 годах. Политика должна быть персонифицирована: только прямые выборы кандидатов от народа в любые органы.

Реальный федерализм предполагает, что властная пирамида строится не сверху, а снизу — от народа, от регионов. Граждане формируют власть в равноправных регионах. Регионы, объединяясь между собой, вырабатывают федеральную власть, передавая ей необходимый минимум полномочий. По нашему мнению, за Центром должны быть: Верховный суд, федеральный розыск и контрразведка, эмиссия денег, иностранные дела, армия, погранвойска и таможня, железнодорожный транспорт и связь, установление технических и социальных стандартов. Все остальные вопросы должны быть в ведении регионов.

Конституция подлинно федеративной России должна основываться на принципе, что все субъекты РФ равны с юридической точки зрения, играют одинаковую роль в управлении Федерацией и пользуются максимальной свободой во всех делах, кроме тех, которые переданы ими Центру. В отношениях Центра с регионами должно быть установлено минимально администрирование с одновременным усилением роли экономики. Соответственно общих принципов (статей) Конституции должно быть минимальное количество. Вообще на федеральном уровне должны приниматься лишь рамочные законы, ибо только в региональном законодательстве можно учесть историческую и современную специфику субъектов

Федерации: социально-политические условия, экономическое положение, географические и почвенно-климатические характеристики, культурно-духовные и этнонациональные факторы.

Те же соображения — в духе обращения к старинному опыту — можно привести, говоря о проекте «отрицательных денег», или горячих бонов. Мы выше достаточно подробно рассказали об этом опыте. Напомним: денежная система, содержащая процент на деньги, автоматически разделяет человечество на обирателей и обираемых. Первые — это очень узкая прослойка сверхбогатых людей, вторые — это все остальные, вовлечённые в денежные отношения, а отнюдь не только те, кто берёт кредиты. Процентная «дань» неизбежно входит во все цены на все товары и услуги. Более того, ежегодная инфляция имеет своей причиной банковский процент.

Не отменяя таких денег и не требуя преследования ростовщиков, вообще не выступая **против** чего бы то ни было, можно вводить региональные дополнительные деньги — без процентов или даже с платой за простой (демерредж). Опыт Европы XI—XII веков, опыт времён Великой депрессии, да и некоторый современный тоже показывают, что выживание сообществ увеличивается.

Мы понимаем, какое сопротивление встретит это предложение. Но мы пишем книгу не «для сегодня». Придёт время, и, надеемся, изложенные здесь идеи будут востребованы.

Возможно, предложенный технологический поворот — экодом и горячие боны — будет существенно облегчён изменением психологии потребителя с помощью налогового законодательства. Вносим ещё одно предложение: перенести тяжесть налогов с доходов на расходы. Иначе говоря, больше платить должен не тот, кто больше зарабатывает, а кто больше тратит. Сегодня это для России очень актуально: такая реформа поставит барьер перед сокрытием доходов и коррупции. Ведь деньги зарабатывают, чтобы тратить. Никто их не ест и не спит на них. Вот кто больше тратит, тот пусть и больше отчисляет на общие нужды, получил он эти деньги в виде заработка, дивидендов от акций, или в виде взятки, или даже ук-

рал. В этих условиях многие лишней раз подумают, а надо ли брать взятки? Технически это очень просто сделать даже теперь, поскольку кассовые аппараты стоят практически везде, а в малых сообществах сделать это будет тем более просто.

Также предлагаем: экологические издержки на производство товаров при исчислении налогов учитывать особо. Сегодняшняя налоговая система заставляет производителя экономить на использовании живой рабочей силы и транжирить возобновляемые и невозобновляемые природные ресурсы, ужесточая эксплуатацию человека и безработицу, а также обостряя экологические проблемы. И эта же система предоставляет широкий спектр возможностей ухода от налогов, служит естественной базой преступности. Очевидно, что если налоговую систему перевернуть, чтобы налог платил тот, кто что-то из природы взял, то это заставит его экономить на сырье и энергии, вовлекая живой труд в скрупулезную переработку дорогостоящего сырья. Такая система лучше любых указов и разных исков и штрафов сформирует экологическое отношение к природе. И при такой системе окажутся востребованными разными слоями общества и проект экодомостроительства, и горячие боны.

Российский опыт домостроительства

В России есть традиции, на которые можно опереться в восстановлении экономики и до, и после катастрофы. Хотя и считается, что до XVIII века у нас тут не было понятия «экономика», это не так! Да, в значении «наука о государственном хозяйстве» слово «экономика» впервые упомянуто на Руси только в 1861 году. К нам оно попало, как полагают, из французского языка. Но это же слово, только в переводе непосредственно с греческого, появилось у нас много раньше! В переводе с греческого «экономика» есть искусство ведения домашнего хозяйства. А в России существовало понятие **домостроительства**, что было названием хозяйственной деятельности вообще. Возможно, это понятие на Руси появилось раньше, чем в Европе.

Домостроительство в понимании русского человека — умение вести хозяйство для достатка и изобилия. Хозяйство в домостроительстве не деятельность ради извлечения прибыли, а прежде всего духовно-нравственная категория. В этих рамках прибыль есть, но не она является главной целью. Хозяйственные отношения определялись нравственно-трудовым порядком и порицали поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию. Многие основы этой нашей отечественной науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа, который так и назывался: «Домострой».

Полное его название: *«Книга, называемая «Домострой», содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину — мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам»*. Складывался этот памятник литературы, может быть, веками; в настоящем своем виде, как предполагают, он был составлен известным деятелем XVI века, ближайшим сподвижником молодого Ивана Грозного, протопопом Благовещенского собора в Кремле Сильвестром.

Прежде всего «Домострой» — о чём мало кто знает — это свод отношений народа к своей природе. Как бы ни была развита техника, всё необходимое для поддержания жизни люди получают от природы. Они входят в трофическую цепь (цепь питания) как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коли так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя наряду с людьми domestikаты (домашних животных и культурные растения) и ландшафты, а также и богатства недр, и взаимоотношения с соседями — либо дружеские, либо враждебные, и ту или иную динамику социального развития. Включают также сочетание языков и элементов материальной и духовной культуры.

Именно культура даёт возможность этносу в полной мере проявить свой потенциал. И наоборот, разрушение культуры мешает этому. В современной России налицо игнорирование географических закономерностей организации общества; это выразилось в привнесении извне стереотипов поведения, вы-

работанных людьми иных ландшафтов, другой природы и соответственно экономики. Вот что лежит в основе экономических и социальных проблем последних десятилетий: свой опыт заменён чужим*.

«Домострой» же вполне квалифицированно для своего времени не только позволял воспитать читателя, юношество в категориях нравственного и этического характера, но и знакомил с рядом конкретных сведений, в том числе и системой землеведческих представлений, свойственных именно России.

«Домострой» имеет нарочито прикладной характер поучений, достаточно просто изложенных. Даже для религиозных обрядов и молитв автор находит естественный и практический смысл: жизнь рассматривается как единый поток; Царство Божие явно смыкается с настоящим бытом, человеческими взаимоотношениями в семье и обществе. В «Домострое» есть указания, *«какo детям отца и мать любить и беречи и повиноватися им и покоити их во всём»*. Есть рассуждения о том, что *«аще кому Бог дарует жену добру — дражайше есть каменья многоценного»*. Есть практические советы: *«какo платье всяко жене носити и устроить»*, *«какo огород и сады водити»*, *«какo во весь год в стол ествы подают»*.

Но главная идея — замкнутое саморегулируемое хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), жизнь по нравственным нормам. Нравственное начало одухотворяет мир экономики. Экономика *«оживает, когда всё благословенно, и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни»*. Оказывается, духовность — это не рассуждения о душе, а практические дела, праведный труд!

Через всю книгу красной нитью проходит отношение людей к труду как к добродетели и нравственному деянию. Создаётся настоящий идеал трудовой жизни человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое раз-

* Строго говоря, такие попытки предпринимались и в прошлом, но успех достигался только при ассимиляции новшеств в российскую традицию.

деление осуществлялось по размеру имущества и числу слуг). Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться не покладая рук. Хозяйка, даже если у неё гости, *«всегда бы над рукодельем сидела сама»*. Хозяин должен всегда заниматься *«праведным трудом»* (это неоднократно повторяется), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть *«добрая, и трудолюбивая, и молчаливая»*. Слуги — хорошие, чтобы *«знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен»*; вообще трудовые отношения между хозяином и работником регулируются очень тактично. Родители обязаны учить труду своих детей, *«рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей»*.

В «Домострое» постоянно упоминается, где мы живём: *«То бездожде, а то дожди без конца, неудачные годы — и злая зима, и морозы лютые, земли бесплодие, и всяческой живности — скотине падёж и птицам, и рыбам, и скудость всяким хлебам...»*

Пожалуй, ни один документ средневековой Руси не отразил характер быта, хозяйства, экономических взаимоотношений своего времени с такой степенью достоверности, как «Домострой». Здесь дана стратегия ведения дел до конкретных деталей обихода:

«...хранить всякое хозяйство: платье старое и дорожное, и рабочее, и полсти, и епанчи, и кебеняки, и шляпы, и рукавицы и медведна, и ковры, и попоны, и войлоки и сёдла, и саадаки с луками и стрелами, и сабли, и топорики, и рогатины, и пищали, и узды и оброти, кисти, лысины и похвы, и остроги, и плети, и кнутьё, вожжи моржовой кожи и ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли и перины, и мешки меховые и сумки, и мешки холщовые, и занавесы, и шатры, и пологи, и лён, и посконь, и верёвки, и канаты, и мыло, и золу... и железные обломки всякие, и гвозди, и цепи, и замки, и топоры, и заступы... В других же подклетях, под сенями или в амбаре расставить сани, дровни, телеги, возы, каптаны, колымаги, колёса, одры страдные, дуги, оглобли, хомуты, рогожи, посконные вожжи, лыка, мочала, верёвки, личные оброти, тяжи, шлеи, попоны... бочки и мерные коробки, и бадьи, и чаны для сычения и корыта, желоба, извары и корцы, фляги, сита, решета».

Даже разумное использование пищевых отходов — всё справедливо считалось важным и многозначительным. «...А если что от стола останется — перебрать, сложить всё в чистую крепкую посуду и накрыть, и льдом обложить».

Считалось необходимым, чтобы «для любого рукоделья... всякое орудие на подворье в порядке было: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное... поварские принадлежности, хлебопекарные и пивоваренные: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное, и сосуд серебряный — какое найдётся».

А когда дома сделать дороже, чем купить, — идти на рынок: «На рынке всегда присматривать всякий запас к домашнему обиходу: или хлебное всякое жито и любое зерно, хмель и масло, и мясное, и рыбное, свежее и солонину или товар какой привозной, и леса запас, всякий товар, что со всех сторон идёт...» «И бочки, и мерники, и котлы, и дубовые клёпки, и лубьё, и липовые доски, и dranka, и желоба, если уж им привоз зимой на возах, а летом на плотах и лодках». А то и свой товар предложить: «Если же сделают больше потребного — полотен, холстов и тканей, скатертей, полотенец, простыней или иного чего, — то продаст». Выгодно произвести обмен, умно торговаться, что оптом брать, что в розницу — всё представляется немаловажным, заслуживающим внимания: «А бобра у купца купи целиком, или белки, или песца да и сшить отдай». А если менять или покупать невыгодно, то «у хозяина впрок припасено всё: и рожь, и пшеница, и овёс, и греча, и толокно, и ячмень, и солод, горох, конопля...».

«Домострой» — правила хозяйствования на Руси, обобщившие опыт многих поколений, и эти правила нужно учитывать даже теперь, что уж говорить о грядущих более трудных временах. Но не поленимся лишний раз отметить: мы призываем не к дословному выполнению предложенных в сборнике конкретных указаний, а к следованию изложенным принципам! Самые важные из них — это упор на экономику самообеспечения (надежда прежде всего на свои силы, свой огород, свой дом), трудолюбие, учёт особенностей состояния климата (как параметра, определяющего возможности выживания).

В старину деревня, мир, артель, монастырь стремились всё сделать своими руками, иметь независимое от прочих самостоятельное хозяйство. Теперь это уже невозможно, без кооперации тоже не выжить, но *стремление* должно быть именно таким. Трудно представить, до какой степени самоограничения придётся дойти в ходе наступающей эпохи Великого Отказа. Нужно быть готовым к тому, что ниоткуда ничего не получишь. Опыт жизни в таких условиях был характерен для Руси. Не исключено, что первые поучения, оформившиеся в «Домострой», потому и стали востребованными, что очень длительное время здесь вообще не было практики торговли. Самообеспечение и самоограничение — важнейший хозяйственный принцип, который можно найти не только в «Домострое». *«Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя»* — такие идеи изложены в книге А.Т. Болотова «Деревенское зеркало, или Общепародная книга, сочинённая не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять» (1798—1799).

В своей хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом смысле показательна заонежская сказка о Беззаботном монастыре:

«Как-то раз Пётр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое — «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашёл, спрашивает игумена:

— Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь» ?

Игумен отвечает:

— Пойдёмте. Я вам разъясню, что такое Беззаботный монастырь.

В первую очередь провёл по полям, по лугам, к скоту; что выращивают показал — в саду, в огороде.

— Ну, теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный мо-

настырь. Мы никуда ни к кому ни за чем не обращаемся, всё сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чём не заботимся о другом».

Русская модель «домостроительства» принадлежит к общинному, даже семейному, типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, взаимопомощи, рабочего самоуправления. Эффективный труд в ней мотивировался преимущественно духовно-нравственными, моральными, а не материальными стимулами. И как оно ни покажется удивительным, эта экономическая модель дала достаточно эффективную систему народного хозяйства. Сам факт тысячелетнего существования Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей. Она обеспечила экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков.

С середины XIX века на «Домострой» обрушился шквал обвинений и обличений в затхлости и реакционности, причём не только как явления литературы, но и как воплощения духовного состояния России. Критики считали, что российский национальный дух, выраженный в нём, не просто «устарел», а вообще негоден для человека цивилизованного. На самом деле он был и остаётся негодным для присваивающей экономики. Но вот из-за исчерпанности природных ресурсов планеты грядёт эпоха Великого Отказа; надо будет уметь максимально обслуживать себя. И окажется, что «Домострой» не так уж и устарел!

Природа в душе человека

Обращение к истории помогает найти кое-что полезное для выживания в будущем. И это совершенно естественно: единство мира проявляется в том, что он строится по единому сценарию. Закономерности (законы) этого сценария работают на разных уровнях строения вещества, включая социальный уровень, и в сходных условиях дают сходные варианты решения. Средневековый русский мир — община — даёт подсказку, как построить основы власти; «Домострой» — как вести хозяйство.

Конечно, не надо принимать всего прошлого опыта до последней буквы. Важны принципы, изложенные в «Домострое», так как они созвучны нашей, а тем более будущей эпохе.

Но можно пойти ещё глубже! И найти идеи *духовные*, созвучные нашей современности! И опять же не для того, чтобы следовать этим идеям до мелочей, а чтобы понять, как человек может жить в природе.

Сегодня много говорят о возрождении во всём мире, и в первую очередь в России, язычества. Можно ли судить о его созвучности или несозвучности чему бы то ни было, в том числе нашей современности, если нет исходных текстов? По всем религиям есть книги, которые можно читать. В них изложены догматы: для христианства это Библия (Ветхий и Новый Заветы), в иудаизме — Пятикнижие Моисеево (Тора; та же Библия, но без Евангелий и некоторых других книг), в мусульманстве — Коран (часть Ветхого Завета, дополненная исламской философией). А где же книги по язычеству? Нет их.

Действительно, в большинстве известных текстов, считающихся историческими, точных сведений о древнем язычестве — вере наших предков — почти нет. Главными источниками знаний современных «новоязычников» об основах их веры стали христианские поучения *против* язычества. Это «Славянская хроника» Гельмонда, сочинения Прокопия Кесарийского и Саксона Грамматика, «Деяния священников Гамбургской церкви» Адама Бременского, «Хроника» Дитмара Мерзенбургского, «История Польши» Яна Длугоша и более поздние Стрыйковского и Меховского. Плюс к тому записки арабских путешественников типа Ахмеда ибн Фалдана.

«Всё это, естественно, достаточно поздние интерпретации, выполненные для показа веры-конкурента в неприглядном виде, поэтому читать их приходится "между строк"», — пишет исследователь древней культуры Родич в журнале «Живое время» (№ 2 за 2005 год).

Но нужно признать, что от прежних верований сохранилось немало. Язычество было официальной религией Китая вплоть до XX века. Огромные массы народов Азии и Африки пытаются жить в ладу с природой, и это могло бы у них полу-

читься, если бы глобализм не высасывал все соки из той природы. В России православная церковь боролась с язычеством до XVII века, и даже нельзя сказать, что победила: православие вобрало практически все языческие праздники — на какого святого сеять, на какого жать, на какого грибы собирать... К церковным праздникам приурочена хозяйственная деятельность людей. И причина не в язычестве и не в христианстве, а в том, что люди и при смене религии продолжают жить в природном ритме!

Наши народы Севера живут в ладу с природой, в рамках собственной культуры и системы верований, даже несмотря на усилия центральных властей их «цивилизовать». Минское языческое капище, расположенное на берегу реки Свислочь, просуществовало до начала XX века; в 1880 году царские власти пытались прекратить отправление языческих служб. Был потушен священный огонь и спилен вещий дуб. Однако поклонение валуну «Дед» продолжалось как минимум до революции 1917 года. При Советской власти «Дед» оказался в музее камней, и не исключено, что весь XX век кто-то ходил туда молиться камню, Да и теперь, в XXI веке, ходит.

Но суть-то не в том, что, раз камню или дубу молились, значит, их обожествляли. С такой упрощённой точки зрения христианство выглядит обожествлением раскрашенного куска дерева (иконы), а застывший у Стены Плача в Иерусалиме иудей, ну точно, молится цементированным камням. Нет, суть язычества в том, что люди осознавали себя частицей природы, жили по её законам.

В первую очередь поклонялись Солнцу* и огню, дающим тепло и жизнь, своим предкам-прародителям, живой природе (через обращение к дереву), своему роду как основным составляющим жизни. Затем: не смели без нужды нанести природе вред. Если приходилось делать это, молили природу о проше-

* К Богу-Солнцу (Элиос, Гелиос) взывал Иисус Христос при распятии: «Эли, Эли! Ламма савахтани» (Боже, Боже! Зачем ты оставил меня). Слово *Аллах* понятно еврею, поскольку означает то же самое, что еврейское *Элоха*; в обоих случаях слышно древнее имя Бога: Илу (Элу, Али). Отсюда же название греков «эллины», что значит Бога (Солнце) славящий народ.

нии. Люди жили по всеобщим природным законам, нарушение которых каралось не другими людьми, а самой природой, или природным богом.

«Вера — это стержень человеческой души», — пишет Родич. Это внутреннее состояние каждого человека, то, что сидит в нём независимо, хороший он или плохой, яркий или серый, молодой или старый, опытный или нет. Это и маленькое личное, и большое групповое, но только осознанное; без этого человек перестаёт быть Человеком, превращаясь в машину для размножения и переваривания пищи.

Если мы обратим взор на всё то, что называется природой, то нам откроется пласт не столько обрядов вроде молений дубу, сколько природно-народной идеологии, философской системы, объясняющей стиль, смысл и принцип жизни человека и его взаимоотношений с животными, растениями и даже климатическими явлениями. Прежде всего это — соблюдение природных циклов, взаимное сотрудничество со стихиями, то есть с самой природой, частью которой ощущает себя человек. Вера, исповедуемая народом на конкретной территории с её природой, не случайна!

В жизни человека и в его производственной деятельности большое значение имеет ритмическая смена сезонов, то, что мы называем годом. Обычно за *год* принимается время, за которое Солнце возвращается к точкам равноденствий и солнцестояний. Да, это *год природы*. Но есть *год культуры* — равный по длительности природному году, он имеет в отличие от последнего определённый номер, отсчитываемый от некоторого *события*, когда культура себя *осознала*. Это событие сохраняется в исторической памяти народа и затем воспроизводится как центральное священное событие, повторяясь внутри каждого года. К нему примыкают и другие события (в христианстве это Рождество, Воскрешение, дни святых), связанные с центральным, а в совокупности они составляют костяк года, который можно назвать *литургическим годом**.

* Слово «литургия» переводится с греческого как *общественная служба*. На самом деле это слово понимается как последовательность определённых церковных служб в течение года.

Наблюдая и изучая окружающую природу, человек переходил от преклонения перед силами Природы к систематизации и накоплению своих знаний и налаживанию взаимовыгодных с ней контактов. Развивались навыки разведения огня, собирания лечебных трав, обработки камней, металлов, костей животных и многого другого, о чём мы сегодня можем судить только по археологическим находкам, а достоверно никогда уже не узнаем.

Одухотворение сил Природы поддерживало традиционную систему календарных обрядов и ритуалов, целью которых была жизнь в ладу с ней. Своевременное и точное выполнение обрядов обеспечивало нормальное, упорядоченное течение жизни. Напротив, нарушение правил приводило к нарушению гармонии между человеком и силами Природы, грозя не только самому нарушителю, но и его семье, обществу, в котором он живёт, несчастиями стихийными или общественными. Сегодня это не менее актуально. Человек, делающий что-либо (условно «хорошее» или условно «плохое»), делает это не только кому-то, но и себе лично. «Зло» так же, как и «добро», возвращается обратно! Человек для себя лично делает «порядок», а он оборачивается «беспорядком» в окружающем мире, энтропия мира возрастает, и вся ситуация вместе с этим же человеком катится к хаосу.

Любой живущий оставляет своим детям не только всё наследие предков, полученное им, но и в добавление частичку себя лично. Каждый из нас — частица «всеобщего». Родившись, мы получили «всеобщее», в ходе своей жизни вносим в него частицу своего и отдаём дальше, во «всеобщее» для всех. Получается, что жить — большая ответственность, и не только перед собой...

Самоорганизация культуры идёт синхронно с созданием литургического календаря или с изменениями в нем. *Скачкообразные изменения в нем невозможны*, если они не созрели в обществе, в противном случае они вызывают резкий протест населения. Сегодня, когда массы даже не представляют, как это может быть — жизнь, подчинённая природе и её циклам, — массам невозможно вернуться в такое духовное состояние. К со-

жалению, ничто, кроме катастрофы, не даст предпосылок для возрождения понимания людьми законов природы.

Не назад, в пещеры, а вперёд, **к природе!** — только под таким лозунгом возможно спасение.

И в завершение — немного оптимизма

Почему мы приводим Россию в качестве примера в этой книге, посвящённой мировым экологическим проблемам? А потому, что для решения этих проблем очень скоро большинству народов придётся брать нас за образец. Наше хозяйство — семейного типа; оно не даёт излишков, но оптимально для выживания сообщества. Русская модель культуры выживания направлена на интересы общества и природы, и она неизбежно придёт на смену западной модели потребления, ориентированной на интересы личности, на получение прибыли.

Как это ни печально, пока (в том числе и в нашей стране) превалирует идеология рыночной экономики. Её адепты говорят, что «невидимая рука рынка» решает все проблемы. Нет, всех проблем рынок не решает, потому что рынок лишь часть экономики, а экономика осуществляется в рамках культуры. Если рынок возвышается над всем остальным, нация становится нежизнеспособной. И это легко понять, если осознать, что у культуры и рынка разные цели. Культура нацелена на выживание сообщества и личности через историческую преемственность, когда материальное и духовное достояние одного поколения передаётся другому через наследование и воспитание, а время закрепляет переданные от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков. А рынок нацелен на получение максимально возможной прибыли *сегодня*, что, как уже отмечено не раз, требует ускоряющегося прожигания природных ресурсов и ведёт к деградации природы и вымиранию всего человечества.

Кажется, предпосылок для исправления положения нет. В последние годы идеологи образования и в России тоже перевели школу на изучение вопросов, прежде всего связанных с адаптацией личности к рынку. Такой подход закрывает воз-

можность осознания подрастающим поколением своего единства с народом, имеющим прошлое и будущее. Исчезло из задач школы формирование общего императива в мировоззрении, положительного духовного мироощущения. Дети, «наше будущее», не ощущают себя «нашим» («мы» для них конкуренты) и тем более «нашим будущим» (они вне истории народа). У нас это началось недавно, а в западном мире уже несколько поколений выросло при подавляющем всё и вся влиянии рыночной экономики, с одной путеводной звездой: *права человека*.

Мы не спорим: да, права личности — категория важная. Наше недоумение вызывает всего лишь преувеличенное значение, которое этим правам придаётся. На наш взгляд, личность, общество и природа страны — те три основные силы, которые строят людское общежитие. Вот только приоритеты «слегка» перепутаны. Личность — *часть* человеческого сообщества. Человечество — *часть* природы. И с такой точки зрения права природы, без сомнений, стоят выше прав человечества, а тем более одного человека.

То же самое и в отношении социума и экологии. Замена чувства Родины во всём её природном и народном величии на абстрактно-глобальные экологические знания «о загрязнении среды», оторванные от конкретного места жизни, разрушает у юношества понимание природы как целостного комплекса, подобного живому организму, да и просто не позволяет задуматься об этом. Между тем всегда в прошлом, в периоды изменений общество обращалось к истории своего края. Люди ищут опору в лучших традициях прошлого, в своей природе, в том, что устоялось, что не искажено, короче, в том, что имело ценность для десятков поколений людей. Поэтому *школьное краеведение* можно предложить в качестве того рычага, который позволит вернуться к осознанию человеком себя как части природного комплекса во всей его сложности, где социально-экономические категории естественно укладываются в рамки законов естественных наук.

Именно краеведение задает природный формат стереотипам поведения, содержащим соборное чувство нормы и меры,

правила взаимоотношений между людьми в быту и работе, и одновременно любовь к природе, к родной земле. В России традиционная культура помогала с детства формировать неискаженное духовное мироощущение в людях. Но гонка производства и потребления, сращивание средств массовой информации в единую сеть разрушают эту связь, снижают возможности населения пережить катастрофу.

Не следует думать, что мы это говорим для правительства. Нет. Мы во многих наших книгах показывали, что у нас в стране существует два «народа»: «новые бедные» (просто народ, 90 % населения) и «новые русские» (с позволения сказать, элита, достигающая 10 % численности населения). У них разные идеология, мораль и цели, разные деньги и разные интересы. Эти два народа, пользуясь одной территорией и внешне оставаясь в рамках одной культуры, имеют совершенно разные виды на будущее как своих семей, так и всей страны, а о человечестве и вовсе не думают. Так вот правительство выражает интересы как раз тех, кто смотрит на Россию как на источник богатства и разграбления. Тех, кто здесь не хозяин, а мародёр.

Мы же обращаемся к тем, кто собирается жить в России, для кого она не кладовка с ресурсами, а Родина.

Правительство внедряет здесь западные модели экономики и чуждые России социальные правила. И строит соответствующее этим целям образование. А между тем человеку необходимо осознание своей связи с естественным ландшафтом, с природой своей земли. Ему надо понять и своим детям дать понятие о главных святынях и духовных ценностях России, о героях и подвижниках духа, о необходимости следования лучшим традициям своей семьи, народа. Детям нужно помочь разобраться с правилами взаимодействия с природой (и самим с ними разобраться). Не менее важно выработать уважительное отношение к людям, живущим с нами на одной земле, и к иноземцам. Нельзя иначе добиться здоровья нравственного и душевного, которое строится прежде всего на уважении к старшим, ко всем членам семьи, уважении к установленному порядку общежития, обеспеченного рачительным ведением своего хозяйства.

Конец книги. Читатель, может, удивляется: мы обещали немного оптимизма, где он? Так вот же: для выживания и для воспитания своих детей вам вовсе не нужно разрешения властей. Учите своих детей и учитесь сами. Стройте свой автономный экодом и помогите соседям построить такой же. Воюйте не «против» чего-то абстрактного, а «за» что-то конкретное. Бесплезно обличать глобализм или империализм, требовать защиты среды от загрязнений, настаивать на важности справедливости. Полезно добиваться создания сети общественного транспорта вместо частного, производства малых источников энергии, введения уроков краеведения в соседней школе и т.д. Только так вы сможете жить беззаботно, как те монахи, имевшие всё своим трудом. Только так вы сумеете выжить.

Литература

Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.

Аттали Жак. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.

Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. М.: Мысль, 1988.

Балацкий Е.В. Настанет ли Апокалипсис? // Вестник РАН. 1998. № 9.

Бевингтон Р. и другие. Энергия для коммерческих и жилых зданий // В мире науки. 1990. № 11.

Бочкарева Т.Б. Экологический «джинн» урбанизации. М.: Мысль, 1988.

Вайтсвилл П. Пермакультура — что это? // Сельскохозяйственная инициатива. М., 1992.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. М.: Алгоритм, 2001.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Русские горки. Возвращение в начало. М.: АСТ:Астрель:Транзиткнига, 2004.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Русские горки. Конец Российского государства. М.: АСТ:Астрель:Транзиткнига, 2004.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Третий путь цивилизации. М.: Алгоритм, 2002.

Валянский С.И., Калюжный Д.В., Недосекина И.С. Введение в хронотронику. Путь к оптимальному развитию. М.: АИРО-XX, 2001.

Василенко В.А. Экология и экономика: проблемы и поиски путей устойчивого развития: Аналитический обзор. Новосибирск, 1995.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вирченко М.И., Смирнов В.Д. О ренте и собственности на землю // Наука в Сибири. 1992. № 46—47.

Владимиров В.В. Расселение и экология. М.: Стройиздат, 1996.

Гиббонс Д.Х., Блейр П.Д., Гуин Х.Л. Стратегии использования энергии // В мире науки. 1989. № 11.

Голубев В.С. Экохозяйство — путь России к устойчивому развитию // Аграрная наука (Москва). 1995. № 5.

Горшков В.Г. Структура биосферных потоков энергии // Ботанический журнал. 1980. 65. № 11.

Горшков В.Т. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды. М.: ВИНТИ, 1990.

Громько М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Гудожник Г.С. Научно-техническая революция и экологический кризис. М., 1975.

Гэлбрейт Дж. К. Кризис глобализации // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 6.

Гэлбрейт Дж. К. Жизнь в наше время. М., 1986.

Дажо Р. Основы экологии // Пер. с фр. М., 1975.

Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Проблемы устойчивого развития человечества. М.: Центр Теоретического Анализа Экологических Проблем, 1998.

Дольник В.Р. Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? // Природа. 1992. № 6.

Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев. Природа. 1993. № 1, № 2.

Домострой: сборник. М.: Худож. лит., 1991.

Дрё Ф. Экология // Пер. с фр.: М., 1976.

Дубров А.П. Экология жилища и здоровье человека. Уфа: Слово, 1996.

Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека (экологические системы и биосфера) / Пер. с фр., 2-е изд., М., 1973.

Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия США. М., 1999.
Забелин С. И. Время искать и время терять. Рязань: Сервис, 1998.

Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего: В 2 ч. Новосибирск, 1994.

Израэль Ю.А. Радиоактивное загрязнение земной поверхности. Вестник РАН. 1998. № 10.

Капица С.П. и др. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997.

Кара-Мурза С. Научная картина мира, экономика и экология. М.: Аналитический центр по научной и промышленной политике, 1997.

Карбоньин Л. Опускание земной поверхности — катастрофическое явление глобального масштаба. Природа и ресурсы. ЮНЕСКО. 1985. Т. XXI. № 1.

Кеннеди Маргрит. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. Швеция: Lialex, 1993.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991.

Китинг М. Программа действий (Повестка дня на XXI век. Документы Конф. в Рио-де-Жанейро). Женева, 1993.

Ковалевский В.С., Семенов СМ., Ковалевский Ю.В. Воздействия климатических изменений на подземные воды и взаимосвязанную с ними окружающую среду // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 1997. № 5.

Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры. СПб.: Наука, 1991.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию — подготовительный процесс и итог (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). Информационный обзор.

Коптюг В.А. На пороге XXI века: Статьи и выступления по проблемам устойчивого развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995.

Красилов В.А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М.: Ин-т охраны природы и заповед. дела, 1992.

Крылов О.В. Ограниченность ресурсов как причина предстоящего кризиса // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 2.

Кутепов В.М., Кожевникова В.Н. Устойчивость закарстованных территорий. М.: Наука, 1989.

Лапин Ю.Н. Экожилье — ключ к будущему. М., 1998.

Ласло Э. Пути, ведущие в грядущее тысячелетие. Проблемы и перспективы // Уроки истории. 1997. № 4.

Леге Ж. Экология и политика // Мир науки. 1976. № 2.

Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке. М., 2000.

Лэк Д. Численность животных и её регуляция в природе. М., 1957.

Макашева Н. Этические принципы экономической теории. М.: ИНИОН, 1993.

Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ.: В 2 т. М.: Туран, 1996.

Макнейл Дж. Пути достижения сбалансированного экономического развития // В мире науки. 1989. № 11.

Макфедьен Э. Экология животных / Пер. с англ. М., 1965.

Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985—1994. М.: Дело Лтд, 1995.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. М.: Прогресс, Пангея, 1994.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001.

Мильков Т.Ф. Общее землеведение. М.: Высшая школа, 1990.

Мир в 2000 году. «The Economist» — «Эксперт». Спец. выпуск. Лондон — Москва, 1999.

Моисеев Н.Н. Быть или не быть...человечеству? М.: МНЭПУ, 1999.

Моисеев Н.Н. В раздумьях о будущем. М.: МНЭПУ, 1998.

Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. Собр. соч. М.: МНЭПУ, 1997. Т. 1-3.

Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995.

Наведённая сейсмичность / Под ред. А.В. Николаева. М.: Наука, 1994.

Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989.

Никонов А.А. Человек воздействует на земную кору. М.: Наука, 1994.

Новиков Э. А. Человек и литосфера. Л., 1976.

Образцов П.А. Чепуха на прилавке. М.: Норма, 1998.

Овчинников О.Г. Государственное регулирование аграрного сектора США. М.: Наука, 1999.

Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы. М.: Прогресс, 1978.

Одум Ю. Экология. М.: Мир, 1986.

Осипов В.И. Мегалополисы под угрозой природных катастроф // Вестник РАН. 1996. № 9.

Осипов В.И. Природные катастрофы в центре внимания ученых // Вестник РАН. 1995. № 6.

Осипов В.И. Природные катастрофы на рубеже XXI века // Вестник РАН, том 71, № 4, 2001.

Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М.: Восточная литература, 1995.

Петров А.М. Запад-Восток. Из истории идей и вещей. М.: Восточная литература, 1996.

Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. СПб.: Слово, 1980.

Поздняков А.В. Объективные законы самоорганизации и политический инфантилизм в сегодняшней России. М.: Панинтер, 1997. № 4.

Почепцов Г.Г. Информация и дезинформация. Киев: Эльга Ника-Центр, 2001.

Рагозин А.Л. Современное состояние и перспективы оценки и управления природными рисками в строительстве. Анализ и оценка природного и техногенного риска в строительстве. Минстрой России. М.: ПНИИИС, 1995.

Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен-голоцен: элементы прогноза. Региональная палеогеография. М.: Наука, 1993. Вып. 1.

Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. М.: Ассоциация политических экспертов и консультаций, 2001.

Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. 1999. № 6.
Родоман Б. Ведаем ли мы, что творим, или Пейзаж России // Знание — сила. 1990. № 10.

Россия у критической черты: возрождение или катастрофа? Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 году / Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М.: Республика, 1997.

Северцов А.С. Динамика численности человечества с позиции популяционной экологии животных // Бюлл. Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 1992. 27, № 6.

Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: Инфра-М, 1996.

Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М.: Academia, 2001.

Сукачев В.Н. Растительные сообщества, 4-е изд. М.-Л., 1928.

Тенденции развития национальной экономики России в среднесрочной и долгосрочной перспективе / Под ред. А. Белоусова. М., 1999.

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980.

Тишлер В. Сельскохозяйственная экология / Пер. с нем. М., 1971.

Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда. Избранные статьи. М.: Прогресс, 1990.

Уатт К. Экология и управление природными ресурсами / Пер. с англ. М., 1971.

Уорд Б., Дюбо Р. Земля только одна / Пер. с англ. М., 1975.

Фарб П. Популярная экология / Пер. с англ. М., 1971.

Фридман М., Хайек Ф.А. О свободе. Минск: Политиздат-Референдум, 1990.

Фрош Р.А., Галлопулос Э. Стратегии промышленного производства // В мире науки. 1980. № 11.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм. // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Экономика, 1992.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибка социализма. М.: Новости, 1992.

Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. М.: Мир, 1980.

Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Пер. с англ. М.: Мир, 1985.

Харрисон Ф. Российская модель // Материалы к семинару «Выбор будущего: новые задачи индивидуальной и коллективной ответственности». Новосибирск, 1994.

Хейлбронер Р., Туроу Л. Экономика для всех. Новосибирск: Экор, 1994.

Хейне П. Экономический образ мышления / Пер. с англ. М.: Дело, 1992.

Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.

Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993.

Хиценко В.Е. Самоорганизация в социальных системах. Новосибирск, 1993.

XX век: последние 10 лет. 1990—1991: Сборник статей из ежегодников «State of the World» / Пер. с англ. М.: Прогресс: Пангея, 1992.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

Чепурных Н.В., Новоселов А.Л. Экономика и экология: развитие, катастрофы. М.: Наука, 1996.

Шварц С.С. Эволюционная экология животных. Свердловск, 1969.

Шойгу С.К., Воробьев Ю.Л., Владимиров В.А. Катастрофы и государство. М.: Энергоатомиздат, 1997.

Эклунд К. Эффективная экономика — шведская модель. М.: Экономика, 1991.

Эренфельд Д. Природа и люди / Пер. с англ. М., 1973.

Яковенко Е.Г., Басс М.И., Махров Н.В. Циклы жизни экономических процессов, объектов и систем. М.: Наука, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Часть I. СИТУАЦИЯ НА ПЛАНЕТЕ.....	11
Планетарный кризис и грядущая катастрофа.....	13
СУТЬ СЕГОДНЯШНЕГО КРИЗИСА.....	24
Как устроено человечество.....	24
Нестабильные финансы.....	33
Мир потребительства.....	44
Деградация общества.....	55
ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	68
Трудности восприятия кризиса.....	68
Доклад «Пределы роста».....	81
«Золотой миллиард».....	90
Чёрная дыра геной инженерии.....	102
Корпорации: цифры и факты.....	113
ЧТО ОСТАЛОСЬ НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ.....	122
Товар и антитовар.....	122
Человек и его еда.....	131
Что будем пить и чем дышать.....	140
Энергетические ресурсы.....	145
О других «ископаемых», полезных и не очень.....	154
Часть II. ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД.....	167
К истории вопроса и немного о прогнозах ...	169
ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	182
Одноклеточный слон невозможен.....	182
Нестабильная Америка.....	194
Весь мир и будущие времена.....	208
Сценарии: план работ или прогноз?.....	218
«ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ РЕЙХ» ТНК.....	226
«Корпоративное человечество».....	226
Изменчивые деньги.....	233
Превращение личности в ничто.....	238

Диктатура безумия.....	248
Деградация государства.....	260
«Эпоха ТНК», СССР и Россия.....	270
ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ.....	281
Параметрическое управление.....	281
Теория и практика мятежевойны.....	289
«Сетевая война» Пентагона, Россия и остальной мир.....	299
Как иголкой убить слона.....	312
Реализация стратегии непрямых действий.....	321
Мир замкнутых сообществ.....	332
Ад на Земле.....	340
Часть III. ПРОДОЛЖИМ ЖИТЬ?.....	349
Вторая попытка.....	351
ДРУГАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА.....	362
Деньги свободные и отрицательные: опыт прошлого.....	362
Дополнительные валюты XX века.....	373
Как вводить свою валюту.....	386
Судьба горячих бонов на Руси.....	391
Мировая валюта как «корзина товаров».....	403
ПУТЬ К ДОМУ.....	412
Дом: деградация от прогресса.....	412
Возвращение сообщества.....	422
Энергия, вода и воздух.....	428
Наш дом и жизнь в нём.....	437
ПРОПУСК В БУДУЩЕЕ.....	442
Трудности перехода.....	442
Крайне важные мелочи.....	448
Российский опыт домостроительства.....	453
Природа в душе человека.....	459
И в завершение — немного оптимизма.....	464
Литература.....	468

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Валянский Сергей

Калюжный Дмитрий

Армагеддон завтра

Учебник для желающих выжить

Художественный редактор О.Н. Аласкина

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

**Армагеддон как ожидаемый
конец света считается
религиозным мифом.**

**Но вот и наука подтверждает:
Армагеддон УЖЕ НАЧАЛСЯ.**

**Но подготовлен он
не Богом, а человеком.**

**Что мы сделали с ПЛАНЕТОЙ?
Что мы сделали с собственным
ОБЩЕСТВОМ?!**

Что ждет нас ЗАВТРА?!
Авторы этой книги – известные
специалисты по истории,
политологии и социологии –
отвечают на многие «проклятые
вопросы» наших дней
и показывают, какие варианты
ближайшего будущего остались
у человечества.

ISBN 5-17-033264-5

**С. ВАЛЯНСКИЙ
Д. КАЛЮЖНЫЙ**
АРМАГЕДДОН ЗАВТРА